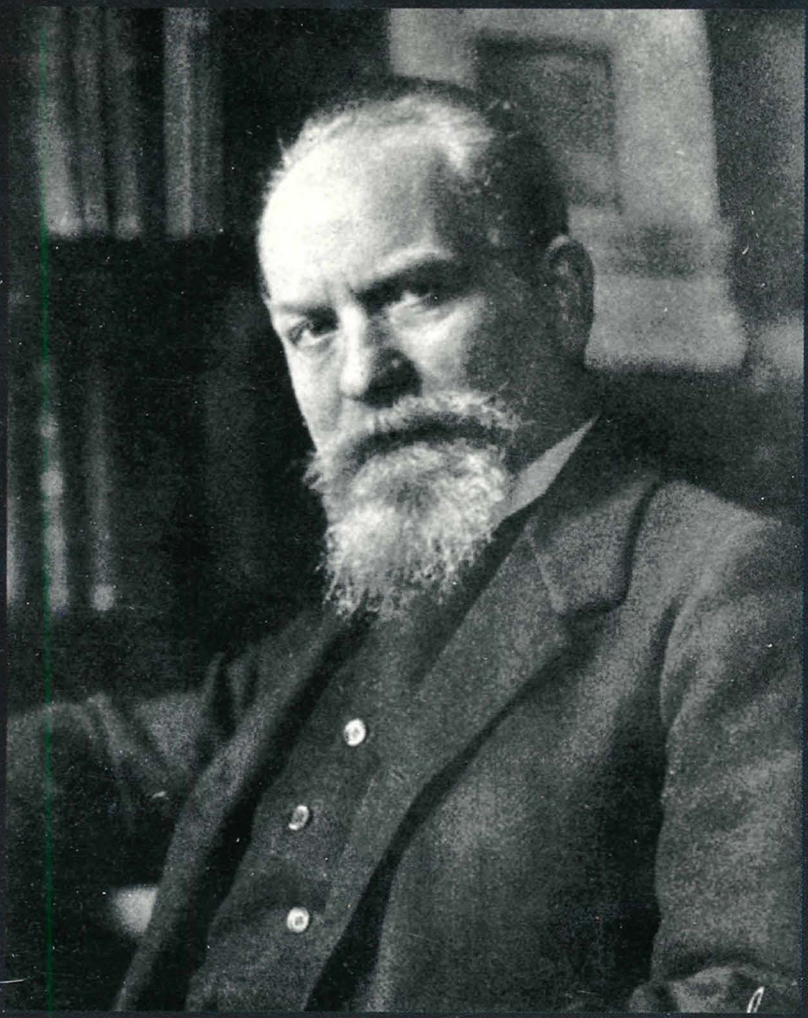
PHÄNOMENOLOGIE HERMENEUTIK



Эдмунд Гуссерль

Избранная Философская переписка

Т. 1

PH

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

ИЗБРАННАЯ
Философская переписка

«Феноменология—Герменевтика»
Москва, 2004

ББК 87.3
Гусс 966

Подготовка разделов «Школа Брентано»
и «Геттингенская школа» осуществлено
при финансовой поддержке
Комиссии РАН по работе с молодежью

Публикация издания осуществлена
при финансовой поддержке
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА
(проект № 01-03-16069)

Гусс 966 **Гуссерль Э.**
Избранная философская переписка. — М.: "Феноменология—Герменевтика", 2004. — II + 310 с.

ISBN 5-94478-008-8

ББК 87

ISBN 5-94478-008-8

© Борисов Е. В., 2004
© Куренной В. А., перевод, 2003
© Михайлов И. А., перевод, составление, 2003
© "Феноменология-Герменевтика", 2003

ШКОЛА БРЕНТАНО

Франц Брентано

Гуссерль – Брентано, 29.XII.1886

Галле, 29.XII.1886.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Вы доставили неописуемую радость моей невесте, подарив ей мой портрет[1]! Каждое ее новое письмо свидетельствует об этом. Она находит портрет замечательным, трогательным, живым, а в подходящем месте и при нужном освещении — прямо-таки говорящим. Она признается мне, что почти все свободное время забавляется и фантазирует со сменой и выбором места и освещения. Одним словом, она восхищена как произведением, так и художником, который, вдобавок, сопроводил свой подарок столь любезными строками.

Итак, это превзошло все мои ожидания. Я благодарю Вас от всего сердца, уважаемый господин профессор! Порадуйтесь и Вы с нами, так порадовав нас.

Впрочем, я уже почти сержусь на Вас. Вы вновь и вновь делаете для меня что-то прекрасное и доброе, в то время как я изо дня в день думаю о том, сколь многим я Вам обязан, и чувствую, что преисполнен к Вам бесконечным уважением и любовью, в то же время с болью ощущая, что я совершенно бессилен оказать Вам какую-либо, пусть даже самую незначительную дружескую услугу. Я прошу Вас также от всего сердца поблагодарить Вашу супругу за ее искусное участие в написании портрета.

Вы очень чутко выбрали время подарка; кроме того, случайные обстоятельства складывались так, что радость от портрета должна была быть особенно сильной. Девять дней моя бедная невеста из-за перебоев с транспортом не имела от меня никаких известий, и вот она получает мой точный портрет!

Из Вашего любезного письма от 21.XI. я с радостью заключил, что у Вас все хорошо. Пусть так будет и впредь! Замечание о Вашем посещении Гауча[2] существенно охладило мои добрые надежды, которые я лелеял. Мне стыдно за свою родину.

Здесь, в Галле[3], у меня по-прежнему все складывается вполне благополучно. Этого не омрачает даже довольно неприятное уш-

ное заболевание, которое мучило меня на протяжении двух недель. Теперь я нахожусь в том положении, когда мне действительно трудно найти начало и конец. Мне трудно передать ту любовь и доброту, которую постоянно выказывает мне проф. Штумпф. Он поучает, требует, советует, как только найдет какой-нибудь повод, и принимает во мне и в моих личных вопросах я бы даже сказал дружеское участие. Он сама персонифицированная сердечность. Я мог бы рассказать о множестве его трогательных черт, проявляющих его великий и благородный дух. Но это, пожалуй, для Вас излишне; Вы знаете его намного дольше и лучше, чем я.

К сожалению, самого проф. Штумпфа и его супругу недавно постигло тяжелое испытание, основательно испортившее им прекрасное рождественское время. Дело в том, что их дети уже две недели больны скарлатиной, и Вы легко можете себе представить, в какой заботе и тревоге они проводят все дни и ночи. К счастью, сейчас я уже могу сообщить, что оба ребенка на пути к выздоровлению. Передаю Вам от Штумпфа наилучшие пожелания.

В мюнхенской Алльгемайне Цайтунг я прочитал несколько дней назад, что наше правительство предложило ординарную профессуру в Черновцах д-ру Иогану Вольфу [4], доценту из Бонна, и получило от него отказ. Проф. Штумпфу также известно, что это место уже многократно предлагалось, например, д-ру Наторпу из Марбурга.

Я занимаюсь сейчас преимущественно логическими исследованиями основных понятий и принципов математики и высшего анализа. Чтобы повеселить Вас и охарактеризовать современную литературу по этим вопросам, я попотчую Вас цитатой из одной работы знаменитого неокантианца Когена из Марбурга (преемника Альберта Ланге [5]):

«Континуальность — это качество, которое погружает количество числового единства в бесконечность реальности» («Das Princip der Infinitesimalmethode», 1883, p. 40).

И это «научная» философия в 1883 году, которая находит воодушевленный прием в Ежеквартальном журнале (1885)! [6] В том же самом genre написано и сочинение Ф. А. Мюллера [7] — того самого, кто в свое время выступил против Фехнера [8].

В сравнении с этой глубокомысленной чепухой, или бессмысленным глубокомыслием, Ваши лекции являются для меня источником бодрости и здоровья, к которому я постоянно возвращаюсь. Сейчас я старательно изучаю конспекты работы по логике д-ра Бёка («старая и новая логика») [9]. Это же Вы извлекли для со-

временности все эти духовные сокровища и отпустили их странствовать в ночи заблуждения!

Также примите мои искренние пожелания счастья в новом году Вам и Вашей супруге!

Желаю Вам обрести все то хорошее, что Вы заслужили. Себе же я пожелаю в следующем году сохранить Ваше доброе ко мне отношение, которое составляет существенную часть моего счастья.

С подлинным и искренним уважением

Ваш

Эдмунд Гуссерль

Вильгельмштрассе, 7.II.

Гуссерль – Брентано, 29.XII.1892

Галле, 29.XII.92.

Глубокоуважаемый г-н профессор,

с ужасом думаю о том, как долго я Вам не писал и, особенно, о том, сколь невоспитанно я поступил, не поблагодарив Вашу супругу за любезные и сердечные поздравления по поводу рождения нашей дочери [10].

Дурное настроение, заботы и неотложные дела были причиной моего молчания. Вскоре после своего возвращения из Вены, где я имел возможность проводить по соседству с Вами незабываемо прекрасные дни, я ездил, как и было уговорено, в Берлин, чтобы представиться г-ну тайному советнику Альтхофу [11]. Однако приема, оказанного мне, я никак не ожидал. Господин Альтхоф выразил по отношению ко мне полное неуважение, которое он даже не счел нужным скрыть легким оттенком вежливого внимания. Любезные советы, которые он мне дал, сводились к следующему: я могу последовать за Штумпфом в Мюнхен, или вернуться в Австрию, или — выбрать другую профессию! После этого я стал серьезно обдумывать возможность своего дальнейшего пребывания в Пруссии. Проф. Эрдман [12] и другие расположенные ко мне сотрудники факультета отговорили меня от решительного ухода; они полагали, что отношение правительства изменится, если факультет вступится за меня. Что и произошло в конце зимнего семестра. Я был предложен (если меня правильно информировали — единогласно) на должность экстраординарного профессора. Никакого практического результата это предложение до настоящего времени не принесло [13]. Мне даже не дали стипендию, которая была бы для меня большим подспорьем; ос-

вободившиеся стипендии получили более молодые коллеги, которые только что габилитировались.

В июне моя дорогая супруга подарила мне, к моей великой радости, крошечную дочурку. Роды прошли нормально. К сожалению, жена приходила в себя очень медленно, ребенок был слишком слаб, и поэтому заботы и тревоги преобладали над радостями. В конце концов из-за продолжительного беспокойства мои нервы сдали. В начале летних каникул я посетил курорт [14], где, слава богу, очень быстро пришел в себя. По возвращении я, к счастью, нашел свою супругу и маленькую Элизабет совсем окрепшими, и в нашей жизни вновь воцарились порядок и гармония. Подготовка к лекциям и ход моих собственных исследований отнимают у меня так много времени, что месяцы пролетают как недели. Посещением своих лекций я доволен. Я читаю одночасовые лекции о свободе воли для 44 слушателей и двухчасовые о доказательствах существования Бога для 13. Что касается последнего курса, я рассчитывал, собственно, на большее число слушателей, однако время лекций было выбрано неудачно. После каждой лекции по первому курсу у меня также двухчасовые семинары, в которых принимают участие 5 человек. Не стоит говорить, в сколь значительной мере я в своих лекциях использую тот духовный капитал, которым я обязан Вам, и сколь многому я сам при этом учусь. Я постоянно чувствую себя глубочайшим образом обязанным Вам, уважаемый учитель.

Прекрасным рождественским подарком было для меня Ваше последнее сочинение [15]. Я рад, что Вы все же решились опубликовать эту мастерскую защиту философии против нападок Экснера. Текст я нашел незначительно измененным и читал его с двойным удовольствием, живо вспоминая прекрасные часы, когда я слушал Вашу речь. Совершенно новыми и особенно интересными были для меня обширные примечания, в частности, великолепная классификация искаженных применений естественнонаучного метода в духовной области [16]. Искренне порадовало меня посвящение; пожалуй, не слишком нескромно с моей стороны причислить себя к Вашим «молодым друзьям, философам» и стяжать себе тем самым малую толику чести и радости.

В последнее время я опять занимался философско-геометрическими проблемами. Кое-что из того, что я прежде считал несомненным, стало представляться мне теперь очень сомнительным [17]. Раньше я считал, что континуум, в котором могут быть соединены две точки по прямой, eo ipso следует считать плоским (евклидовским). Вряд ли это правильно. Вместе с тем, нельзя доказать, что через любую точку, не лежащую на прямой, можно про-

вести только одну прямую, не пересекающую первую; или что параллельные отрезки между параллельными линиями равны; что, таким образом, определенный отрезок может быть параллельно перемещен (т. е. перемещен без изменения его длины). Одним словом, нет никакой аксиомы о параллельных прямых. Изменилось и мое мнение о теориях пространства Римана-Гельмгольца. Вопреки двусмысленностям и неудачам во многих частностях, они не лишены весьма ценного зерна. В общем-то, математики могут предоставить нам лишь совершенно неудовлетворительные логические сведения о содержании и сфере применения своих формул и методов. Их тонко развитый практический инстинкт, или такт, слишком преобладает над слабо развитой способностью к психологическому и логическому анализу, без которой не обрести философской ясности в основаниях их науки. [18] Ясности у Римана и Гельмгольца мы, конечно, не находим. Но общие теории, которые они создают, следуя своему гениальному чутью, таят драгоценное содержание, которое, будучи философски проясненным, представляло бы интерес и для теории геометрического познания. В своих исследованиях я пошел, разумеется, совершенно иными путями, ведущими, если я не ошибаюсь, гораздо глубже, и при этом несравненно более прямыми и легкими, чем те, которыми следуют математики. Но сегодня я не стану вникать в это подробнее. Возможно, в скором времени я смогу изложить Вам, если Вы в настоящее время интересуетесь подобными вопросами, сжатый набросок своей теории. Конечно, я буду Вам очень благодарен за любые соображения, обосновывающие взгляды, расходящиеся с вышеобозначенными.

Хотел бы надеяться, что Вы порадуете меня несколькими строками о том, как идут дела у Вас и Ваших близких. Организовалась ли психологическая лаборатория? Решен ли наконец вопрос относительно второй и третьей профессуры? [19]

Примите наши искренние пожелания в связи с началом нового года.

С выражением сердечной благодарности и преданности
Ваш
Э. Гуссерль

Брентано – Гуссерлю, 3.I.1893

Вена, 3 января 1893.

Дорогой друг!

Благодарю за Ваши добрые пожелания и искренне желаю Вам того же.

Сочувствую Вашим радостям и заботам. Дай бог, чтобы как ваши тревоги о маленькой Элизабет, которой Вы столь дружески дали и мое имя, так и те, что вызвала у Вас встреча с Альтхофом, оказались напрасными. Благослови господь Эрдмана, проявляющего к Вам такое участие. Тем самым он исправляет то, что он, в другом случае, сделал плохо. Ибо, если судить по тем нескольким местам, что зачитал мне Марти, в своих логических исследованиях он продвигается без помощи Минервы. Он может утверждать совершенно невероятные вещи. К счастью, Альтхоф выше ценит его суждение, чем я, а Ваши значительные успехи в преподавании должны на всякого произвести благоприятное впечатление.

Книжечка, которую я Вам послал, имеет здесь успех, особенно же у юристов — что я предполагал меньше всего — и у министра. Гауч передал мне новые обещания через сеньора Пленэра [20]. Однако все зависит от политических обстоятельств; в соответствии с ними эти обещания либо будут выполнены, либо останутся пустыми, как и прежде.

Что касается Вашего геометрического вопроса, то мне кажется, что Ваши прежние взгляды, которые всегда разделял и я, бесспорно верны. Они были бы опровергнуты только в том случае, если можно было мыслить двухмерный континуум, который соответствовал бы определению и все же не был прямым. И уж конечно, Вы не смогли бы сконструировать ничего подобного.

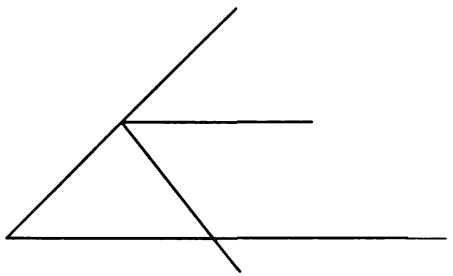
Доказательство же 11-й аксиомы Евклида [21], мне кажется, нетрудно провести в том виде, как я это делал и раньше.

Принимаются аксиомы:

1. Две прямые, равные третьей, равны друг другу.

2. Равные прямые, измененные одинаковым способом, дают равные прямые.

Опираясь на них, доказывается — независимо от 11-й аксиомы Евклида, — что сумма углов прямолинейного Δ = 2 прямым.



cd — прямая, равная ac.
∠ dce = ∠ cab, следовательно, *ce* — прямая, равная *ab*,
следовательно, ∠ ecb = ∠ fbg = ∠ cba.
Таким образом, так как ∠acb + ∠bce + ∠ecd = 2 прямым углам
и ∠ bce + ∠ ecd = ∠ cba + ∠ cab,
то ∠ acb + ∠ cba + ∠ cab = 2 прямым углам.

То, что затем можно доказать 11-ю аксиому Евклида, не требует пояснения.

Как и в этом вопросе, меня нелегко поколебать и в моих убеждениях относительно теории пространства Гельмгольца. Я могу поставить ему только в вину (в противоположность тем, кто превозносит его глубокомыслие за трудность и сложность), что он при помощи непоследовательной и самой себе противоречащей терминологии затруднил легкое и запутал простое. Как можно извинить ему, что он называет пространство кривым, а линию, которая следует кривизне, считает прямой, потому что она в этом пространстве есть кратчайшая между двумя точками? [22] Если вернуть словам их прежнее значение, мы остаемся с тем же, что имели и раньше. Похвально разве только то, что он не считает трехмерное пространство a priori необходимым (в отличие от Лотце и других), и то, что он осознает: если воздерживаться от эмпирических данных, речь идет только об аналитических, не о синтетических положениях a priori.

Вот, вкратце, и все. Но если имеешь дело с мудрым, то он понимает с полуслова.

Ваше пожелание предоставить мне для ознакомления набросок Вашей теории весьма лестно, однако я не отваживаюсь поддержать ваши намерения. Передо мной стоит трудная задача отредактировать ряд моих работ. Я хотел бы подготовить как рабо-

ту по психогнозии, так и лекции, посвященные проблеме бытия Бога, но только Господь знает, сколько лет работы мне еще отпущено. Тем не менее, я готов отвечать на отдельные вопросы и, пожалуй, смогу просмотреть краткий обзор, составленный в виде оглавления, чтобы высказать свое мнение относительно порядка вопросов.

Все наилучшего Вам и Вашим близким! Надеемся, Вы нас иногда вспоминаете.

Преданный Вам
Франц Брентано

Гуссерль – Брентано, начало 1894 (набросок)

Глубокоуважаемый учитель, позвольте задать еще один метафизический вопрос. В связи с моими лекциями по философии религии [23] у меня возник один аргумент в пользу закона причинности, который, как я хочу показать, прост и все же надежен. Этот аргумент основывается на законе, что точки двух континуумов можно однозначно сопоставить друг другу бесконечно многими способами. Представим себе какое-нибудь движение. Тогда то, что движется, если движение не имеет начала, в каждый определенный момент времени t или в каждый определенный момент времени вплоть до предела t(0) занимает определенное место. Если оно ограничено, то одно и то же движущееся тело занимает в любой момент времени между t(1) и t(2) определенное место. Но почему движущееся тело в определенный момент времени находится именно в этом месте? То, что изменяется, могло бы занимать те же места и в любой другой момент времени. Следовательно, совершенно неправдоподобно, что при отсутствии действительного основания оно занимает именно эти места. Для этого аргумента даже не требуется метафизического положения, что невозможен отдельно существующий момент времени. Так как даже если бы мог существовать отдельный момент времени, то отсутствует основание, почему этот и никакой другой момент времени есть именно сейчас. Также, конечно, видно, что действующую причину в случае начавшегося движения должно иметь не только начало движения, но и длительность, а также постоянно изменяющиеся состояния движения (скорости). Любое изменение скорости нуждается, в свою очередь, в некоторой причине.

Если движение не имеет начала, то в таком случае недостает определенного основания, почему то, что движется, находится сейчас именно в месте P. Точно такое же движение с точно такими же фазами движения могло бы столь же успешно располагать-

ся в любом другом месте пути или, другими словами, точно такой же континуум состояний движения мог бы совпасть бесконечно многими способами с бесконечным временем. Но каким образом действующая причина могла бы выделить какое-то определенное совпадение? Она не могла задать тому, что движется, его место и законы к определенному времени, иначе это означало бы, что установлено обратное взаимодействие с бесконечным прошлым. Но любая действующая причина действует в определенное время. Она не может быть творящей причиной, так как это предполагает, что сотворенного когда-то не было. Не могла ли она быть изменяющей причиной? В таком случае она должна была бы, извечно изменяясь, воздействовать на то, что движется вечно. Но если то, что движется, имеет состояния извечно, то каждое состояние также оказывает свое воздействие как вторичная причина. Однако почему то, что движется, имеет именно эти состояния? Могло быть бесконечно много иных. Действительно ли это происходит только благодаря изменяющей причине? Нет, ибо иначе раньше вообще ничего бы не было.

Брентано — Гуссерлю, 7.X.1904

Шёнбюэль, 7 октября 1904.

Уважаемый друг!

Сегодня я должен вернуть Вам один старый долг. Только сейчас, спустя более чем десятилетие после публикации, я узнал, что Вы почтили меня в посвящении своей работы[24]. Примите мою столь запоздалую благодарность за выраженное мне тогда расположение. Только тот, кто знает те запутанные перипетии, которые вели меня в последние годы с места на место, в Швейцарию, в Рим, во Флоренцию, в Палермо и т. д., и т. д., найдет извинительным этот факт. Особые обстоятельства, в которых я тогда находился, позволили мне по получении книги бросить на нее лишь беглый взгляд. Не понимая, какой чести я удостоился, я просмотрел лишь среднюю часть книги.

Я был очень рад случайно услышать, что Ваши последние работы возбудили живой интерес и их находят поучительными. Благодаря им в Мюнхене возник интерес и к моим работам, до той поры мало привлекавшим внимание. Надеюсь также, что Вы будете довольны своей новой деятельностью в Геттингене.

Меня никоим образом не задевает (в чем Вы, надеюсь, также не сомневаетесь) то, что Вы во многих отношениях, по-видимому, свободно отошли от однажды воспринятого учения. Я могу лишь

одобрять стремление своих учеников самостоятельно изменять и, надеюсь, улучшать старое. Да и кто бы мог больше радоваться успеху учеников, как не их прежний учитель.

Теперь позвольте дружески попрощаться с Вами!

С глубоким уважением

Франц Брентано

Гуссерль – Брентано, 11/15.X.1904

Геттинген, 11 и 15 октября 1904 г.

Вёлерштрассе 11.

Глубокоуважаемый учитель!

Ваше письмо для меня — большая и неожиданная радость! Я от всей души был рад слышать, что Вы меня все еще вспоминаете[25], и при этом с такой теплотой. Сам я никогда не забывал и не забуду, сколь многим я Вам обязан: насколько глубоко Вы повлияли на мое философское развитие своими лекциями и сочинениями, сколько часов благороднейшего духовного подъема некогда доставило мне личное общение с Вами. Все произошло, конечно, не так, как я мог себе тогда представлять. Я начинал как последователь Вашей философии (насколько Вы ее в то время сформировали) и не смог, обретя самостоятельность, оставаться подле нее. Это досталось мне нелегко. По природе никакая потребность, пожалуй, не выражена у меня более сильно, чем стремление почитать, с любовью примыкать к тем, кого я почитаю, и ревностно выступать за них. Но, к сожалению, во мне живет противоречивый, как и мой характер, неукротимый критический дух, который, не заботясь о склонностях моей души, холодно разбирает и беспощадно отбрасывает то, что ему представляется несостоятельным. Скованный в душе, умом свободный, так иду я, не очень счастливый, своим путем. Всегда готовый признать чужое превосходство и оставаться под его началом, я вынужден снова и снова уходить от него и искать свои собственные пути. Вопреки своему желанию продолжать созидательную работу на уже заложенных другими основаниях, я должен, сомневаясь в их прочности, вырабатывать свои собственные новые основания: трудная, изнурительная и, кроме того, протекающая в самом низу работа. Я также хотел бы обитать на вершине. Туда, безусловно, устремлены все помыслы. Но откроется ли когда-нибудь передо мной хотя бы небольшая свободная перспектива? Мне теперь 45 лет и я все еще жалкий новичок. На что я должен надеяться? На

гения, которому удастся то, к чему я стремлюсь, чей ум возведет для меня пригодную для обитания постройку, где я мог бы восходить на башни, в основании которых лежит ясный мир познания? Или на свой возраст и свою работу, которая, пусть не заводя меня слишком далеко, все же позволит мне бросить хотя бы мимолетный взгляд на обетованную землю? — Как всегда я работаю и часто с отчаянным упрямством, словно для того, чтобы как-то оплатить мой бесконечный долг, долг тупости, темноты и невежества. — Бездельник, думаю я, ты ничего не делаешь. По большей части такие мысли — действие вашего продолжающегося влияния на меня. Сколь глубоко Ваши мысли в то время запечатлелись во мне, сколь сильно они продолжают на меня воздействовать! Но они не остаются тем, чем они были; они подобны живым росткам, которые продолжали развиваться, следуя своей собственной природе, и так, как они должны были развиваться на этой почве, невзирая на мои собственные намерения. Но почву, поскольку это моя обязанность, я добросовестно обработал.

А результаты? Не так много, чтобы я мог этим щеголять. Но случилось то, что и должно было случиться со всякой честной работой: какие-то плоды она, все же, принесла. Разумеется, они появились среди плевел. От плевел их уже очищают, и я сам за этим ревностно слежу. Особенным «успехом» я не могу похвалиться. Старшему поколению мои исследования неугодны, мои пути слишком трудны. Так как этими путями не следуют, то не видят, куда они ведут, не видят, что они устремлены к подлинным и фундаментальным проблемам. Как ни странно, заинтересованным чувствует себя молодое поколение и возлагает большие надежды на серьезность этих усилий. Вы не знаете (только мои собственные ученики знают это), что побуждения исходили от Вас. Сам же я думаю, от какой большой работы и от скольких заблуждений меня избавили бы Ваши новые публикации!

Я очень рад, что Вас не задевает та самостоятельность, с которой я пошел дальше. Заранее уверен, что значительная часть того, что я написал, — заблуждение; но ясно также и то, что однажды следовало отважиться на это заблуждение. Мы не получим надежной истины в основании, не продумав серьезно всех возможностей. Но совершенно серьезно продумать какую-то возможность может только тот, кто в нее верит. Мое стремление — делать непременно надежную работу, и многолетние паузы между моими публикациями, когда я зачастую выбиваюсь из сил, показывают, насколько трудно мне это дается. Я медленно приближаюсь к отчаянию. Пусть же появляются результаты Ваших исследований, в которых Вы, работая в тишине, несомненно, далеко продвину-

лись, — они помогут и мне, и всем тем, кто устремлен в том же направлении! Не думайте, что Вы забыты, тем более не думайте, что Ваши достижения незначительны. Это не зависит от того, что или как часто об этом публично говорят. Факты очевидны для того, кто хочет их видеть. Теперь, когда личные разногласия ослабели, Ваш мощный импульс признают как факт даже те, кто обычно не принадлежал к числу Ваших друзей (как, например, недавно Виндельбанд в «Философии в начале XX века» [26]). Понятно, что на слуху имена авторов сегодняшнего дня. Не исключено, однако, что их суетные речи будут позабыты следующим поколением. Ваши же сочинения, которые по времени отстоят уже довольно далеко, продолжают оказывать свое живое воздействие. С чем спорят, от того зависят. Конечно, Ваши новые сочинения также стали бы горячо оспаривать, что как раз и свидетельствовало бы об их значительном влиянии.

Я был бы необычайно рад повидаться с Вами. По Вашему доброжелательному письму я могу судить, что Вы благосклонно отнеслись бы к моему визиту. К сожалению, начинается семестр, и приходится надеяться, что подходящая возможность выдастся в следующем году.

Примите мое сердечное приветствие и заверения в моей неизменной благодарности и уважении.

Э. Гуссерль

Брентано – Гуссерлю, 21.X.1904

Шёнбюэль, 21 октября 1904.

Дорогой друг!

Ваши слова так искренни, словно наше дружеское общение никогда не прерывалось. Тем не менее, они выражают, по-видимому, еще и некоторую озабоченность тем, что я могу обижаться на Вас, если Вы в том или ином месте вступаете в противоречие с моим учением. Помните же, что если Вы не противоречите ему там, где того требует истина, то в наибольшей степени нарушаете мое неизменное требование. Уже Анаксимандр отошел от Фалеса, а Аристотель — от Платона. И я никогда не поверю, что Платон обиделся на него из-за этого. Подлинный учитель — как отец. И чего же желает Гектор своему Астианаксу? — Чтобы народ однажды мог сказать: «он и отца превосходит» [27].

При этом, правда, отцовская любовь не имеет права делать его слепым. И если ученик может и должен быть критичным, то, наверное, тем более должен быть критичным тот, кто был ему учи-

телем. И не приличествовало бы ученику, если нечто из того, что он считает продвижением вперед, не признается таковым учителем, подозревать, что здесь определяющими являются обидчивость, слепая вера в собственную непогрешимость, а не то же самое предпочтение всему остальному уважения к истине. Как показывает мне Ваше сердечное письмо, с Вашей стороны я, во всяком случае, избавлен от такого подозрения. Но я все еще не могу оценить, в какой мере я мог бы одобрить или же критически отклонить Ваши отступления.

Вам и не требовалось иного оправдания передо мной. Вы говорите об относительно небольшой плодотворности. Но я всегда обращал внимание не столько на количество, сколько на качество. В любом случае мною всегда овладевает предубеждение (возможно несправедливое), когда я вижу, что книги философа том за томом поступают на книжный рынок. Уже в древности писатели декаданса (например, Эпикур) были намного плодотворнее в сочинениях, чем писатели восходящей поры. И в Новое время разыгрывается тот же спектакль. Подумайте о Декарте или даже о Лейбнице, столь плодотворном как историк и математик. Как мало страниц занимает его «Монадология»! — И сравните с ними Вольфа, Канта, Шеллинга или Гегеля!

На самом деле, после того, как мне рассказали о размере Вашего обширного труда, у меня могло бы возникнуть недоверие по отношению, скорее, к объему проделанной Вами работы, чем к значению достигнутых результатов. Но я, конечно, знаю, с какими *соображениями в настоящее время должен считаться* встающий на ноги доцент в отношении публики, точнее правительства, которое способно вымерять только количество, а не качество. И, несомненно, я буду вдвое и втрое больше рад, если Вам удалось достичь одновременно количественного и качественного совершенства.

Я буду искренне благодарен, если Вы назовете мне отдельный важный пункт, относительно которого Вы полагаете, что отошли от меня и пошли дальше. Мои глаза не позволяют мне много читать[28]. Вы знаете также, какой долг по выполнению собственных работ все еще возложен на меня.

Конечно, Вы правы в том, что мои работы не утратили значение оттого, что они десятилетиями служили предметом нападок. Эти вопросы вечны. Однако то, что мои работы могут устареть в свете новых работ других авторов, к сожалению, вызывает не такие опасения, как если бы они относились к области естествознания. Там есть сознание верного метода и строго определенных навыков вообще, здесь же об истинном методе все еще можно ска-

зать то же, что Гете — Музе: «меня теперь все покидают за то, что я тебя стал познавать» [29]. И потому я чувствую жало совести, которая побуждает меня что-то дать миру, после того как я столь многое обрел в ходе его исследования и воспринял от великих предшественников. Если же — несмотря на мои благие намерения — этого не случится, то я, конечно, знаю, что истина не останется без свидетелей. Поэтому я и тогда смогу с миром сомкнуть глаза.

Конечно, я был бы очень рад той возможности повидаться с Вами, о которой Вы говорите. Прошло столько времени, и мы могли бы многое рассказать друг другу. Надеюсь услышать от Вас много хорошего, хотя едва ли можно поверить, что жизнь совсем не встретит на своем пути враждебность и затруднения.

Примите мою искреннюю благодарность и позвольте тепло попрощаться с Вами!

Преданный Вам

Ф. Брентано

Через несколько дней мы едем в Италию (Флоренция, виа Беллосгвардо 10).

Гуссерль – Брентано, 3.I.1905

Геттинген, 3.I.1905.

Уважаемый друг!

С запозданием приходит мой ответ на Ваше письмо, которое вызвало у меня столь благодарную радость, что я перечитывал его множество раз. Я не хотел отвечать в спешке. Только в рождественские каникулы у меня выдалось спокойное время, которое я могу посвятить сам себе и своим друзьям. Особенно много сил потребовали от меня мои четырехчасовые лекции, посвященные основным разделам феноменологии и теории познания, в которых я старался изложить начала систематической феноменологии интуиции (восприятия, фантазии, представления времени и т. д.) для узкого круга продвинутых учеников. Не могу, правда, сказать, что мне удалось сколько-нибудь полно реализовать свои замыслы и достичь, возможно, слишком высоко поставленных целей. Умолчу о других академических обязанностях и надеюсь, что Вы извините мне эту задержку без дальнейших оправданий.

Прежде всего, я хочу сказать, что Ваше сердечное письмо вдвойне усилило мое желание вновь увидеться и поговорить с Вами. В течение длинной череды лет, которая отделяет нас от времени более тесного общения, разумеется, недостает иных существенных условий личного взаимопонимания. Для меня эти годы

были временем развития от незрелого, неустоявшегося юноши до мужчины. (Я сейчас старше, чем были Вы, когда я сидел у Ваших ног как ученик.) Вопрос, что это за человек (и человек ли вообще!), который вышел из юношеского возраста, нельзя разрешить на основе все-таки многозначного юношеского характера. Люди, обстоятельства, судьбы, мыслители прежних времен оказали на него воздействие, сформировали его в хорошем или плохом смысле, определили его господствующие направления воли.

К этим высказываниям меня побуждает та гипотеза, при помощи которой Вы объясняете себе объем моего последнего сочинения. «Встающим на ноги приват-доцентом», обращающим внимание на публику и правительство, я на самом деле не был. Такого публикуют сразу много и часто. Он руководствуется в своих проблемах и методах модой, он опирается в этом на тех, кто имеет широкое влияние и известность (Вундт, Зигварт, Эрдман и т. д.), и особенно остерегается радикально их оспаривать. Напротив, я поступал совершенно противоположным образом[30], поэтому нет ничего удивительного в том, что я оставался целых 14 лет приват-доцентом и даже сюда, в Геттинген, прибыл только в качестве экстраординарного профессора и против желания факультета. В течение девяти лет я, можно сказать, ничего не публиковал, а после публикации настроил против себя почти всех, кто обладает влиянием. Этих последних — тем, что я сам ставил перед собой проблемы и шел своими собственными путями, а также тем, что в критике я не руководствовался никакими другими соображениями, кроме соображений сути дела. Поступал я так, однако, не из добродетели, а в силу неизбежности и необходимости. Эти вопросы обрели надо мной такую власть, что я не мог иначе — несмотря на настоятельную потребность в скромной должности, которая могла бы предоставить мне внешнюю независимость и возможность более значительного личного влияния. Это были тяжелые времена для меня и моей семьи, и, памятуя о том, что я должен был перенести тогда, я все же не могу легко позволить ставить себя рядом с теми рачителями, которые никогда не посвящали себя делу, не говоря уже о том, чтобы пострадать за него, но зато могли притязать на все внешние успехи и почести. Впрочем, объем моего сочинения объясняется просто из заглавия: это — «исследования», собрание статей. Материалы для будущего исследователя, заготовки для научной логики и критики познания, которые указывают на продолжение. Вы, уважаемый господин профессор, никогда не станете публиковать ничего подобного *исследованиям*. Сколь многие и обширные тома — к славе нашей науки — давно уже вышли бы в свет, если бы только все исследо-

вания, о которых Вы когда-либо сообщали в своих лекциях, не были оставлены без дальнейшей огласки. Величественно — доводить собственные исследования до высочайшего совершенства, до законченной системы. Но не каждому это суждено, не каждый располагает силой и мужеством для последнего и высочайшего свершения. В точных науках с давних пор принято публиковать исследования в виде систематически незавершенных отрывков, в качестве предварительных заготовок. Для зрелости часто нужны *десятилетия* и *столетия*, работа поколений. Впрочем, гений может идти своими путями. Науке требуется серьезный труженик, который ведет свое исследование, насколько это позволяет его дарование и его индивидуальные обстоятельства, чтобы затем предоставить продолжение работы другим.

Согласно Вашему пожеланию, я хочу указать сегодня на ряд соображений из своих «Логических исследований». Это, конечно, не более чем набросок, который вполне может быть неверно истолкован. В первом томе «Логических исследований» идет борьба с «психологизмом» в логике и теории познания, т. е., по моему мнению, с очень вредной переоценкой психологии как мнимой фундаментальной дисциплины общей философии, а также, следовательно, чистой логики и критики познания. Я считаю важным хорошо различать следующие понятия логики:

1^0) логика как техническое учение; 2^0) логика как чисто теоретическая дисциплина, а именно как «формальная», «чистая» логика. Первая — логика в обычном смысле — опирается, конечно, на психологию, но ее действительный теоретический фундамент составляет, как я стараюсь доказать, чистая логика, собственно теоретическая дисциплина, которая, со своей стороны, совершенно независима от психологии и полностью априорна. Ее области принадлежат все так называемые «логические законы» и теории в строгом смысле этого слова (закон противоречия, силлогистические законы и теории), которые имеют с психологией не больше общего, чем законы и теории искусства счета, учение о многообразиях и т. д. Затем выясняется, что речь идет не просто об аналогичных случаях, напротив, естественно ограниченная чистая логика включает *чистую* математику (к которой не принадлежит геометрия) или совпадает, как я допускаю, с усмотренной уже Лейбницем идеей mathesis universalis. Упуская это необходимое различие, как я стараюсь доказать, находят свою пищу современный логический эмпиризм, релятивизм, антропологизм, который предпочитает понимать ограниченное априорными законами логическое мышление и сами эти законы как случайное свойство человеческого рода, возникшее благодаря естественному отбору в

ходе борьбы за существование. Близка к этому и попытка основания логики на «экономии мышления» в школах Маха и Авенариуса, против которых специально обращена одна часть моих «Пролегомен» [31]. На основании полемического анализа в заключительной части я пытаюсь набросать идею «чистой логики», в будущем создаваемой автономно, которая, в свою очередь, может быть то более узкой, то более обширной — в зависимости от того, создают ли ее действительно только как чистую математику и в том же духе, что и ее (так сказать, чисто технически), либо же с ней связывают собственно философское прояснение, нацеленное на понимание в смысле критики познания. Такую позицию я занял в «Логических исследованиях». Сейчас мне кажется более практичным разделять чистую логику и теорию познания.

К чистой логике я отношу: 1) чистую грамматику, т. е. априорное формальное учение о значениях, содержащее априорные законы, в соответствии с которыми путем допустимых усложнений и преобразований из данных значений могут быть получены новые (единые по смыслу) значения и все это — априори на основании чистой «формы» (формы категориальной, не-чувственной). Об этом краткое IV исследование во II томе «Логических исследований». В этой сфере нет места вопросу об истинности и ложности. Чистые грамматические законы отделяют «смысл» от «*бес*смыслицы». 2) Логические законы в самом узком смысле, формальные законы *значимости* значений. Они отделяют «смысл» от «противосмысла», и они в большей степени затрагивают «аналитический», «чисто категориальный», «формальный» противосмысл, как таковой абстрагирующийся от «материи», качества термина (остающегося полностью неопределенным на протяжении всего логического рассмотрения) [32].

Здесь место подлинного понятия аналитического. Это понятие совпадает с чисто математическим, законосообразно значимым на основании одной только категориальной формы. Логические законы говорят о предметности или беспредметности значений. (Любое интуитивное или символическое суждение, любое представление наполнено значением, имеет «содержание», благодаря которому «интенционально» относится к «предмету» или, соответственно, «положению дел».) Эти законы могут также рассматриваться или могут быть преобразованы в законы о чисто категориально подразумеваемых предметах как таковых (т. е. подразумеваемых *только* посредством логических формальных понятий, как, например, «*некоторое* А», «*все*» А, А *и* В и т. д., А, В, ... нечто неопределенное). Затем мы имеем формальную онтологию, науку о предметах вообще, отвлекаясь от их любого определенного

своеобразия (химического, физического etc.). Здесь устанавливается связь с современным «учением о многообразиях». Это, вообще говоря, наука чисто аналитических теорий в соответствии с их возможными формами (или типами) и с систематическими взаимосвязями этих форм. Чисто логические законы являются принципами возможности аналитических теорий, следовательно, составляют их предпосылку.

Если понятие чистой логики расширяется так, что оно охватывает общий априорный фундамент логики как технического учения, то она — наряду с указанной математической аналитикой — включает также 3) чистое учение о вероятности, которое развивает априорные принципы и теории, ограничивающие идеальную возможность эмпирических (индуктивных) теорий.

Исключительно плодотворные попытки трактовки чистой логики предлагает глубоко меня восхитившее наукоучение Больцано, излагаемое им в двух первых (и единственно важных) томах. К этому же следует добавить современную «математическую» логику и учение о многообразиях.

Собственно философский интерес, правда, не может удовлетворить ни Больцано, ни современные математики, так как он связан не с техническим исполнением этих теорий (делом математика, техника аналитических теорий или теоретической аналитики), а с их предельным смыслом, с их теоретико-познавательным прояснением (предметом философии). Существуют фундаментальные трудности, трудности не логической теории, но теории логического, которые, следовательно, не могут быть устранены даже в высшей степени совершенной разработкой логических (или математических) теорий. Например, чисто логические законы — это, конечно, не психологические законы, и все же они суть законы «мышления». Априорные ли это законы мышления? Но как возможны априорные нормы — понятно ли это? Как можно понять, что они безусловно ограничивают возможность любого объективно значимого мышления? Ссылки на очевидность недостаточно. Очевидность сама является проблемой. Если очевидность отличается психологическим характером, то почему иные психические существа не могут тот же самый характер связывать с другими и противоположными мыслями? Они же могут быть «конституированы» совершенно иначе — такова аргументация релятивизма.

Этим теоретико-познавательным исследованиям посвящен 2-й том моих «Логических исследований». Он содержит концентрированный результат многолетних сомнений и борьбы. Эти теоретико-познавательные опыты основываются на весьма обширных и

трудных феноменологических анализах. Один ход мысли (в 6-м исследовании) я более всего считаю избавлением от своих мучительных интеллектуальных нужд: он касается нового типа решения упомянутой проблемы прояснения возможности нормативных законов априори. К сожалению, в моей тогдашней ситуации у меня не хватило сил разработать этот главный результат пластически выразительно и переместиться в центр проблемы, но об этом в другой раз. Я и так уже слишком долго испытываю Ваше терпение. Как я слышал, господин Хирш, читавший мои «Логические исследования», получил у Вас место секретаря[33]. Возможно, он уже настолько хорошо ознакомился с моими взглядами, что мог бы рассказать Вам кое-что об этом, если для Вас это будет представлять интерес. Я познакомился с ним весной прошлого года, и он произвел на меня благоприятное впечатление.

Наконец, позвольте мне закончить это бесконечное письмо сердечными пожеланиями к новому году, а также в связи с приближающимся днем рождения[34]. Дай Вам бог здоровья и сил для Вашей творческой философской работы, благословение которой я надеюсь заслужить. Заверяю Вас в своем искреннем уважении и неизменной благодарности Вам как учителю.

Искренне преданный Вам

Э. Гуссерль

Брентано – Гуссерлю, 9.I.1905[35]

Флоренция, 9 января 1905.

Дорогой друг!

Благодарю Вас за сердечное письмо и искренние пожелания и постараюсь столь же искренне Вам ответить. Я с участием следил за рассказом о Вашей борьбе и Ваших стремлениях в течение многих лет, нас разделявших, а также за сообщениями, характеризующими Вашу сегодняшнюю точку зрения.

Если я правильно понимаю, Вы различаете две логики. Одна — это искусство, другая — теоретическая дисциплина. Последняя должна охватывать также всю чистую математику (тогда как геометрия применима только к пространству). Что является ее предметом? — По-видимому, мыслимые вещи и их комбинации. Она должна быть частью философии. Она не должна иметь в основании психологические познания. И это кажется Вам исключительно важным пунктом, потому что в противном случае значимость логики была бы ограничена сущностью нашей организации. Не

об очевидности для нас, об очевидности истин в самих в себе идет речь. Вы превозносите здесь Больцано в качестве учителя и вождя.

Не стану отрицать, что многое вызывает у меня здесь сомнение. И я, пожалуй, могу не бояться его высказать. Ведь даже если в Вас и зародятся какие-то сомнения, они едва ли смогут Вас обескуражить. Кажется все же очевидным, что все или большинство тех вопросов, которые Вы обсуждаете в своей так называемой теоретической логике, найдут свое законное место и при иной классификации науки.

Полагаю, Вы имели право подчинять задачи чистой математики царству логики. Но мне не кажется столь же очевидным, что такого рода логика будет чем-то отличаться от искусства логики.

Разве не говорят ли об «искусстве счета»? Разве не обучаются в математике определенным логическим операциям, как-то: складывать, вычитать, умножать, возводить в степень, извлекать корень и т. д.? Не является ли, в частности, изобретение дифференциального исчисления — изобретением метода? Причем даже введение определенного способа обозначения оказывается здесь очень важным достижением (именно этим Лейбниц превзошел Ньютона).

Учатся, правда, не только складывать, но изучают также отдельные законы равенства нескольких слагаемых и суммы, например 2 + 5 = 7. Учатся не только умножать, но изучают также законы равенства комбинированных сомножителей и результата, например 7 x 7 = 49 и вся таблица умножения. Сходным образом в чистой континуальной математике можно было бы изучать теорему Пифагора, абстрагируясь от специфического характера пространства. Но почему так? — Только потому, что обладание этими знаниями постоянно требуется тому, кто вычисляет, измеряет, и без этих знаний он всегда бы испытывал затруднения в своих попытках измерения.

Любое искусство, поскольку оно есть учение, а не практика, научает законам. Оно черпает их из различных областей знания, хотя чаще всего из одной больше, чем из других. В математике большая часть законов имеет такой же характер, что и упомянутые законы 7 x 7 = 49 или теорема Пифагора (мыслимая независимо от определенного пространства). И каков же, говоря точнее, этот характер? — Я без колебаний отвечаю: характер закона противоречия. Было бы противоречием, если бы какая-нибудь семерка, взятая семь раз, не равнялась бы 49; было бы противоречием, если бы треугольник был прямоугольным, а квадрат его гипотенузы не был бы равен сумме квадратов катетов.

И, несомненно, было бы противоречием, если бы гласный звук А не имел бы в своей звуковой окраске показанных Гельмгольцем обертонов. Этот пример свидетельствует, сколь часто неотчетливость апперцепции скрывает подобные противоречия. И уже тем более правомерно говорить о неясностях в чистой теории чисел и теории континуума. Если же мывообще не в состоянии представить себе сколько-нибудь большие числа иначе, чем несобственным образом, то значит мы мыслим не сами эти числа, а только суррогаты. Что же тогда говорить о частях и границах (как внутренних, так и внешних) какого-то тела в бесконечно делимом континууме?! — Таким образом, нет ничего удивительного, что несовершенство нашей апперцепции и способности представления принуждает здесь к разнообразнейшим изобретениям хитроумных вспомогательных средств. То, что могло бы быть непосредственно очевидной истиной, открывается нам только посредством весьма трудоемких методических процедур. Именно поэтому искусство счета и измерения считается настолько важной и внушительной частью логики, что эта часть уже сама по себе заполняет целые учебники. Поэтому же особенно обширно собрание результатов проведенных анализов, которые ведут к познанию противоречия в особых случаях и которые служат дальнейшему опыту в качестве вспомогательных средств.

Но хотя я не считаю, что искусство логики вместе с искусством измерения черпают свои истины из одной-единственной теоретической дисциплины (скорее из различных), — я, как раньше, все же продолжаю утверждать, что среди теоретических дисциплин в ближайшем отношении к логике находится психология.

Разве всеобщий закон противоречия не гласит: кто одно и то же (эксплицитно или имплицитно) признает и отрицает, другими словами, кто противоречит самому себе, тот мыслит абсурдно?

И даже тот факт, который побуждает к поискам методов прояснения, а именно неотчетливость некоторых апперцепций и наша неспособность схватить определенные вещи в собственном понятии, — даже этот факт (если он вообще что-либо из себя представляет) есть факт психологический.

Конечно, Вы опасаетесь, что при таком понимании окажется, что значимость математических и логических истин обусловлена нашей организацией. Вы полагаете, что в таком случае существовали бы различные законы мышления для нас и других возможных мыслящих существ. То, что очевидно для нас, может быть вовсе не очевидным для другого существа; и более того, для него может быть очевидным нечто противоположное.

Конечно, Вы правы, когда энергично возражаете против такого учения, которое ведет к разрушению понятия познания и даже истины. Но Вы не правы, когда полагаете, что тот, кто помещает психологию в такое отношение к логике, лишен всякой возможности защиты от подобного заблуждения.

Кто судит поистине очевидно, поистине познает, тот уверен в истине; кто поистине познает непосредственно очевидно, тот непосредственно уверен в истине. При этом неважно, что он начинал в качестве рассуждающего, что он причинно обусловлен и, в частности, что он зависим от организации своего мозга. Тому, кто рассуждает очевидно, истина обеспечена не посредством рефлексии о таких предварительных условиях, но в себе самой. Кто думает, что это противоречиво, тот заблуждается. Пусть он попробует разъяснить противоречие аналитически; в конце концов он будет вынужден признать, что допустил смешение понятий. Ибо тот, кто говорит, что очевидно рассуждающий как таковой причинно побужден и обусловлен, утверждает нечто совершенно иное, чем тот, кто говорит, что если бы его организация была другой, то он с такой же очевидностью познавал бы противоположное. Таким образом, нет никакого противоречия и в следующем утверждении: можно понимать нечто непосредственно и все же достигать понимания благодаря причинным отношениям и при очень сложных условиях — благодаря причинным отношениям и при условия, о которых понимающему не требуется иметь ни малейшего представления.

Достаточно, если его понимание будет простираться настолько, что он будет знать, что никто другой не может иметь противоположного понимания. Даже божественное всемогущество не могло бы никого наделить таким противоположным пониманием; ибо такое предположение было бы противоречивым и абсурдным по отношению к понятию очевидности.

Но для этого отнюдь не требуется допускать очевидность саму по себе, истину саму по себе, суждение само по себе и т. д. и т. д. Напротив, существуют только отдельные судящие существа и отдельные очевидности этих отдельных судящих существ, так как вообще не существует и не может существовать ничего, что не детерминировано индивидуально.

То, что Вы называете «психологизмом», совпадает по существу с Протагоровым «*πάντων τῶν ὄντων μέτρον ἄντθρωπος*» [36]. Ему я вместе с Вами говорю свою анафему. Но это еще не причина для того, чтобы допускать существование царства идеальных вещей, в которое, к сожалению, занесло и такого почтенного мыслителя, как

Больцано. Равным образом можно доказать абсурдность и этого допущения.

Тем не менее, я желаю Вам удачи в духовном контакте с благородным, серьезно устремленным мыслителем. У таких как он можно учиться даже там, где они заблуждаются; у кого-нибудь другого — наоборот, даже если к их легкомысленной болтовне случайно примешалось истинное утверждение.

Мое письмо выходит длинным, но все же я боюсь, что оно слишком кратко, чтобы убедить Вас в чем-то или отчетливо изложить все пункты моего понимания проблемы. В большей мере, я надеюсь, ясны для Вас те взгляды и чувства, из которых вытекает каждое мое возражение. Поэтому я надеюсь на сохранение Вашего расположения.

Искренне Ваш

Ф. Брентано

P.S. Мне кажется, необходимо добавить несколько слов о положении математики среди дисциплин знания. Если спросить, к чему с теоретической точки зрения относятся законы соотношений величин, которые по большей части составляют ее содержание, то я отвечу: 1) не всякая истина с этой точки зрения заслуживает того, чтобы стать предметом научного исследования. Мы принуждены к некоторой экономии, которая учитывает важность вопросов общего понимания мира. Если не всеми, то, пожалуй, большей частью так называемых математических законов на этом основании следует пренебречь. 2) Кроме того, эти законы следовало бы разместить не иначе как в психологии, в качестве особых случаев очевидного познания противоречий. 3) Совершенно по-другому, разумеется, обстояло бы дело в случае доказательства топоида четырех или более измерений, для которого, в таком случае, был бы установлен аналог нашей трехмерной геометрии. Это было бы полезно также для той геометрии, которая определенным образом относится к естествознанию (последнее понимается как наука о телах). Существует особая точка зрения, в которой эти так называемые математические аспекты можно сегодня объединить с геометрией. Такова практическая точка зрения исцеления работой, на которую Марти обратил внимание в своей известной ректорской речи, чтобы доказать единство философии[37]. Нет необходимости приводить дальнейшее доказательство того, каким образом эта точка зрения позволяет обнаружить тесную взаимосвязь математического и метафизического знания. Но следует, пожалуй, отметить, что эта точка зрения отличается от теоретической. Здесь я ссылаюсь на Марти.

В логике как искусстве, как мне кажется, едва ли можно рассматривать математические теории как совместимые с предложенной здесь экономией. По крайней мере, в том случае, если она есть

всеобщая логика. Логика, специально рассчитанная на только что обрисованную практическую дисциплину, могла бы, разумеется, предложить кое-что сверх особых приемов искусства, которые делают менее ощутимой потерю созерцания четвертого измерения и т. п., и прежде всего — вспомогательное средство проекции на трехмерные величины.

Гуссерль — Брентано, 27.III.1905

Геттинген, 27.3.1905.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Я сердечно благодарю Вас за Ваше благосклонное и научно столь содержательное письмо. К сожалению, я и на этот раз должен был дожидаться приближения каникул, чтобы спокойно обдумать Ваше сообщение и суметь дать собранный ответ — как того требует мое глубокое к Вам уважение и почтение. Особенно сильно я стеснен своими лекциями, в которых я, после рождественских каникул, занят вопросами дескриптивной психологии фантазии и времени. Между тем духовный контакт с Вами все же не терялся: я разыскал свои старые записи Ваших замечательных Венских лекций 1884/84 гг. [38], часть которых была прочитана моими учениками и выбрана в качестве исходного пункта для дальнейших анализов. Столь несовершенно было то, что я сам был в состоянии предложить для разработки этой тончайшей и отчаянно сложной проблемы!

Теперь же — к нашим вопросам. Я был удивлен, услышав, что Вы склонны подчинять чистую математику логике. Таким образом, у нас возникла почва для взаимопонимания, как и благодаря тому, что Вы (в чем я, пожалуй, следовал за Вами) испытываете ужас перед тем антропологизмом, который, по существу, всю истину относит к человеческому роду и тем самым ее релятивизирует.

Но, с другой стороны, я не могу рассматривать чистую математику и логику как психологически обоснованные технические учения [Kunstlehren], и даже как технические учения вообще. Точнее говоря, существует логическое техническое учение, психологически обоснованное искусство мышления (включая искусство счета и измерения); но я думаю, его ценность должна состоять в том, что оно допускает ограничение, благодаря которому из него исключается все эмпирическое и психологическое. То, что остается, представляет собой совокупность сущностно родственных априорных законов и теорий, которые, будучи систематиче-

ски развиты, составляют чистую mathesis (или «чистую логику») в самом широком смысле этого слова. В нее входит вся современная «полностью арифметизированная» математика. В ее замечательных теориях нельзя найти ничего от эмпирической психологии, она также свободна от мыслей о практических правилах, по крайней мере для нее сама эта идея несущественна. И это относится, как сказано, к целой дисциплине, насколько простирается ее естественная область. Я сужу так, хотя знаю, что всё чисто логические и математические понятия берут свое «начало» в определенных актах-переживаниях, хотя я сам поясняю, что любой такой закон как аподиктически очевидный может претерпеть изменение, будучи преобразован в определенные психологически релевантные утверждения, например, что в любом сознании исключается одновременная очевидность А и очевидность не-А и т. п. Тем не менее, мне представляется важным различать подлинно психологические законы и такого рода априорные законы — особенно в интересах теории познания, а также в интересах самой чистой mathesis. Я понимаю под психологией науку о психической «природе», подобно тому, как физика в самом широком смысле понимается как наука о физической природе. Правило, например, modus Barbara, как и какая-нибудь логическая и математическая аксиома, не содержит ничего от психической и физической «природы». Существует ли природа, вещи в объективном пространстве и объективном времени, их качества и связи, изменяющиеся по причинным законам; существуют ли «я», души, индивидуальные состояния сознания, связанные с мозгом, телом и т. д., есть ли я сам и осуществляю ли акты и т. д. — об этом ничего не говорится и ничто из этого не предполагается ни в одном чисто логическом законе. Эмпирические науки — науки естественные — это науки факта («matters of fact»), всегда оперирующие экзистенциальными объективациями указанного вида. Чистая математика, как и вся сфера подлинного априори вообще, свободна от любых фактических суппозиций. Здесь мы не имеем дела ни с физикой, ни с психологией, ни с психофизикой, мы находимся не в царстве природы, а в царстве идей, не в царстве эмпирических (ассерторических) общностей, а в царстве идеальных, аподиктических, всеобщих закономерностей, не в царстве причинности, а в царстве рациональности. Вместе с тем это означает, что эти законы не имеют никакого существенного отношения к несовершенству наших апперцепций. От «нас» и нашего совершенства или несовершенства я ничего не могу в них обнаружить. Все это факты, но в этих законах не говорится ни о каких фактах. Чисто логические, математические законы — это сущностные за-

коны, а сущностные законы относятся изначально и собственно к соответствующим «сущностям», понятийным эссенциям. Только несобственно, случайно, они становятся причастными какому-то индивидуальному сознанию, в котором могут находиться соответствующие этим эссенциям (видам) частные случаи. Несомненно, общее учение о сущностях тесно связано с дескриптивной психологией. Потому что там, где она — действуя чисто имманентно и аналитически — старается установить виды элементов и примитивные формы связи, возникающие в человеческом сознании, — там в какой-то мере учитываются и принадлежащие к этим видам сущностные законы, которые их также характеризуют. Сущностная характеристика сознания — естественный фундамент для изучения эмпирических связей, причинных законов. Сущностные законы и выражаемые ими отношения совместимости, несовместимости и необходимости описывают свободное пространство априори возможных комплексов, с которым связана последовательность того, что должно реализоваться фактически, или то пространство, из которого опыт производит отбор. Руководствуясь эмпирически-психологическим интересом психолог использует результаты сущностного анализа, результаты исследования подлинного априори. Однако, по моему мнению, следует обращать внимание на различие фундаментальной важности: априори, рассмотренное само по себе, предшествует всему эмпирическому, психологическому, оно независимо от любой психологии и опыта. Психологистический эмпиризм упускает это различие, и это исключение окончательно его опровергает. Сущностные законы ограничивают в идеальной (следовательно, абсолютной) всеобщности любую возможность. Никакая действительность не может нарушить законы возможности. Биология и эмпирическая психология могут сколько угодно взвешивать эмпирические возможности развития животной и человеческой внутренней жизни — вплоть до смутных возможностей «сверхчеловеческого» сознания. Логические законы не затрагиваются всеми этими действительными или возможными преобразованиями психики. Ибо это сущностные законы, они выражают то, что принадлежит к «смыслу» суждения, правильности и т. д. Суждение, число, сумма etc., которые не подчинялись бы им, не были бы уже суждением, числом etc. То, что я с аподиктической ясностью усматриваю в имманентной сущности числа, я считаю его неотъемлемой особенностью. В универсальном усмотрении я постигаю такого рода смысл как абсолютную и независимую значимость. Существую ли *я*, и в каком смысле я существую, «имею» ли я психические переживания, выполняю ли я подсчеты, и можно

ли, а если да, то в каком смысле, конституировать учение о психике и психических переживаниях, как эти переживания представляются в собственном и чужом опыте — все это может оставаться спорным, может оставаться запутанным в скептических сомнениях; усмотренное априори — например, математическая аксиома — этим не затрагивается.

В рациональных (сущностно-закономерных) истинах мы имеем то абсолютное, которое устраняет релятивизм. Все принципы, которые ограничивают возможность науки вообще, а тем самым возможность опытной науки, являются рациональными, и в качестве таковых они предшествуют всем эмпирическим наукам, в частности, психологии.

Понятие психологии, определяемое таким образом, что она охватывала бы все сущностные законы, казалось бы мне в высшей степени неуместным, так как оно стирает фундаментальное различие, строжайшее соблюдение которого имеет решающее значение для теории познания. Кроме того, кто же не чувствует совершенно различного характера законов и исследований, представленных в психологии (в традиционном смысле) и в математике?

В остальном мои «Пролегомены» направлены не против Вас и Вашей школы. Вообще же, я полагаю, между нами в этих наиболее общих вопросах нет больших разногласий, я только считаю важным обратить внимание на отдельные различия, без которых Вы думаете обойтись. Я должен также добавить, что совершенно далек от любого мистико-метафизического использования «идей», идеальных возможностей и т. д. Больцано также не наделяет реальностью свои «представления» и предложения «в себе». Эти концепции Больцано сильно повлияли на меня, равно как и трактовка Лотце платоновского учения об идеях. Между тем, я не могу назвать Больцано «учителем» и «вождем» применительно к тому, что я изложил в своих «Логических исследованиях». То, что я изложил, является фрагментами теории познания и феноменологии познания. И то, и другое чуждо Больцано. Он был выдающимся математическим и логическим мыслителем, но тончайшие анализы понятий и формально-логические теории уживаются у него с прямо-таки наивной теорией познания. У Больцано (как и у Лотце) нет ни следа мыслей о чисто феноменологическом прояснении познания. Но я не притязаю при этом на неслыханную оригинальность; у многих я учился, в наибольшей же степени — именно у Вас! Я чувствую и называю себя сейчас, как и прежде, Вашим учеником. Надеюсь, что и Вы не считаете меня полным невежей, который не стоил затраченных на него усилий.

Позволю себе рекомендовать Вам в двух строках господина Питкина — представителя нового, идеалистического поколения американцев[39]. Хотелось бы надеяться, что он Вас заинтересует; он движим изрядными философскими устремлениями, и от него можно узнать о философской ситуации в англо-американском мире.

Завершая свое письмо, хотел бы еще раз выразить Вам свое искреннее уважение и признательность.

* и то обстоятельство, что в двух первых томах «Наукоучения» представлены замечательные логические положения, которые вообще независимы от эмпирической психологии.

Брентано — Гуссерлю, 30.IV.1905 [40]

Если я правильно понимаю, то Вы хотели бы объединить в одну особую теоретическую науку очевидные для нас истины, поскольку они, как имеют обыкновение выражаться, очевидны из понятия, и назвать ее «логикой». То, что для нас имеются очевидные из понятия истины, — вне сомнения.

Нельзя также оспаривать и то, что они как таковые имеют нечто общее и, следовательно, могут составлять некоторый класс.

Полагаю, Вы осознаете, что их полное перечисление было бы невозможно.

Но мне все еще недостаточно ясно, в каком объеме Вы намереваетесь реализовать эту науку. Точно так же для меня недостаточно очевиден руководящий замысел.

Практическим он быть не должен; напротив, он должен быть выполнен из чисто теоретического интереса. Определенный теоретический интерес имеет, пожалуй, любое познание. Ибо благом является даже самое незначительное познание. И все же большинство познаний лишены всякой ценности с теоретической точки зрения. Историк становится скучен, если он не исключает из своего изложения бо́льшую часть того, что находит случившимся. Но скучен и тот, кто учит нас всеобщим законам. Как банальна была бы книга, которая от начала до конца перемножала бы всякие числа. А ведь каждое произведение выражает всеобщий закон.

Что же, однако, является решающим в вопросе о ценности определенных истин и показывает, что они предпочтительны перед другими истинами и поэтому заслуживают особого внимания и объединения в чисто теоретическую дисциплину?

Аристотель настаивал, прежде всего, на существовании предметов, соответствующих всеобщему понятию, необходимые качества которого должны быть показаны [41].

Это требование представляется справедливым. Там, где оно не выполнено, все превращается в игру остроумия. Но оно, кроме того, в достаточной степени объясняет, почему Аристотель и другие после него не выделяли никакой особой теоретической науки об истинах, которые выведены из чистых понятий с исключением всего ассерторически, эмпирически данного.

Если Вы все же хотите этим заниматься, мне кажется, это едва ли можно одобрить.

В особенности не следует называть такую науку «логикой». Это наименование имеет свое прочное, давно вошедшее в употребление значение. Зачем делать его двусмысленным, если мыслитель от науки, напротив, заинтересован в том, чтобы устранить уже имеющиеся двусмысленности.

Что касается некоторых исследований, названных «математическими», то я ни в коем случае не преуменьшаю их ценность, хотя я открыто признаю, что я считаю абсурдным понимать континуум как множество точек. Но математик безнаказанно позволяет себе в определенных границах использовать некоторые абсурдные фикции. И с этим связаны практические логические интересы первостепенной важности. Кроме того, спекуляции в отношении возможных топоидов более чем 3-х измерений впервые проясняют эмпирический характер данного пространства 3-х измерений. Даже Лейбниц здесь заблуждался и считал a priori исключенными мысли Бейля о мирах более чем 3-х измерений [42].

Только наиболее гениальные математики — Декарт и Эйлер — вообще не считали математику самоцелью. И я считаю правильным, что Феликс Клейн, который устал от математических экскурсий, с недавних пор обратился к использованию математики в технике [43].

Основания такого рода, а не склонность к тому, что Вы называете «психологистическим», как Вы, возможно, подумаете, удерживают меня от согласия с содержанием Вашего дружеского письма.

Флоренция, 30.4.5

Брентано — Гуссерлю , 1.VIII.1906

Шёнбюэль, 1 августа 1906.

Дорогой друг!

Из прессы я узнал, что Вы стали ординарным профессором [44]. Это назначение, как я слышал, было осуществлено без вакансии профессора систематических кафедр. Это делает его вдвое более почетным. Желаю Вам успеха в Вашей деятельности! К сожалению, поскольку Вы нечетко сформулировали те положения, в которых выражены существенные нововведения, я не смог составить суждение о том, сколь многих и сколь выдающихся результатов можно ожидать от Вашего энергичного начинания.

Наименование «психологист», которое любите употреблять Вы и другие, означает, мне кажется, не что иное как «эмпирик», только с более точным определением той области, с которой связан непосредственный опыт. Я, однако, нисколько не сомневаюсь в том, что это психическая область и, более того, область отдельного психического существа. И сегодня меньше, чем когда бы то ни было, я думаю об априорных фикциях, которыми Кант одарил философию. Но Вам хорошо известно, что я, несмотря на это, принципиально отделяю себя от тех эмпириков, которые даже закон противоречия хотели бы обосновать через inductio per enumerationem simplicem [45].

Еще раз желаю успеха Вашим начинаниям,

дружески преданный

Ф. Брентано

Гуссерль — Брентано, 22.VIII.1906

Геттинген 22.VIII.1906.
Хоэр Вег 7.

Мой глубокоуважаемый учитель!

Благодарю Вас от всего сердца за Ваши добрые пожелания по поводу моего назначения ординарным профессором и в связи с продолжением моей деятельности. Но мне кажется, Вы переоцениваете это повышение. Откровенно говоря, в нем нет какой-то особой чести. Конечно, верно: не было свободной кафедры систематической философии и требовался новый состав. С другой стороны, правительство уже давно убедилось в том, что филосо-

фия — несмотря на назначение Г. Е. Мюллера и И. Баумана — изгнана из нашего университета. Г. Е. Мюллер — дельный и хороший специалист в узкой области проблем экспериментальной психологии — не философ, и не стремится им быть. То, что мы называем «философией», — это для него «схоластика». Баумана же — как представителя науки — вообще нельзя принимать всерьез. При подобных обстоятельствах я уже в качестве экстраординарного профессора легко пустил здесь корни. Я честно стремился вновь оживить философский интерес, почти угасший здесь[46], и приучить своих учеников к научной философской работе.

При этом я особенно старался использовать свои хорошо посещаемые философские семинары (образцом которых послужили Ваши незабываемые венские «семинары-диспуты»).

Разумеется, своими достижениями я не доволен; но, откровенно говоря, я сомневаюсь, что кто-либо из тех молодых философов, чьи кандидатуры рассматривались, подошли бы лучше, чем я. Едва ли все эти Бюссе[47], Адикесы[48], Эрхарды[49] и т. д., занявшие в последнее десятилетие профессорские кафедры, представляют собой нечто блестящее. Не так много значит теперь стать ординарным профессором, как и они (тем более — через 19 лет после габилитации). Таким образом, я не считаю особой честью это назначение, но полагаю, что это большая задача и обязанность. Не знаю, смогу ли я ее выполнить, буду ли я когда-нибудь, выполняя ее, довольным собой. Но я буду стремиться к этому изо всех сил и буду жить этим стремлением.

Последний год доставил мне много тревог и хлопот. Для меня было тяжело, что факультет (благодарность которого я надеялся заслужить), соглашаясь с научным отзывом своих «специалистов» — Мюллера и Баумана, отклонил мою кандидатуру[50], и что я теперь должен был быть готов к тому, чтобы отказаться от столь ценной для меня сферы деятельности. При этом я весьма ощутимым образом обогатил свое знание человеческой природы. Теперь же я благодарен тому, что впредь не должен больше тратить свои силы в борьбе с превратной иррациональностью жизни. Надеюсь, что вскоре приду в себя от неприятных последствий моего состояния, которое оставляло желать лучшего именно этим летом. Мне очень жаль, что Вы нашли неясным мое прошлогоднее письмо, в котором сообщалось о некоторых научных взглядах, представляющих, как я полагал, некоторую ценность. Я приложил большие усилия, чтобы быть точным. Учитывая мое нынешнее состояние нервного изнеможения, Вы были бы еще менее довольны, если бы я принялся за новое изложение. Короче говоря, я

в скверной ситуации. Как только я приду в себя, мне хотелось бы написать небольшую работу, в которой с наибольшей возможной для меня ясностью и отчетливостью постараюсь обозначить методические идеи к непсихологической (хотя и не враждебной психологии) критике познания и критике практического действия. Я, однако, думаю, что решение познавательно-критических вопросов «начала» не лежит ни в основании области естественнонаучного, ни в основании психологического опыта. «Непосредственные опыты» и прочие акты познания, которые служат мне в познавательно-теоретическом исследовании, являются, объективно говоря, *моими актами, актами этого психического индивида*. Но мое существование, существование этого индивида и существование моих актов как актов реального психического единичного существа остается необходимо не установленным; эти акты пока так же проблематичны в теоретико-познавательном отношении, как и существование физических индивидов и их физических состояний. Тот и другой смысл «существования» равным образом находятся под вопросом и должны быть прояснены в теоретико-познавательном исследовании.

Эти и другие проблемы я бы охотно обсудил с Вами лично. Как прошлым, так и этим летом я намеревался просить Вашего разрешения посетить Вас в Шёнбюэле. К сожалению, к началу нынешних летних каникул я был не в состоянии подвергать себя напряжению глубоких философских бесед. Надеюсь, следующий год окажется более спокойным и благоприятным, что позволит мне осуществить это свое искреннее желание[51]. Во время этих каникул я остаюсь в Геттингене: мой недавно построенный дом по-деревенски прост и достаточно свободен, чтобы я не чувствовал постоянного наплыва посетителей. Надеюсь собрать здесь свежие силы, чтобы усердно поработать во второй части каникул.

В завершение хотел бы сказать, что сейчас, как и прежде, я *привязан к Вам чувством неизменного уважения и благодарности*. Примите мои искренние пожелания здоровья, счастья и плодотворных творческих успехов.

Ваш преданный ученик

Э. Гуссерль

С волнением и радостью я познакомился с Вашим портретом, который написал Руди Штумпф[52].

Брентано — Гуссерлю, 17.XI.1911

Шёнбюэль-на-Дунае,
Нижняя Австрия 17 ноября 1911.

Дорогой друг!

Примите дружески три небольшие работы[53], хотя они и расходятся с Вашими воззрениями! Правда, не все они относятся к Вашей узкой сфере интересов. И все же Вы, конечно, способны взглянуть более широко и не забывать, что нехорошо пренебрегать изучением великих мыслителей прежних времен. Одно выражение, которое Вы недавно адресовали д-ру Бергману[54], выдает это в полной мере. Я мог только порадоваться этому, даже при том, что меня удивило, как Вы могли думать, что я и те, кто мне близок, не умеют, подобно Вам, ценить богатство предшествующей философии. Все, однако, сводится к тому, что мы идем в этом отношении дальше Вас и проводим различие между эпохами восходящего развития и эпохами упадка.

В приложениях к работе по психологии я говорю, что Вы «вновь ввели» термин «психологизм»[55]. Я опирался при этом на Ваше собственное свидетельство в одном из писем. Мне указали на спорность этого замечания, отослав к старшему Эрдману, который уже использовал то же самое выражение по отношению к Бенеке[56]. Однако это меня не смущает, так как, разумеется, данный термин именно благодаря Вам стал в настоящее время столь общеупотребительным, а «вновь введенный» не означает то же самое, что «впервые введенный» или «изобретенный». Едва ли нужно упоминать, что, говоря о своих прежних учениках, о которых я слышу, что они язвительно хотят объявить меня психологистом, я не имею в виду Вас. Эти слова адресованы менее благодарным сердцам. Надеюсь, упомянув нашу «дружескую встречу» я проявил достаточную заботу о том, чтобы исключить такого рода недоразумения. Те слова в краткой работе о жизни Аристотеля, где я затронул его отношение к Платону, в достаточной мере показывают, что я не отвергаю, но, напротив, в полной мере одобряю, когда прежний ученик свободно отходит от взглядов своего учителя и позволяет себе выходить за их пределы[57].

Вы будете удивлены, что это письмо отправлено из Шонбуля. Холера, по поводу которой беспокоится моя супруга, воспрепят-

ствовала отъезду, так как все еще возможно, что болезнь будет занесена из Триполи.

Примите наши искренние пожелания.

Дружески преданный Вам

Ф. Брентано

Гуссерль — Брентано, 22.XI.1911

Геттинген, 22.XI.1911.
Хоэр Вег 7.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

С большой радостью я узнал некоторое время назад, что Вы готовите новую публикацию — работу об Аристотеле. Но каково было мое удивление, когда в конце прошлой недели книжный торговец прислал мне три обширных сочинения, принадлежащих Вашему перу. И среди них (что меня, по понятным причинам, в особенности живо затронуло) — переработанные основные части вашей эпохальной «Психологии»! Эта Ваша ранняя работа оказывает сейчас живое воздействие и представляет собой сегодня — и именно сегодня — необходимую основополагающую работу для любого философа. Поэтому можно лишь сожалеть, что Вы не опубликовали заново всю работу в целом. Предвижу, что за экземпляры 1-го издания в книжных магазинах будут платить высокую цену. Сколько бы эту работу ни критиковали, ни откладывали ее недовольно в сторону, ни замалчивали ее — все, кто говорил или молчал, находились под ее влиянием. Это можно сказать о немногих книгах и, конечно, нельзя сказать ни об одной, вышедшей после 1874 года.

Но я еще не поблагодарил Вас за ту радость, которую Вы мне доставили, лично прислав три своих сочинения. Также сердечно благодарю Вас за благосклонное и дружеское письмо.

Можно не упоминать, насколько высоко я ценю *каждое* Ваше опубликованное слово и насколько усердно я по мере сил изучаю эти работы. Даже если мне — в силу склада моего ума и моего развития, на основании многолетней неустанной работы, — многое представляется иначе, чем Вам, то я все же не отношусь к людям того склада, которые имеют в своем распоряжении готовые шаблоны, чтобы измерять, насколько подходящими для них являются идеи, высказанные другими. Я читаю немного, причем только работы самостоятельных мыслителей (их число, конечно же, невелико), и то новое, что я в них обнаруживаю, всегда дейст-

вует на меня подобно шпоре и заставляет заново проверять свои собственные позиции.

Во всяком случае я убежден в том, что и новые Ваши сочинения будут чрезвычайно полезны для моей работы и моих лекций, и заранее благодарен Вам за это. Наконец хотел бы заметить, что я никогда не считал себя изобретателем старого и имеющего хождение на протяжении последних десяти лет слова «психологизм» и поэтому никогда не выдавал себя за такового. То место в письме, о которым Вы упоминаете, подразумевало, очевидно, что-то совершенно иное.

Замечание на S. 166 приложения[58] могло бы, конечно, вызвать у поверхностного читателя неверное представление о том, что это камешек в мой (или также в мой) огород. Очевидно, однако, что я ни в своих сочинениях, ни в своих лекциях никогда не говорил, что Вы стоите на почве релятивизма; да для этого и не было никакого повода.

Психологизм, с которым я боролся в своих «Логических исследованиях», — это даже не собственно релятивизм, но стремление основать «чистую» логику и теорию познания на эмпирической психологии. При этом я старался показать, что следствием такого рода обоснования является релятивизм. Во Флоренции, во время своего визита, я пытался ясно изложить Вам смысл моей критики психологизма. Возможно, я выражался очень неопределенно. Для меня не представляется возможным придерживаться своих «Пролегомен» и при этом определять психологизм так, как Вы его поняли и представили (возможно, именно в силу моего неудачного изложения).

Впрочем, я затронул этот вопрос только потому, что Вы касаетесь его в своем любезном письме, а также чтобы не давать повод к недоразумению своим молчанием.

Прошедший год был трудным для меня, но все удалось пережить, посвящая все свои силы работе. С удивлением я узнал, что Вы решили провести эту зиму на суровом севере. Надеюсь, в Шонбуле Ваше самочувствие будет хорошим и Вы вместе с Вашей уважаемой супругой проведете эту зиму в наилучшем расположении духа.

Примите наши искренние пожелания и позвольте выразить Вам мою неизменную благодарность.

Искренне преданный Вам

Э. Гуссерль

Брентано — Гуссерлю, 6.IV.1916

70 Ореллиштрассе,
Цюрих, 6 апреля 1916.

Дорогой друг!

Известие о настигнувшем Вас и Вашу дорогую супругу ударе я воспринял с самым глубоким участием[59]. Те, от кого я получил это известие, рассказали мне так много хорошего о Вашем сыне, что его смерть предстала передо мной как еще более тяжелая утрата. И все же именно в мыслях о том замечательном, что отличало его, как и многих других молодых людей, должно состоять для Вас определенное утешение. Печальное воспоминание о нем навсегда останется для Вас подлинным благом. Наше время преисполнено страдания и с убеждающей силой говорит нам о ничтожности этой жизни, если она не служит приготовлением для жизни иной. Туда обратите взор, почувствуйте обращенный к Вам зов. Как и многие другие, Вы можете быть уверенным в том, что в потусторонней части Царства Божьего излюбленный сын Ваш радуется благословению Божественной отеческой заботы. Пусть это смягчит Вам боль разлуки.

Моя супруга выражает свое искреннее сострадание вместе со мной.

Дружески преданный Вам
Ф. Брентано

Антон Марти

Марти — Гуссерлю, 7/8.VI.1901

Прага, 7 июня 1901.

Глубокоуважаемый коллега!

С большим интересом я просмотрел часть внушительного второго тома Ваших «Логических исследований», тогда как другую его часть (причем немалую) внимательно прочитал.

Прежде всего примите мою искреннюю благодарность за любезное внимание к моей работе в «Symbolae Pragenses» [60] и близким по содержанию частям моей статьи «О бессубъектных предложениях» [61]. Ваше замечание о том, что различие между синкатегорематическими и категорематическими выражениями не является случайным, но, согласно моей позиции, основывается на сущностном размежевании в области значения [62], вполне соответствует моим взглядам на этот вопрос, которые я подробно обосновываю в своих лекциях. В этом мы согласны, несмотря на то, что я не стал бы говорить, что синкатегорематические выражения выражают «фундированные содержания» [63].

О том, что наименования «категорематический» и «синкатегорематический» не являются вполне подходящими, я также уже говорил в лекциях и намеревался при случае высказаться об этом в какой-нибудь публикации. Вместо этого я хотел бы говорить о «синсемантических» и «автосемантических» средствах обозначения, разумеется, относя при этом к последним: 1) имена, 2) высказывания и 3) вопросы, просьбы, приказы etc.

Не все автосемантические высказывания являются в собственном смысле категорематическими, равно как и не все синсемантические высказывания являются синкатегорематическими.

Особенность синсемантических средств обозначения состоит в том (и в этом мы согласны), что они получают значение только в связи с другими выражениями. Вследствие этого я бы хотел, чтобы место из «Symbolae» понималось не так, как это, видимо, может следовать из Вашей цитаты (S. 298). Подчеркиваю, что «*видимо*» может. Возможно, все дело только в манере выражения, и на S. 306 Вы сами высказываетесь так, как мне это представляется

корректным. Но тот, кто имеет перед собой только S. 298, мог бы подумать, что мы действительно верим в возможность построения совокупного значения (значения выражения, включающего также синкатегорематические знаки) из частичных значений, причем строительные элементы, несущие стены и т. п. сами по себе должны быть стабильными, тогда как на самом деле наше общее убеждение состоит в том, что устойчивые средства обозначения сперва «посещает мысль» [64], а то, что предшествует этому, есть лишь подготовка, пробуждающая предположения относительно смысла или мысли, каким-то образом родственной этому смыслу.

С не меньшим интересом я прочитал часть Вашей работы, посвященную «современным теориям абстракции» [65], и я в значительной мере одобряю Вашу точную оппозицию номинализму применительно к *существованию* всеобщих понятий. Аналогичные доводы я уже приводил в письменной форме против Корнелиуса, с которым я вступил в переписку по поводу проблем абстракции вскоре после выхода его статьи в XXII томе «Журнала по психологии» [66].

Но в чем я с Вами не могу согласится, так это с Вашими взглядами на *природу* всеобщих понятий. Вы протестуете при этом против «психологического гипостазирования всеобщего» [67], т. е., если я правильно понимаю, против того, чтобы всеобщее мыслилось как имманентный предмет представления. Таким образом, Ваша точка зрения на этот вопрос близка позиции Джеймса, который также подчеркивает, что мысли «не суть то, что они подразумевают» [68].

Однако я и по сей день твердо придерживаюсь своего мнения на этот счет, высказанного несколько лет назад в рецензии на книгу Джеймса, которое состоит в том, что не может быть никакого «полагания» без представления имманентного предмета [69].

Мне кажется, это верно независимо от того, в каком смысле используется термин «подразумевание». Если в этом случае «обозначение» или «интенция» означают то же, что и «намерение» в собственном смысле (а именно — намерение сообщения), то не существует ничего подобного без сопровождающего его акта представления (или суждения и т. д.).

Но если под подразумеванием понимать сам акт представления — будь то представление в собственном смысле (как, например, я могу себе представить красное) или в несобственном смысле (как в случае представления числа 1000) — в любом случае можно, на мой взгляд, сказать, что не может быть представления без какого-то имманентного предмета.

Также и в случае несобственного представления нечто всегда представляется собственным образом. Однако, на мой взгляд, в случае собственного представления имеет место способ отношения сознания к чему-то, «интенция» на что-то (разумеется, не в смысле «намерения», а как другое, специфическое отношение), что необходимым образом и предстает как коррелят, как другой член отношения, имманентный предмет.

Возможно, Вы возразите, что Вы также могли бы признать то, что «интенции» сознания должен противостоять «интенциональный предмет». Но это еще не означает, что этот предмет является имманентным.

Однако природа любого отношения, на мой взгляд, такова, что если существует один его элемент, то необходимо существует и другой. Интенциональный предмет должен, следовательно, существовать, когда существует «интенция». Но поскольку действительный объект представления существует не всегда, когда я что-то представляю, то уже поэтому представленный предмет как таковой (то есть имманентный предмет) должен необходимым образом считаться таким предметом, существование которого всегда дано вместе с существованием отношения представления. Однако даже если существует действительный предмет представления, то мне кажется, что имманентный предмет принадлежит к сущности сознания, и причем неизбежно, так как речь здесь идет именно о его бытии-для-меня.

Поскольку же в таком случае и всеобщее понятие необходимым образом предполагает имманентный предмет, то, как мне представляется, не остается ничего другого, как настаивать на «психологическом гипостазировании» всеобщего. Правда, я никогда не стал бы называть имманентный предмет «реальным». Он имеет преходящий характер, поскольку возникает и исчезает вместе с актом. Но ввиду того, что его возникновение несамостоятельно [ein Mitwerden hat], я, вслед за Брентано, назвал бы его нереальным. Реален же, напротив, сам акт представления, а именно применительно к той его особенности, что он есть акт представления этого содержания или предмета. (Я думаю, что этот «акт-характер», направленность-прямо-на-этот-предмет, есть то же самое, что Майнонг недавно назвал *содержанием* представления [70]. Но мне кажется, что он при этом далеко отошел от принятого словоупотребления.)

После вышесказанного Вы не удивитесь, что я не могу полностью согласиться с Вашей теорией природы ощущений [71]. Я думаю, что и в случае ощущения (а не только там, где присутствует «истолкование») имеет место представление, а вместе с тем и им-

манентный предмет. Не имеет совершенно никакого значения, называют ли это обыкновенно также представлением и предметом, если только психолог в принципе ясно видит это отношение, — так мне кажется.

Однако я не хотел бы и дальше отнимать Ваше время и заканчиваю свое письмо наилучшими пожеланиями и просьбой извинить мои возражения.

Преданный Вам
А. Марти
Прага, 8 июня 1901.
II Мариенгассе 35

P.S. При удобном случае прошу передать мой поклон профессору Кантору и его супруге, которые, возможно, еще помнят меня.

Гуссерль — Марти, 7.VII.1901

Галле, 7 июля 1901.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Для меня было величайшей радостью узнать из Вашего письма от 7.VI с. г., что Вы проявили живой интерес к моим логическим исследованиям и взяли на себя труд их внимательно изучить. Ряд случайных препятствующих обстоятельств и часто дающие о себе знать последствия чрезмерных усилий последней зимы не позволили мне сразу же ответить Вам, и я дружески прошу извинить мне эту задержку.

Мне нечего добавить к Вашим замечаниям относительно IV исследования. К счастью, у нас нет никаких расхождений в существе дела. Мне было бы крайне интересно знать Ваше суждение по поводу моего понимания «чистой грамматики», так как Ваше согласие по этому вопросу имело бы для меня особую ценность. В дополнениях на S. 718 есть примечание о том, что изложение в IV исследовании является слишком сжатым (с учетом результатов VI исследования), а также, что оно предполагает несколько модифицированное понятие значения. Не совсем гармоничные отношения между исследованиями, закрепленные в готовой работе, нередко ощутимо дают о себе знать в виде такого рода несогласований.

Итак, речь идет о том, чтобы уладить наши разногласия касательно различия имманентных и действительных предметов.

1. Потребность в этом различении основывается, прежде всего, на том, что любое представление относится к некоторому пред-

мету, между тем как не всякому представлению в действительности соответствует какой-то предмет. Немыслимо представление без представляемого предмета, следовательно, *нет* беспредметных представлений. Но, с другой стороны, не всем представлениям соответствуют действительные предметы, и, следовательно, *существуют* беспредметные представления. Противоречия, кажется, можно избежать только в том случае, если различать представляемые и действительные предметы: нет представления без имманентного предмета, но есть представления без действительного предмета.

2. Второй аргумент апеллирует к тому, что представление есть отношение «я» к представляемому содержанию. Если *есть* отношение, то есть и элементы отношения, следовательно, всегда, когда я представляю, должно существовать и представляемое содержание. Однако оно, в действительности, существует не всегда.

3. Эту разницу можно констатировать также и прямым образом. Представление фантазии есть образ, который, тем не менее, не является действительным объектом. Символическое представление имманентно обладает знаковым содержанием, которое, очевидно, отличается от обозначаемого объекта.

Тезис. В случае любого представления между интенциональным, или имманентным, и действительным объектом следует проводить различие, в соответствии с которым (отвлекаясь от исключительных случаев) интенциональный объект есть нечто *иное*, отличное от действительного объекта. Интенциональный объект — необходимый реальный [reel] конституирующий элемент акта представления, который, следовательно, всегда существует в нем, «имманентен ему», тогда как действительный объект, вообще говоря, трансцендентен акту, и потому иногда существует, а иногда нет.

Антитезис. Любое представление V представляет определенный предмет, и *тот самый* предмет, который в нем представлен, действителен = истинен, если истинно утвердительное экзистенциальное суждение E(V), субъектом которого является представление V, и этот предмет не является «действительным», если такое суждение ложно. Действительный — значит не находящийся вне сознания, а истинный, и истинный объект имманентен, если представление направлено на нечто имманентное, но он не имманентен, если представление обращено на нечто внешнее (вне зависимости от того, является ли это внешнее чем-то физическим или психическим).

Между интенциональным и действительным или недействительным предметом не существует *никакой* разницы; разговоры о

только интенциональных предметах или, тем более, о только интенциональном существовании свидетельствуют не о существовании предметов, присущих интенции в каком-то собственном смысле, а *только о существовании соответствующих представлений* и не-существовании их предметов. Если говорится, что представление имеет не только интенциональный, но и некоторый действительный объект, то это означает: некоторый объект не только представляется в представлении, но он еще и существует. «Представлять что-то» означает, что существует подразумевание некоторого предмета по способу представления, однако сам этот предмет не существует — ни в представлении, ни вне его.

а. Ясно, что «действительные» объекты представления, а также, в противоположном случае, — недействительные объекты — это объекты, которые представляются в представлении. Если я говорю «этот дом», то представляется этот дом, если я говорю «этот кентавр» (изображенный, например, на картине Бёклина) [72], то представляется этот кентавр. Представляется тот предмет, который подразумевает это представление, тот, о котором судят в «соответствующем» суждении, который является предметом любви, желается в соответствующем желании и т. д. Если я вижу Карлов мост или представляю его посредством образа или фантазии Карлова моста, причем он доставляет мне удовольствие, то это удовольствие не есть удовольствие от моего ощущения или представления, но мне доставляет удовольствие (как я это совершенно корректно и выражаю) именно Карлов мост. Если я хочу кушать, то предметом моего желания является не моя иллюзия или внутренний образ и т. д., его предметом вообще не является нечто психическое. Желается, любится, ненавидится, подвергается суждению то, что представляется, и очевидно, что это последнее не является, вообще говоря, чем-то имманентным сознанию (в собственном смысле этого слова), но есть сам этот объект, который мы называем истинным или действительным в том случае, если значимо экзистенциальное суждение. Причем этот объект вообще представляет собой тождественный пункт, с которым сопрягаются все эти возможные акты или способы отношения к объекту.

Но даже если бы во всяком представлении можно было обнаружить такой объект или то, что я называю имманентным объектом, то тем самым не устранялась бы трудность, которая состоит в мнимом противоречии пункта 1. Трудность следующая: как может представление относиться к объекту, когда *этот* объект вообще не существует? И как сознание может быть обращено на что-то, что ему не дано актуально и что не имманентно ему?

Если же интенциональное отношение акта к объекту представляет собой, согласно своему смыслу, отношение к возможно действительному объекту, если любовь — это любовь к действительному объекту (или к объекту, принимаемому за действительный) и т. п., а не любовь к чему-то имманентному (исключая тот случай, когда этот акт направлен на некоторое внутреннее состояние), то 2-й аргумент доказывает слишком многое. Он доказывает необходимое существование действительного объекта.

Что касается 3-го аргумента, то этот вопрос уже разрешен: представление фантазии представляет не иллюзию или фантастический образ, а сфантазированный объект; символическое представление — это не представление символических ощущений и символически функционирующего объекта, а представление того, что символизируется.

b. В представлении представляется то же самое, что дало бы нам и соответствующее адекватное восприятие, причем именно так, как это было представлено. Представление может быть составным, и тогда оно, следовательно, имеет части, которые сами суть представления и, таким образом, обладают своими собственными предметами. Но если интенция всего представления в целом уже задействует эти предметы определенным образом, то не они, а совокупный предмет есть «представленное» в собственном смысле. Представление этого перочинного ножа на этом столе представляет некоторый перочинный нож, а именно в виде «этот —», включая, конечно, и этот стол, однако оно не является представлением этого стола, но представлением этого перочинного ножа как существующего на этом столе. Не стол, а перочинный нож, представляемый именно таким образом, является субъектом соответствующих суждений, чувств и т. д. Если, следовательно, придерживаться той теории, что любое представление обладает таким вот объемлющим образом также и имманентными предметами, т. е. что никакое представление не может представлять трансцендентное, не представляя при этом и нечто имманентное, то — удивительный факт — эти имманентные предметы не были бы в собственном смысле интенциональными, не были бы предметами, представленными в совокупном представлении.

Сколь бы ни были, на первый взгляд, ясны эти аргументы, они все, с моей точки зрения, являются неверными. Их основная ошибка состоит в смешении двух очень разных вещей. Представление — это не просто существование некоторого содержания в сознании, т. е. в реальной [real] взаимосвязи психических переживаний, но оно представляет собой интенциональное переживание, определенного рода подразумевание, посредством которого

предмет является (он может являться «сам» или же являться в образе) или посредством которого *предмет обозначается*, подразумевается сообразно значению.

Однако предмет подразумевается благодаря тому, что «постигается» переживаемое психическое содержание; в силу того, что переживаемое содержание становится субстратом постижения и это содержание функционирует как репрезентант некоторого акта «репрезентации», реализуется то, что мы называем явлением некоторого предмета и его представленностью.

Путаница состоит в том, что феноменологическое отношение (чисто дескриптивно-психологическое) между акт-характером постижения и принадлежащим актуальному «я» психическим содержанием, которое функционирует как субстрат этого постижения, смешивают с отношением между актом, т. е. психическим переживанием, которое мы называем представлением, и представляемым *предметом*.

Этой путанице способствует то, что в узкой сфере *исключительных* случаев реально [reell] переживаемые психические содержания сами становятся предметом представления, причем настолько непосредственно, что они (представляемые предметы) в таком случае одновременно представляют собой репрезентирующее содержание представления. Поскольку же во всякой психологической рефлексии, направленной на репрезентирующие содержания, эти последние на самом деле становятся предметом представления, то в основание любого акта представления помещают «прямой» акт представления репрезентирующего содержания и это содержание рассматривается в качестве имманентного предмета представления.

Мне кажется, что учение о том, что все представления трансцендентных предметов (считая таковыми просто все неимманентные предметы) должны включать представление имманентных предметов, вытекает из априорных соображений, а не из самого дескриптивного анализа. Образная репрезентация кажется чем-то само собой разумеющимся: предмет актуализируется посредством образа, образ — это имманентный предмет, который позволяет представить сам объект, так как они связаны отношением подобия. Там, где отсутствует образная репрезентация, представление, опосредованное отношениями, кажется очевидным средством указания на то, что не является образно представляемым. Таким образом, следует вывод: либо представления собственны, тогда все ясно, либо они несобственны, тогда в основании должно лежать нечто собственное; то, что представляется собственным образом, служит (и напрасно) основанием мысли,

которая могла бы быть выражена примерно следующим образом: это есть нечто, стоящее к представляемому предмету А в отношении ∅.

Однако образ — это не сама вещь, и представлять себе что-то образно — значит представлять не образ, а вещь в образе. Это принуждает к тому, чтобы внести следующее изменение в эту позицию: собственно представляется только то, что дано само, точнее говоря, то, что поистине дано само. Несобственно же представляется то, что представляется образно *и* символически, причем в первом случае опосредующими являются отношения подобия (образные отношения), а во втором случае — отношения иного рода. Но в любом случае в основании лежит отвлеченная мысль. Однако сомнительным является требование, чтобы простая игра фантазии уже заключала бы в себе идею отношения. И все же более серьезное возражение состоит в том, что эти идеи отношения сами являются представлениями, и они не могут быть «собственными» представлениями, так как это предполагало бы существование того, что представляется косвенным образом. Но если эта идея является несобственным представлением, то для нее требуются собственное представление, причем несобственность, которая также должна иметь характер представления отношения, была бы невозможна. И так in infinitum.

Мне кажется, что <следует> провести одно более фундаментальное различение между представлениями:

1) Представления, которые представляют нечто не-имманентное в подлинном смысле этого слова(будь то образно или символически). Между образом и вещью существуют отношения, но в акте представления этих отношений нет, ни актуализированных, ни мысленно представляемых. Эти отношения существуют объективно, т. е. если мы ставим это представление в связь с самой вещью (данной в адекватном восприятии) и производим, следовательно, синтез суждения, который отождествляет это представление и адекватное восприятие, то в таком случае в рефлексии, направленной на наполняющее переживание [Erfüllungserlebnis], мы с очевидностью обнаруживаем аналогию между образом (или отображением) и отображенным и т. д.

2) Представления, опосредованные отношениями, атрибутивные представления, например, вещь справа от угла и т. д. Эти представления содержат идею отношения.

Возьмем *обычное неадекватное представление*, представление вещи: пусть это будет комплексный акт, в котором представляется поистине имманентное содержание, и это собственное представление будет основанием, — тогда на этом лежащем в основании

собственном представлении основывается новое представление — то, которое интенциональным образом сопрягается не с имманентным, а с трансцендентным предметом. Это новое представление не имеет имманентного предмета, так как имманентный предмет — это предмет иного, фундирующего представления. В акте этого нового представления сознание сопрягается не с ним, а с трансцендентным предметом. Фундирующее представление может быть дано особо [für sich], в таком случае было бы дано представление, которое содержит имманентный предмет и «подразумевает» его и только его.

Если скажут, что представляемое собственным образом, имманентный *объект*, — это *суррогат*[73], то у меня есть что возразить и против этой теории замещения: эта суррогатность не может иметь значение чисто объективного факта, состоящего в том, что вместо трансцендентного предмета переживается имманентный предмет и что он может во взаимосвязи моего представления замещать его; по той причине, что, например, с точки зрения психического результата, который здесь как раз и имеет значение, одно вполне может замещать другое, а значит, конечный результат был бы одним и тем же. Напротив, суррогатность имеет характер психического, феноменологического факта, модифицирующего внутренний характер феномена. Я *подразумеваю* нечто иное: когда я говорю «Париж», то я подразумеваю не географическую карту и выделенное слово «Париж», замещающее сам город, но подразумеваю именно город Париж. Впрочем, мне кажется, что говорить здесь о суррогате не совсем уместно: ни идея замещения, ни объективный факт замещения не играют здесь никакой роли, но имеет значение, пожалуй, лишь отношение нового способа подразумевания к возможному будущему наполнению и разочарованию. Если говорится о представлении, опосредованном отношениями, о том, что фундамент отношения и само отношение помогает нам представить нечто иное, то это, опять же, не может ничего прояснить. Идея отношения существует только для рефлексии, для приходящей позднее деятельности суждения; простое «несобственное» представление — это не представление, основывающееся на отношениях, это не сопрягающий акт, а особый способ осознания предмета, который, возможно, основывается на другом представлении, когда, например, представление знака как представление восприятия претерпевает такую модификацию, обнаруживает такой способ сознания, который и делает это представление знаком для чего-то. Понимание несобственного представления как представления, опосредованного отношениями[74], дает только мнимую самоочевидность. Все же *немыс-*

лимо было бы представлять нечто несобственно в том случае, если нет ничего, что представляется собственно. Разумеется, даже если неверно мое мнение о том, что ощущению не требуется поддержка со стороны актов ощущения (представления), то, тем не менее, важно доказать ошибочность самоочевидности подобного понимания. Идею отношения, которая должна иметь *определенность* предметной связи, я могу реализовать только посредством относительных атрибутов, имеющих основание в известных объектах.

Представлять нечто посредством отношений и универсалий (например «Дом № 3 на Шиллерштрассе» [75]) — значит при помощи одного фундаментального элемента и основания представлять другой фундаментальный элемент. Но как я могу представлять отношение только с одним фундаментальным элементом? Должен быть представлен также и другой фундаментальный элемент. Каким образом он представляется? Если я представляю другой объект (в качестве суррогата), то спрашивается, каким образом представляется сама суррогатность? Опять же, наверное, посредством отношения, — так мы попадаем в бесконечный регресс. Но если бы представляемым предметом был сам объект, то совершенно не требуется окольного пути, поскольку я мог бы указать совершенно прямой путь.

В ходе своего изложения сам я старался показать, что всякое представление по своему существу является постижением и как таковое нуждается в подлежащем постижению содержании. Но отношение постижения к постигаемому (репрезентирующему содержанию) по самому своему основанию сущностно отличается от интенционального отношения в смысле отношения целостного постижения (постижения, оживленного смыслом знака, одушевленного постижением содержания) к репрезентированному или интендированному предмету. Первое отношение является реальным [real], последнее — идеальным или логическим. В ходе постижения его содержание не представляется, но в процессе постижения содержания в нем представляется, вообще говоря, отличное от него содержание.

3) Всеобщий предмет — это предмет всеобщего представления. Если мы понимаем под этим вид [Spezies], например, число π как таковое или красный цвет, то, как я должен подчеркнуть, этот предмет есть не мимолетный момент красного цвета, представляющий собой индивидуальную черту созерцания и реально существующий в качестве несамостоятельного момента конкретного целого. (Излишне спорить о том, стоит ли *называть* его реальным.)

Представление всеобщего, как и любое представление, нуждается в репрезентирующем содержании, и созерцание всеобщего конституируется на основе постижения чего-то индивидуального. Но это индивидуальное, момент красного цвета, имманентное присутствие которого в созерцании всеобщего я никогда не отрицал, но постоянно подчеркивал, — это не красный цвет in specie, который, напротив, есть идеальное интенциональное единство, данное «само» или же усматриваемое в ходе осуществления «собственной» абстракции или идеации (как я предпочитаю выражаться, чтобы не пользоваться общеупотребительным понятием абстракции), одним словом, данное при «восприятии» (в широком смысле этого слова) всеобщего. Разумеется, всеобщее существует не как единичное, но оно, тем не менее, существует, а именно таким образом, что соответствующий акт «всеобщего созерцания» действительно может быть осуществлен.

Если к сущности «собственного» всеобщего представления мы относим актуальное адекватное осуществление сознания всеобщего на основании соответствующей, самостоятельно переживаемой единичности (момента красного цвета), то мы отнюдь не совершаем психологического гипостазирования всеобщего. Ибо этот момент не есть всеобщее, но всеобщее это, можно сказать, идентичное в повторном осуществлении абстракции. Это идентичное не является ни мимолетным моментом красного цвета, ни результатом общего абстрагирования, поскольку все это случайные единичности

Когда я представляю всеобщий предмет, то это интенциональный предмет, то есть тот предмет, который я постоянно подразумеваю. При этом я никогда не оспаривал, что это представление необходимо имеет имманентное содержание в Вашем смысле, а именно момент красного цвета. Это не психологическая реализация, поскольку то, что реализуется, не является всеобщим, но это имманентное содержание (то есть как раз и не всеобщее), преходящая черта моего переживания. Красное вообще, субъект общих суждений, тождественно самому себе, независимо от того, кто выносит суждение. Однако всякий, кто выносит суждение, имеет свой собственный момент красного.

Марти — Гуссерлю, 17.VIII.1901

Глубокоуважаемый коллега!

Примите мою искреннюю благодарность за столь дружеское и обстоятельное письмо. На изложенные в нем рассуждения я позволю себе возразить следующее.

1. Ваш аргумент таков: если акт — это отношение к объекту, и если объект трансцендентен (как это и есть в большинстве случаев), то из моего тезиса следовало бы необходимое существование трансцендентных объектов. Следовательно, тезис (если существует акт представления, то существует и то, что представляется) не может быть верным.

Однако, что такое трансцендентный объект? Можно сказать, что это такой объект, который существует *не только* в сознании. Но в моем тезисе сказано только то, что если существует представление, то существует и то, что представляется. Существует ли это последнее и *помимо сознания* — это не имеет никакого отношения к представлению как таковому.

Допустим, Вы возразите: но я могу все же представить, например, движение, которое существует не только в представлении, но и в действительности. А значит, в соответствии с вышеуказанным тезисом, по меньшей мере здесь представлению требуется действительный объект.

Однако в этом я не вижу никакого опровержения. И здесь достаточно того, что *содержание* — движение, существующее не только в сознании, но и в действительности, — *есть в сознании*. Не было бы ничего абсурдного и в том случае, если бы оно существовало только в сознании.

Возьмем другой пример.

Христианин в ответ на скептическое сомнение мог бы убежденно возразить: триединый Бог существует не только в сознании, но в действительности. Но этот предмет фактически существует только в сознании.

2. Другое возражение с Вашей стороны, мне кажется, говорит о том, что у меня предметом представления синего, например, было бы не «синее», а «представленное синее». В действительности же предмет, представленный в представлении, есть «тот же самый предмет, о котором судят в соответствующем суждении и который является предметом соответствующей любви». Но это не представленное синее, а непосредственно синее.

Я совершенно согласен с этим Вашим утверждением. Предмет представления синего — это синее, а не представленное синее. Однако это очень хорошо согласуется с моим тезисом, что любому представлению соответствует коррелят, который необходимо существует, если существует представление. Поскольку тем самым не утверждается, что этот коррелят *как таковой* (то есть *представленное* синее) является предметом моего представления. По крайней мере это не так, когда речь идет о *первичном* акте *сознания*. Представленное как таковое является, в действительности, предметом *вторичного сознания*.

3. Кроме того, я не могу отказаться от различия между собственным и несобственным представлением, и мне не кажется, что допущение несобственных представлений ведет к бесконечному регрессу. Вы говорите: представление чего-то, что стоит к А в отношении х, заключало бы представление А и т. д.

Но моя точка зрения состоит в том, что А представляется только посредством его отношения к х. (Возможно, я недостаточно ясно выразился по этому поводу в рецензии на работу Джеймса.) Одно и то же А, например, атом кислорода, можно, вообще говоря, постигать как в соответствии с его существенными определенностями, так и в соответствии с совершенно несущественными отношениями, которые равным образом ему свойственны. Если я представляю этот атом только как коррелят подобного несущественного отношения, то он представлен несобственно, поскольку я, говоря об атоме, *подразумеваю* не только это несущественное отношение, но совокупность всех его определений, включая существенные.

* * *

Только сегодня я смог внести эти дополнения и пояснительные замечания к своему письму, и поэтому прошу извинить столь поздний ответ. Последние недели я был занят другим. Но теперь я нахожусь на отдыхе и провожу его в прелестной и богатой лесом области чешских гор.

Надеюсь, это письмо также застанет Вас в каком-нибудь живописном месте, где Вы проводите каникулы.

Желаю Вам хорошо отдохнуть. С товарищеским приветом

преданный Вам

А. Марти

17 августа 1901

Марти — Гуссерлю, 9.X.1905

Глубокоуважаемый коллега!

Извините, что беспокою Вас своей просьбой. В публикации, которую я сейчас готовлю, мне придется вести полемику с Вашими взглядами на природу предикации, расходящимися с моими собственными взглядами, и я бы хотел быть твердо уверен в том, что правильно понимаю Вас в главных пунктах. Мы доставим слишком большую радость тем, кто хочет покончить со всеми нами как со «схоластиками»[76], если *мы* не будем со всей точностью излагать взгляды друг друга там, где каждый из нас старается внести свой вклад в решение спорных вопросов. Для простоты я выписал свои вопросы так, чтобы Вы, не тратя время зря, могли разместить рядом краткий ответ.

Несколько дней назад я посетил профессора Штумпфа и был искренне рад возможности вновь побеседовать с ним. Он прибыл из Шёнбюэля[77] и был преисполнен хороших впечатлений от поездки. Профессор Брентано очень бодр. К сожалению, состояние его зрения не позволяет ему читать (несколько лучше обстоят дела с письмом, хотя и с этим ему следует быть осторожным). Однако он переносит все это самым достойным образом.

Как идут Ваши дела в прекрасном Геттингене? Я говорю «прекрасном Геттингене», так как у меня сохранились самые лучшие воспоминания об этом приветливом городе, который когда-то показался мне образцом места, освященного наукой, где я бы с удовольствием провел всю свою жизнь[78].

При случае прошу передать мой привет господину тайному советнику Бауману и его семье, а также профессору Мюллеру. Еще раз прошу извинить за беспокойство.

* * *

1) Вы называете «суждением» только те предикации, которые связаны с верованием [Glauben]?

2) Но может ли в таком случае быть так, что мы верим в то, что А присуще В, не признавая (не полагая) при этом А?

3) По-вашему, существуют ли также предикации, которые не сопровождаются верованием, просто «воображаемые предикации»?

4) И отличаются ли они от атрибутивных связей (например «белая бумага») или нет?

5) Когда Вы говорите: «Высказывания не могут занимать субъектное положение в немодифицированном виде»[79], — то под высказываниями Вы подразумеваете суждения в указанном выше

смысле или же вообще любые предикации? И означает ли требуемая модификация, что мысль перестает быть предикацией?

Гуссерль — Марти, 11/13.X.1905 (набросок)

Глубокоуважаемый коллега!

Спешу сообщить в приложении необходимые Вам сведения, а также выражаю свою искреннюю радость в связи с тем, что Вы собираетесь продолжить ряд своих публикаций по теории суждения, которые оказали мне неоценимую помощь и изучать которые я продолжаю. Эти вопросы я представляю себе все еще не вполне ясно. Тем более ценно для меня Ваше намерение рассмотреть мои попытки в этой области под увеличительным стеклом критики.

С удивлением и радостью я узнал, что профессор Штумпф был в Шёнбюэле и возвратился оттуда с хорошими впечатлениями. Я же, со своей стороны, крайне нуждался в отдыхе во время этих летних каникул [80] и был настолько утомлен и раздражен, что должен был отказаться от мысли осуществить свое искреннее желание вновь посетить моего уважаемого учителя Брентано. Очень рад Вашему успокаивающему сообщению — о состоянии его зрения до меня доходили более тревожные сведения.

За четыре года, что я живу в Геттингене, у меня было немало оснований быть довольным. Я работаю и добросовестно стараюсь заниматься преподаванием, пробуждая в своих учениках чувство серьезной философии. И в том, и в другом отношении те требования, которые я себе выдвигаю, слишком высоки, чтобы я мог быть удовлетворен. Однако меня не покидает ощущение, что я нахожусь на верном пути, и я радуюсь приверженности старательных учеников. Надеюсь, я смогу оставаться здесь, в «прекрасном Геттингене», где, мне кажется, я на своем месте, а потому с удовольствием буду здесь работать, несмотря на ту низкую оценку, которую дают мои ближайшие коллеги моим научным устремлениям, и несмотря на их усилия выдворить меня отсюда. Вы ничего не пишете о своей собственной жизни и деятельности, уважаемый коллега. Я могу только предположить, что у Вас все хорошо и Ваша успешная деятельность продолжается с тем же неизменным успехом, что и ранее.

* * *

ad 1) Да, если только этому «связаны» не придается неверного смысла. В действительности, конечно, нет никакой «связи» двух вещей: «предикации» и «верования». Верование не присоединя-

ется к предикации, но оно представляет собой тот модус предицирования, который мы имеем в виду, когда просто говорим о предицировании.

ad 2) и 3) Предицирование имеет различные модусы (так, наглядное представление может являться то в форме восприятия, то в форме фантазирования, тогда как его предметность остается той же самой, обнаруживаясь в тех же местоположениях, величинах, красках, формах). Я слышу и понимаю высказывание «S есть P», но при этом я не выношу суждение, а просто представляю. Я не выношу суждение, об истинности или ложности здесь нет и речи. С другой стороны, может случиться так, что в своем высказывании я выражаю сюжет картины, которую я непосредственно вижу, или свободную игру своей фантазии. Я не верю в существование художественных либо сфантазированных предметов или событий, я ни на минуту не допускаю ошибку (как то имеет место в случае иллюзии или галлюцинации). Но, с другой стороны, я все же говорю: «*Этот* юный окрыленный ангел (рафаэлевской «Теологии»[81]) парит, неся скрижаль». В таком случае наличествует модификация верования (belief), которая, видимо, имеет форму, отличную от указанного представления в случае простого понимания. Здесь имеет место «предикация фантазии», которая также имеет свою истинность и ложность. Когда я говорю: «Я представил себе в фантазии, что ...» или: «Эта картина представляет собой «Теологию», где ...», — то я выношу обычное суждение. Однако тем самым не удается, по-видимому, устранить предикации, включенные в придаточные предложения. В случае такого рода предпосылки (как я не вполне отчетливо выразился на S. 113 своего обозрения[82], которое в этом месте вообще недостаточно ясно и исчерпывающе) — *этот* юный ангел — и <функционирующих> на его основании полаганий («окрыленный» в предикативной части) говорится, разумеется, не о предпосылках в смысле гипотезы гипотетического суждения (предположим, что существует этот юный ангел). Равным образом, когда я здесь же говорю об обусловленном допущениями суждении, то я постоянно имею в виду такие допущения, которые обычно делаются, например, в математике, когда на основании дефиниций действительно выносятся суждения, например, о многообразиях n–ного порядка. При этом говорится об их существовании и несуществовании, доказываются те или иные положения и выносятся определенные суждения. Но истинность этих суждений зависит от генеральных допущений, которым они подчинены, от так называемых «аксиом», задающихся в соответствующем многообразии. В основание этих суждений можно, правда, положить придаточные

гипотетические положения, которые, однако, все сопрягаются с генеральными допущениями как с главными положениями*. Но в этих математических исследованиях выносимые суждения de facto не являются гипотетическими в этом смысле. Суждения несут при этом, так сказать, модифицирующий индекс: мы знаем, каким образом они нечто подразумевают, знаем, что они принимаются не абсолютно, а относительно. Равным образом и те «суждения», о которых шла речь, имеют свой уровень истинности, уровень этого художественного мира или мира моей мимолетной фантазии. И они также имеют свой модифицирующий индекс.

ad 4) Различие между высказываниями «эта белая бумага» и «эта бумага белая» распространяется на все модификации. Атрибутивные связи являются модификациями в совершенно ином смысле, нежели предикативные.

ad 5) Если предложение «S есть P» номинализировано в форме высказывания «То (то обстоятельство), что S есть P», то мы также имеет дело с новой модификацией.

В этом последнем случае мы уже не выносим суждение и не предицируем, но именуем положение дел. Собственное представление положения дел, а значит и интуитивное наполнение любого сопряженного с ним представления (в особенности прямого номинального представления) по своей сущности таково, что оно должно выстраиваться на основании действительной предикации. Номинальное представление является модификацией суждения в точном смысле: оно предполагает суждение и конституируется как собственное представление, учитывающее положение дел, которое изначально осознается вместе с суждением. Поэтому суждение как бы включено в номинальное представление. Но только «как бы». Вовсе не обязательно, чтобы в символическом мышлении я сперва осуществлял предикацию «S есть P», а уже на ее основании строил высказывание «то обстоятельство, что S есть P», словно бы этот базис всегда должен присутствовать здесь актуально и постоянно. Тем не менее, номинальное представление отсылает обратно к предикации и может конституироваться изначальным и собственным образом только на основании действительной предикации. В суждении «отрадно то обстоятельство, что S есть P» предицируется не «S есть P», но — даже если я только что осуществлял такого рода предикацию и на ее основании реализовывал номинальное построение — предицируется «отрадность». Равно как и в суждении «этот дом представляет собой неоштукатуренное здание» актуально не содержится суждение «это есть дом», несмотря на то, что это суждение должно актуально предицироваться к реализации собственного пред-

ставления смысла слов «этот дом» (для полной ясности можно сказать, что предицируется адекватно соответствующим «интуициям»), на основании чего и должна осуществляться номинальная модификация [83].

* Разумеется, анализ можно проводить и дальше, опираясь на ряд следующих ключевых слов: выражение того, что представляется (представляется в виде фантазии или в виде картины); правильность выражения; выражение того, что воспринимается, вспоминается, интуитивно полагается как действительность; правильность выражения *и* правильность полагания действительности.

Алексиус Майнонг

Майнонг— Гуссерлю, 17.V.1891

Грац, 17.V.1891.

Глубокоуважаемый коллега!

Когда я только собирался с благодарностью подтвердить получение Вашей первой дружеской посылки [84], пришла и вторая [85]. Однако поскольку я должен был завершить рецензию на вторую часть работы Штумпфа для «Ежеквартального журнала по музыкальной науке» [86], то лишь на Троицу я получил возможность поблагодарить Вас за то побуждающее влияние и то содействие, которое оказали обе Ваши статьи моим работам по теории познания, именно сейчас составляющим предмет моих занятий. Что касается самого главного — переноса исчисления объема понятий на исчисление содержаний, — то мне кажется, что задуманное Вами доказательство удалось. Если я при этом выражаюсь все еще несколько сдержанно, то это вызвано расхождениями в трактовке символов 0 и 1, а также тех частей теории суждения Брентано, которые я считаю неверными. Возможно, это относится и к Вашему главному тезису в каком-то из его пунктов, который в настоящее время ускользает от меня, поскольку я не имею возможности более подробно заниматься этим вопросом. Однако я не придаю большого значения этой возможности и надеюсь, что в основном Вы правы.

Еще раз примите мою искреннюю благодарность.

С товарищеским приветом

преданный Вам

А. Майнонг

Гуссерль — Майнонгу, 22.V.1891

Галле, 22.V.91.

Глубоуважаемый г-н профессор!

Сердечно благодарю Вас за любезное и необычайно меня порадовавшее письмо. Так как Ваше суждение для меня очень ценно, то Ваше согласие со мной (пусть предварительно и с оговорками высказанное) укрепляет мою надежду, что обе мои фрагментарные работы о логическом исчислении содержат в себе, по крайней мере, в принципе нечто верное.

Для меня не было неожиданностью, что Вы сразу проницательно подметили слабые пункты моего изложения — я имею в виду интерпретацию символов 0 и 1. Когда после многих месяцев занятий совсем в другой области я заглянул в напечатанные статьи и непредвзято перечитал их, я тут же наткнулся на этот пункт и заметил свои упущения. Меня одолели сомнения и противоречивые мысли.

В своем ценном письме Вы, уважаемый господин профессор, только в общих чертах говорите о «расхождениях» в трактовке символов 1 и 0, из чего я не могу заключить, отвергаете ли Вы мои интерпретации полностью или только отчасти. Неясно также, удалось ли Вам позитивно их дополнить. В любом случае я позволю себе изложить Вам свой сегодняшний взгляд на предмет, так как надеюсь, что он покажется Вам более удовлетворительным.

I. Трактовку символов 0 и 1 применительно к исчислению предметов (или к исчислению обусловленных признаков) я считаю верной. Неверным же я считаю следующее объяснение (S. 182 статьи и аналогично S. 271 рецензии) [87]:

VI. $0 \in A$

Одно предварительное замечание, касающееся смысла знака $A \in B$. Он означает:

«Если нечто есть A, то оно есть B».

Это не означает: если нечто *представляется* с признаками A, то оно представляется, или должно представляться, с признаками B (что относилось бы только к аналитическим аффирмативным суждениям в строгом смысле слова). Напротив, значение этого выражения таково:

«Если *признается*, что нечто обладает признаками A, то должно признаваться и то, что оно обладает признаками B». Равнозначным этому было бы следующее выражение:

«Если *имеется* нечто (если *существует* нечто), обладающее признаками A, то оно же обладает и признаками B».

Если это так, то

V. A ∈ 1

означает: «Если нечто обладает признаками A, то оно обладает и признаком существования». Этому эквивалентно: «Если нечто существует как обладающее признаками A, то оно существует», — что несомненно.

Рассмотрим теперь выражение

VI. 0 ∈ A (истинно для любого A),

то есть: «Если нечто есть несуществующее (или, что равноценно: «Если существует нечто, обладающее признаком несуществования»), то оно обладает и признаком A, каким бы ни был этот признак» (то оно обладает всеми и каждым признаком).

Доказательство.

Если N есть нечто несуществующее, то суждение

1) «*N есть A*» *ложно для любого A*. Если не существует никакого круглого квадрата, то суждение «круглый квадрат есть A (красный, не-красный, круглый etc.)» ложно для любого A.

В силу этого суждение

«N *не* есть A»

является истинным для любого A, следовательно, и в том случае, если вместо A я подставляю не-A, то есть

«N *не* есть не-A»,

где N — любое несуществующее,

A — <любой> признак.

Другими словами: не существует такого несуществующего, которое не было бы A, или, иначе говоря, если существует нечто несуществующее, то оно есть A, то есть: 0 ∈ A. qu. e. d.[88]

Мы можем выразить этот результат и так:

Если существует некое несуществующее N, то суждение

2) «N есть A» верно для любого A.

Это — контрадикторная противоположность того, что утверждается в пункте 1). Второй пункт равным образом следует из первоначальной гипотезы. Этот парадокс объясняется абсурдностью гипостазирования существования несуществующего, что ведет к прямому нарушению фундаментальных логических принципов. Но если мы заранее a priori предполагаем эти принципы и в то же время выдвигаем такую гипотезу, то из этого посредством логически корректных умозаключений следуют (что неудивительно) противоречивые и абсурдные выводы. Формула VI выражает, следовательно, верное положение (но не *аксиому*) о соотношении двух нелепостей.

II. Можно дать и иное истолкование символов 0 и 1, а именно:

пусть 1 — предмет, подпадающий под понятие «обладание каким-то признаком»,

0 — <предмет, подпадающий под понятие> «отсутствие всякого признака».

(Если считать, что *существовать* и *обладать каким-то признаком* — это равнозначные выражения, то можно придерживаться и прежней интерпретации.)

V. A ∈ 1 «Если нечто обладает признаком A, то оно обладает каким-то признаком».

VI. 0 ∈ A «Если нечто обладает признаком отсутствия всякого признака, то оно обладает любым признаком».

Доказательство совершенно аналогично тому, что дано для предыдущей интерпретации. Гипотеза здесь также абсурдна, а потому абсурден и вывод, отвергающий эту гипотезу.

III. Пользуясь случаем, хочу исправить еще одну свою ошибку. Аналогия между формулой Буля $SP_1 = 0$ («Класс всех S, которые суть не-P, есть пустой класс») и основной формулой универсального суждения Брентано [89] послужила для меня основанием предубеждения, что исчисление, исходящее из последней формулы, будет вынуждено следовать технике Буля или же сходной с ней. Но одного взгляда на формулы I–VIII было бы достаточно, чтобы показать, *что все они в целом могут быть прочитаны в смысле основной формулы Брентано*. Таким образом, и все это исчисление может быть истолковано как исчисление негативно-универсального вывода. (A ∈ B в этом случае означает «не существует A, которое не есть B».) То же самое следовало бы и из рассуждений на S. 185 статьи [90], которые проясняют, что исчисление, которое обосновано для одной формулы универсального суждения, идентичным образом может быть переведено в *любую эквивалентную* формулу, т. е. может быть истолковано в ее смысле salva veritate [91]. Ограничение на *аффирмативные* эквивалентные формы (там же) было введено совершенно произвольно и обусловлено только указанным предубеждением. При этом не обязательно должны исключаться даже такие формулы, которые (в единообразном выражении) подчиняют универсальному суждению в действительности не одно, а несколько суждений в качестве эквивалентных. Это относится к формулам тождества (Буль, Джевонс: S. 174 [92]) и к формулам эквивалентности (ср. S. 175, строка 12 снизу [93]).

Правда, сложность составления формул становится почти невыносимой, и поэтому ясно, что единственный правильный способ построения исчисления состоит в том, чтобы полагать в осно-

вание самые примитивные формулы (I A, 173[94]), что, в свою очередь, позволит обосновать и все другие формулы исчисления.

VI. Мои интерпретации символов 0 и 1 в «исчислении высказываний» являются, по всей видимости, ложными. Я заменяю их новыми:

1 означает суждение «Существует истинное суждение» [95];

0 <означает суждение> «Не существует истинного суждения».

V. A ∈ 1: Если истинно суждение A, то существует одно истинное суждение.

VI. 0 ∈ A (где A — любое суждение): Если истинно суждение «Не существует ни одного истинного суждения», то истинно *любое* суждение.

Доказательство. Если не существует ни одного истинного суждения, то не является истинным и суждение A_1 — контрадикторная противоположность A; следовательно, суждение A является истинным. При этом A может означать любое суждение. Следовательно, истинно *любое* суждение. qu.e.d.

Здесь из абсурдной гипотезы также логически следует отвергающий ее абсурдный вывод.

V. Следует также отметить, что даже если мои интерпретации символов 1 и 0 были бы неправильны (также и в новой формулировке), то исчисление содержаний оказалось бы не в лучшем положении, чем исчисление объемов. Потому что те же самые трудности, которые связаны с этими символами в первом исчислении, равным образом относятся и к последнему. *Любая правильная интерпретация одного и того же в одном исчислении необходимо дает путем простого эквивалентного преобразования* (объемы — содержания — предметы) *правильную интерпретацию в другом исчислении.* Трудности, связанные со спорными символами, упускаются из виду только в силу поверхностности логиков, занимающихся основоположениями исчисления.

В конце я хотел бы заметить, что устройство техники выведения представляется мне совершенно независимым от теории суждения Брентано (равно как и от любой другой теории суждения).

* * *

Эти дополнения и исправления к моей статье я намереваюсь изложить в заметке для «Ежеквартального журнала научной философии» [96]. Я буду очень благодарен, если Вы сообщите, удалось ли мне развеять Ваши сомнения и представляются ли Вам удовлетворительными мои теперешние объяснения символов 0 и 1.

Позвольте мне также, глубокоуважаемый господин профессор, преподнести Вам экземпляр моей «Философии арифметики» [97]. Я

буду рад, если Вы найдете в ней что-то хорошее и полезное. Это сочинение в основной своей части является результатом работы прежних лет. Его возникновение связано со столь многочисленными превратностями и препятствиями, что едва ли оно может произвести впечатление гармоничного и уравновешенного целого. Надеюсь, однако, что я не напрасно трудился и не слишком отошел от истины, по крайней мере в том, что касается существенных вопросов.

Пользуясь случаем, позволю себе исправить одну искажающую смысл опечатку в этой книге.

S. 302, 21 строка снизу — следует читать *систематическое* (число) вместо *символическое*.

Еще раз выражаю Вам свою искреннюю признательность за Ваше дружеское послание.

Преданный Вам

Э. Гуссерль

Майнонг — Гуссерлю, 19.VI.1891

Грац, 19 июня 1891.

Глубокоуважаемый коллега!

Благодарю Вас за еще одно дружеское послание, которое на этот раз было сопровождено внушительным томом. И опять я должен просить извинения за то, что так долго медлил с выражением своей благодарности. Сперва я хотел дочитать книгу до конца, но этому намерению постоянно препятствовали какие-то неотложные дела. Поскольку они имеют обыкновение накапливаться к концу семестра, то мне все же кажется уместным сказать Вам то, на что я имею полное право уже по знакомству с первой половиной книги[98]: поздравляю Вас с удавшейся работой, которую одобрит любое заинтересованное лицо.

Разумеется, это еще далеко не означает, что я согласен с Вами по всем вопросам. Некоторые из возражений включены в ту небольшую работу, которую я прилагаю к этим строкам[99], другие известны Вам из соответствующих мест моих прежних сочинений, хотя в Вашей книге заметно стремление не демонстрировать читателю знакомство с ними.

Исключение составляет, насколько я вижу, только примечание на S. 215, которое обвиняет меня, хотя и в вежливой форме, в плагиате. Так как это «с давних пор»[100] не может опираться на Ваш собственный опыт, то Вас, без сомнения, неправильно информировали. Однако то авторитетное лицо, на свидетельство которого

Вы опирались, могло бы заключить из одной моей рецензии (Göttingische Gelehrte Anzeigen 1890 S. 73[101]), что я не могу терпеливо сносить подобные обвинения, и Вы найдете извинительным, что я и в этот раз при удобном случае забочусь о необходимом уточнении.

Между тем, столь радостная для меня (за исключением последнего второстепенного пункта) литературная новость оттеснила на задний план наши расхождения в трактовке символов 0 и 1, и я, по-видимому, сильно запоздал бы с обстоятельным ответом на Ваше дружеское послание от 22-го числа прошлого месяца. Поэтому позвольте мне ограничиться здесь одним общим замечанием. Принцип «исходя из чего-либо абсурдного я могу высказывать все что угодно, потому что не может быть ничего еще более абсурдного» представляется мне отнюдь не бесспорным. Разве не более естественно сказать хотя бы следующее: именно потому, что здесь постоянно выходит только нечто абсурдное, за это не стоит и браться? Ваше доказательство — «Круглый четырехугольник не является ни красным, ни чем-то иным, поэтому он не является не-красным, поэтому он все же является красным» — любой наивный человек объявит софистическим. Но разве мы не должны прислушиваться к такого рода здоровой интуиции? И если это доказательство позволяет, несмотря на сопротивление, навязать одну отрицательную позицию Вашего доказательства в ущерб другой, то не объясняется ли это тем, что в обычной жизни отрицание употребляют так часто именно с той целью, чтобы отклонять утвердительное высказывание?

Еще раз благодарю Вас за замечательный подарок.

С товарищеским приветом и уважением

А. Майнонг

Гуссерль — Майнонгу, июль 1891

<...> То, что Вы не по всем пунктам согласны со мной, я вполне понимаю, поскольку и сам прекрасно вижу недостатки своей книги. Однако мое положение было именно таково, что я не был в состоянии ничего улучшить — даже там, где я сам видел в этом необходимость. Надеюсь, второй том выйдет гармоничнее и лучше, если условия будут благоприятствовать этому.

Меня очень порадовала, уважаемый господин профессор, полученная от Вас статья «К вопросу о психологии комплексов и отношений». Мне не пристало Вас хвалить, и все же я могу сказать, что с живейшим интересом слежу за Вашими мыслями, продумы-

ваю их снова и снова и стараюсь связать их с собственным кругом идей.

Однако я не обнаруживаю каких-то многих или существенных различий, как это можно было бы заключить из Вашего письма. Конечно, большая разница в терминологии: слово «отношение» я использую совершенно иначе и (если я верно понимаю) называю так то, что Вы называете «комплексом» (fundamentum relationis Милля [102]; можно называть это также «целое в самом широком смысле слова»). Однако в настоящий момент я не могу позволить себе вступать в предметную дискуссию. О таких тонких вопросах сложно выносить суждение, не исключена также возможность неверной интерпретации, тем более для тех, кто пошел близкими, но все же различными путями мысли. Небольшие, на первый взгляд, нюансы могут иметь здесь значительные последствия. Кроме того, предварительно я хотел бы тщательно изучить прекрасную работу Эренфельса о гештальт-качествах [103].

Заметка по поводу символов 0 и 1 для «Ежеквартального журнала» уже напечатана [104], и поэтому я не смог воспользоваться теми возражениями, которыми Вы со мной любезно поделились. Должен, однако, признаться, что я и не был ими убежден. Принцип «исходя из чего-либо абсурдного, я могу высказывать все что угодно, потому что не может быть ничего более абсурдного» является, конечно, вовсе не бесспорным. Но я и не думал его использовать. Мне необходимо лишь следующее соображение: абсурдную гипотезу также можно сделать исходным пунктом правильного вывода, который, однако, приводит затем к противоречивым и абсурдным результатам. Мне также кажется, что отпадает всякая тень сомнения для интерпретации знака $A \in B$ как «не существует такого A, которое не есть B».

Заканчивая эти строки, я выражаю еще раз свое искреннее сожаление по поводу задевшей Вас досадной ошибки, которую я допустил.

С выражением глубочайшего уважения
преданный Вам
Э. Гуссерль

Гуссерль — Майнонгу, 22. XI.1894

Галле 22. XI.1894.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Я искренне рад получению Вашей новой работы [105] и спешу выразить Вам свою сердечную признательность. К сожалению, еще месяц я не могу позволить себе поддаться искушению и погрузиться в изучение Вашей теории ценностей, хотя я ожидаю от нее серьезных стимулов к своей работе и проявляю живой интерес к этому предмету. Этой зимой я должен посвятить все свое время исследованиям по логике дедуктивных наук (второму тому своей «Философии арифметики»), которые я возобновил после продолжительного перерыва и надеюсь завершить к будущей весне. Разумеется, я буду рад преподнести Вам экземпляр готовой работы, основные результаты которой, надеюсь, Вас заинтересуют.

Однако кто знает, какой области тогда будут принадлежать Ваши труды и интересы и смогу ли я, наконец, достойно отблагодарить Вас!

С выражением глубочайшего уважения
преданный Вам
Э. Гуссерль

Майнонг — Гуссерлю, 12.VII.1900

Грац, 12.VII.1900.

Уважаемый коллега!

Искренне благодарю Вас за присланную книгу [106]. Она застала меня в ужасной суматохе конца семестра, поэтому я должен был пока ограничиться беглым пролистыванием. Но при этом я обнаружил уже многое, с чем я могу честно согласиться, столь многое, что для меня была несколько неожиданной участь «психологиста», в которые я был зачислен вместе с Хёфлером [107]. Я буду удивлен, если у Хёфлера возникнет сколько-нибудь иное впечатление. Однако лучше error in persona, чем error in re [108], и я не сомневаюсь, что Ваша новая публикация будет достойным благодарности образом противодействовать подобным заблуждениям.

Примите мои наилучшие пожелания к празднику.

С товарищеским приветом и праздничными поздравлениями
преданный Вам
А. Майнонг

Гуссерль — Майнонгу, 27. VIII.1900

Галле 27. VIII.1900

Глубокоуважаемый г-н профессор,

сердечно благодарю Вас за Ваш (несколько беспокоящий меня) дар. Дело в том, что вторая часть моих «Логических исследований», находящаяся сейчас в печати, содержит объемный раздел о теории абстракции [109]. И как бы я ни был рад, с одной стороны, согласию своих мыслей с Вашей новой работой, с другой стороны, если я допустил какие-то серьезные упущения, то я буду сожалеть о том, что они будут исправлены Вашей ранее опубликованной работой, вместо того, чтобы мне заранее извлечь из нее своевременную пользу. Мое исследование, основные идеи которого разрабатывались на протяжении целого ряда лет, критически учитывает — помимо более ранних мыслителей — работу Милля [110] (прежде всего — его спор со Спенсером (Logik, Gomperz I, 185f. Anm. [111]). Меня удивляет, что в дискуссиях последнего времени имя Милля не упоминается. Этим летом я еще успел принять во внимание статью Корнелиуса, [112] а также Вашу прекрасную и поучительную работу «О предметах высокого порядка», [113] с которой, к сожалению, я познакомился только сейчас. Собственно говоря, мои исследования уже давно должны были быть напечатаны. Уже в начале мая подготовленная для печати рукопись была у издателя [114], который, однако, продержал ее до каникул, и, кажется, вообще не думал о том, чтобы всерьез взяться за выполнение принятых на себя обязательств. (В конце концов, это привело к разрыву отношений, и Нимейер (Галле) взял на себя издание обеих частей.) Возможно, мне удастся в какой-либо форме, хотя бы в приложении, учесть Ваши — как всегда поучительные — рассуждения [115]. В теории абстракции я уделяю особое внимание некоторым пунктам, от которых, по моему мнению, слишком сильно «абстрагируется» эмпирическая логика. Могу ли я при этом рассчитывать на Ваше одобрение? В отношении того приема, который найдут у Вас мои феноменологические исследования по теории познания, я настроен — к сожалению — весьма скептически, особенно после Ваших дружеских строк от июля сего года. Меня ощутимо задело то, что Вы так мало смогли оценить наши разногласия в том, где мне потребовались годы отчаянной работы, чтобы избавиться от сомнений и трудностей, которые проистекали из моей прежней точки зрения, принципиально идентичной с Вашей. Однако я все же надеюсь, что вторая часть «Логических исследований» предоставит доказательство тому, что мой спор

против психологизма — это не пустой спор о принципах, который поверхностно затрагивает предметы, но он основывается на самой серьезной проработке феноменологии познавательных переживаний. Надеюсь, то, что я написал за полные забот годы самой сосредоточенной работы, может быть (несмотря на некоторое несовершенство и незаконченность, объясняющиеся неблагоприятными условиями работы и трудностью предмета) полезно и тем, кто пока достаточно далек от моей позиции. И Вы, уважаемый господин профессор, были одним из очень немногих людей, о которых я при этом постоянно думал. В философии не так много надежных и серьезных тружеников. Притворство и видимость работы еще и сегодня слишком распространены в нашей науке. Я был бы от всей души рад предложить что-то и Вам после тех многочисленных ценных побуждений, которыми я Вам обязан.

Надеюсь, без повторных и досадных сбоев печать этого довольно объемистого тома будет закончена осенью. И если «Пролегомены» вышли с запозданием почти на 1 год (текст был готов еще в ноябре прошлого года), я все же не хотел бы повторения такого развития событий с новым томом. Уже не из-за внешних обстоятельств — мало радости в течение 13 лет быть приват-доцентом и титулярным «профессором».

С уважением примите мои дружеские пожелания к празднику.

Преданный Вам

Э. Гуссерль

Гуссерль — Майнонгу, 5.IV.1902

Геттинген, 5 апреля 1902.

Глубокоуважаемый г-н профессор,

с искренней благодарностью подтверждаю получение Вашего замечательного подарка, представляющего несомненную ценность как для меня, так и для всего научного мира, — Вашей новой работы «О предположениях» [116]. Я немедля с живым интересом принялся за ее чтение, и поэтому уже могу поделиться с Вами теми впечатлениями, которые она на меня произвела.

Прежде всего я искреннее восхищаюсь тем, что Вы в такое короткое время, за год с четвертью, завершили столь обширную работу, затрагивающую чрезвычайно сложные вопросы, и тем самым продемонстрировали образец своей исключительной работоспособности и проницательности.

О том, насколько важным я считаю обсуждение этих вопросов и какое фундаментальное значение я придаю анализу и описа-

нию соответствующих феноменологических фактов, — об этом говорит уже то обстоятельство, что второй том моих «Логических исследований» в значительной мере посвящен именно этим проблемам. Но тут я вынужден, к сожалению, выразить то недоумение, которое мне пришлось испытать при ознакомлении с *содержанием*, когда я прочитал в предисловии и, кроме того, в других местах Вашей книги, что только по инициативе госпожи Рудакович и благодаря ее работе «была открыта большая и важная область исследований»; что речь идет о совершенно новой, «до сих пор *оставленной в теории без внимания*» области исследований, которую «*соответствующая литература*» до сих пор не освоила, «ex professo еще *совершенно непроработанной*» и т. д. [117].

Когда Вы начали работу над своим трудом, то, конечно, не могли знать (поскольку я ничего не публиковал), что на протяжении многих лет я работал в той же самой области и всесторонне разрабатывал ее в ряде письменных изложений (начиная с 1893 года). Продвигаясь от проблемы к проблеме, стремясь достигнуть ясности во взаимосвязи познания в целом, я воздерживался от того, чтобы публиковать какие-то отрывочные фрагменты.

Наконец вышел в свет первый ряд моих феноменологических исследований (в виде второго тома «Логических исследований»). В этом томе уже изложены фундаментальные факты и проблемы «новой», «совершенно непроработанной» области исследований, они затронуты здесь далеко *не поверхностно*, но рассмотрены со всей строгостью, ясностью и, по большей части, с особой *обстоятельностью*.

Конечно, очень отрадно, что Вы, уважаемый коллега, цитируете мою книгу, но, к сожалению, это цитирование кажется мне совершенно искажающим объективные отношения между нашими параллельно ведущимися исследованиями.

Это ни в малейшей степени не означает, что я считаю Вас способным к mala fides [118]! Я слишком хорошо знаю по собственному опыту, насколько тяжело тому, кто занят работой над сложным произведением, прервать этот процесс для глубокого изучения недавно вышедшей книги, чтобы учесть и ее результаты в своей работе. Очевидно, что в мае прошлого года (раньше Вы не могли бы получить мою книгу) Вы уже завершали свою работу. Но из-за того, что Вы, действуя из самых благих побуждений, привели цитаты, фактически не изучив мою работу, а также из-за той манеры, в которой Вы это сделали, у читателя, который не ориентируется в ситуации, может сложиться убеждение, не соответствующее фактам. А именно, что подобные вопросы в моей книге затронуты совершенно разрозненно и мимоходом, что они не обсужда-

ются подробно и не являются объектом специально к ним обращенных исследований, рассматривающих их в широком теоретическом контексте.

Вопросам выражения и значения, представления и предмета, акта представления и акта суждения, созерцания и мышления, «объектива» и «предположения», а также проблемам суждения, очевидности и истины и т. д. в моей работе целиком посвящены первое и четвертое исследование, затем, прежде всего, пятое и шестое исследование (S. 323–693), причем последнее является важнейшим для всей книги. Одно только это составляет многие сотни страниц. Но и остальные исследования часто затрагивают эти проблемы (особенно существенным образом — второе исследование).

Разумеется, я не думаю, что наши исследования совпадают или, тем более, делают друг друга излишними. Это неверно и в отношении объема, и в отношении содержания. Мои исследования более обширны по кругу обсуждаемых в них проблем, тогда как Ваши сосредоточены на более узком круге вопросов, всесторонне и более детально прослеживают то, что я, связанный вниманием к другим проблемам, вынужден был опускать или излагать менее обстоятельно. Так как за «первым рядом» моих исследований (ср. предшествующую страницу моего письма) должен последовать еще и второй ряд, то я, естественно, отделил то, чему предстоит занять свое настоящее место в задуманных исследованиях нового ряда. Некоторые рассуждения я сильно сократил, поскольку, чувствуя себя изолированным в своих теоретических устремлениях, не рассчитывал поначалу на встречный интерес. Должен упомянуть и о том, что я со столь многим свыкся за прошедшие годы сугубо внутреннего развития, столь многое стало для меня само собой разумеющимся, что я больше не чувствовал необходимости постепенно воспитывать в других равное понимание, но считал возможным ограничиться краткими указаниями или описаниями.

Впрочем, если мы будем придерживаться того, что уже напечатано, то, несмотря на больший объем Ваших публикаций, довольно значительная их часть появящена тем областям, которые были исследованы и Вами, и мной. Кроме того, даже в пределах этого круга я иногда подробно обсуждаю те проблемы, которые Вы только намечаете к исследованию (ср. окончание Вашего § 61 и мое пятое исследование, § 28–31).

Наши работы никоим образом не совпадают не только по объему, но и по содержанию. И это совершенно понятно! Когда два географа посещают одну и ту же страну и описывают то, что

встречается им на одной и той же дороге, то описание «тех же самых» мест будет совершенно различным. Так и в нашем случае. Задача взаимной критики могла бы при этом состоять в том, чтобы более чистым образом объективировать эти вещи и устранить встречающиеся неверные толкования.

Насколько бы мы ни расходились в терминологии и выводах, очевидно, что основная ценность подобных исследований состоит в усмотренных аналитических *фактах*, а также в той точности, благодаря которой они сохраняют значимость, несмотря на их критическое обсуждение. И именно потому, что феноменологически исследованные вещи представляют большую ценность, чем речи и обсуждения, я имею право вступиться здесь за свою книгу. Это вызвано не тщеславием, которого следовало бы стыдиться, а той большой самоотверженной работой над этими проблемами, которой я посвятил десятилетия серьезных и уединенных усилий.

Боюсь, что при чтении этих строк у Вас может возникнуть сильное недоумение, так как здесь говорится о совместных исследованиях, наличие которых не бросилось Вам в глаза при знакомстве с моей книгой. Однако это знакомство по понятным и упомянутым выше основаниям было, конечно, только поверхностным. Приводимые Вами цитаты говорят сами за себя: что касается второго тома, то они вращаются только вокруг I-го исследования, затрагивают лишь второстепенные пункты и демонстрируют недоразумения такого рода, которые легко возникают у поверхностного читателя. Я никогда не использовал термин «значение» в Вашем смысле. Он означает не предмет, не «объектив» (или какой-то иной аналог предмета), но исключительно *смысл*, «*содержание*» представления, вникнуть в сущность которого, со всеми глубокими и — как я хотел бы думать — новыми проблемами, заключенными в нем, было главной целью моих усилий.

Одно только это недоразумение совершенно исключает подлинное понимание моих работ. Равно как и параллельное недоразумение: сообразно различию содержания и предмета в случае номинальных представлений я провожу такое же различие применительно к пропозициональным и полным высказываниям. «Положение» [Satz] есть содержание или значение (в *моем* словоупотреблении), тогда как соответствующий «предмет» называется у меня «положением дел» [Sachverhalt]. Следовательно, *положение дел = объектив* в Вашей терминологии. Торжественная дефиниция второго тома (S. 417 [119]) даже случайно содержит выражение «объективное». «Предположение» = (приблизительно) пропозициональное представление. Это «приблизительно» подчеркивает существенное различие. Большая часть Ваших примеров, которые

разъясняют, что такое предположение, у меня отсутствует, и это связано с вескими соображениями. Совершенно сознательно я отделяю допущения — предположения в собственном смысле слова и, соответственно, подпадающие *под* понятие допущения акты верования [belief-Akte] — от простых пропозициональных представлений (и, напротив, не отделяю представления *от* суждений), которые связаны с обычным пониманием положений, так как здесь я обнаруживаю дескриптивное различие. Подробное обсуждение этого различия, которое меня уже давно беспокоит и занимает, я приберег для феноменологии гипотетического суждения. Несмотря на ощутимые трудности, одно время я также разделял Вашу точку зрения, согласно которой чисто номинальные представления отличаются от положений дел и «мнимых суждений», проводя затем это различие применительно ко всем другим актам. Об этом свидетельствует один конспект конца 1899 года, который я позволю себе приложить к этому письму.

Если Вы не согласны с моим решением, то это будет для меня поводом для повторного изучения этого вопроса. Ваша книга еще долгое время будет служить мне источником плодотворных побуждений. Ваша точка зрения представляет для меня особую ценность, так как я могу отдать должное тому, что относится к сути дела. Ваша хорошо известная проницательность идет на пользу теоретической ясности тех проблем, которым я посвятил — да и сейчас продолжаю посвящать — все силы своих лучших лет, и я с удовольствием использую результаты Ваших успешных трудов.

Особый интерес у меня вызвала глава Вашей книги, посвященная «предположительным выводам» [120], — теме, которой я, на первый взгляд, лишь поверхностным образом смог коснуться во втором томе «Логических исследований», но которая имплицитно глубоко затрагивается во втором исследовании, посвященном категориальным функциям. В 1895/96 гг. я довольно много занимался гипотетическими суждениями и выводами. Несмотря на существенные расхождения в наших взглядах, они согласуются в ряде важных пунктов. Одна из моих старых идей связана с фундаментальной редукцией подлинных гипотетических положений к выводам (я отличаю заключающие гипотетические положения как «совершенные» от «несовершенных», которые являются результатом «деструкции» (запрещения предположений), а также от «сверхсовершенных» положений с «излишними» предположениями и т. д.). Этот вопрос, равно как и другие достаточно важные вопросы, которые не затронуты в Вашей публикации, я часто и подробно обсуждал на своих лекциях и семинарах. Особенно поучительным было для меня рассмотрение парадокса, с которым

я столкнулся при критике попытки Брентано редуцировать гипотетическое суждение. Вот этот примечательный крепкий орешек.

Тезис: 1) если истинно А, то истинно и В = 2) неверно, что А истинно и В не истинно (А и В — предложения, знак «=» означает эквивалентность).

Доказательство: Очевидно, истинно если 1), то 2), если 2), то 1).

Противоположный тезис: Указанная эквиваленция ложна. Потому что если два утверждения эквивалентны, то эквивалентны и их контрадикторные противоположности.

Однако отрицание положения 1) звучит:

1) если истинно А, то необязательно, что истинно В.

Отрицание положения 2):

2) *истинно* то, что А истинно и В не истинно.

Но ясно, что 1) и 2) — это различные высказывания.

Вместо 2) должно было бы стоять: *возможно*, что ...

В сущности, парадоксальность такого рода распространяется и на другие случаи.

Наводя порядок в старых рукописях, я как раз наткнулся на уже позабытую разработку 1893 года[121], которая близка изложенным Вами идеям. Мне кажется, что Вам будет небезынтересно взглянуть на эти страницы. Кроме того, высылаю Вам рукопись 1894 года об интенциональных предметах, представляющую собой реакцию против Твардовского[122]. Конечно, в настоящее время я не стал бы придерживаться всех ее отдельных утверждений и выводов.

Довольно существенны наши разногласия по вопросам природы ощущения, восприятия, воображаемого представления и их связи с мыслительными представлениями («предположения» и т. п.).

Однако я не теряю надежду на то, что и в этом вопросе мы найдем точки соприкосновения, особенно после того, как я в развернутом виде опубликую свой анализ наглядных представлений (представлений восприятия и фантазии). В 1897 г.[123] я завершил обширную работу, посвященную этим вопросам, однако она еще не учитывает существующую литературу по этой теме и находится несколько в стороне от моих недавних интересов.

Во время этих пасхальных каникул я занят полной переработкой своих лекций по этике[124] и с *огромной пользой* изучаю Ваши психологически-этические исследования, посвященные теории ценности. При этом очень кстати для меня оказалась VIII глава Вашей книги «О предположениях». В кругу этих идей я буду пребывать до конца семестра, надеюсь, что во время летних каникул мне удастся подготовить одну публикацию, посвященную логике.

При этом, видимо, понадобится тщательный письменный разбор расхождений в нашей работе.

Я был бы очень рад, если бы Вы внимательно изучили второй том моих «Логических исследований» и зафиксировали свое отношение к ним в форме научной критики.

На этом я завершаю свое затянувшееся письмо. Надеюсь, оно не покажется Вам нелюбезным, и Вы, возможно, найдете способ, прибегнув к соответствующей нашим дружеским отношениям поправке, с самого начала положить конец возможным недоразумениям, которые могут быть вызваны указанным выше цитированием и настойчивым подчеркиванием совершенной новизны рассматриваемой области фактов.

Примите искренние пожелания к празднику. С уважением,
преданный Вам
Э. Гуссерль

Майнонг — Гуссерлю, 10.IV.1902

Грац, 10.IV.1902.

Глубокоуважаемый коллега!

Вы правы в своем предположении, что я еще не успел достаточно основательно ознакомиться с Вашими «Логическими исследованиями». Когда летом прошлого года второй том этой работы попал мне в руки, я как раз работал над восьмой главной своей книги, посвященной вопросам теории ценностей. Остальные части работы уже были в основном готовы для публикации. Хотя в течение летних каникул я еще надеялся принять во внимание Вашу публикацию в своей работе, я очень скоро заметил, что полемика с Вашими разработками как по объему, так и по времени требует несоизмеримо большего, нежели то, чем я располагал. И поскольку из-за срочной работы, которая мне предстояла в зимнем семестре, я был вынужден спешно завершать книгу, то получилось так, что я быстро прекратил чтение, явной целью которого в тот момент был поиск того, что отвечало бы моей теме, и, соответственно, мог упустить какие-то важные моменты. Мое цитирование, однако, руководствовалось желанием обратить внимание читателей на работу, нацеленную на достижение сходных с моими целей. Если бы я мог предвидеть, что это цитирование будет нежелательным для Вас, то я бы с легкостью мог от него отказаться и тем самым, по существу, поступил бы аналогично тому, как Вы относились к моим работам, созданным в Граце.

Разумеется, я оставил изучение Ваших «Логических исследований» с намерением вернуться к ним в ближайшее время. Ваше

сообщение о том, что в них я могу встретить обсуждение предположений и объектива, усиливает это намерение, для осуществления которого я отвел для себя предстоящую зиму. В это время я также надеюсь познакомиться поближе с Больцано, недостаток знания работ которого (вследствие внешних обстоятельств и вопреки своему давнему желанию) я вполне осознаю. Если в ходе этих штудий я приду к убеждению, что мне следует исправить то, что было высказано по поводу Вашей работы в моих «Предположениях», то я, если Вы посчитаете это важным, изыщу возможность выразить это в печати. Однако я все же думаю, что слишком скрупулезные дискуссии по поводу того, что было обнаружено Вами, что мной, а что — нами обоими, не покажутся ни интересными, ни важными для незаинтересованных лиц. Намного более важным мне представляется предоставление шанса истине, которая находится в согласующихся результатах независимо проводимых исследований. И поскольку эти результаты все еще являются предметом нападок многочисленных противников, то в целом я испытываю значительно большую потребность в том, чтобы подчеркнуть в печати наше согласие, а не наши разногласия.

К сожалению, в настоящее время я должен отказаться от столь любезно предоставленной Вами возможности познакомиться с Вашими старыми рукописями — как по внешним, так и по внутренним основаниям. Внешние причины состоят в том, что в ближайшее время я должен оставить в стороне весь этот круг проблем, поскольку все мое внимание посвящено другого рода специальным вопросам. Не хочу скрывать также и того, что есть и другая причина. Надеюсь, Вы не станете обижаться, если я скажу, что Ваше письмо вызвало у меня впечатление, что Вы небезразличны к потере духовной собственности. Однако в будущем может легко случиться так, что какая-то созвучная Вашим рассуждением мысль всплывет и в моих публикациях, тогда как я уже не буду помнить, что когда-то встретил ее у Вас. Первое основание отпадает с началом предстоящей зимы, второе бы отпало в том случае, если бы мне удалось убедить Вас в том, что небольшая беспечность в собственных делах нередко становится хорошей защитой против опасности растрачивать по мелочам те силы, которые так необходимы для великого. Я был бы искренне рад посвятить, скажем, ближайшие рождественские каникулы знакомству с Вашими рассуждениями, если к этому времени они еще не будут доступны в опубликованном виде.

С товарищеским приветом,
преданный Вам
А. Майнонг

Карл Штумпф

Гуссерль — Штумпфу, февраль 1890

Глубокоуважаемый г-н профессор,

извините, что я лишь сегодня отвечаю на Ваше сердечное новогоднее письмо. После того, как в начале нового года я потерял две драгоценные недели из-за обременительного недомогания, увлечение работой совершенно не давало мне передохнуть до начала этой недели. Ведь к этому сроку должна была быть готова одна часть моей работы [125], а этого удалось добиться только благодаря использованию каждой минуты. Таким образом, только сегодня я могу от всего сердца поблагодарить Вас за дружеские пожелания. Мы рады тому, что Вы и Ваша супруга все это время чувствовали себя хорошо и что грипп, за исключением Руди, обошел вас стороной. Мы также принадлежим к этим редким исключениям. Надеемся, что дифтерия и грипп не слишком подорвали здоровье бедного Руди. Вы поступили правильно (как нам сказала госпожа Кантор), когда этой зимой не стали посылать его в школу. Кроме того, я был очень рад сообщению о завершении второго тома Вашей «Психологии звука» [126]; надеюсь, Вам не пришлось прибегать к замене корректурных оттисков. Vivat sequens! Я также намереваюсь в ближайшем времени закончить свою работу. Около 200 печатных страниц уже готово, и еще 150–200 листов я должен за эти 9 недель привести в такое же состояние. Если небо даст мне на этот раз сил и злой демон нервозности и впредь останется смирным, то все это я надеюсь благополучно довести до конца. Правда, у меня еще нет связного плана для части, излагающей arithmetika universalis, но все же руководящие идеи созрели и гарантированы многолетними трудными размышлениями. К сожалению, я не наделен даром что-то прояснять для себя в процессе письма и переписывания. Пока мне что-то неясно, перо не движется с места. Но стоит мне достичь ясного понимания, как все живо становится на свои места. Моя габилитационная работа [127] также без предварительного плана была приведена в порядок за несколько недель. Так и сейчас я надеюсь (если мне не изменит то счастливое расположение духа, которое этой зимой сделало из меня совершенно другого человека), что в течение бли-

жайших 9 недель смогу изложить теорию, готовившуюся годами. Результаты, к которым я пришел, довольно примечательны. Довольно быстро обнаружилась ложность того мнения, которым я руководствовался еще при работе над габилитацией, а именно, что в основе общей арифметики лежит понятие количества. (Уже анализ порядкового числа привел меня к этому выводу.) Никакими фокусами, никаким «несобственным представлением» из понятия количества нельзя вывести отрицательные, рациональные, иррациональные и комплексные числа. То же самое относится и к понятию порядкового числа, к понятию величины и т. д. И сами эти понятия вовсе не являются логическими спецификациями понятия количества. Фактически, «общая арифметика» (включая математический анализ, теорию функций etc.) *применяется* к количествам («теория чисел»), а также к порядковым числительным, непрерывным количествам, к n-мерной протяженности (время, *пространство*, силовой континуум etc.). Если же в основе этих различных применений арифметики не лежит никакое общее понятие, из которого можно было бы вывести эту науку, тогда что составляет ее содержание, к какого рода понятийным объектам относятся ее положения? Странный вопрос! На протяжении последних десятилетий число то и дело определяли как знак — означает ли это, что арифметика имеет дело только со знаками? Следовательно, она представляет собой только игру знаков? Почему бы и нет, отвечает Гельмгольц, если только эта игра приносит огромную пользу, допуская все эти «применения». Но кто разъяснит нам, каким образом игра знаков вообще может находить применение? Гельмгольца это ничуть не занимает. Он впадает в ту же ошибку, что и его предшественники: количественные (или порядковые) числительные принимаются за фундамент арифметики, но сами в качестве такого рода знаков объясняются, в свою очередь, через знаковый ряд чисел. Так как теперь каждому разумному человеку становится ясно, что нельзя устранить эти фокусы путем означения таких основных понятий, то как можно принять подобную теорию арифметики?

Математики, которые то колебались, то решительно объявляли числа знаками, могли руководствоваться изучением только алгебраического формализма. Эти математики, прежде всего Гроссман, с очевидностью продемонстрировали возможность выведения всего алгоритма арифметики и математического анализа из одних лишь знаковых определений ($1 + 1 = 2$, $2 + 1 = 3$, etc., $a \bullet a = a^2$, $(\sqrt{a})^2 = a$ etc., и все это в смысле голых соответствий знаков на бумаге). Это было причиной отождествления числа и знака (со всей решительностью высказанного Гельмгольцем в книге «Счет

и измерение», S. 20) [128]. Отсутствие понимания основных понятий, связанных с абстрактными областями применения арифметики, имело следствием отождествление количества, порядкового числа и величины с пустыми знаками. Эти исследователи даже не заметили фундаментальных трудностей своей теории. Я намереваюсь вкратце разобрать этот вопрос. Нет ничего удивительного в том, что система знаков и знаковых операций может заменять систему понятий и операций с суждениями, если обе системы идут строго параллельно. На этом основывается силлогистика и логическое исчисление, на этом же основывается и значительно более точная система общего искусства счета. Счет представляет собой не мышление (умозаключение), а систематическое выведение знаков из знаков согласно твердым правилам. Результирующий знак истолковывается, и таким образом получается искомая мысль. Итак, метод состоит в следующем: суждение из данных суждений выводится не посредством действительного умозаключения, а посредством определенного правилосообразного метода, который позволяет чисто механическим образом из арифметических обозначений числовых данных получать обозначение результата. (Следовательно, счет нельзя путать с механическим произнесением, которое нередко заменяет мышление. Такого рода произнесение представляет собой (за редким исключением) всего лишь ассоциацию мыслей, тогда как счет — это инструмент получения *новых* умозаключений.) В любом случае, следовало бы полагать, что связь знаков должна соответствовать, по меньшей мере потенциально, связи мыслей, как это действительно имеет место в указанных примерах. Чем могли бы быть нам полезны бессмысленные знаки и отношения знаков? Одно то, что класс всеобщих представлений и относящихся к этому суждений допускает определенные систематические пути выведения заключения, которые могут быть оформлены по единообразным правилам, обосновывает, по всей видимости, возможность изобретения механизмов счета, осуществляющихся посредством параллельной сигнификации. Мы следуем знакам и правилам знаков, тем самым экономя и замещая мышление и правила мышления. Абсурдным, однако, выглядит то, что знаки, которые ничего не обозначают и не обладают поддающимся интерпретации смыслом, могут приводить к какому-то результату.

Как же в этом отношении обстоят дела со знаковой системой арифметики? Если речь идет о дискретных величинах, то теряют всякий смысл «дроби», «иррациональные числа», мнимые числа, а в случае количественных чисел также и отрицательные величины. Применительно к непрерывным количествам (массам) дроби

и иррациональные числа являются осмысленными знаками, тогда как мнимые и отрицательные числа таковыми не являются. И так далее. Тем не менее, в «теории чисел» (если брать только целые числа) используются (и с успехом!) интегральное и дифференциальное исчисления, несмотря на всю присущую им иррациональность. Любое найденное в процессе вычисления уравнение является действительно тождественным. Как это возможно?!

Тесно связанный с этим вопрос был исходным пунктом моих исследований. Так как я первоначально рассматривал знаки только в отношении к означенным понятиям, то такие количественные числительные, как, например, $\sqrt{2}$, $\sqrt{-1}$ и т. д., должны были оказаться репрезентантами «невозможных» понятий. Поначалу я старался прояснить для себя, каким образом умозаключения, оперирующие противоречивыми понятиями, могут приводить к правильным выводам. Я не находил другой возможности, кроме косвенного апагогического метода заключения. Однако здесь это не приводило к результатам. Наконец, я заметил, что именно благодаря самому счету и его правилам (в том виде, как они задаются для фиктивных чисел) отпадают невозможные выводы и остается верное уравнение. В другом случае счет осуществляется посредством тех же самых знаков, но сопряженных уже со *значимыми* понятиями, — и вновь результат получается правильным. Таким образом, дело вовсе не в «возможности» или «невозможности». Даже если бы я составил себе ложное представление, что существует противоречие, даже если бы я имел в высшей степени абсурдную теорию о содержании соответствующих числовых понятий (как некоторые крупные математики), — то и в таком случае вычисление, следующее правилам, остается верным. Следовательно, все дело в знаках и правилах для этих знаков. — Тогда я стал изучать «формальную» арифметику и общий счет. Результат, к которому я пришел, формально соответствует результату Гельмгольца, однако он фундирован совершенно иным ходом мыслей. Возможно, я пришел бы к этому быстрее, если бы меня столь сильно не отпугнул от теории знаков очевидно нелепый подход Гельмгольца.

Ответ на вопрос, который я рассматривал выше, звучит так: система знаков arithmetica universalis подразделяется на определенные уровни, которые можно сравнить с системой концентрических кругов. Самый нижний уровень (внутренний круг) включает знаки 1, 2 = 1 + 1, 3 = 2 + 1 и т. д., затем следуют знаки дробей и т. д. Знаки самой нижней ступени и только они одни независимы; те, что выше их, формально зависят от тех, что расположены ниже, и, наконец, опираются на знаки самой нижней ступени.

Каждому кругу соответствуют правила счета («формальные законы»), причем правила верхних кругов зависят от правил кругов, расположенных ниже, и формально их включают. Правила счета формулируются так, что любое «уравнение», каким бы путем, т. е. посредством какого бы круга оно ни было получено, всегда тождественным образом включает отношения с *теми* знаками и той областью правил, которые оно действительно предполагает. Если, таким образом, уравнение между целыми числами (то есть знаками) доказывается с помощью всех средств arithmetica universalis, то оно никак не связано с тем, что включает в себя этот путь доказательства, — оно тождественно отношению с *теми* знаками, которые оно *содержит*. Это уравнение представляет собой тождество в смысле знаков и правил для знаков самой нижней ступени.

Итак, если речь идет об области *понятий* количества и я могу доказать, что они и элементарные отношения количеств допускают адекватную сигнификацию знаками самого нижнего круга (круга «положительных целых чисел»), то любая правильная числовая эквивалентность («уравнение») между знаками этой ступени репрезентирует верное положение относительно чисел. Но из этого закона также следует: для нахождения числового закона в подлинном смысле этого слова я могу использовать *весь* алгоритм arithmetica universalis, несмотря на то, что все остальные знаки arithmetica universalis «бессмысленны» и не допускают никакой интерпретации. И так — в каждом случае!

Наконец, я должен сказать, что arithmetica universalis — это не наука, а часть *формальной* логики. Эту последнюю я бы определил как искусство знаков (etc., etc.), а arithmetica universalis назвал бы особой и одной из важнейших частей логики как техники познания. Вообще говоря, мне кажется, что эти исследования побуждают к важным реформам в логике. Мне не известна логика, которая даже в возможности допускала бы искусство счета.

Разумеется, наибольшее значение эти выводы имеют для логического понимания всех математических наук — постольку, поскольку arithmetica universalis играет в них определенную роль. Но и чистая топология [129] представляется мне теперь в новом свете. Хотя она и не использует алгоритмы арифметики, но она также была вынуждена изобретать специальные алгоритмы для различных проблемных областей. Однако с наглядным созерцанием и действительными конструкциями нигде далеко не уйдешь, и поэтому из элементарных, повторяющихся *конструкций* сразу же — посредством подходящих сигнификаций — возникают *механизмы счета*, с помощью которых уже можно ставить и решать це-

лые классы проблем. Правда, это алгоритмы первого рода, подобные алгоритмам общего искусства счета. Любой шаг вычисления может быть — если в этом есть потребность — преобразован здесь в наглядное созерцание (или же в заменяющее его символическое представление). При обычном изложении современной геометрии используют иногда старый алгоритм, иногда новый — как находят удобным.

Пока мало что сделано для логики геометрии. Невероятно, но еще не дано логическое обоснование старого картезианского метода координат (которое далеко не очевидно). Здесь мне также очень пригодились исследования, посвященные арифметике. В случае любого прикладного использования арифметики они принуждали к основанному на анализе понятий и их отношений доказательству возможности использования знаков arithmetica universalis (или, соответственно, знаков, принадлежащих ее определенному кругу и уровню).

Таким образом, если найдены знаки для определенной области величин, то ее теория — это лишь вопрос счета и толкования расчетов. Если имеющихся знаков недостаточно, то можно попытаться изобрести новые, которые приведут к желаемому результату. Именно в таком положении я оказался, рассматривая вопрос непрерывных и дискретных многообразий более чем двух измерений. Когда был найден способ обозначения, была теоретически готова и евклидова геометрия n-го порядка. Стало возможным доказательство теоремы о сумме углов треугольника и теоремы Пифагора. Так метод знаков решает основные вопросы философской теории геометрии.

Однако, довольно об этом, тем более что последние теории входят во второй том работы, — а я уже на четвертой странице письма! Прошу прощения, что так долго занимал Ваше внимание. Слова стремительно и легко выходят у меня из-под пера, и я захвачен представившейся возможностью высказаться. Извините, если все это сказано не так точно и упорядоченно, как следовало бы (перечитав написанное, я остался не очень доволен). Набросанные здесь в спешке мысли будут, конечно, вскоре представлены в аккуратной и уже напечатанной форме, и я уже сейчас испытываю страх, когда представляю себе тот острый критический взгляд, которым Вы будете перечитывать эти страницы.

Я намеревался написать еще многое, что могло бы Вас порадовать или заинтересовать, однако теперь я должен быть чрезвычайно краток. Прежде всего: Гаймы [130] проявляют к нам нынче необычайное дружеское расположение. Один раз они приглашали нас на ужин в совсем узком кругу и один раз ужинали у нас.

Вообще они держат себя очень мило и даже сердечно по отношению к нам. «Философию математики» посещают 8 слушателей, из которых семеро ходят аккуратно и слушают очень внимательно. «Этику» [131] я не стал читать для двух слушателей и поэтому отменил этот курс. Видимо, они будут недовольны. Пожалуй, я поступил правильно, учитывая интересы своего здоровья и своей работы. На лето я объявил логику (3-4 часа после обеда). Кроме того, в университете читаются [132]:

Общая история философии (пять часов) — Уфус [133].

История современной философии (четыре часа) — Эрдман [134].

Психология (четыре часа) — Файхингер *и* Эрдман (5–6) [135].

Логика — Уфус и я.

Этика — Гайм. О материализме и спиритуализме (один час) — Эрдман.

Душа и тело — Файхингер.

Педагогика — Уфус.

Это я называю богатым меню. Таким образом, мне не остается читать ничего другого кроме логики, что мне вполне подходит. Возможно, я объявлю еще курс «Философия и математика» (одно-двух часовой).

У Эрдмана очень хорошая репутация. Должно быть он, как и его супруга, очень любезен и чуток в личном общении. Пишели [136] и Мейерсы [137] от них в восторге (последние прямо-таки популярны здесь).

Наши дружеские отношения с Арнимами [138] стали еще теснее. Один-два раза в неделю мы вместе проводим вечер, обычно читая. Последний раз мы читали Мёрике «Моцарт на пути в Прагу». Если эта очаровательная новелла Вам не знакома, обязательно прочтите ее.

К новому году я получил письмо от Брентано. Нельзя сказать, что он в радостном и приподнятом настроении. Он сожалеет, что критика так мало интересуется его работой по этике [139]. Как жаль, что я сейчас не могу взяться за написание рецензии на эту работу для какого-нибудь журнала! Я сообщил, что собираюсь посвятить ему свою книгу, на что он на этот раз согласился — к моей радости — без всякого возражения [140].

Что же, пора заканчивать. Множество искренних приветствий от нашего дома вашему дому.

Преданный Вам

Э. Гуссерль

Пока я был вял и туп, Вы всегда были рядом. Теперь, когда я снова похож на человека, живой и бодрый духом, и мог бы полно-

стью оценить счастье общения с Вами, Вы же далеко от меня. Я чувствую сейчас это очень хорошо.

* Следуя их пожеланиям, я рассматриваю, главным образом, логически-пространственные проблемы и даю подробную критику теорий Римана и Гельмгольца.

Гуссерль — Штумпфу, 21.VI.1899 (набросок)

21/6. 99.

Дражайший друг!

Вашим возражением [141] Борткевич не был удовлетворен и около недели назад последовала реплика, которая была написана в таком заносчивом тоне, что Конрад [142] сразу же решил не принимать ее в такой форме. Но поскольку он не очень хорошо понимает этот предмет, то он сперва передал мне рукопись с просьбой сообщить ему, есть ли вообще во всем этом какое-то объективное зерно, которое может быть сохранено после изменения невежливой формы. Он стремится, с одной стороны, воспрепятствовать тому, чтобы кто-то в его журнале посягал на заслуженное уважение к Вам, но, с другой стороны, хотел бы избежать несправедливости, которая принудила бы этого автора к тому, чтобы опубликовать свои объективные возражения в другом месте и с расширенными обвинениями. В ответ на это я выделил те части возражения, которые могли быть вычеркнуты как не имеющие отношения к делу. В настоящее время пришло формально улучшенное и сокращенное возражение, и Конрад вновь попросил меня просмотреть его и одновременно передать Вам. Поскольку Конрад не принимал рукопись и не знал наверняка, захочет ли Борткевич настаивать на своем возражении после строгого порицания, которым Конрад хотел сопроводить (и сопроводил) рукопись, отсылая ее назад, то он не считал возможным дать мне разрешение сообщить Вам содержание возражения Борткевича. Здесь оно прилагается. Конрад просит вернуть рукопись с возможными ответными замечаниями *до конца июля*.

Если мне позволительно высказать здесь свое суждение, то мне кажется, что у Вас действительно вкралась ошибка. Суммарные вероятности относятся, как следует из вывода правила сложения вероятностей, к дизъюнктивным частям основного поля [Grundfeld] равных возможностей, с которым связаны все эти вычисления [143]. Это совершенно не относится к тем принципиальным вопросам, которые Вы совершенно правильно затронули. Единст-

венное необходимое дополнение касается строго *формальной* фиксации понятия равных возможностей или, говоря иначе, основного поля равных возможностей. Оно должно допускать выведение любого основного правила исчисления вероятностей в чисто формальной последовательности. Само это выведение также должно быть осуществлено.

В связи с этим вопросом я позволю себе указать Вам на одно важное рассуждение Больцано (Наукоучение II, S. 161 (см. также указатель)), крайне темное и трудное, в некоторых пунктах требующее уточнения, но весьма значимое. Возможно, я сам еще выберу время написать об этом [144].

Что касается спорного аргумента Криза [145], то я предпочел бы априорное, а не эмпирическое (если можно так выразиться) опровержение, которое у Вас стоит на первом месте. Даже если Вы не станете придерживаться своего априорного контраргумента [146], то с Вашей позиции легко привести другой аргумент такого же рода. Я бы так ответил Кризу: он находит противоречие в том, что, применительно к одному и тому же, вероятность в одном случае составляет 1 - $(1/2)^{68}$, а в другом случае 1/2. Налицо противоречие, и оба расчета равноценны: т. е. оба возникли на одном и том же основании в силу неверного применения принципов исчисления вероятности. Здесь совершенно недостаточно смутных соображений о том, что всем этим расчетам недостает «точки опоры», чтобы вынести суждение за или против, равно как смутных соображений о равной мере знания и незнания, одинаково возможных, одинаково допустимых etc. Это противоречие указывает не на несостоятельность априорной интерпретации теории вероятности, а просто о нарушении основных условий возможности оценки вероятности. Любое математическое выражение и любое вычисление здесь относится к основному полю возможностей — к определенной замкнутой дизъюнкции «равновозможных» случаев.

С этим основным полем сопрягается все, что касается вероятностного значения, получаемого в ходе вычисления вероятности, все, что является равновероятным и равновозможным или не является таковым, что приводится здесь для сравнения, сложения и умножения. Это основное поле должно быть зафиксировано *до* всякого вычисления, иначе само оно бессмысленно. (Разумеется, фиксация основного поля равных возможностей <не> является произвольным, и мы связаны при этом формально-логической дефиницией, которая должна в принципе удовлетворять требованию замкнутой дизъюнкции, в силу чего она и может выступать как основное поле равных возможностей.)

Криз устанавливает и подсчитывает вероятности, совершенно не задаваясь вопросом об этом основном поле и даже не подразумевая ничего подобного. Где примитивные равно-возможности, к которым относятся все эти математические выражения? Следуя какому правилу сперва указывается 1/2 для вероятности существования льда на Сириусе? Достаточно ли того, что мы «равным образом» не знаем, есть ли он там или нет? Но даже если бы этого было достаточно и эту дизъюнкцию можно было принять за основное поле, то для каждого элемента оно было бы различным. Однако совершенно абсурдно проводить единое вычисление, вероятности которого, относящиеся к различным полям, объединены без разграничения единого поля, которому они все подчинены. Здесь один бросает кости, а там кто-нибудь играет в карты. Сравнимы ли вероятности в том и другом случае, является ли единица одной и той же в том и другом случае? Можно ли складывать, умножать etc. эти различные вероятности? И что будет означать результат? Нечто такое, что имеет место одновременно? Но что это такое? Имеет ли это какой-то временной смысл? А если нет, то какой это имеет смысл? Конечно никакого, если я не задаюсь вопросом об основном поле, к которому оба эти поля причастны каким-то определенным образом. И тогда 1 будет означать достоверность в совершенно новом смысле.

Криз чрезвычайно забавно перемножает вероятности 1/2 и 1/2 вплоть до (1/2)[68]. При этом он совершенно не задается вопросом о том, продолжает ли единица во всех этих случаях оставаться одной и той же, да и что она вообще означает. Как будто 1 означает достоверность как таковую, а 1/2 — шаткую недостоверность. Если я бросаю кости, то единица означает достоверность того, что какая-нибудь возможность, логически определенная правилами игры, исчерпывает собой все основные случаи, следовательно, заключает в себе все поле *в целом*. Только *эта*, а не какая-то иная достоверность есть 1. Все единицы равны только формально, абстрактно, но все они «конкретно» различны. Здесь все обстоит точно так же, как и в общей прикладной арифметике. Конкретные единства суть единства, но они конкретно различны и не связываются в единства собственно *арифметическим* образом. Любой счет протекает в рамках какого-то *одного единства*. Как не существует измерения без *данной* заранее меры, которой мы все вымеряем, так нет и вычисления вероятности без установленного единства, то есть без указания основного поля и установления обратной связи с его распределением. Нет ничего удивительного в том, что обнаруживается противоречие, если нарушены предварительные логические условия счета.

Гуссерль — Штумпфу, 11.V.1902 (набросок)

11.V.1902.

Дражайший друг,

позвольте мне ответить в первую очередь на предметные вопросы Вашего письма, о быстром разрешении которых Вы просите. Время поджимает, и я еще не знаю, смогу ли я отправить письмо до закрытия почты.

Только вчера, тотчас после окончания лекции, я получил на руки свою книгу [147], так что мне еще предстоит вновь свыкнуться с теми мыслями, которые были столь трудны для меня самого. Хотелось бы думать, что трудности по большей частью были связаны с самими вещами, однако другая их часть состояла в том, что я так и не пришел к систематически завершенной теории понятийного мышления. Но это означает, что затронутые вопросы не разрешены во всей полноте, что я сразу признаю. Мои исследования, впрочем, были значительно более детальными, чем это выдает содержание книги. Довольно обширные материалы я оставил в незавершенном состоянии, удовлетворительно оформить их при публикации книги у меня не хватило ни времени, ни сил.

Меня беспокоит и оставляет неудовлетворенность отсутствие в изложении окончательно достигнутой ясности относительно различных «форм сознания всеобщего», а также то, что дескриптивные анализы, относящиеся к различению этих форм, таковы, будто их вовсе нет. Это связано также с тем, что этим различиям не уделено внимания в ходе исторического освещения вопроса и они никоим образом не исследованы феноменологически. Второе исследование носит существенно критический характер, и содержание этой критики обусловлено исторической ситуацией.

Я постоянно возвращался к основному вопросу: можно ли (а если да — то в каком смысле) допускать всеобщие предметы, а также к вопросу о том, могут ли они, и в каком смысле, обнаруживаться в качестве «частей» созерцания единичного предмета. Я сам был очень склонен к теориям подобия, с которыми я борюсь [148]. В конце концов, я пришел к решению, что всеобщие предметы должны быть допущены. В пользу этого говорит следующее: 1) они представляют собой тождественно единый субъект возможных предикаций, причем эти предикации подразумевают эти единства действительно как единства; 2) те толкования, которые предлагает теория подобия, теория репрезентации и внимания, несостоятельны, поскольку невозможно представить, каким образом они сами обходятся без такого рода идеальных

единств, а также в силу того, что они вообще искажают фактическое положение вещей; 3) в своем учении о всеобщей и о категориальной интуиции я надеялся достичь также и феноменологического понимания всеобщей предметности.

Вопрос о том, могут ли всеобщие предметы и понимаемые таким образом всеобщие «понятия» быть частью индивидуальных предметов и понятий, не потребовал специального рассмотрения, однако он был затронут, например, в связи с критикой Твардовского [149].

Моя позитивная позиция состоит в том, что всеобщая предметность осознается не только благодаря качеству определенных содержаний, но благодаря своеобразным — категориальным — формам постижения этих содержаний. Всеобщая предметность осознается, во-первых, символическим образом — как понимаемый смысл общих имен (или, лучше сказать, как понимаемый смысл имен, именующих атрибуты), тогда как в основании этого может не лежать никакого созерцания. Или же она осознается интуитивным образом — в несовершенном, неадекватном или, наконец, в адекватном виде. Адекватное сознание всеобщего (адекватное категориальное созерцание всеобщего) — это *акт*, принадлежащий классу объективирующих актов, в котором на пережитом, воспринятом в ощущении и определенным образом модифицированном, артикулированном абстрактном содержании основывается «всеобщая интенция», «направленная» на всеобщее, соответствующее этому единичному моменту, и «усматривающая» его (в широком смысле этого слова). Я вижу нечто красное, я ощущаю его, но подразумевают не «вот это», а красный цвет in specie. Причем я подразумеваю его не так, как это имело бы место в том случае, если бы я говорил «краснота», не ощущая при этом ничего красного и не переживая его как основание этого подразумевания и как наполняющий момент [150] своего подразумевания. Напротив, я адекватным образом имею сознание всеобщего, красное как таковое «дано» мне само, и поэтому я могу сказать: идея красноты обладает значимостью, бытием всеобщего, или, что эквивалентно (но не тождественно): красное как таковое возможно (идеальная возможность).

Когда происходит повторное осознание всеобщего, опирающееся на тот же самый момент (а еще лучше — на различные, но одинаковые моменты, которые уже схвачены предметным образом как качества, присущие своим субъектам), в таком случае выполняется синтез отождествления — и тот, и другой момент суть одно и то же согласно своему виду. То и другое является красным — это один и тот же вид. Подобное отождествление в наибольшей

степени способствует усилению уже возникающего в отдельных случаях сознания единства, это отождествление и есть определенный род усиления. Генезис абстракции связан с отождествлением предметных качеств. В силу «стремления подобного к подобному» там, где в созерцании дано несколько объектов одинакового качества, эти одинаковые и постигаемые как предикаты своих субъектов моменты — при определенных условиях — обнаруживают себя и становятся предметом внимания. При переходе от одного отождествления к другому то, что является при этом тождественным, представляет собой — если исключить все подразумевания, нацеленные на индивидуальное, — общий, тождественный атрибут, тождественный предикат. Индивидуальное также является «по своей сущности» одним и тем же, и индивидуальные целостности все равны, если сопоставлять их со всеобщим.

В конституции всеобщего (в его действительной адекватной конституции) наличествуют, таким образом, обе составляющие: содержание, которое идеируется, и акт, который его идеирует, специфическим образом включает его в себя. Содержание составляет материю, которая разнится от случая к случаю. И посредством генерализирующего постижения в каждом случае [осуществляется] интенциональное конституирование различных всеобщих предметов.

Как, однако, обстоят дела со всеобщими предикатами, то есть со всеобщими именами в конкретной функции? Как обстоят дела с такими формами, как одно А, некоторые А, все А?

Этот вопрос был затронут мной, однако довольно неудачно, в примечании на S. 146 [151], где я с некоторым сомнением спрашиваю, не указывает ли повторяющееся в этих различных выражениях А на нечто общее, а именно на общий вид. (Во время корректуры я, к сожалению, будучи не до конца уверен, изменил примечание, позитивный смысл которого первоначально целиком соответствовал смыслу его первой части, ввергнув в сомнение как себя самого, так и читателя.) Однако этого не может быть. Уже простое суждение «*эта крыша красная*» совершенно определенно не содержит представления красного вообще в том смысле, в каком об этом говорит предложение «краснота есть цвет». Это предложение не означает (даже если воздерживаться от строгого ограничения), что эта крыша обладает некоторым моментом, который есть частный случай красного цвета вообще, несмотря на то, что это последнее предложение эквивалентно первоначальному. С другой стороны, предикат «красный» также не выражает здесь и какой-то *чисто индивидуальный момент красного цвета*, при-

сущий этой крыше. Несмотря на то, что предложение «эта крыша есть нечто красное, она относится к числу красных вещей» эквивалентно первоначальному предложению, предикат «красный» в предложении «эта крыша красная» не является, так сказать, <предицируемым> собственным именем индивидуального момента красного цвета, ибо такого рода формы предикации являются, разумеется, модифицированными и, очевидно, производными.

«Красное» — это момент значения, который всегда получает или может получать наполнение на основании момента красного цвета, частного случая вида, но этот момент значения является составной частью различных категориальных форм. Здесь мы имеем дело со всеобщностью предиката: то или иное является красным — о крыше, об этом столе, а также во многих других случаях я говорю, что нечто является красным. В частных случаях такого рода конституируется не сознание всеобщего предмета, а сознание *предиката*. Но всеобщий предмет — не предикат, и я никогда не говорил, что всеобщий предмет может нечто говорить об индивидуальном предмете. (Сознание предиката конституируется в единое целое согласно идеальной закономерности вместе с другими формами сознания, в которые (именно в силу закономерности взаимосвязи, всегда сохраняющей свою тождественность в различных формах сознания) может входить один и тот же всеобщий <предмет>.) Сознание предиката дает мне (в ходе адекватного осуществления) предикат, а именно в его отношении к субъекту. Ни предикат «красный», ни всеобщий предмет «красное» не является моментом красного цвета. Но когда я смотрю на момент красного цвета, присущий определенному предмету, и апперципирую его в форме предиката, для меня конституируется то качество, которым обладает субъект и которое предикативно-отождествляющим образом сопрягается с ним в сознании того, что субъект «есть» таковой в своем качестве [im Ist-Bewußtsein]. Так же обстоит дело и с множественными предикациями в их первоначальных формах. Новой формой являются атрибутивные высказывания: «это А», «это красное», «то самое, что является красным», «вот это, что существует как красное». С помощью неопределенной формы «некоторое» образуется «некоторое А», с помощью множественной формы (которая, со своей стороны, указывает на соответствующую предикативную форму, на форму множественных полаганий) — «эти», «определенные А», «многие А» и т. д.

Вот еще одна новая форма: «любое А», «все А», а также «А как таковое». Все это — имеющие собственную ценность модифика-

ции предикативной формы, и каждая из них имеет свой предметный коррелят, каждая связана с каким-то полным предложением, с полным пропозициональным сознанием, коррелятом которого являются различные формы положения дел. Возникают все новые объективности, и среди тех объективностей, которые даны нам в очевидном суждении, находит свое место универсальное положение дел вместе со своим субъектом — всеобщим предметом. Однако, несмотря на указанную логическую связь с универсальным суждением, мне кажется, что универсальный предмет может конституироваться до универсального положения дел, на основании одной только идеирующей абстракции.

Более подробно эти вопросы рассматриваются в теории суждения, в связи с которой я к ним и обращаюсь.

Именно так, как мне кажется, можно ответить на Ваш вопрос, что такое <предикация> ...

Предикат — часть субъекта, он аналитически заключен в нем. Но предикат как таковой, как предицируемое качество, которое может быть «тем же самым» у различных субъектов, которое понятийным образом присуще субъекту и определяет его всеобщим образом, — в этом смысле предикат конституируется в предикации.

Аналитическим является любое суждение, которое приписывает субъекту в виде предиката то качество, которое заложено в понятии субъекта. Аналитическим, вообще говоря, является суждение, значимость которого очевидна чисто категориально. Таким образом, субъектный предмет мыслится здесь посредством такого субъектного понятия, которое уже включает в себя предицируемое качество.

Когда символическая интенция какого-нибудь прилагательного (например, «красный» или «зеленый») получает наполнение в созерцании, тогда то, что здесь созерцается, представляет собой не момент красного цвета, а качество, предикат, который уже приобрел категориальную форму, причем субъект уже также определен как таковой.

Гуссерль — Штумпфу, 1919 (неотправленный набросок) [152]

Важнейшим достижением в интерпретации Спинозы является то, что в центр внимания поставлено отношение интенциональности и, исходя из этого, освещены все стороны его учения об атрибутах. Нет также никакого сомнения в том, что основополагающий пласт противоречивого учения Спинозы разработан ясно

и со всей определенностью [153]. Но я все еще не хотел бы отказываться от ряда мыслей, с помощью которых я растолковал для себя — в целом более консервативно — смысл этого учения, прибегая к определенного рода идеализации. Ибо сам Спиноза фундаментальным смешением запутывает смысл именно той метафизики, к которой он сам склонен, но которая, впрочем, и в идеальной чистоте представляет собой абсурдный онтологизм. Если я верно припоминаю, Геффдинг в своей истории новой философии сделал верное замечание о том, что Спиноза в своем учении смешивает *два* параллелизма: 1) между адекватной идеей и действительной вещью, 2) собственно психофизический параллелизм [154].

Благодаря Вашему исследованию выясняется, что к этим двум примешивается третий параллелизм — между актами и содержаниями.

Для основного направления этой «крайне рационалистической» [155] системы наибольшее значение имеет первый параллелизм. В связи с этим я хотел бы отметить следующее:

1) любое истинное бытие имеет свое адекватное выражение в адекватной идее, и, в конце концов, каждый по своему существу замкнутый «мир» имеет свое адекватное выражение в чисто рациональной науке, сущность которой мыслится по образцу геометрии. (Целостная всеобщность [Allheit] научных истин как дедуктивных следствий имеет своим основанием замкнутую конечную систему основных понятий и законов, где все они сопряжены с одной идеей (пространством), раскрывающейся в этих понятиях и законах.)

Замкнутых миров существует столько же, сколько существует мыслимых рациональных миров (и наоборот). Границы различных миров установлены различными региональными идеями, которые, в сущности, не имеют между собой ничего общего (так как в противном случае они были бы подчинены некоторой более высокой и, в таком случае, действительно региональной идее).

2) Замкнутая рациональная наука — это система вечных истин. Следовательно, ее коррелят, поистине сущий мир, — это вечное бытие. Он есть то, *что* он есть, только в качестве этого коррелята: это истинное бытие мира есть не что иное, как имманентное, интенциональное бытие, но при этом — интенциональное бытие ratio идеальной замкнутой рациональной науки.

3) Сама эта рациональная наука представляет собой вечный (вневременной) продукт Бога. Именно он является субъектом вечной деятельности разума. И поскольку он является таковым субъектом, то он есть также абсолютный рассудок. Божественный

рассудок развернут в целостной всеобщности рациональных наук. Точнее говоря, он раскладывается в бесконечное число региональных идей («атрибутов»), каждая из которых означает сущностно замкнутую область одной рациональной науки. Каждая такая идея-атрибут извечно обнаруживает себя в дефинициях и аксиомах, а затем — в вечной бесконечности пропозиций.

4) Божественное, абсолютно рациональное мышление — это очевидное в себе мышление, то и другое мышление совпадают. Бог извечно владеет этой бесконечностью адекватных идей и сознает их в непосредственной рефлексии и с абсолютной очевидностью. (Отсюда можно было бы перейти к науке более высокой ступени, которая содержит идеи предметов, например, к логике.) Бог — это не только субъект, наделенный адекватным мышлением. Он также оценивает, любит, волит, но, соответственно, чисто рациональным и вечным образом, так как эти фундированные «cogitationes» имеют своим основанием адекватные идеи именно нижней, а потому и в строгом смысле этого слова адекватной мыслительной сферы.

5) Если до конца продумать этот онтологический рационализм (который как таковой абсурден, потому что он в самом деле хочет вывести всю совокупность миров, целостных всеобщностей, а также уникального наличного бытия из чисто понятийных сущностей и чистых сущностных отношений), станет понятным следующее: даже если все миры с необходимостью (если придерживаться основной идеи Спинозы) находят свое «выражение» в божественном рассудке, в божественном царстве адекватных идей, а также (если допускать и это) в бесконечном числе гетерогенных и параллельных наук, то и в этом случае божественный дух не нуждается в том, чтобы быть представленным в такого же рода параллельной науке. Иначе говоря, мы имеем бесконечное множество параллельных миров, которые не рядоположены божественному духу как один мир, но этот дух является параллелью к целостной всеобщности бесконечно многих параллельных друг другу миров, вобравшей в себя эту целостную всеобщность. Но и это еще не все. Эта параллель представляет собой целостную всеобщность наук (божественный объективный рассудок), которая, однако, подлежит восполнению той наукой, которая относится к самому Богу, а именно, к его рациональным ценностям и актам воли. Атрибут божественного «cogitatio» [156] не является, таким образом, строгой параллелью к божественной «extentio» [157] и тем атрибутам, которые параллельны «extentio».

6) Божественная «extentio» — это физический мир sub specie aeterni [158], она представляет собой коррелят абсолютно завершен-

ной, точной физики. А божественное «cogitatio»? — Здесь у Спинозы имеет место смешение. Вслед за Бруно он интерпретирует пространственно-временной мир как нечто, имеющее психофизическую природу, и тем самым смешивает вечное божественное разумное сознание (божественный абсолютный рассудок с его рациональными параллелями в любви и волении) с духовным миром «самим по себе», адекватно познающимся посредством абсолютной рациональной психологии. Он смешивает соотношение тела и души в каждой вещи с соотношением акта и «содержания». В Боге есть абсолютная рациональная психология, равно как и абсолютная рациональная физика. Человек имеет о природе «смутные» идеи (imaginatio), но случается, что и рациональные. В рациональном мышлении он усматривает нечто вечное, а поэтому во взаимосвязи своего мышления он обладает вечно значимыми положениями и доказательствами. Тем самым он пребывает в общности с Богом. Так интерпретируется мистическое единство. Неясное мышление и то, что в очевидном мышлении принадлежит временности, — все это относится к психологии, поскольку она изучает жизнь души смутным эмпирическим образом, так же как, например, естественная история изучает природу. Но то, что дано человеку в его внутреннем восприятии, поток его переживаний, среди которых все переживания внешних представлений [Imagination], включая их содержания (феноменальные предметы), — все это не истинное психическое бытие, а, в свою очередь, только «imaginatio» психического бытия. Психическое само по себе представляет собой в идеале чисто рациональную цель чисто рациональной психологии, которая содержит исключительно вневременные истины относительно вневременного сущего. «Очевидность внутреннего восприятия» — это не рациональное переживание, и его предметы — это не рациональные предметы, следовательно, им нет места в сущности Бога, они не принадлежат божественному атрибуту «cogitatio» (согласно обнаруживающемуся здесь второму смыслу «cogitatio», означающему в первом случае абсолютное божественное, чисто рациональное сознание). В Боге параллелью «истинной природе (корреляту бесконечно точной математической физики) является «истинный дух» — коррелят бесконечной, абсолютно рациональной психологии, которая есть не только общая психология людей и животных, и даже не общая психология с добавлением низших душ всех камней, небесных тел etc., но психология, рациональным образом индивидуально дедуцировавшая каждое индивидуальное психическое бытие и, следуя единству связи, *всеобщую душу* [*Allseele*] природного целого. Таким вот образом Бог обладает аде-

кватной идеей каждого нашего неясного представления, каждого *неясного аффекта и т. д., все это наличествует в нем в качестве* соответствующего рационально-психологически истинного бытия. Но это совершенно не имеет ничего общего с физической параллелью в смысле психофизического параллелизма, неясно изложенного у самого Спинозы (когда, например, он рассматривает душу как «idea corporis» [159]). Очень интересна с этой точки зрения и путаница в 64-м письме, которое Вы цитируете [160], где ошибочно смешиваются адекватная идея и психическое. Адекватная идея некоторой вещи и адекватная идея ее души представляют собой нечто в корне различное. Правда, если душа — идея тела (хотя и поначалу смутная), то соответствующая адекватная идея — это душа сама по себе. Но в таком случае рациональная психология и рациональная физика были бы, конечно, одним и тем же.

Эмиль Утиц

Гуссерль — Утицу, 2.XI.1931

Фрайбург, 2.XI.1931.

Глубокоуважаемый и дорогой коллега!

Я слышал, что мой прежний ученик, русский с Украины д-р Чижевский, подал заявление на место лектора славянских языков в Галле [161]. Позволю себе обратить Ваше внимание и внимание всего круга интересующихся культурно-философскими вопросами коллег, с которыми я несколько месяцев назад имел возможность близко познакомиться [162], на эту необычную личность. Это фундаментально образованный, самостоятельно мыслящий философ, в силу своих занятий славистикой расположенный главным образом к Гегелю, но испытавший, тем не менее, существенное влияние феноменологии, и, кроме того, человек поразительно широкой учености, которая охватывает различные культурные области. Не хвастун! Спокойный, погруженный в себя — человек, который умеет не только воспринимать, но и перерабатывать, у которого охотно будут учиться. Верный друг Германии и ее науки.

Искренне благодарю Вас за вдохновляющие и прекрасные часы, проведенные с Вами и другими коллегами из Галле. Пожалуйста, предайте им мое дружеское приветствие. Очень рад назначению коллеги Гельба [163].

Преданный Вам

Э. Гуссерль

Профессор Фасмер (из Берлина) в ответ на мой вопрос дал очень высокую оценку научным качествам Чижевского в области славистики.

НЕОКАНТИАНЦЫ

Пауль Наторп

Наторп — Гуссерлю, 8.III.1897

Марбург, 8 марта 1897.

Уважаемый коллега!

Из-за множества дел, которые обычно накапливаются в конце семестра, я еще не успел ответить на Вашу любезную открытку от 3-го февраля. Наверстываю это упущение и одновременно высылаю оттиски Вашей статьи [1] вместе с оттиском продолжения *моего* обзора, посвященного теории познания [2]. Примечания в этом обзоре дадут Вам пищу для дальнейшего обдумывания моей позиции, а также, возможно, для критики с Вашей стороны.

Если в своей книге Вы захотите учесть мои взгляды [3], то я бы попросил Вас помимо «Введения» [4] и дополняющей его статьи против Фолькельта (Предварительные вопросы психологии, Philosophische Monatshefte XXIX) обратить внимание также на статью «Количество и качество» (ibid., XXVIII) и, пожалуй, на еще более раннюю работу «Об объективном и субъективном образовании понятий» (ibid., XXIII) [5]. В обеих этих статьях затрагивается тема *психологической логики*. Ее же недавно рассмотрел Т. Эльзенганс в журнале Фалькенберга [6]. В продолжении (несостоявшемся) последней из названных статей я намеревался более точно определить присущий логическим законам *вид закономерности*. Это *не* каузальная и *не* телеологическая закономерность *процесса представления* (только эти две возможности обычно и рассматриваются, что можно видеть и у Эльзенганса); но это закономерность *отношений* между *содержаниями* представлений, совершенно при этом абстрагированная как от причин, так и от целей *процесса представления*. Эта закономерность представляет собой точную параллель *математической* закономерности, которая также не имеет ничего общего с развитием событий, причинной связью или долженствованием, а утверждает исключительно *наличие отношений* между *содержаниями* представлений. «1 + 1 = 2» не означает *психологического факта* того, что из представления одного и еще одного, связываемых определенным образом, *возникает* представление двух; т. е. это не означает, что представление одного и еще

одного, а также определенный привходящий процесс (синтез или апперцепция etc.) суть *условия* представления двух. Всю эту проблему условий математика оставляет психологии, сама же она сопоставляет только *содержание* одного и другого представления. Таким образом, я утверждаю, что логика принимает в расчет только содержание представлений, полностью отвлекаясь от предпосылок процесса представления. «Закон противоречия» не говорит о том, что противоречивые представления, встречающиеся в одном сознании, вступают в спор и действительно исключают или вытесняют друг друга. Фактически они могут располагаться очень близко друг к другу, *не* вытесняя друг друга, и должно быть очень трудно не тавтологически определить условия именно такого психического процесса. Поэтому *логический закон* не делает *оговорку*: *при достаточно ясном сознании* исключаются противоречивые представления (или что-то в этом роде). В нем *просто* декларируется: они исключают друг друга, т. е. они не могут вместе быть *истинны*, не могут быть связаны в одну согласованную связь. Не превращает ли это основное условие *согласия* логическую истину вновь в нечто субъективное? Никоим образом. Чтобы узнать, являются ли два цвета или звука тождественными, я должен обращать внимание *только* на *содержания*, на эти цвета или звуки, не разыскивая ничего *третьего* в себе, в субъекте, в том состоянии, в котором я нахожусь в ходе процесса представления этих содержаний. Сама тождественность вовсе не является таким третьим, ибо в силу того, что эти содержания суть то, *что* они суть, они *суть* одно и то же, например, красный цвет. Конечно, *я* должен их сперва сравнить, чтобы распознать в них эту тождественность, но я распознаю ее все же *в них самих*, а не в чем-то третьем, что добавляло бы сюда еще и субъективную сторону. Но именно так думает Эльзенганс, который полагает, что истина означает «чувство очевидности» и логика, следовательно, есть психология, которая должна устанавливать условия чувства очевидности.

Вы завидуете «твердости моей позиции» [7]. Но сколько времени мне потребовалось для того, чтобы обрести эту твердость, причем только в нескольким основных вещах! Я очень понимаю Вас в Вашем положении — я ведь тоже боролся многие годы. Люди в разной степени наделены даром того самого «чувства очевидности». Мне кажется, что Вы предъявляете здесь иные требования, в отличие от многих, кто выступает на арену с готовой логикой, психологией, этикой etc. Я же до сих пор не представил ничего кроме «Введения» в психологию и одной «главы» логики, причем и в них я нахожу множество недостатков. О «моем» Канте и вовсе не может быть речи. Сегодня уже нет кантианцев. *Коген* слывет ор-

тодоксом, но и он все дальше отходит от Канта. О себе же я вполне могу сказать, что не стал бы безоговорочно подписываться *ни под одним* положением Канта, во всяком случае не стал бы этого делать, не проверив его заново от самого основания. Но с чем я, пожалуй, могу согласиться, так это с тем, что я в сущности намерен продолжать строить на основании, заложенном Кантом.

С искренним уважением
преданный Вам
П. Наторп

Гуссерль — Наторпу, 14/15.III.1897

Воскресенье 14.III.1897.
Галле, Шиллерштрассе 10.

Глубокоуважаемый коллега!

Ваши любезные сообщения меня приятно удивили: я считал само собой разумеющимся, что и Вы, как почти все логики-антипсихологисты, стоите на почве нормативной по своему существу логики, из чего неизбежно следует нормативный характер логических законов (в изначальном смысле этого слова). Вместо этого в своих рассуждениях Вы четко формулируете *именно то* понимание, которое я развивал in extenso в своих разработках по этому вопросу (которые с середины декабря прошлого года почти готовы к печати). Разумеется, я ничего не имею против логики как технического учения, если только она не смешивается с фундаментальной *философской* дисциплиной, в которой мы крайне нуждаемся и которая предшествует всем наукам и дает теоретическое основание самому техническому учению, а именно — с «чистой логикой». Подобно тому, как практическая логика рассматривает науки в качестве практических мероприятий или, иначе говоря, в качестве произвольно регулируемой деятельности, воплощающей жизнь науки, так же чистая логика относится к наукам в объективном смысле или, лучше сказать, к объективному содержанию наук, к их теориям. Из того, что присуще теориям как таковым (то есть, отвлекаясь от специфики различных областей познания) — элементам, из которых они состоят, формам отношения и связи, которые придают им единство, чистым законам, которые основаны на этих элементах и формах, — из всего этого складывается полностью независимая и чисто теоретическая наука. Ее законам подчинено теоретическое содержание любой науки — независимо от того, используются ли они в качестве высших законов или нет. Любое значимое умозаключение,

как и любая значимая теория, может обнаружить в чистой логике тот чистый закон, в соответствии с которым оно строится. Речь здесь идет, разумеется, не о действительной формулировке всех законов вообще, а лишь о выявлении всех элементарных законов, равно как и об открытии теорий, которыми руководствуется и благодаря которым дано многообразие законов производных.

В своем исследовании я исхожу из логического технического учения и ставлю вопрос о его теоретических основаниях. Здесь разворачивается спор между психологической и чистой логикой (в традиционном смысле). В первом случае логика понимается как часть практической психологии; чистая же логика стремится к самостоятельности (оставаясь, правда, областью, подчиненной логике практической). Аргументация обеих партий несостоятельна. Психологи искажают *смысл* логических законов (здесь я привожу, в частности, указанные Вами контраргументы (главным образом в связи с Миллем и Хеймансом)): вместо абсолютной точности здесь выходят совершенно грубые всеобщности, относящиеся к тотально различным объектам. Неопределенность «обстоятельств», неизбежные ссылки на нормальность («нормальный» человек в «нормальных» условиях мышления и т. п.), за которыми по большей части скрываются истинно логические законы в качестве определяющих факторов и т. д., — все это подробно разбирается.

Тезис чистой логики правилен, но здесь отсутствует доказательство. Она указывает на существенно нормативный характер чисто логических законов, но не разъясняет, каким образом возможны правила для суждений и других мыслительных действий, не опирающиеся на психологию. При этом специальное содержание обычных аргументов психологов дает множество оснований для возражений.

Свою собственную позицию я подробно обосновываю, проводя параллели между логическими и алгебраическими законами, что также находится в отрадном согласии с Вашими взглядами. Я показываю, что нормативная форма законов в обоих случаях достигается незначительным разворотом некоторого теоретического содержания. Например, нормативной формой выражения $(a + b)(a - b) = a^2 - b^2$ является следующая: *чтобы получить* результат умножения суммы и разности, следует etc. Таким образом, так называемые принципы, равно как и правила вывода, есть не что иное, как чисто теоретические законы в нормативной формулировке.

Как алгебра занимается *числами* (рассматривая их с точки зрения законов), так и логика имеет дело с *понятиями, положениями* и

т. п. (например modus Barbara — это формула для любых *понятий*).

С моей точки зрения, сравнение с математикой — это больше чем сравнение. Всю *чистую* математику в целом: чистую теорию количественных и порядковых числительных, чистую теорию множеств, комбинаторику, чистое учение о многообразиях (теорию евклидовых и неевклидовых многообразий и т. д.), всю mathesis universalis в смысле Лейбница — все это, как мне кажется, можно включить в чистую логику. Но уже геометрию я отсюда исключаю, потому что отказался (после продолжительной борьбы с самим собой) от того, чтобы оценивать ее иначе, чем механику.

15.III.

Но сюда не входит также и учение о пространстве, так как понятия *пространственной* фигуры, величины, угла и т. д. не относятся к формальным категориям (или к региону формальных категорий). Это означает, что их нельзя отнести к таким категориям, как предмет и понятие, положение дел и закон, существование и истина, но они не относятся и к таким категориям, как единство и множество, количественное и порядковое число, целое и часть, тожество и различие и т. д. Фигура — это момент в процессе созерцания; к внутреннему качеству феноменального объекта она имеет такое же отношение, как цвет или гладкость. Но как цвету соответствует категория качества (т. е. тот род внутренних качеств, который тождественно и неотъемлемо присущ как объекту в целом, так и любой его части и элементу), так и пространственному образованию соответствует категория многообразия — в той его особой разновидности, которую мы называем гомогенным, а именно трехмерным евклидовым многообразием. Посредством одних только формальных определений мы никогда не перейдем от качества к цвету, как мы не можем прийти к пространству, опираясь только на формальное определение многообразия (так мы можем достичь только евклидового многообразия). Этому не противоречит то, что всем геометрическим понятиям соответствуют чисто формальные образования (фигура, угол etc. в строгом, совершенно ненаглядном смысле учения о многообразиях) и что в ходе идеального изложения геометрии систематическую значимость имеет только это чисто формальное содержание понятий. Ибо вопрос о том, что делает евклидово многообразие пространством, не составляет никакой проблемы и не является объектом теоретического исследования, равно как и вопрос о том, что делает качество цветом, или специфически определенным красным цветом. В случае пространства исследова-

нию подлежит только закономерность формальной конституции, и эта закономерность сохраняет свою тождественность в чистом понятии евклидового многообразия трех измерений. Само это понятие есть чисто категориальное образование, оно строится только с помощью таких понятий, как целое — часть — равно — неравно — число — порядок (например, открытые и закрытые ряды, никак не связанные с пространством и временем) и т. д.

Разумеется, я исключаю из области чистой логики также время, внешний мир, «я», причинность и т. п. (Причинность представлена здесь необходимостью или закономерной всеобщностью.) Однако я склонен включить в чистую логику теорию вероятности, которую я расцениваю как объективный фундамент индуктивной логики. Но это направление я исследовал недостаточно глубоко и проследил эти отношения не настолько полно, как мне бы того хотелось.

Отграничение чистой логики и, соответственно, установление понятия «формальных категорий» и основывающихся на них «формальных законов» вообще трудное дело. Традиционная логика (даже там, где она претендует на то, чтобы быть чистой логикой) недостаточно самостоятельна и закончена. Если логик применяет комбинаторные законы, например, вычисляет число возможных комбинаций посылок определенных символических форм, то он не допускает *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*. Но понятия, которые при этом используются (число, комбинация), служат, со своей стороны, основанием для обширных формальных теорий (арифметики и теории комбинаций), которые хотя и являются *относительно* самостоятельными, однако связаны с силлогистикой и имеют тот же характер, что и эта последняя. Равным образом в логике используются понятия множества и числа, понятие ряда, симметричного или несимметричного отношения и связи и т. д., а также (при теоретизации выводов) встречаются некоторые, хотя и примитивные, законы, основывающиеся на этих понятиях. Систематическое исследование законов, которые основываются на этих понятиях, ведет к теории количественных и порядковых чисел, распространяясь затем на учение о многообразиях и т. д. Все понятия, которые обнаруживаются собственно в логике, как и во всех этих дисциплинах, сводятся, в конце концов, к достаточно небольшому числу элементарных понятий и ряду связанных с ними элементарных форм отношения и связи. При этом, с другой стороны, законы этих дисциплин покоятся на ограниченном числе аксиоматических элементарных законов (основывающихся на указанных элементарных понятиях и в силу этого априорных по своей природе). Все эти понятия и законы образуют единое целое,

ибо они взаимосвязаны. Именно отсюда систематические теории черпают для себя отдельные положения (с одним условием: не допускать круга), и они не могут быть построены, если оставить им основные понятия и аксиомы только из их собственной области, не допуская туда понятий и аксиом из других областей. На мой взгляд, задача чистой логики состоит в том, чтобы выявлять эти основные понятия и основные законы, а также систематически развивать соответствующие теории, которые создают бесконечную область формальной истины или, другими словами, бесконечнуюобласть a priori возможных законов, определяющих формы дедукций и теорий. Эта задача распадается на ряд относительно самостоятельных теорий, которые отчасти известны под именем «математических дисциплин» и разрабатываются непосредственно специалистами, тогда как философская задача здесь, как всегда, состоит в том, чтобы, отвлекаясь от технических вопросов, познавать рациональные основания и связи, обращая особенно пристальное внимание на те области, до которых не доходит практическая научная деятельность, руководствующаяся по преимуществу инстинктом.

В своей итоговой части мое сочинение должно представлять собой разработку этого направления, широта аргументированного изложения которого может придать ему высокую степень убедительности. Сейчас я работаю над сложной средней частью, посвященной субъективным и объективным факторам в познании.

Примите мою благодарность за ссылки на литературу. Несколько недель назад я прочитал и обдумал все названные работы, за исключением статьи о количестве и качестве. Постоянно испытывая воодушевление в том, что касается частностей, я все же не могу достичь полного понимания Вашей точки зрения. Доставил мне хлопот и Ваш ежегодный обзор (за который я Вас искренне благодарю!). Мне нужно видеть, как я себе это объясняю. Я неторопливый мыслитель и недоволен, пока крупные купюры и векселя не превращены в звонкий металл и ходовую монету. Когда мне это удается, я начинаю задавать уже определенно сформулированные вопросы — sans gêne [8]. Эльзенганс[2] воспроизводит, наверное, «теорию очевидности» = логику Милля? (Hamilton's Philosophy [9], chapter XX, 475)? Эта статья мне не попадалась [10].

С сердечным приветом и искренней благодарностью за Ваше дружеское внимание к тому, что является предметом моих размышлений.

С искренним уважением

Э. Гуссерль

Наторп — Гуссерлю, 20.III.1897

Марбург, 20-е марта 1897.

Глубокоуважаемый коллега!

Ваше содержательное письмо доставило мне большую радость. В нашей преисполненной сомнениями работе это редкое и, тем не менее, необходимое утешение — повстречаться с другим человеком на одном пути. Это согласие тем более примечательно, что мы пришли к одним и тем же выводам, двигаясь с совершенно разных сторон и независимо друг от друга.

Размышления, в которых Вы выразили свои основные идеи, особенно интересны для меня с математической стороны. Я также совершенно согласен с Вами в том, что все основные понятия и основные законы математики относятся к области логики.

Но правильно ли исключать отсюда время и пространство? Разумеется, вслед за Кантом я также придерживался взгляда, что следует полностью разделять «созерцание» и понятие. Однако я все более и более отхожу от этой точки зрения. Существует ли какое-либо качество времени, которое нельзя было бы точно определить, опираясь только на *понятие упорядоченности* [*Reihensetzung*]? С *единством* измерения время сочетает *числовой* ряд, который представляет собой лишь методическое выражение упорядоченности, что включает в себя «до» и «после», невозможность замены одного элемента любым другим, а также дискретность (ибо если «теперь» и «не-теперь» контрадикторно исключают друг друга, то не может быть дано никакой постоянной связи между *одним* «теперь» и *другим* (то есть *отличным* от первого) «теперь»; тем не менее, континуальность может быть приписана времени «как таковому» [«der» Zeit] в таком же *производном* смысле, как и число «как таковое» (в смысле греч. *ὁ ἀριθμός*), — в том случае, если континуальность относится не к числам или временным *моментам*, а к процессу *полагания*). Аналогично и в случае пространства, если под ним понимать не только евклидово пространство, но «*совокупность*» многообразий. Становится также ясно, что если упорядоченность *как таковая* возможна сама по себе единственным способом, то соединение того, что полагается упорядоченным образом, возможно само по себе *многообразными* способами. По меньшей мере, можно говорить *как* об отношении a к b, *так* и об отношении b к a, следовательно, существует *противоположность направления* (положительное и отрицательное направление).

Между тождественностью и полной противоположностью направления (как предельным максимумом разницы) необходимо,

однако, *уже в чистом понятии*, не обращаясь к «созерцанию», установить бесконечную разницу направлений. (Если мы — вслед за Шмитц-Дюмонтом [11] — обозначим предельную противоположность направления как $+1/-1 = (-1)^1$, тождественность направления как $+1/+1 = -1/-1 = (-1)^\sigma$, то в качестве «общего члена количественного ряда» получается $(-1)^{1/n}$.) Шмитц-Дюмонт хочет затем доказать также (Натурфилософия, § 76 и далее), что число возможных направлений, исходящих из точки А, ограничено тремя измерениям, то есть теми направлениями, которые определены характером евклидова пространства. Он доказывает это ограничение на основании следующего допущения: предположим, мыслимо (непротиворечиво), что могут различаться *несколько* направлений $A\alpha$, A_β ..., *равно* исходящих из одной и то же данной точки $A\alpha$, и причем *они также различны между собой*, что при многообразии такого вида никоим образом не очевидно a priori, но явным образом *дано только* в случае «пространства».

Но, к сожалению, эта *данность* совершенно непостижима. На этом нельзя успокоиться, и всякий раз этот вопрос возникает заново. Что значит данность? — Определенность *единственным* образом. Эта единичность «факта» требует *обоснования*. Факт, который насчитывает 1000 лет, *не* весомее факта, которому отроду один день. То есть «факт» — это только *гипотеза*. Обосновывать *основоположения фактами*, следовательно, бессмысленно, потому что лишь основоположения формулируют методы и условия, которые в совокупности только и позволяют достичь «факта». Таким образом, было бы правильнее сказать, что евклидово пространство — это *гипотеза*, точнее говоря, *необоснованная* гипотеза. Но тогда с необходимостью возникает задача *либо обосновать эту гипотезу, либо от нее отказаться*. Я думаю, что она должна быть обоснована. Прямая, которая строится по уравнению $dy/dx = a$, представляет собой менее спорное *основное понятие*. И даже если известные геометры, которые занимаются проблемой поверхности шара, могут иначе составлять и дифференцировать функции, они, тем не менее, не могут полностью отказаться от этого основного понятия. Примерно так же должны обстоять дела и с евклидовым пространством.

Пространство, конечно, *нельзя* поставить в один ряд с цветом и звуком, если при этом не подразумевается *ощущаемое* пространство, которое, как и ощущение цвета и звука, подчиняется *закону порога восприятия*. Но в основании ощущаемого пространства лежит *геометрическое* пространство, которое не может, в свою очередь, подчиняться никакому «закону порога восприятия» (например, отличаясь тем самым от другого n-мерного многообразия). Как

опытный математик Вы, возможно, можете мне здесь помочь. — С напряженным вниманием я ожидаю появления Вашей книги и надеюсь на новый импульс с этой стороны. Сожалею только, что этого не произошло до сих пор, так как именно сейчас я намерен основательно пересмотреть свою логику (для лекций летнего семестра). Буду Вам очень признателен, если Вы выберете время для небольшого комментария к моей статье «*Количество и качество*». Из вышесказанного Вы прекрасно видите, что кое в чем я за это время продвинулся дальше.

С сердечным приветом
искренне преданный Вам
П. Наторп

Гуссерль — Наторпу, 29.III.1897

Галле 29.3.97.

Глубокоуважаемый коллега!

Мне не хотелось бы придавать слишком большого значения нашим разногласиям относительно времени и пространства.

Время — это континуум такой формы, которую мы называем ортоидным многообразием и можем определить чисто понятийно (точнее говоря, чисто категориально). То же самое можно сказать о любой пространственной прямой. Чем они отличаются друг от друга? Очевидно тем, что можно назвать материальным составом элементов: с одной стороны — точки пространства, с другой стороны — точки времени. Но чем различаются точки пространства и времени — этого нельзя определить, можно только сказать: «Смотри!».

Понятие времени отличается от ортоидного многообразия «*как такового*» в силу материального состава*, в силу конкретности. Существует много возможных ортоидных многообразий, но только одно из них является временем. Равно как и среди возможных евклидовых многообразий только одно является пространством. Евклидово многообразие *как таковое* — это один из *видов* [*species*] многообразия наряду с другими, равно как и двойка *как таковая* представляет собой вид числа в ряду чисел *как таковых* (наряду с другими числами). Это суть *чистые*, формальные виды, потому что они свободны от всего материального, в отличие от видов цвета, в случае которых при достижении различий самого нижнего уровня можно лишь указать на отличие, но его нельзя определить чисто понятийно. (Если я определяю какой-нибудь оттенок через его отношение к другим оттенкам, то это не

чистое определение; я указал *определенные* оттенки в качестве опорных пунктов отношения.)

Поскольку точка пространства как таковая представляет собой примитивный принцип конкретизации многообразия и поскольку геометрия не имеет ничего общего с физическими определениями пространства, то понятно, что геометрия в своем систематическом содержании отличается от теории евклидового многообразия *как такового* только тем, что она имеет дело не с элементами вообще, а с *пространственными* элементами. Если, так сказать, вычеркивать отовсюду слово «пространство» и, следовательно, абстрагироваться от «материи», рассматривая только чистую форму, то eo ipso в итоге мы получим теорию евклидового многообразия «как такового», в которой точки лишь постольку являются чем-то определенным, поскольку к ним относятся такие-то и такие-то формальные положения. Евклидово многообразие — это определенная форма ряда. Более простой формой является обычный ортоидный ряд, а самой простой, разумеется, — конечный и открытый ряд. Если мы захотим самым общим образом получить чисто формальное понятие *открытого* ряда, которое бы включало в себя также и бесконечный ряд, то мы придем к следующему определению.

Есть множество элементов, для которых истинно:

1) любые два элемента (a, b) связаны несимметричным отношением ∅, которое всегда сохраняет свою тождественную характеристику, т. е.:

либо a ∅ b, либо b ∅ a, но никогда то и другое вместе. (справедливо для любой пары элементов этого множества);

2) если a ∅ b и b ∅ c, то a ∅ c.

(Например, ∅ = «справа», «позже» и т. п.) Затем можно доказать, что любое конечное число элементов упорядочивается одним определенным образом, например a ∅ b ∅ c ∅ d... . Таким образом, если для конечных групп с помощью этой формы задается определенный ряд, то используя эти два критерия можно упорядочить и любое (одностороннее или двухстороннее) множество с бесконечным числом элементов. Затем можно ввести определение «постоянной плотности», используя следующее дополнение: если a ∅ b, то всегда имеется σ, такое, что a ∅ b, σ ∅ b. То же самое справедливо применительно к a и σ и т. д., то есть всегда возможен еще ближе расположенный элемент. Совершенно новым шагом является введение соотношения величин. Можно, например, сказать: отношение ∅ дифференцируются в логическом смысле. Если мы возьмем одну разницу $\varnothing_1$ в качестве опорного пункта отношений, то все другие разницы относятся к $\varnothing_1$

так же, как число 1 относится ко всем возможным числам, — таков наш постулат. Мы можем назвать это различие единым интервалом, тогда все другие интервалы будут теперь (упомянутыми) числами**. Но и это еще не все. Следует также постулировать: если a $\varnothing_n$ b и b $\varnothing_m$ a, то m = n (интервал ab = ba). Далее, ab + bc = ac (алгебраическое сложение).

Точно в таком же стиле можно дать дефиницию евклидового, неевклидового etc. многообразия. К сожалению, до сих пор нет ясного понимания того, что при этом происходит (его нет и у математиков). Мне удалось обнаружить только одну формально удовлетворительную разработку n-мерного евклидового многообразия — это «Теория измерения» Грассмана 1862 года [12] (*не* 1884 года) [13]. И все же эта работа преследует *методические* интересы и не дает никаких намеков на то, что при этом происходит в теоретическом отношении. Излагаемый здесь ход мыслей трудно проследить, и он не благоприятствует логическому пониманию особенностей, присущих понятиям чистого многообразия.

Я должен сделать еще одно дополнение. Говорят, что интенсивности (в какой-нибудь чувственной области) составляют континуальное, ограниченное с одной стороны многообразие. Но интенсивность, которая ощущается в определенный момент времени, регулируется законом порога восприятия, что предполагает определенного рода континуальность. То же самое относится и к воспринимаемому пространству. Вся математика (я имеют в виду математическую закономерность) является здесь результатом понятийной и идеализирующей проработки соответствующих ощущений. В ходе идеализации мы, отвлекаясь от закона порога восприятия, считаем интенсивность одинаково плотной, а ее интервалы — величинами; точно так же мы, следуя известным побуждениям, поступаем и в отношении пространственных образований. Так, данное в ощущениях пространственное образование мы *воспринимаем* по образу евклидового пространства; причем предполагаемые [supponiert] точки мы рассматриваем как данный в переживании вид [Spezies] пространственного образования. Точно так же и в случае времени: континуальное, бесконечно простирающееся в обе стороны и ортоидное время строится из временных точек — элементов того же вида, которые мы «воспринимаем». Если же сказать, что пространство физика может состоять из точек совершенно иного рода, чем наше воспринимаемое пространство, и физик нуждается только в допущении, что эти материальные элементы имеют одну сторону, которая постоянно изменяется как точка некоторого трехмерного евклидового многообразия, тогда как он решительно ничего не может сказать

о «что» точки, — то и в этом случае очевидно, что определенное «что» делает физическое пространство тем, что оно есть. Пространство естествознания также представляет собой совершенно определенное, *частное* евклидово многообразие. Но только в этом случае, как и в случае геометрии, мы отвлекаемся от всего, кроме закономерности, поскольку здесь нечего исследовать в пространственном «что». — Наверное, я слишком многословен, поскольку Вы имеете в виду, кажется, то же самое.

Шмитц-Дюмонт, насколько я вижу из Вашего дружеского послания, твердо держится своих прежних ложных выводов. Мне представляется, что их опровергает уже одно только фактическое существование более чем трехмерных евклидовых многообразий.

Мы определяем понятие ортоидного многообразия через «непрерывный» числовой ряд. Этот последний, в свою очередь, является особым случаем ортоидного многообразия, в котором мы определяем интервал между двумя числами как их разницу. Так, совокупность чисел a + bi составляет не только систему понятий, предназначенных для характеристики как точек плоскости, так и двухмерного евклидового многообразия вообще; она сама должна пониматься в строжайшем смысле слова как «плоскость», т. е. как евклидово многообразие двух измерений. Его точки суть числа «как таковые» (то есть представляют собой вид). Итак, можно двигаться дальше. Числовые понятия, характеризующие n-мерное многообразие, сами составляют n-мерное многообразие (при соответствующей дефиниции таких понятий, как точка, интервал, направление и т. д.). Таким же образом обстоят дела и в случае числовых групп (p_1, p_2, ... p_n) — каждая подобная группа рассматривается как точка, причем p постоянно варьируется. —

Это, правда, не континуум в смысле целого, где часть может существовать только во взаимосвязи определенной целокупности, но в данном случае это никак не влияет на закономерность.

Нет никакого сомнения, что евклидово пространство является, как Вы говорите, «необоснованной» гипотезой, т. е. гипотезой, которую *не обосновывает* естествоиспытатель. Это связано с происхождением науки из естественного мышления. Мнение, имеющее естественное происхождение, модифицируется лишь постольку, поскольку это оправдано с точки зрения научно-практических интересов. При этом устраняются препятствующие иррациональности, что, тем не менее, не ведет к систематическому рациональному построению науки. Но, как я полагаю, это недостающее обоснование может быть лишь эмпирическим. Таким образом, оно может быть только индуктивным, но при этом в высшей степени вероятным обоснованием. Чтобы дать такое обоснование

строго научно, требуется надлежащее и строго формальное определение n-го многообразия. В этой связи можно привести множество определений, разумеется, эквивалентных друг другу, среди которых следует выбрать одно, которое лучше всего соответствует эмпирии. Но здесь еще не проведена математическая работа. Каким образом можно заниматься геометрией без полной аксиоматической системы и без строгой дедукции? То же самое можно сказать и об учении о многообразиях. Различные доказательства Евклида исходят из определенной фигуры, он считает очевидным, что пространственные положения в геометрическом отношении тождественны тем, которые он постигает в эмпирических *линиях*, исходя из своего «геометрического *созерцания*». В ходе научного рассмотрения из «созерцания», однако, нельзя извлечь решительно ничего из того, что уже прежде не было бы зафиксировано в аксиомах. Любая строгая дедукция формализуема. Если заменять данные понятия понятиями вообще (a, b, ...), то результатом этой замены должна быть формально корректная и полная дедуктивная связь (имеющая вид закономерной всеобщности). В этом смысле у Евклида не достает подлинной строгости, его доказательства (например, теоремы о сумме углов) [14] получены хитростью. Но он прославился тем, что указал цель построения чисто дедуктивной геометрии на основе минимального числа аксиом. В сходном смысле геометры в учении о многообразиях отчасти оперируют «созерцанием», используя для своих выводов наглядные отношения проекций на евклидово пространство (которое сразу же отождествляется с воспринимаемым пространством). Огромное значение интуитивного подхода является сугубо методическим; но в чисто систематической математике следует полностью отказаться от созерцания — в том смысле, как это иллюстрирует вышеприведенный пример многообразия с постоянной плотностью.

В случае *евклидового* многообразия прямая, конечно, является «основным понятием». Но уравнение $dy/dx = a$ основывается на предпосылках сложного вида, поэтому его нельзя использовать дефинитивным образом. В соответствии с тем, как я понимаю дефиницию (см. выше), прямая — это в первую очередь непрерывное ортоидное многообразие. В циклических многообразиях прямая не является основным понятием. Я долгое время был убежден в том, что такого рода многообразия мыслимы только как образы в евклидовом многообразии, но отказался от этого заблуждения. Как ортоидные, так и циклически-линеарные многообразия должны определяться чисто формально, на основании понятия замкнутого ряда (точек одного круга либо произвольного

цикла abcba). Из этого могут быть выведены сферические многообразия и циклические многообразия высоких порядков.

Формально, правда, эти многообразия можно понимать как расширения соответствующих евклидовых многообразий. Да и вообще стоит задаться вопросом о том, что, собственно, имеют в виду, когда спорят о «чистоте образа».

Еще раз благодарю за участие и интерес к моим философским заботам и трудам. На протяжении многих лет я был лишен всякого научного общения. В изнурительной внутренней борьбе, при отчаянном стремлении к надежным основаниям рационального воззрения, я всегда мог положиться только на самого себя и стал, наконец, полагать, что вообще не могу рассчитывать на понимание со стороны других. Оставалось надеяться на то, что в конце концов мне все же скажут спасибо. Найдется ли у меня сейчас время разобрать Вашу статью о количестве и качестве? Здесь требуется глубокое изучение вопроса, а в настоящее время я весь поглощен работой над своим сочинением. Но время еще будет, и я рассчитываю на ее стимулирующее воздействие.

С дружеским приветом и искренним уважением

Э. Гуссерль

Владеете ли Вы стенографией, и[15] могу ли я в будущем писать Вам с использованием стенографической записи?

* * *

* Опираясь на указанное различие, я вообще намереваюсь определить понятие *категории*.

** Разумеется, не требуется никакого специального определения постоянной плотности, если ∅ мыслится дифференцированным *в числовом отношении*. Но легко заметить, что вместе с постоянной плотностью еще не дана континуальность в математическом смысле, равно невозможно и определение величины.

Наторп — Гуссерлю, 1.IV.1897

Марбург, 1 апреля 97.

Глубокоуважаемый коллега!

Ваше письмо застало меня за изучением «Теории измерения» Грассмана, на которую Вы как раз и обращаете мое внимание. Эта работа мне тоже особенно симпатична своим решительным стремлением к логической строгости.

Но того, что я искал, мне до сих пор не удалось найти: ясности в различии того, что необходимо определять чисто категориаль-

но, а что не категориально (или, как Вы говорите, материально). Может быть это вообще не поддается *дефиниции*? — На вопрос, чем отличаются точки пространства от точек времени, Вы отвечаете: «Этого нельзя *определить*, можно только сказать: "*Смотри*!"». Но даже в том случае, если вовсе ничего не «видят», что-то при этом все-таки *мыслят*. Например, существование точек времени *отрицается*, тогда как, с другой стороны, существование точек пространства *утверждается*. Является ли *существование* чем-то «материальным»? Скорее это одна из самых достоверных категорий, даже если она относится не к числу первых, а к числу последних в их ряду. Математика также говорит о «существовании» своих объектов (иррациональных etc.) и имеет в виду только надежное обоснование выдвинутого понятия в рамках того законосообразного *подхода*, на котором она вообще основывается. В этом нет совершенно ничего материального. Я думаю, что существование вообще должно определяться именно таким образом. Правда, при этом следует использовать не *только те* мыслительные подходы, на которых основывается математика, но также и некоторые другие подходы, отличающие объект естествознания от объекта чисто математического. Так как время и пространство неразрывно связаны с существованием, то во взаимосвязи мыслительных определений, конституирующих специфический характер существования, можно дать также и их дефиницию.

Если принять это во внимание, то получается следующее: время, пространство, существование имеют между собой то общее, что они суть определенность, заданная *единственным* способом. Но *одно*значность (в нумерическом смысле) — это вполне ясное *мыслительное* определение. Она ничем не уступает той однозначности, что дана нам, например, посредством ощущения, она представляет собой результат и характерную особенность того мыслительного подхода (или совокупности подходов), при котором действительность отличается от видимости. Скорее, само собой следует предположить, что в одном только «представлении», не притязающем на предметность, наличествует столько же пространств, времен и существований, сколько *не связанных между собой представлений* (будь то у одного и того же представляющего или у совершенно разных); нумерическое единство возникает только при мыслительном сопряжении содержаний многих представлений между собой (которые точно так же мыслимы и без этого сопряжения), т. е. при сопряжении их с идеальным, полагаемым в мышлении единстве «существующего».

При этом, по-видимому, предполагается, что в одном только восприятии (представлении) мы уже имеем время, пространство,

существование, даже если они еще и не представляют собой нечто единственное. Несомненно, мы их имеем, — но при этом в том же самом смысле, как и это последнее; мы их имеем постольку, поскольку мы их *полагаем*; они даны постольку, поскольку *мы* их себе даем. Время, пространство, существование суть способы полагания, причем единственность выступает как *требование* и как *попытка* выполнения этого требования. Как по отношению к частному, изолированно рассматриваемому восприятию (представлению), так и по отношению к совершенно чистому научному определению все это всегда остается только требованием, попыткой, *гипотезой*. Эта гипотеза по своему методическому значению существенно не отличается от математической гипотезы, т. е. она возникает из методической необходимости *положить* какое-то *начало* (без чего мы не можем достичь даже самых чистых «понятий»). Но полагание остается «произвольным», поскольку оно также может быть изменено по мере надобности, но с одним условием: соответствующим образом изменить то, что полагалось в случае предшествующей предпосылки.

Вы говорите, что различие, например, в *цветовом ряду*, нельзя определить чисто понятийно, тогда как понятийное определение возможно только при допущении каких-то данных опорных пунктов отношения. Но *что* в таком случае является данным? «Ощущение» означает только следующее: *здесь* (*сейчас*) есть *одно* (в целом нечто невыразимое), а *здесь* (и <...>[16] *сейчас*) — *другое*, в чем-то подобное предыдущему, то есть различимое в пределах *одного* рода (*в одной области* или порядке качественных различий). Все это — чистые мыслительные определения. Что есть «одно», «другое», «подобное», «порядок качественных различий» — ничего из этого нельзя видеть, но все это можно только мыслить. Конечно, есть *нечто* одно (определенное — согласно указанному *требованию* — *единственным* образом) и *нечто* другое (также единственное) etc., но дает ли эту единственную определенность именно ощущение? *Закон порога восприятия дает на это недвусмысленный отрицательный ответ.* (На это я указываю на протяжении многих лет, и рад тому, что и в этом вопросе мы с Вами согласны.) То, что ощущается, получает более точное, более однозначное определение лишь благодаря установлению границ *раздражения*, в пределах которых имеет место различимость или неразличимость. Причем было бы логической ошибкой *приравнивать* к ощущению нечто не поддающееся различению, потому что следовало бы, что a = b, b = c и a *не* равно c. Таким образом, то, что ощущается, *совершенно не* может быть определено или определимо из себя самого. Если мы не хотим возвращаться к физическому миру, то мы

достигаем этого определения гипотетически, начиная с грубых, скорее вымышленных, чем верных *конституированных систем*, которые мы спокойно *кладем в основание*.

Вы подходите к этому очень близко, когда говорите, что даже *по ходу восприятии* мы производим *предполагание* [*Supposition*] чистого континуума (возможно, более правильно сказать, что мы предполагаем континуум, относительно которого мы *некритично допускаем*, что он «чист», т. е. непротиворечив, хотя в действительности он таковым *не является*). Но если мы *предполагаем*, то при этом мы, по всей видимости, производим *мыслительное* определение, и то, что это предполагание происходит *в процессе видения*, совершенно ничего не меняет. Вы же не стали бы говорить, что *видят* то, что предполагается; напротив, видят *нечто* — то, что мы затем, как Вы говорите, «идеализируем». Но я утверждаю: даже то, что мы, как нам представляется, видим, представляет собой предполагание; по крайней мере поначалу это есть грубая, неуверенная попытка мыслительного определения. Мы никогда не придем даже к самому приблизительному *определению* того, *что* мы видим, и никогда не сможем сформулировать *высказывание*, содержащее слово «есть», не полагая в основание определенного *способа достижения определения*, который если и не является законосообразным, то все же стремится к некоей законосообразности. Отсюда могут быть выведены «естественные» категории (и они *действительно* были выведены Аристотелем), которые обнаруживают себя в грамматическом строе языков. Правда, подлинную задачу — сформулировать *необходимые и достаточные* основные способы достижения определения того, что «есть», — эти категории решают намного хуже, чем евклидовы аксиомы решают равную, но лишь более узкую задачу чисто математического определения. То, что «дано», может быть определено только *по отношению* к подобной, уже предположенной системе; например: определять не нечто, *одно* и т. д., а только *возможность* чего-то, одного и т. д.

К вопросу о пространстве замечу пока только вот что. Вы спрашиваете, что, собственно, имеют в виду, когда говорят, что циклические многообразия есть только «образы» *в* евклидовых (ортоидных) многообразиях. Мне кажется, только то, что первые могут быть *определены* лишь в том случае, если в основание полагаются эти последние. Только в таком случае это утверждение имеет релевантный смысл. Кроме того, я хотел бы сказать еще следующее.

Вместе с любым отношением ab дано и обратное ему отношение ba. «Закрытый ряд» abcba (или aba) требует мыслить отноше-

ния ab ba как однонаправленные (как однородные отношения, так как они являются продолжением *одного и того же вида полагания*) и *в то же время* как противоположно (встречно) направленные, так как они возникают при противоположном виде полагания. Это возможно только потому, что *этот* «равный вид» полагания имеет сложную природу, включая константное *изменение*, которое мы называем изменением *направления*. Оно может быть определено (без помещения в его основание пространственного измерения) как единство или инаковость [модуса] «как» полагания (*нумерически*) одного и другого элемента по *отношению* друг к другу. Тем самым, сказанное следует признать *новым* определением, фундаментально отличным от полагания ряда в некоторой последовательности. Но, в таком случае, этот *элемент* направления или *отношения* ab, данный посредством *одного-единственного* определения этого нового типа, т. е. прямая, представляет собой *просто основное понятие*, без которого непротиворечиво нельзя определить также и циклическое многообразие. Это точно такое же мыслительное определение, как и определенная последовательность или *величина*. К этой последней оно имеет совершенно определенное отношение: только элементы a и b определяют величину ab, причем «путь», то есть тип отношения a к b, задан *одним-единственным* определением (даже в случае бесконечной делимости). Это отличается от случая круга, когда путь в силу неравных интервалов становится неравным, но не определяется при этом *никакими* двумя элементами (так как отсутствует наименьший интервал). Совершенно так же, как нумерическое множество предполагает нумерическое единство, множество определяемых отношений предполагает их единство, т. е. прямую, и математике никоим образом нельзя избежать этого. Все ее расчеты степени кривизны etc., напротив, исходят из этого основного определения. (Совершенно произвольное уравнение dx/dy = a я, разумеется, приводил не в качестве дефиниции, но использовал его только попутно, потому что оно особенно ясно обнаруживает, что прямая зависит от *минимума предпосылок*. Это уравнение относится, конечно, не к первоначальному определению направления вообще, а уже к отношению одного прямого направления к другому, и выражает его, в свою очередь, через соотношение двух *протяженностей*. В такого рода дефиниции я нуждаюсь меньше того, кто надеется получить направление, исходя из количественных определений, а протяженность — *прежде* направления.)

К каким бы ложным выводам ни приходил Шмитц-Дюмонт, мне кажется, что он правильно понимает значение количественных значений в математике и это позволяет ему решать многие

запутанные вопросы. Но я всегда готов научиться большему и с удовольствием ознакомился бы с *упорядоченным опровержением* основных тезисов Шмитц-Дюмонта (отдельные возражения здесь ни к чему). Известно ли Вам изложение математической теории познания, которая бы подробно рассматривала тенденции его теории? Я замечу при этом, что у Шмитц-Дюмонта я ничего до сих пор не заимствовал, но встретил у него кое-что из того, что было обнаружено мной самостоятельно. Он действует так же «инстинктивно», как и те математики, которых он так бестактно отчитывает на каждой странице. Однако следует, пожалуй, признать, что его инстинкты в некоторых случаях правильны (как и у этих математиков).

Грассман не уверен в том, следует ли вообще считать $\sqrt{-1}$ *новой единицей* или нет [17]. Вычисление становится проще, если не считать ее таковой, но он все же испытывает логическое затруднение перед тем, чтобы признать ее просто производной от абсолютной единицы. Однако величина принудительно следует из операций, на которых основывается любая нумерическая производная. Это логическое затруднение устранимо, если понимать, что уже в самих основных операциях заложен качественный момент, а именно полагание и противополагание. Отсюда вытекает возможность вращения (бесконечных прямых), а значит, и возможность плоскости. Если же допускать, что вращение *тех же самых* прямых может иметь различные направления, то из этого вытекает возможность (евклидового) пространства. Это простая мысль. — Не судите строго за высказанные здесь еще не вполне вызревшие идеи.

Гуссерль — Наторпу, 23.XII.1908

Вена 23.XII.1908.

Уважаемый коллега!

Д-ра Конрада я могу рекомендовать Вам только с самой лучшей стороны [18]. Много хорошего можно сказать о его характере и воспитании. Его научное образование также вполне солидно: он специализировался в области естествознания и защитил докторскую работу по физической химии. Сразу вслед за этим он полностью посвятил себя философии. О том, с какой серьезностью и прилежанием он принялся за нее, свидетельствуют его, по моему мнению, очень хорошие статьи (из которых я внимательно прочитал первую, а также первую половину второй, и только из Вашего письма я узнал о существовании третьей статьи [19]). В числе его заслуг следует также упомянуть то, что он не поддается иску-

шениям, которые влечет за собой (в первую очередь для того, кто занимается эстетикой) ясно проявляющееся литературное дарование [20], и выдерживает линию строгой науки. Он сам сформулировал для себя проблему конституирования эстетического предмета, так что мои советы понадобились лишь при написании введения к первой статье. Мне хотелось бы думать, что при его серьезном отношении к делу и с его способностями мы можем ожидать от него добротных (а при соответствующем последующем развитии — очень хороших) результатов. О своих планах по написанию габилитационной работы он говорил мне уже около двух лет тому назад, когда показывал набросок своей первой статьи. Причина, по которой я не стал обнадеживать его (как и других, более продвинутых учеников) по поводу габилитации в Геттингене, заключается, главным образом, в том, что я не мог быть уверен, что именно мои ученики найдут признание у моих коллег по профессии и у факультета. Возможно, Вы знаете, что я был назначен ординарным профессором вопреки желанию факультета. Когда четыре года назад [21] министр официально сделал запрос о том, не будет ли факультет возражать против намерения назначить меня на должность ординарного профессора, факультет отреагировал *отрицательно* [22], следуя энергичным протестам моих коллег Баумана и Э. Мюллера. Несмотря на это, два года спустя [23] я все же получил «персональную» кафедру ординарного профессора. Учитывая эти обстоятельства, я не мог рекомендовать близким мне молодым философам подавать заявление на получение venia [24]. Разумеется, все это я сообщил и В. Конраду.

В настоящее время мою ситуацию также нельзя назвать нормальной. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что я *не был* избран преемником Баумана (с согласия факультета) и должен был остаться в положении «персонального» ординарного профессора (с жалованием экстраординарного). Других препятствий для Конрада не было. Еще *тогда*, два года назад, я сам говорил ему о том, что ему требуется более глубокое освоение центральных областей философии, но тогда он еще не помышлял о защите габилитационной работы в ближайшее время. Разумеется, я не могу судить, насколько далеко он продвинулся за это время, так как лишь дважды имел возможность поговорить с ним с тех пор. Конечно, для него будет трудно за короткое время овладеть кругом идей Когена. Другие работы марбургской школы — Ваши, Кассирера и других — для нас несравненно более доступны. Можно было бы, однако, надеяться на то, что Конрад, находясь в столь привлекательной для него философской атмосфере Марбурга и активно общаясь с Вами и учениками Когена, постепенно

продвинется настолько далеко, насколько это хотелось бы Когену (хотя, возможно, для этого и потребуется несколько лет). — Что же касается ситуации в Геттингене, то здесь официально объявлено о габилитации Нельсона. Два года тому назад (еще до моего назначения на факультет)[25] его работа была отклонена. Говоря между нами, здесь сыграло определенную роль мое закулисное участие. Я был возмущен его немыслимой рецензией в «Геттингенских ученых записках», посвященной чистой логике Когена[26]. Сейчас он имеет намного больше шансов. У него много личных связей, и он слывет светочем среди математиков и естествоиспытателей. Нельсон — внук Леджеуне-Дирихлет[27] и находится в родственных связях с супругой Лео[28] (семья Хензель-Мендельсон). У меня самого возникают большие опасения, еще и потому что мы все же надеемся на присутствие на факультете Вас или, возможно, Кассирера. Эти рождественские каникулы я должен посвятить изучению Нельсонианы и дать свой отзыв. Бауман уже высказался в его пользу. — Кроме того, на очереди два ученика Мюллера. Относительно д-ра Паульсена я осведомлялся несколько дней назад у Мюллера. К сожалению, он еще не знаком с его работой об ощущении, однако я предполагаю, что он будет реагировать отрицательно. Намного больше шансов здесь у д-ра Гартмана — в качестве историка он едва ли испытывал бы здесь затруднения. Разумеется, я был бы за обоих кандидатов, которых Вы столь высоко цените[29].

Позволю себе еще несколько слов о факультетских предложениях. О предыстории этой новой профессорской должности могу сказать следующее. Фон Альтхоф после того, как он сообщил, что попытается организовать мое повышение в Геттингене, направив «запрос» факультету, лично сказал мне, что после принятия палатой депутатов решения о создании ординарной профессорской кафедры для замены Баумана[30] я должен получить эту штатную ординарную кафедру. Вслед за этим последовал отрицательный ответ факультета на запрос Альтхофа, его болезнь и отставка. Филолого-историческая секция нашего факультета[31], которая не признала во мне «полноценной замены Бауману», добилась через влиятельных коллег, чтобы штатное место было предоставлено не мне, но занималось согласно новому списку, предлагаемому факультетом. При этом я должен заметить, что с самого начала, уже на первых переговорах в Берлине в 1904 году, отстаивал позицию, согласно которой в Геттингене должно быть *два* вакантных места. Мюллер — это экспериментальный психолог, но вовсе не философ (он и сам, в действительности, не стремится к тому, чтобы его считали таковым); и если философию в университете надлежит,

как и прежде, представлять двум ординарным профессорам, то помимо моего места необходимо определить (вновь создать) еще и второе место. Кроме того, по меньшей мере одно из этих двух мест должно постоянно оставаться зарезервированным за систематической философией, тогда как другое могло бы заниматься с учетом потребностей классических филологов и историков и принимая во внимание представительство такой специальности, как история философии. В этом состоит моя оппозиция факультету, который наряду с Мюллером как «естественнонаучным» философом требует также «филолого-исторического» философа (каждой секции — по своему собственному), что, таким образом, ведет к совершенно незаметному выпадению творческой философии в собственном смысле. В действительности, весь этот спор указывает на немыслимое пренебрежение подлинной и живой философией как систематической наукой, противостоящей и экспериментальной психологии (одной из естественных наук), и исторической философии (одной из исторических наук)*. Итак, со всеми разумными и обоснованными пожеланиями филологов я совершенно согласен, но я полагаю, что «исторический философ» также должен быть философом, а если это возможно — то не просто ученым, а творческим философом-систематиком высокого стиля. И в этой связи я, как в Геттингене, так и в Берлине, на протяжении многих лет постоянно указываю на Вас (а уже во вторую очередь — на Кассирера) как на подходящую для нас кандидатуру. И, как Вам известно, не без успеха. Однако фактические действия факультета, в особенности филологов, направлены на то, чтобы вытеснить меня, систематика, из университета, словно бы это какая-то побочная специальность, которую достаточно представлять экстраординарному профессору, тогда как полноценным преемником Баумана должен стать историк. Другие подробности развития событий я как-нибудь расскажу Вам при встрече. Довольно того, что окончательный список (Вы на *первом* месте, Майер и Кассирер на втором, причем такой порядок secundo loco принят «в связи с возрастом») был предложен и защищен мной, причем, что самое главное, мне удалось воспрепятствовать проталкиванию на первое место Майера и, соответственно, оттеснению Кассирера на третье место. И то, и другое — на самом *заседании* факультета. Разумеется, все это было сделано исходя только из объективных оснований. Майер — прилежный историк, но, по моему мнению, *не* философ, что ясно показывает его объемистая и скверная книга об эмоциональном мышлении[32]. Третьего философа я так и не нашел. — Может быть *Вам* это удалось? Возможно, мне следовало бы раньше решиться на то, чтобы подать

голос за Хезеля, который, к сожалению, не написал ни одной весомой исторической работы. Испытывает мучения тот, кто имеет выбор. К несчастью, я был отстранен от составления доклада комиссии, поэтому кандидатура Майера была преподнесена в несколько панегирических тонах. Что же касается моей высокой оценки Кассирера, то я надеюсь, что найду в этом согласие с Вами и Когеном. Полагаю, Марбург имеет право гордиться таким учеником. Но можно ли столь же высоко охарактеризовать его личные качества?

Я хорошо понимаю, какую злую шутку сыграли с *Вами*. Новое известие об Эльстере [33] вполне отвечает его прекрасной манере. Я также мог бы Вам многое рассказать. И все же я не теряю надежды. (К сожалению, Вы, по-видимому, ответили ему недостаточно резко. Я сам не могу сказать о нем ничего плохого.) Если бы Вы прибыли в Геттинген, то это бы наилучшим образом разрешило все мои затруднения. Ибо уже на протяжении многих лет я мечтаю о том, чтобы иметь возможность работать рядом с Вами. Вы были бы сердечно приняты *всеми* сотрудниками, так как попытки протащить Майера на одно место с Вами объясняются понятными соображениями политики факультета и не имеют ничего общего с оценкой Вашей деятельности.

Что касается второго тома моих «Логических исследований», то между мной и им пролегают семь лет, наполненных работой. Я продвинулся значительно дальше и научился лучше понимать себя самого: как в том, что касается смысла «феноменологического метода», которого я de facto придерживаюсь (в целом совершенно последовательно), так и в отношении того, что я вообще хотел сказать в этих своих книгах. «Введение» к первому исследованию дает, к сожалению, совершенно недостаточные и, как показывает опыт, легко сбивающие с толку сведения на этот счет [34]. Уже в 1903 году в обзоре сочинений по логике [35] (Бергман, Гомперц, Ерузалем etc.) я отказался от сомнительного наименования «дескриптивная психология» по отношению к феноменологии. Позволю себе обратить Ваше внимание на эти обзоры, хотя уже на протяжении ряда лет я имел возможность сообщать на своих лекциях намного более значительные результаты. Я возлагаю большие надежды на обширные публикации, которые должны появиться в ближайшие годы. Замечу только, что мои *проблемы* (которые никоим образом не являются психологическими) не совпадают с теми проблемами, над которыми работает круг исследователей в Марбурге. И мой *трансцендентально*-психологический [36] метод (который не является ни генетически-, ни деск-

риптивно-психологическим) отличается по своей цели и сущности от трансцендентально-*логического* метода в *Вашем* понимании.

Примите мои сердечные поздравления с Рождеством, и передайте их Вашей уважаемой супруге. Пусть же младенец Христос (как говорят здесь в Вене [37]) поможет — к нашей всеобщей радости — Вашему назначению в Геттинген.

С неизменным глубоким почтением

Ваш

Э. Гуссерль

В настоящее время Вена I, Випплингерштрассе. 32 (адрес д-ра А. Брунера) [38].

* * *

* На личную враждебность я не могу пожаловаться; на факультете также хорошо известна моя большая учебная нагрузка.

** Если под этим понимать учение об источниках в смысле критики познания.

Наторп — Гуссерлю, 21.I.1909

Марбург, 21 января 1909.

Глубокоуважаемый коллега!

Искренне благодарю Вас за обстоятельное послание. Я мог бы ответить раньше, но прежде хотел еще раз поговорить с доктором Конрадом, который только несколько дней назад вновь объявился здесь после каникул, проведенных дома. Сегодня он, наконец, написал нам (одновременно мне и Когену), что он решил попробовать габилитироваться в каком-нибудь другом месте. Я уже писал Вам, каким образом мы смотрим на это дело. В его представленных на сегодняшний день исследованиях мы видим заслуживающие внимания дескриптивные *приготовления* к эстетике, тогда как мы требуем от философской эстетики более глубокого погружения в центральные вопросы. По-видимому, какие-то слова Когена он мог истолковать так, как будто бы от него требовалось вхождение в *определенный* круг идей. Но такое понимание было бы неверно, и Коген вовсе не имел это в виду. Речь идет только о том, что от человека, рассчитывающего на плодотворное сотрудничество, можно было бы ожидать знакомства с работами Когена по эстетике и определенной позиции по отношению к ним, а не безучастного их игнорирования. Эти недоразумения сейчас развеяны, так что ни с той, ни с другой стороны нет и тени личной неприязни. Я специально упоминаю об этом, так как одно место

Вашего письма позволяет предположить, что Конрад также и Вам сообщил какие-то обстоятельства (разумеется, *не* в смысле названных улаженных недоразумений). Однако сейчас он, очевидно, беспокоится, что ему вообще не удастся в срок удовлетворить наши требования и подробно рассмотреть те центральные вопросы, за которые он взялся в своей габилитационной работе. Точнее говоря, его отец, видимо, подталкивает его к тому, чтобы *быстро* достичь осязаемого результата. А поскольку он надеется, что это быстрее получится у него в другом месте, то он отказывается от габилитации у нас. Он нисколько не оспаривает и, напротив, полностью понимает, что наши требования вытекают из существа дела, но, находясь под влиянием своего отца, он полагает, что должен следовать тем путем, который быстрее и надежнее ведет к цели. Мне кажется, честно говоря, что он поступает со своей стороны не вполне по-философски. Разумеется, мы не требуем от него, чтобы он предложил, например, уже *готовые* философские принципы эстетики. Он должен лишь показать, что эти вопросы интересуют его далеко не поверхностно и что он способен *ставить* центральные *вопросы* и *искать* на них ответы. Как Вы совершенно справедливо отмечаете, мы не можем довольствоваться ни экспериментальными психологами (как естествоиспытателями), ни историческими философами (как историками), но должны требовать «подлинной и живой», «творческой систематической философии». Только ее мы и можем считать *философией*, а не чистое искусствоведение [Kunstwissenshaft], если только оно не доходит до самых корней или, по меньшей мере, если оно не *направлено* на радикальное обоснование. Но именно этого мы и не находим в существующих на сегодняшний день работах Конрада, сколько бы предварительной для *философской* эстетики работы там ни содержалось. Так как он объективно рассматривает все это, а также, разумеется, *должен* понимать это требование, поскольку учился у *Вас* (как, впрочем, и у Липпса), то сейчас самое правильное решение состояло бы в том, чтобы засесть на полгода или даже на целый год, посвятив все свои силы восхождению на *эту* необходимую (прежде всего — для него самого) следующую ступень, возводящую *его* на новую высоту. Никто из нас его не торопит — его коллега по соисканию, наш д-р Гартман, сам бы с удовольствием еще подождал некоторое время, и если бы он даже был готов раньше, то мы, безусловно, просили бы факультет не преграждать путь для второго хорошего кандидата. Очевидно, что его торопит только отец, и с этим, видимо, ничего нельзя поделать. Впрочем, мы расстались в полном взаимном согласии, и хорошее

впечатление о его личности полностью оправдало себя именно в ходе этих наших последних встреч.

Каких бы то ни было других препятствий здесь нет. Доктор Гартман, конечно, полон решимости габилитироваться у нас; доктор Паульсен, однако, недавно написал, что пока хотел бы оставаться при гимназии, так как ему очень нравится его деятельность в школе.

Для меня очень интересно то, что Вы пишите о ситуации в Геттингене. На Майере остановились только потому, что историки нынче редки. Вы не приемлете его работу по психологии, я же нахожу его книгу об Аристотеле скучной и малополезной [39]. В ней нет ничего, совершенно ничего, что не мог бы обнаружить любой достаточно внимательный читатель Аристотеля. И при всем этом — мелочное, византийско-схоластическое удовольствие от интерпретаторских контроверз. Мне кажется, даже настоящие филологи должны от этого в ужасе отшатнуться. Отличие от подлинных *философов* здесь только в том, что подобное приводит их в *еще больший* ужас. В горизонт моего понимания не укладывается, как можно «петь панегирик» *такому* человеку. В качестве другой кандидатуры можно было бы назвать, например, Карла Йоела [Joël] [40], которого я, однако, не мог бы безоговорочно рекомендовать, даже совершенно отвлекаясь от того, что геттингенский факультет не станет предлагать сразу двух евреев. Мы очень рады тому, что Кассирер сейчас находит у всех столь единодушное признание. Но что означает Ваш вопрос: «Можно ли высоко охарактеризовать его личные качества?». Неужели в этой связи есть какие-то сомнения? В таком случае, я думаю, их можно совершенно отбросить. Во всей глубине своей души это чуткий, чистый и честный человек, который, мне кажется, может обезоружить в личном общении самого ожесточенного противника. Я не могу поставить ему в упрек то, что он не слишком учтиво обошелся с Нельсоном [41], ибо я и *сам* бы не хотел, чтобы он взял более спокойный тон.

Мне не хотелось бы завершать это письмо, кратко не остановившись на содержащихся в Вашем послании примечательных намеках относительно объективного взаимоотношения наших позиций. Я продолжаю считать, что — несмотря на Ваше неприятие наименования «психология» (будь то генетическая или дескриптивная) — Ваши исследования второго тома [42] соприкасаются с тем, что я называю психологией (и которая также не приемлет *оба* эти наименования). Правда, мне все еще довольно трудно сказать, в чем именно они совпадают. Вы называете ее «трансцендентальной психологией» и уточняете, что под этим понимается

«учение об источниках в смысле критики познания». Я не вполне понимаю, что это значит; но поскольку наше мнение относительно смысла критики познания (или логики) в какой-то степени совпадает, то столь интимно *связанное* с ними учение (пусть и психологическое, но, тем не менее, также и трансцендентальное) не может быть совершенно чуждо моей психологии, целиком и полностью основанной на логике или критике (по крайней мере, не может отличаться от нее по «цели и сущности»)*. Но что же тогда представляет собой *логика*, *совершенно* независимая от психологии, о необходимости которой Вы говорите в своем первом томе[43]? Может ли она опираться на что-нибудь другое, кроме чистого, точнее говоря, научно очищенного *содержания* сознания (познания)? И что она в таком случае может еще выдвигать в качестве последнего критерия объективной значимости, если не центральное *единство*, в котором содержательно объединяется (*должно* объединяться) все содержание, и не основные *отношения*, которые пронизывают и господствуют над всеми *отношениями* между содержаниями?

Надеюсь, что этой весной смогу закончить первоначальный вариант своей логики[44]. Прежде всего мне хотелось бы услышать Вашу беспощадную критику. Даже если она меня в чем-то не сможет убедить, я все равно буду в выигрыше; тем более что я не могу избежать вопроса об основаниях математики — той области, в которой Вы разбираетесь значительно лучше меня в силу продолжительных и обширных занятий, а также того опыта, который Вы можете получить в Геттингене, сильном своей математической школой.

В вопросе о получении должности ни «младенцу Христу», ни кому бы то ни было еще не удалось достичь пока ничего существенного. Даже первый, я полагаю, не имел бы ничего против назначения к Вам Кассирера, но, к сожалению, это зависит от совсем других инстанций. Если это будет Майер, что ж — такую участь определили себе сами геттингенские мудрецы. Правда, он чистейший шваб и, в конце концов, использует приглашение только для того, чтобы еще удобнее устроиться в своем родном гнезде. В принципе, это волнует *меня* меньше, чем, например, Вас. Уехать из Марбурга было бы для меня нелегко, и обмен далеко *не очевидно* выигрышный. Работа идет здесь хорошо и бодро — чего же еще можно пожелать?

Преданный Вам
П. Наторп

* Правда, существенное уточнение могло бы звучать так: Ваша психология не *следует* за критикой познания, а *предшествует* ей.

Гуссерль — Наторпу, 18.III.1909

Геттинген, 18.3.1909.
Хоэр Вег 7.

Глубокоуважаемый коллега!

С величайшим сожалением я получил сегодня Вашу открытку, отправленную в Гиссен. Я пробыл там до вторника, так как не хотел слишком долго докучать моему другу Грассману. Он работает над обширным сочинением (к столетию своего отца), которое должно выйти через несколько недель. Я уже не рассчитывал получить от Вас сообщение, и поэтому отправился через Марбург, расставшись тем самым с еще одной прекрасной надеждой повстречаться с Вами. С каким бы удовольствием я обсудил с Вами при встрече многие вопросы: затронутые в нашей корреспонденции проблемы трансцендентального (в смысле Канта и Вашей школы) и феноменологического метода, отношения между Вашей философской психологией и моей феноменологией, возможные способы определения области «чистой» логики. (По всем этим вопросам я существенно продвинулся вперед после «Логических исследований».) В то же время я с удовольствием познакомился бы и с Вашими взглядами на современную ситуацию в философии, на ее положение в университетах, поскольку я очень дорожу Вашим суждением о людях и событиях. — Но, возможно, это и к лучшему, что меня не застала Ваша открытка, так как, судя по ней, Вы не были расположены к общению и было лучше Вас не тревожить. К сожалению, у меня теперь почти не осталось надежды на то, что Вы будете назначены в наш университет (что было моим заветным желанием), поэтому я едва ли могу предположить, что Вы захотите посетить нас в Геттингене. Возможно, я еще раз попробую встретиться с Вами во время продолжительных осенних каникул. Впрочем, Кассель удачно расположен ровно на полпути между Марбургом и Геттингеном и, видимо, Вы часто в нем бываете. Так что Вы спокойно можете назначить там встречу со мной.

Надеюсь, Вы не станете не меня сердиться из-за того, что я еще не ответил на Ваше содержательное письмо от января сего года. Совершенно новая переработка моих четырехчасовых лекций по логике и двухчасовых лекций по основным проблемам этики полностью поглотили все мои силы, и вместо того, чтобы писать

Вам поверхностное письмо, я планировал посетить Вас в начале каникул в Марбурге.

Благодарю Вас и профессора Когена за любезный прием, который Вы оказали В. Конраду. Он вполне заслужил этого. Вы верно заметили: его отец побуждает его к скорейшей защите габилитационной работы, тогда как сам он стремится найти еще некоторое время для вызревания своих идей. Фактически сейчас он не подыскивает другое место, где он мог бы получить venia legendi, но спокойно продолжает работать дальше. Как он мне написал, несмотря ни на что он бы вновь возвратился в Марбург (так как тамошняя интеллектуальная атмосфера ему очень нравится), но он не может оставить свою мать в столь трудное время (она начала быстро слепнуть).

С величайшим интересом я прочитал уточнения Ваших принципиальных требований к габилитационной работе по философии и нахожу их блестящими. С другой стороны, мои ученики находятся в плохом положении из-за того, что еще не опубликованы мои исследования, посвященные идее феноменологической критики разума, из которых явствовало бы, что работы в стиле Конрада в действительности не только не чужды самой сути философской работы, но по своей природе как раз и «направлены на радикальное обоснование». Я бы не одобрил того, чтобы в каждой подобной работе непременно стремились высказаться о методе и принципиальных или, лучше сказать, высших целях критического исследования разума. Любая такого рода тема (в феноменологической сфере) имеет свой особый, ведущий к высочайшим вершинам путь, проследить который молодой философ еще не в состоянии. Для этого требуются годы глубокого и постепенно продвигающегося вперед исследования. И поэтому для меня достаточно, если он правильно берется за дело и основательно начинает работать, продвигаясь снизу вверх. Если он вообще уловил смысл феноменологического исследования, то он не может оставаться бесчувственным к проблемам самого высокого порядка. В противоположность специальному естественнонаучному исследованию (в особенности же исследованию в области экспериментальной психологии) здесь совершенно невозможно на протяжении всей своей жизни оставаться привязанным к частным проблемам. Нельзя же изучать сущность сознания и его многообразные «феномены», не имея в то же время перед глазами единства как самого сознания, так и конституирующейся предметности, не ощутив тотчас со всей остротой загадку этого конституирования, равно как и проблемы, связанные со всеобщностью и данностью.

Проблематика и методика марбургской школы изначально является иной. Она выработала для себя твердые формулировки важнейших проблем критики познания, которые стоят для нее на первом месте и на которые ориентируется любая последующая работа, с необходимостью исходящая из этих формулировок. Мы, геттингенцы, работаем в совершенно другой установке, но при этом мы движемся от самого основания, так сказать, снизу, оставаясь, однако, честными идеалистами. Мы полагаем, что существует не только фальшивое эмпирическое и психологическое основание, но есть и подлинно идеалистическое основание, от которого можно шаг за шагом восходить к вершинам.

Взаимное различие характерным образом обнаруживается при сопоставлении Вашей психологии и, соответственно, моей феноменологии с трансцендентальной философией. Я также считаю, что обе эти «психологии» должны быть сущностным образом связаны друг с другом, хотя и находятся сейчас в невыясненном родстве между собой. Но феноменология никоим образом не нуждается в предваряющей ее трансцендентальной философии, тогда как Ваша психология должна следовать за трансцендентальной философией (как Вы и сами замечаете). Однако то, что мы оба называем трансцендентальной философией, а также то, каким образом мы видим ее существенные проблемы и методы, весьма различно. И все же для меня это выглядит так, словно бы мы стоим плечом к плечу, как будто бы одна и та же философия связывает нас, открывает нам свои различные аспекты и ставит перед нами различные, но необходимые друг другу группы проблем. Только я считаю, что коренные проблемы заключены в феноменологическом основании, откуда естественно двигаться к вершинным проблемам. Я постоянно вижу или чувствую глубокую внутреннюю общность и согласие, и я уверен в том, что будущая работа вместе с прояснением принесет и примирение наших методических и относящихся к сути дела расхождений.

Вы очень обрадовали меня известием о скором выходе своей «Логики». Возможно, я опять не пойму ее до конца, но я не сомневаюсь в том, что она глубоко меня затронет и продвинет вперед. От Ваших слов исходит внутренняя сила, которая приводит в движение мою мысль, даже если я не понимаю их общего смысла. От меня в обозримом будущем нельзя ожидать никакой «Логики». Однако я надеюсь выпустить в свет ряд обширных работ, посвященных существенно новому (как я полагаю) типу критики разума. Это новизна, однако, находится в необходимой исторической преемственности с проблематикой Платона, Канта и Юма. Несмотря на то, что я посвятил все свои силы этой работе и мно-

гое обдумал и набросал за истекшие восемь лет, я не знаю, начну ли я публикации в этом году или через несколько лет. Пока небо остается ясным и хватает сил для бодрого продвижения вперед, я говорю себе: «Цель близка, скоро я ее достигну». Но омрачается небо, опускается мгла, я начинаю увязать в трясине, и тогда мне кажется, что до цели еще необычайно далеко! — Тем не менее, я серьезно помышляю о завершении. Закат жизни — это и время наивысшего расцвета.

Что касается профессиональных вопросов, то здесь мы совершенно единодушны. Назначение Майера было неизбежно, так как de facto не было найдено никакого другого кандидата [45]. Сейчас повсюду днем с огнем ищут «историков» в качестве мнимого спасительного противовеса психофизикам. Процветают, следовательно, посредственности. Бедные наши университеты. Кем они себя обеспечивают — и это во время взлета подлинно философских интересов!

Ваши замечательные слова утешения: «Работа идет здесь хорошо и бодро — чего же еще можно пожелать?», — относятся также и ко мне, к моей ситуации в Геттингене, которая далеко не во всех отношениях идеальна. В качестве противовеса Нельсону, который габилитировался, я получаю второго доцента (если он пройдет), который является лучшим моим учеником (выходец из кружка Липпса) [46]. Благодарю Вас за сообщение о Кассирере, против которого никто ничего не имел. *Я сам* не был уверен, так как я его вообще не знал и мог судить только по его выдающимся работам.

Кланяюсь Вам с выражением величайшего уважения и преданности

Ваш

Э. Гуссерль

Наторп — Гуссерлю, 26.I.1914

Марбург, 26/I.14.

Уважаемый коллега!

Благодарю Вас за дружеские пожелания [47]. Меня чествуют сверх меры, но, к счастью, я не обладаю талантом обращать это в пользу своего тщеславия. — Теперь я могу, наконец, направить Вам свой отзыв на Ваше сочинение [48]. Вы увидите, что я постарался приложить все усилия, чтобы встать на Вашу точку зрения. Впрочем, в значительной степени это было возможно на основании моих собственных воззрений. От себя я не скрываю, что мы

едва ли когда-нибудь полностью объединимся. Однако само по себе различие во взглядах не вредит, если достигается все большее согласие по самым главным вопросам. Только в отношении психологии дело продвигается слишком медленно, возникает слишком много задержек, да и мне, кроме того, приходится беречь свои силы. Кажется, я все еще не поблагодарил Вас за второе издание [49], что мне уже давно следовало бы сделать — хотя бы из-за дружеского внимания к моим замечаниям из «Общей психологии» [50]. Восполняю тем самым это упущение.

С наилучшими пожеланиями
Ваш
П. Наторп

Гуссерль — Наторпу, 8.VI.1917

Фрайбург 8.6.1917.
Лоретттоштрассе 40

Глубокоуважаемый коллега!

Для меня большая честь, что Вы хотите посоветоваться со мной по вопросу нового состава вакантного экстраординариата в Марбурге, и я с удовольствием возлагаю на себя эту серьезно воспринимаемую мной обязанность — по совести выразить свой взгляд на вопрос о будущих кандидатах. Поддержать Марбург на его философском уровне, обеспечить ему то единственное в своем роде положение, которое он снискал себе как убежище величайших традиций немецкой философии и одновременно как одно из немногих средоточий творческой философской работы, — в этом состоит (в чем я совершенно уверен) великий и неизменный интерес нашей национальной культуры. Поэтому в качестве «максимы» своих рекомендаций я буду руководствоваться тем, что для преподавательского места в Марбурге не подходят все те кандидаты, у которых не достает подлинно философского эроса и которых, следовательно, нельзя расценивать как действительных носителей или ценных проводников философских тенденций нашего времени. (Не может же Марбург позволить себе такой же ничтожный состав кафедры философии, как это принято теперь в большинстве других университетов.) С другой стороны, при сложившихся обстоятельствах весьма важным лейтмотивом является также желание по возможности отдать предпочтение представителю истории философии. — Разумеется, речь идет о той подлинной истории философии, которая, основываясь на документальном наследии, стремится понять этапы и мотивы раз-

вития скрытого течения жизни философии в соответствии с его проблемами, идеями и теоретическими замыслами, — о той истории философии, к которой способен только настоящий философ. Однако список, составленный только с этой точки зрения и одновременно удовлетворяющий первой максиме, было бы невозможно создать, как Вы и сами, конечно, уже почувствовали. Обоим требованиям в полном смысле удовлетворяет только *Кассирер* — бесспорный «марбуржец». Ибо в последнем поколении только марбургская школа настолько чисто и всесторонне сформулировала собственно философские мотивы развития, что это позволило ей определить перспективу, исходя из которой можно было в высоком стиле осветить историю философии. Достойные удивления сочинения Кассирера — это единственная такого рода работа высокого стиля в наше время. Поэтому Вы по праву оцениваете его исключительно высоко.

Что касается *Кунце*, то это, вне всякого сомнения, философский ум. Его книга о Маймоне основательна и чрезвычайно поучительна с точки зрения истории развития послекантовского немецкого идеализма[51]. В других его сочинениях обнаруживается сильная систематическая склонность и обращают на себя внимание меткие и умные замечания. Однако я не знаю, какое направление примет его дальнейшее развитие. Большую уверенность здесь я чувствую в отношении *Н. Гартмана*, чьи богатые мыслями статьи говорят о мощной философской силе и чья книга о Платоне обнаруживает большую глубину и является достойным уважения достижением. На мой взгляд, по научному значению его можно поставить *по меньшей мере* на один уровень с Кунце. Вы не называете Хаймзёта, Вашего второго приват-доцента (возможно, он слишком молод с Вашей точки зрения). Он также делает честь Вашей школе. Из его книги о Декарте и Лейбнице[52] я особенно внимательно читал вторую часть и нахожу ее превосходной. Я мог бы дать ему более высокую оценку, чем некоторым старшим авторам, например *Лезеру*[53], которому все же не хватает внутренней основы и собственной силы. — Кроме того, Вы упоминаете *Хёнигсвальда*[54] и *Астера*[55]. Первый стал известен в Бреслау как замечательный лектор. Его работы демонстрируют стремление к глубокому и критическому мышлению. Но при всем остроумии в частностях ему недостает систематической силы и интуиции. В конце концов, он остается погруженным в различные тонкости.

Фон Астер смышлен и наделен живым умом, но действительной философской потенции в нем я не вижу, а номинализм, в котором он неисправимо упорствует, мог бы оказать неблаготворное противодействие идеализму, составляющему основное и наи-

более ценное направление Марбурга. Историей он занимался лишь время от времени. Помимо упомянутых, однако с самого начала единодушно отвергаемых Вами и коллегой Йеншем кандидатов (в их пользу я также не могу предложить никаких весомых аргументов), я мог бы назвать еще только двух человек, которые заслуживают серьезного рассмотрения. Что вы сказали бы о кандидатуре *Й. Кона*? Конечно, он не историк (несмотря на свое необычайно широкое знание мировой философской литературы), но как философ заслуживает высокой оценки. Он является тонким проводником южно-немецкого и марбурского направления [56], человеком широкого кругозора и всестороннего, глубокого в научном отношении образования, который стремится к построению систематически законченного мировоззрения. Его книга «Предпосылки и цели познания» [57] содержит ряд блестящих глав, тогда как другие его философские сочинения я нахожу весьма поучительными для себя. Его взор всегда обращен на принципиальные вопросы, хотя он и не является ведущей фигурой в области фундаментальных проблем. Как академический преподаватель он оказывает значительное влияние (в силу своего преподавательского таланта и широкого образования). Сейчас он работает над философским обоснованием педагогики [58], и его регулярные лекции по педагогике (предназначенные также для средней школы) получают высокие оценки.

Наконец, я хотел бы сказать о своем ученике *А. Райнахе* (который третий год находится на полях сражений), — и это несмотря на его не слишком обширные (и все же богатые идеями) сочинения. Я полагаю, что от него можно ожидать довольно значительных результатов. Он имеет хорошую историческую подготовку (он опубликовал, правда, только одну историческую работу «О кантовом понимании проблемы Юма» (Zeitschrift für Philosophie 1910), содержащую, однако, весьма ценные выводы) [59]. Весьма проницательны его работы по теории суждения [60]. Главная работа Райнаха — «Априорные основания гражданского права» (1913) [61] — представляет собой попытку априорного обоснования учения о праве. Этому сочинению я придаю очень большое значение. Как преподаватель Райнах исключительно силен: в Геттингене он, как и я, оказывал как на новичков, так и на продвинутых студентов сильное воздействие.

На этом вся моя мудрость на этот счет исчерпана, и мне остается только пожелать благополучного исхода Вашим стараниям.

С величайшей радостью я (вместе со своей супругой и дочерью) узнал, что с Вашими сыновьями все в полном порядке, надеюсь также, что вскоре Вы свяжетесь и со своей дочерью и что

Вас ждут хорошие новости. У нашего второго сына, слава Богу, все пока благополучно. Благодаря какому-то чуду он выжил после тяжелого штурма одной из высот, хотя и был трижды ранен. Сейчас он оправляется в госпитале от тяжелого ранения в голову, которое, к счастью, не задело мозг. Элли держится молодцом, работая сестрой милосердия, и передает искренний привет семейству Наторпов.

Передайте также привет Вашей супруге от мой жены и от меня.

Неизменно преданный Вам

Э. Гуссерль

Гуссерль — Наторпу, 8.X.1917

Фрайбург, Лоретгоштрассе 40
8.X.17.

Глубокоуважаемый коллега!

Спешу ответить на Ваш дружеский запрос. Так как д-р Хайдеггер очень занят на военной службе, то у меня до сих пор не было подходящей возможности познакомиться с ним поближе и составить себе надежное суждение о его личности и характере. Ничего плохого я о нем, во всяком случае, сказать не могу. Очевидно, что он конфессионально связан, поскольку находится, так сказать, под надзором коллеги Финке[62], нашего «католического историка». Вследствие этого в прошлом году на совещаниях комиссии по вопросу о новом кандидате на философскую профессуру с католической ориентацией (которую мы также с удовольствием преобразовали бы в место научного преподавания средневековой философии) он был взят на заметку нашим философским факультетом. Причем Финке считал его подходящим в конфессиональном отношении кандидатом. (Правда, д-р Хайдеггер несколько месяцев назад женился на протестантке, которая, насколько я знаю, пока не перешла в католичество.) Тем не менее, мы сочли его слишком молодым и недостаточно зрелым ни для кафедры, ни для должности экстраординарного профессора. Его духовная подвижность и обращающий на себя внимание талант ясно обнаруживается в его первой книге о Дунсе Скотте[63]. По моей рекомендации здешнее «научное общество» выделило средства для ее публикации. Конечно, это многообещающее начало для историка средневековой философии. Д-р Хайдеггер еще не имел возможности широко заняться преподавательской деятельностью, так как он, как упоминалось выше, уже несколько лет находится

на почтовой службе в армии. О его преподавательской деятельности у меня сложилось отчасти очень хорошее, отчасти же неблагоприятное впечатление, причем неблагоприятным оно является постольку, поскольку с целью систематического продвижения вперед он читает не исторические, а систематические лекции и, кроме того, спорит с несомненными положениями в основных вопросах и методах.

В настоящее время он больше не довольствуется философией своего учителя Риккерта, с которой он начинал, и старается глубоко вникнуть в феноменологическую философию. Этим он занимается, как мне кажется, серьезно и основательно.

Вот и все, что я могу сказать в настоящее время.

С дружескими приветом, искренне преданный Вам

Э. Гуссерль

Гуссерль — Наторпу, 29.VI.1918

Фрайбург, 29.6.1918.
Лоретттоштрассе 40.

Глубокоуважаемый коллега!

Получив Ваше письмо, я почувствовал себя студентом, к которому неожиданно обратились с кафедры во время лекции, которой он был полностью поглощен[64]. Благодарный слушатель должен после этого высказаться. Сперва я хотел бы ответить на Вашу личную просьбу. Едва ли нужно говорить о том, сколь высоко я ценю коллегу Кассирера — единственного поистине значительного мужа всего его философского поколения — и с какой горечью я ощущаю ту несправедливость, которую совершают университеты по отношению к нему и к самим себе при всех новых назначениях на философские кафедры. Пожалуй, помимо Вас, никто из старшего поколения не вступался за него так часто и с такой решительностью, как я. Именно в Геттингене несколько лет тому назад я неоднократно имел возможность подать за него голос. Однако лишь с тем успехом, что теперь я с полным разочарованием узнаю, что Кассирер, уже второй раз номинирующийся на то же самое освободившееся место, не включается в список. К сожалению, в этот раз я должен молчаливо следить за тем, что решит этот факультет, полагающийся на скверные советы. Ни с одним из моих прежних коллег я не имею связи, и никто не собирается завязывать их и в дальнейшем. На философском факультете у меня нет ни одного настолько близкого друга, чтобы я мог обратиться к нему напрямую. Гилберт в любом случае вновь (как

и при назначении на мое прежнее место экстраординарного профессора) с пристрастием вступится за Нельсона, который уже на протяжении нескольких лет находится с ним в близких научных и личных отношениях. Мюллер с его глубоко укоренившимся и почти не скрываемым пренебрежением к идеалистической философии (я мог бы написать и просто «к философии») будет настроен против любой полной сил философской личности. Можно предположить, что он станет терпимо относиться и содействовать любому безопасному историку à la Адикес[65], или же, в крайнем случае, отдаст предпочтение какому-нибудь позитивисту, вроде Корнелиуса[66] (более всего по душе ему пришелся бы Петцольд[67]).

Таковы печальные перспективы для Кассирера! Однако как получилось, что в Гейдельберге Кассирер оказался позади Майера? Разве 2 > 3?

Наконец, позвольте поблагодарить Вас (хотел бы я иметь подходящий для выражения этой благодарности талант!) за литературные подарки и, прежде всего, за Вашу работу «Немецкое мировое призвание»[68]. Я не могу припомнить, чтобы какая-то новая философская работа производила на меня такое же воздействие: читая ее, я отложил все дела, чтобы полностью в нее погрузиться. В течение недели я поистине поглощен Вашими мыслями — только и делаю, что перечитываю и размышляю. Даже подготовка к учебной деятельности, которая обычно столь дорога для меня, стала досадной помехой. Я словно позабыл о своей собственной работе, которая с такой силой оттесняет все прочее и ни разу за последние годы не прерывалась. Все Ваши сочинения, даже наиболее абстрактные, воздействовали на меня не только со стороны своего содержания, но и как проявление личности, и мое глубокое уважение к Вам, по существу, проистекает именно из этих источников. Едва ли я способен выразить, насколько сильно именно теперь воздействует на меня это ярчайшее проявление личности в Вашем труде, где богатейшее идейное содержание вытекает из жизни величайшей личности, и насколько я признателен за это, испытывая к Вам глубочайшее уважение. Мое внутреннее развитие в течение уже более десяти лет шло в направлениях, которые в метафизическом, религиозном и историко-философском отношении очень тесно связаны с теми, что намечены Вами. И хотя в период становления на меня мало повлияли Кант и последующий немецкий идеализм, к внутреннему смыслу которых я был поначалу совершенно слеп, все же в ходе своего развития я сблизился с ними — если и не вполне по методу, то по мировоззренческим интенциям. Идеалистическая философия не дала мне учителя, ее основные работы не были исходными и основополагаю-

щими для моих исследований (даже в качестве критической отправной точки). При этом я время от времени сталкивался с мнимо-философской литературой, которая искажала смысл и бездушно упорядочивала идеи этой философии. Всегда оставаясь совершенно одиноким solus ipse, я прокладывал свою дорогу по непроходимым дебрям (и я совершенно уверен, что таков неизбежный путь любой строго научной философии). Этот путь вел меня через платонизм (пусть и модифицированный) к той высокой вершине, с которой мне однажды сделался понятным Кант, а затем и глубокий смысл развития немецкого идеализма и абсолютное значение его ведущих интенций. Вместе с тем я обретал уверенность, что имманентная линия моей строго научной феноменологической работы, исходящей из примитивных структур сознания, устремляется к задающим цель интенциям этого идеализма. С тех пор я вполне сознательно включил их в мою систематическую работу, хотя это пока мало заметно в моих сочинениях (причем я отмечу, что уже более десяти лет назад я преодолел ступень статического платонизма и установил в феноменологии в качестве главной темы идею трансцендентального генезиса).

Таким образом, я могу целиком и полностью принять для себя то, что *Вы* внутренне усвоили благодаря полноте своего удивительно богатого и гармонично образования и ясно изложили нам как смысл мирового развития, как истинное проявление Бога и мирового творения в субъективности, — принять безо всякого внутреннего недоумения, напротив, как нечто такое, что мне в главном, по своей основной линии, по типу давно знакомо и является для меня родным. Если бы между нами и могли обнаружиться методические и затрагивающие суть дела различия, то здесь — в рамках этого конкретного и наглядного истолкования исторического развития — они не играют никакой роли. Вашей целью здесь было, конечно, не предельное теоретическое обоснование, а преисполненный жизнью образ.

Ваша работа неоценима, неоценим тот великий смысл, которым она исполнена, а также тот великий смысл, который *в* ней *описан* (с полнейшей очевидностью конкретно-наглядного истолкования смысла). Она неоценима как выражение просветленной личности, которая, в своей самоотверженной преданности «идее блага» [69], образцово реализовала именно идею, которую она стремится пробудить в читателе. Неоценима она и как выражение миросозерцания, которое только и может сделать возможным «блаженную жизнь» [70]. Крайняя пагубность нашего ужасного времени обострила чувствительность именно к такой работе. Я не думаю, что только я, один-единственный человек, настолько глу-

боко потрясен. Великое не может не оказывать великое воздействие.

Позвольте же мне прислушаться к Вашим словам и обратиться к самой книге — II, S. 110, немецкая мысль, — дошел до этого места.

С искренним уважением и благодарностью
Ваш
Э. Гуссерль

Гуссерль — Наторпу, 11.II.1920

Фрайбург, Лоретттоштрассе 40.
11.II.1920.

Глубокоуважаемый коллега!

С большим запозданием меня посетила одна мысль и причинила мне внутреннее беспокойство: место экстраординарного профессора в Марбурге вновь свободно; на это место, когда оно в конце концов стало вакантным, предполагался и д-р Хайдеггер, как Вы мне в свое время любезно сообщали. Теперь меня беспокоит то, что я тогда написал: он-де защищался здесь как «католический философ» и возможны сомнения насчет того, чтобы включать его в список кандидатов. Позвольте мне сообщить Вам, что Хайдеггер уже тогда порвал с догматическим католицизмом, только я об этом не знал. Вскоре он сделал все выводы и прервал надежную и быструю карьеру «философа с католическим мировоззрением» — однозначно, энергично и при этом тактично. В течение двух последних лет он является моим наиболее ценным философским сотрудником, о нем у меня, как у академического преподавателя и мыслителя-философа, наилучшие впечатления, и я возлагаю на него большие надежды. Его семинарские занятия посещаются точно так же, как и мои, и он одинаково умеет привлечь новичков и продвинутых студентов. Его широко известные лекции, безукоризненные по форме и при этом глубоко основательные, также очень активно посещаются (около 100 слушателей). С чрезвычайной энергией он втянулся в работу по феноменологии и вообще стремится к наиболее надежному обоснованию своего философского мышления. Его ученость обширна. Деятельная личность.

Я оказываюсь здесь в сомнительной ситуации, которая мне не пристала, и я прошу не воспринимать это с плохой стороны. Но так как Вы сами, уважаемый коллега, однажды осведомлялись у меня, а я в то время не мог предоставить такое совершенно одно-

значное и настолько надежно обоснованное суждение, как сегодня, то делом совести было для меня исправить эту оплошность. Кроме того, я могу сейчас сказать, что Хайдеггер — один из тех подающих надежды последователей, о котором мы должны проявлять заботу (он находится в бедственном материальном положении, которое он, однако, бодро переносит — Хайдеггер не «ворчун», говоря по-венски).

А как Ваши дела, уважаемый коллега? Время от времени в моем кругу появляется один прежний марбуржец и рассказывает о Вас много хорошего, причем со все большим успехом. Конечно, в настоящее время, отличающееся чрезвычайно сильной тягой к философии, Вас также одолевают сомнения, что будет со всеми этими молодыми людьми, которые полностью хотят посвятить себя философии как жизненному призванию. Я вижу не только много усердия, но и множество прекрасных дарований.

Я совершенно подавлен обязанностями декана, выполнение которых отрывает меня, к сожалению, от трудов моей жизни. Считаю недели до середины апреля[71]!

Как поживает Ваша семья? Элли передает Вам сердечный привет. Сейчас она ненадолго приехала домой из Мюнхена, где она учится у Вёльфлина[72], — свежая, возбужденная и — худая. К сожалению, молодежь больше не может себе позволить сытно питаться, разве что только создавать видимость сытости. Но это уже грустная история. Эти последние тяжелые недели! Как же мы сможем воссоздать подлинное человеколюбие?

Неизменно искренне преданный Вам

Э. Гуссерль

Наторп — Гуссерлю, 29.I.1922

Марбург 29.1.22.

Глубокоуважаемый коллега!

Сегодня я хотел бы попросить Вашего совета в связи с кандидатурами на мое профессорское место. Я бы сделал это и раньше, но не хотел беспокоить Вас дважды, так как коллега Йенш со своей стороны намеревался обратиться к Вам по поводу одного из феноменологов. У меня часто возникало желание в ходе непосредственного взаимодействия с *Вами* способствовать как продвижению нашей науки, так и развитию философского обучения, основываясь на тех взаимных стимулах, которые всегда давало нам наше общение. Однако сейчас Вы для нас труднодоступны. Во Фрайбурге Вы имеете устойчивое влияние, которое, однако,

Вам пришлось там завоевывать заново. И все же это влияние может быть ограничено относительно кратким периодом в силу неумолимого механизма «смены поколений». Да и я сам, хотя порой работоспособен как никогда и освежен, словно бы меня отутюжили, после своей поездки в Америку, уже приближаюсь к естественной возрастной границе, неумолимо теряя восприимчивость и способность что-либо давать другим. С другой стороны, недопустимо преграждать путь молодым людям, стремящимся к продвижению вперед, — и именно Вы вполне это понимаете. А поэтому долг чести для Марбурга предложить в первую очередь Кассирера. Ранее мы постоянно просили предоставить ему должность экстраординарного профессора. В последний раз, несмотря на это, мы предложили его кандидатуру еще раз, снабдив это предложение недвусмысленной мотивировкой: далее нельзя предлагать ему эту должность, так как ему давно уже следует получить место ординарного профессора. Если бы мы сейчас не предложили его кандидатуру на место ординарного профессора, то это было бы бросающейся в глаза непоследовательностью, которая была бы тем более заметна сейчас, когда он в Гамбурге развивает успешную и вполне для него подходящую деятельность. Переезд в Марбург именно сейчас стал бы для него непосильным делом. Он бы, несомненно, проиграл в денежном отношении. Принять предложение о назначении в Марбург он мог бы только в силу идеалистического намерения стать подлинным преемником Когена (после того как, формально говоря, *его* профессорское место было предоставлено психологу), а также принимая во внимание то, что Гамбургский университет как исследовательское заведение еще не дотягивает до уровня старых университетов[73]. И все же, такой исход я считаю маловероятным. Вся манера его деятельности больше подходит для большого города, при всей своей внутренней сосредоточенности, она все же в большей степени направлена вовне и требует более широкого поля деятельности, чем то, которое он может найти здесь. В противоположность этому, стиль преподавания *Гартмана*, имеющий вполне определенную направленность и именно в этом смысле необычайно сильный и плодотворный, вполне подходит для нашего тихого маленького городка. Поэтому у нас не было никаких сомнений насчет того, чтобы в предлагаемом нами списке поместить его вместе с Кассирером на *одном* уровне. В особенности после того, как в своей последней книге[74] он окончательно развеял видимость простого продолжения того направления, которое он однажды воспринял от своих учителей, и предстал в качестве мощного и совершенно самостоятельного систематического ума, прямо-таки

образцовым образом развивающего свои мысли и фундаментально прорабатывающего свою тему. В силу своего необычайного преподавательского таланта он заслужил здесь всеобщее уважение, равно как и высокую оценку своих коллег. По этой причине мы с равной теплотой рекомендовали обоих, не отказывая себе при этом в возможности дать им различные оценки в указанном только что смысле, чтобы уравнивание позиций более молодого человека и Кассирера не умаляло достоинства последнего. Правительство всегда хочет видеть, однако, еще и третью кандидатуру, причем предположение о том, что Гартман может оказаться востребованным и в каком-нибудь другом месте, является также обоснованным. До сих пор, правда, его обходили стороной (он, однако, был включен в список кандидатов в Грайфсвальде), возможно потому, что его все еще рассматривают как представителя «Марбургской школы», которая хотя и пользуется всеобщим уважением, однако ее последователей не очень-то привечают, причем сегодня меньше, чем когда-либо. Но именно теперь, после выхода новой книги, которая очевидным образом ставит Гартмана совершенно вне того, что со стороны называют «Марбургской школой» и что под этим понимают даже в учебниках, легко может статься, что это внутренне сопротивление будет устранено и возрастет желание пригласить его на какое-нибудь место. При этом мы не сомневаемся, что если речь идет о «дополнении», которое могло бы способствовать деятельности старых марбуржцев (ибо я, разумеется, намереваюсь спокойно продолжать свою преподавательскую деятельность [75], кроме того, здесь еще остается Хаймсоет), речь может идти только о ком-то из феноменологов. Феноменология привлекает здесь пристальное внимание не только философов (включая Йенша), но и тех наших коллег, которые серьезно озабочены философией (таких здесь целый ряд). Поэтому дельный феноменолог был бы здесь весьма кстати, что было бы желательно и для интересующегося философией студенчества. После серьезного обдумывания мы единодушно пришли к мнению, что, несмотря на все добросовестные и весьма внушительные научные достижения *Пфендера*, *Гайгер* был бы для нас более желанной кандидатурой. После основательного изучения особенно сильное впечатление на меня произвела его последняя работа [76], которую при первом поверхностном знакомстве я не сразу понял. Поначалу меня сбило с толку то, что именно в этой, устремленной в самые глубины, работе *феноменология*, на первый взгляд, отошла на задний план. Но при повторном изучении я обнаружил, что здесь все же нет никакого поворота к метафизике, однако,.во всяком случае, видна большая систематическая сила

(хотя и отличная по *роду* и методу от той, что обладает Гартман). Возможно, я не беспристрастен в этом своем суждении, потому что он в решающих вопросах приходит к тому же, что я, со своей стороны, также предполагал обнаружить. Однако по этому вопросу я в первую очередь хотел бы выслушать именно *Ваше* мнение. Но поскольку, к сожалению, опять же неизвестно, станет ли Гайгер переезжать из Мюнхена в Марбург, я хотел бы Вас также спросить, кого еще можно было бы рекомендовать наряду с Гайгером или вместо него (если будет доподлинно известно, что он *не* станет принимать это приглашение). От кандидатуры Шелера можно сразу отказаться (особенно после всего того, что мы обсуждали при нашей последней встрече). Тем более, что со своей все более отчетливо проявляющейся католической ориентацией он и вовсе не подходит для Марбурга. Сам же я серьезно склоняюсь к кандидатуре Хайдеггера. Но он до сих пор ничего не предложил в качестве *феноменолога*. Меня также все еще заботит, не будет ли он скорее просто проводником полученных стимулов (что, разумеется, полезно), направление которых он вполне и с полным пониманием усвоил, чем творцом, опирающимся на собственную изначальную продуктивную силу. Относительно Гайгера у меня в этом отношении, напротив, сложилось окончательное мнение. Кого мы еще упустили? — Мы также сталиискать и других, не относящихся к феноменологическому направлению философов-систематиков. После знакомства с его книгой, Кронер [77] показался мне достойной кандидатурой. Но факультет, пожалуй, воспротивится наличию *трех* евреев в списке кандидатов. Тот, кто стремится к самой строгой объективности, все же опасается, не будет ли в силу (совершенно ложной) *видимости* предвзятости усиливаться противодействие также и в отношении самых достойных кандидатов еврейского происхождения, что здесь , скорее, может повредить делу. С другой стороны, должен сказать, я не могу предложить больше никакой кандидатуры, которой я был бы удовлетворен. Ни Фришайзен-Кёлер [78] , ни Хёнигсвальд, ни Шлик [79], ни Брюнсвиг [80], ни кто бы то ни было еще из тех, что приходят на ум, не соответствуют, мне кажется, тому уровню, к которому мы должны стремится. В пользу Кронера я не расположен окончательно, однако в его книге (от Канта к Гегелю) я все же вижу систематическую силу, которую нельзя не заметить, совершенно строгую критическую работу и, несмотря на несколько одностороннюю ориентацию на Гегеля, полную самостоятельность и своеобразие — то, что я как раз и не нахожу у перечисленных выше людей. Возможно, однако, что я не всех достаточно хорошо знаю и поэтому был бы только благодарен, если бы Вы

могли указать мне на какого-нибудь еще кандидата, о котором я сразу не подумал.

У меня самого довольно странным образом продвигается обширная систематическая работа, которой я занимаюсь уже давно, но которая еще далека от какого бы то ни было завершения[81]. Она занимает меня все дни и ночи. И не потому, что у меня все еще остаются сомнения по поводу основных идей, а потому, что радикально *новая* основная установка почти ежедневно порождает новые вопросы и открывает новые перспективы. Короче говоря, моя внутренняя творческая энергия дает о себе знать с прямотаки чрезмерной живостью и упорством, так что я снова и снова пересматриваю то, что было уже почти готово, и часто вынужден полностью все заново переделывать. Так и должно быть, наверное, со всяким, кто хоть однажды имел мужество приступить к целому. И это мужество *необходимо* иметь. Но при этом я *вынужден* быть очень недоверчивым по отношению к самому себе, так как мой способ производства является, в конечном счете, в большей степени интуитивным, чем интеллектуальным. Скорее добросовестность, чем глубокое внутреннее побуждение заставляет меня следовать расчетливому, строго ограниченному и логически опосредованному стилю работы. — На этом довольно. Я бы, правда, с удовольствием рассказал Вам о поездке в Америку и о семейных делах, но на сегодня уже достаточно. Сейчас мы очень озабочены состоянием нашего внука (сына нашей Анны-Марии), который тяжело болеет гриппом и никак не хочет идти на поправку, а врачи до сих пор не могут точно определить очаг заболевания. В остальном же дети и внуки чрезвычайно радуют нас. Моя супруга несколько переутомлена, но держится очень стойко. Я же могу быть доволен относительной бодростью, сохраняющимся желанием и способностью трудиться.

Передавайте теплый привет Вашей супруге.

Искренне преданный Вам

Пауль Наторп

Гуссерль — Наторпу, 1.II.1922

Фрайбург 1.II.22.
Лоретттоштрассе 40.

Глубокоуважаемый коллега!

Очень рад Вашему длинному письму, в котором столь живо обнаруживает себя Ваша личность. Разумеется, этот вопрос касается в первую очередь именно Вас, поскольку речь идет о таком важном деле, как сохранение Марбурга в качестве центрального для немецкой философии города. Но и меня, равно как и всякого, кто сегодня еще знает и способен понимать, какое значение имели марбуржцы на протяжении полувека для философской жизни и философских устремлений, он заботит не меньше. Постараюсь ответить на Ваш вопрос, оставляя в стороне свои личные пристрастия. Не стоит и говорить, что для меня очень приятно, что Вы решили прибегнуть к моему совету.

В отношении Кассирера и Гартмана я могу, собственно, только подписаться под каждым Вашим словом. Возможно, я бы только усилил тональность того предпочтения, которое просматривается за сравнительной характеристикой обоих превосходных кандидатов. Кассирер сам по себе является сложившимся мастером. Едва ли в скором времени на немецком языке появится столь прекрасная, действенная, исторически поучительная работа, написанная в форме истории идей, каковой является его «Проблема познания» (ее третий том, правда, не дотягивает до уровня первых двух) [82]. Все, что он делал и делает, прекрасно и добротно. Но его стиль философствования, насколько бы он ни превосходил, вообще говоря, прочую университетскую философию, все же не есть μελέτη θανάτου [83], личный вопрос жизни и смерти, болезнь, проистекающая из полностью захватившей его духовной нужды, и выздоровление, которое возможно лишь путем мучительного наслаждения от рождения собственных («оригинальных») мыслей. Возможно, дело здесь в преисполненном самыми тонкими переживаниями сосуществовании с другими оригинальными мыслителями, в живом понимании, в необычайной исторической мощи. Такая характеристика никак не может затронуть его выдающихся достоинств. Однако я хочу сказать, что Марбург предназначен для оригинального философа, чей ἔρως укоренен в самой сути его личности, приникая до самых последних глубин. И в этом отношении Гартман, суровый боец, является подлинным марбуржцем. «Марбургская школа» уже отошла в прошлое; бле-

стящие, классические по своей гармоничности формы, которые придал ее систематическим построениям Кассирер, имеют относительно высокую ценность для ее относительных мотиваций, для продолжения ее правильного, необходимого воздействия, но все это имеет лишь историческое значение. Вы сами, уважаемый коллега, уже более не являетесь «Марбургской школой», — потому что Вы имеете дело с молодежью, с современностью, с сегодняшней живой силой. Девиз нашего времени — радикально новая ориентация, не переоценка, но совершенно новая оценка всех ценностей, новое творение, почерпнутое из вечных, никогда не иссякающих истоков. Эта эпоха выносит лишь бойцов, сражающихся за вечные полярно-противоположные ценности. Они должны и сами стремятся появиться на свет из определенной внутренней сущности, побуждаемые изначальной автономной необходимостью. Если я прав, то Гартман как раз и есть один из таких бойцов. Его новая книга, которая с несколько насильственной поспешностью сбрасывает за борт не только марбургскую, но и *мою* трансцендентальную философию, представляет собой систематический труд. В философской литературе нашего времени он предстает монументальным творением, преисполненным понятийной силы и свободы, выделяющимся своей мастерской «апоретикой». На этом он, по-видимому, не сможет долго останавливаться, ему требуется необычайная смелость, чтобы разрушить силами собственной критики свою систематически отстаиваемую старую марбургскую позицию, чтобы занять собственную новую позицию. Но как бы там ни было, мне он представляется *единственным*, кто предназначен быть Вашим преемником и кто вместе с «поздним Наторпом» является живым представителем поступательного развития Марбургской школы, а значит и принадлежит Марбургу.

Теперь о других кандидатах. Вы благосклонно отзываетесь о моих учениках — как я Вам благодарен! Но одновременно это пробуждает тяжелые воспоминания. Мое заветное желание состояло в том, чтобы иметь возможность работать рядом с Вами, неизменно видеть Вас перед собой в Геттингене. Ибо я способен, если можно так выразиться, учиться у Вас тому самому глубокому, сокровенному и наилучшему, чем Вы обладаете. Мне чужд, правда, Ваш стиль понятийного формулирования мыслей и Ваша манера логической и теоретической объективации. Но если другие схватывают у Вас то, что является относительно внешним, то я всегда слышал *Вас самих* — еще до того, как Вас увидел. За абстрактными формами передо мной всегда живо представала личность, изначально наблюдаемая во всех ее внутренних мотиваци-

ях. Вчувствование позволило мне, так сказать, смотреть Вашими внутренними глазами, сохраняя при этом свой собственный взгляд и свои собственные мысли. В этих мыслях соединялось то, что было увидено двояким образом, равно как и оба рода мотиваций. Разумеется, я не могу сказать, что именно я при этом усвоил, что именно было пробуждено Вами. Одним словом, некоторые Ваши работы воздействовали на меня так же, как сочинения великих оригинальных мыслителей (только они и могут оказывать такое воздействие). Чтение только этих работ побуждает меня к *личностному* соприкосновению с ними, оставляя в стороне все те теории, которые я едва ли в силах критиковать. Даже трудно сказать, какое значение имели бы для меня основанные на непосредственном личном общении совместная работа, беседы, живой обмен мнениями. Но эта возможность уже в прошлом, и мне скоро 63!

Теперь о молодых феноменологах. *Шелера* действительно трудно представить в Марбурге. *Гильдебрандт* также обращен в католичество, и его интересы целиком ограничены религиозно-эстетическими проблемами. *Брюнсвиг* слишком слаб, и в первую очередь — как личность (кроме того, он также исповедует католичество). Война унесла подающую надежды смену; новая же смена слишком молода и еще не дала о себе знать своими публикациями. Остаются, следовательно, только три фигуры: Пфендер, Гайгер и Хайдеггер. Мне очень жаль, что Вы не смогли оценить Пфендера так, как оценил его я, и что коллега Йенш также занял окончательную позицию в этой связи. Мне, конечно, трудно высказывать сравнительные оценки там, где речь идет о двух сотрудниках, с которыми я поддерживаю одинаково дружеские отношения, — тем самым я обижаю одного из них (по меньшей мере мысленно). Но перед Вами мне следует быть совершенно откровенным. В таком случае я должен сказать, что я считаю Пфендера не только основательным тружеником, но и решительно философской личностью. Ученик Липпса, он долгое время был слеп к трансцендентальным проблемам, но он продвигался все дальше и дальше, доходя до всего самостоятельно и следуя своей оригинальной, как мне представляется, манере. Его лекции недаром оказывают *глубоко* проникающее воздействие — несмотря на их сухой характер. Намного более подвижного и уживчивого Гайгера, несмотря на его замечательные и поучительные сочинения, я не могу в этом отношении сравнить с Пфендером, феноменологические усмотрения которого почерпнуты из глубинного истока (и по большей части еще не опубликованы). Однако если Вы находите, что Пфендер не подходит для Марбурга, то для Гайгера

это, несомненно, было бы многообещающим стимулом, побуждающим как к исследованию, так и к дальнейшему развитию. Именно сейчас в печати находится его книга по философии математики [84], которая может значительно повысить его ранг.

Значительные достоинства *Хайдеггера* внешне ничем нельзя засвидетельствовать, так как он пока не хочет ничего публиковать, именно сейчас глубоко переживая процесс становления. Возможно, в нем созревает творческая сила *необычайной* меры, и в этом отношении меня бы ничто не удивило. Его *рецептивные* способности *ничтожны*, он представляет собой полную противоположность уживчивому человеку. *Совершенно оригинальная* личность, борющаяся, ищущая саму себя и свой собственный стиль и при этом трудно формирующаяся. Ни его феноменологический взгляд, ни подход к работе и круг его интересов не были просто переняты от меня, но проистекают из собственных глубинных истоков. Как преподаватель он обладает собственным влиянием, которое, пожалуй, не уступает моему. Он рассказывает о том, что черпает в ходе глубоких феноменологических и духовно-исторических исследований, например, об Августине, неоплатонизме [85], Аристотеле и его позднейших комментаторах. С помощью *конкретных* экзегез он иллюстрирует принципиальные проблемы, развивает, например, мысли о герменевтических категориях, о смысле и верном методе исторической науки etc. Несмотря на их строгую манеру, его оригинальные мысли, излагаемые самостоятельно выработанным языком, очень притягательны как для новичков, так и для наиболее продвинутых студентов. Как бывшему «католическому» философу ему, разумеется, трудно беспрепятственно излагать здесь обширную тему своих исследований (посвященных *Лютеру*), которая, по сути, является религиозно-феноменологической. Если бы он сразу оказался в Марбурге, то это, возможно, имело бы большое значение для его развития. Он мог бы стать крепким связующим звеном между философией и протестантской теологией (которую он основательно знает во всех ее значительных проявлениях, высоко ставя ее собственные значительные ценности). Его приглашение в Марбург могло бы многое значить *и для самого Марбурга*! Если бы Гартман стал Вашим преемником, он мог бы занять его место экстраординарного профессора. Для меня и фрайбургских феноменологов его уход, правда, был бы невосполнимой потерей.

Что же касается прочих кандидатов на марбургскую профессуру, то я полностью согласен с Вашей оценкой Кронера. После Ласка он — наиболее значительный ученик Риккерта. Как и Ласк, Кронер добился признания своего своеобразия. Он наделен мощ-

ной философской волей и не стоит на месте. Желанию Риккерта, который хотел иметь его на своей стороне, не суждено было исполниться. На место экстраординарного профессора, которое прежде занимал Ясперс (и Ласк), Кронер был предложен primo loco, но правительство обошло его, приняв специальный вотум антисемитской направленности.

Вот и все, что касается Ваших вопросов. Надеюсь, что коллега Йенш не держит на меня зла из-за того, что я отказался проконсультировать его по тому же самому вопросу. Я был уверен, что там, где речь идет о Вашем преемнике, в обсуждении можно участвовать только в том случае, если бы Вы сами того пожелали. Мне бы очень хотелось, чтобы Гайгер не узнал, что я предпочел его Пфендеру. Для него это будет весьма болезненно. Было бы прекрасно, если бы Вы поместили в список обоих разом. Если бы Пфендер, с его широким влиянием в Мюнхене, попал в Марбург, сомневаюсь, что Гайгер стал бы принимать приглашение.

Очень рад слышать, что Вы так хорошо чувствовали себя в Америке и вернулись на родину в хорошем расположении духа. Такая телесная встряска благотворна для высокой продуктивности (которая дана Вам свыше). И Вы, и я, возможно, слишком озабочены нашим возрастом. Рост — это не старение. Если мы взращиваем новые плоды, надеюсь, под конец у нас все же достанет сил собрать обильный урожай. Мое положение хуже Вашего, так как большая часть трудов моей жизни все еще находится в рукописях. Я почти проклинаю свою неспособность завершать начатое. К сожалению, мне долго недоставало универсальных *систематических* идей, которые посещают меня отчасти только теперь и которые были столь необходимы всем моим прежним специальным исследованиям. Теперь же я вынужден все эти исследования перерабатывать. Все находится в стадии перекристаллизации! Возможно, я работаю с предельным для человека напряжением сил — и все это только ради своего наследия. Пусть так, если бы только удалось осуществить задуманное и не оказалось бы, что уже слишком поздно.

Сейчас я готовлю четыре доклада для поездки в Лондон! Лондонский университет официально настоятельно приглашал меня, и я не мог отказать. Мне предстоит выступать также в Кембридже, где меня пригласил в гости Дж. Дэвис Хик. Я согласился на начало июня (после Троицы) [86].

Однако мне пора заканчивать это бесконечное письмо, и я должен извиниться за дурной почерк, не говоря уже о скверном стиле. Вынужден был писать очень быстро, чтобы не откладывать письмо на несколько дней.

Также благодарю за отрадные вести о Вашей семье. Элли к нашей *великой* радости обручилась (тайно) с прекрасным человеком[87]. Мой сын подумывает о габилитационной работе по юриспруденции и подает большие надежды. Вскоре должен получить асессора.

Передаем всем Вам сердечный привет

С неизменным и глубоким уважением

Ваш

Э. Гуссерль

Эрнст Кассирер

Гуссерль — Кассиреру, 3.IV.1925 (машинописная копия)

Фрайбург, 3-го апреля 1925.

Глубокоуважаемый коллега!

В течение нескольких недель я много и углубленно занимаюсь изучением нового тома Вашей «Философии символических форм»[88], который Вы столь любезно прислали мне некоторое время назад. Едва ли я стал бы так долго задерживаться на какой-нибудь другой книге ввиду собственной неотложной работы. Особенно я рад тому, что эта замечательная в своем роде работа посвящена П. Наторпу. Но во время ее изучения я мог порадоваться также и той манере, в какой Вы обогатили старое марбургское кантианство феноменологическими мотивами и, кроме того, обширной и подлинно феноменологической проблематикой. Для меня особенно ценно, что Вы придерживаетесь фундаментального смысла кантианства и тех основных линий, которые разрабатывал сам Кант, и не отрекаетесь от этого течения, как это, к сожалению, произошло с Н. Гартманом.

Мое собственное развитие первоначально было враждебно Канту, но я еще и не воспринимал в то время подлинный смысл кантовской философии. Это развитие было связано с Декартом и докантовской философией XVIII века, испытывая, разумеется, воздействие тех импульсов, которые исходили от Брентано, Лотце и Больцано. Но когда я, в необходимой последовательности развивая лежащие передо мной как математиком основные научно-теоретические проблемы и постоянно размышляя над возможностью беспредпосылочных утверждений и их абсолютного оправдания, пришел к методу эйдетического анализа сознания, и когда вместе с феноменологической редукцией мне открылось царство первоначальных источников всех познаний — именно тогда я должен был признать, что развиваемая мной наука охватывает, несмотря на существенно иной метод, общую проблематику Канта, которая только здесь обретает свой глубокий и ясный смысл. Причем эта наука подтверждала главные достижения Канта пу-

тем строго научного обоснования и ограничения. Правда, обнаружилось также, что проблематика Канта предполагала более изначальные [primitivere] и более глубоко лежащие <проблемы>, тогда как, с другой стороны, она понималась слишком узко. Я не мог, разумеется, стать неокантианцем по марбургскому образцу и методу, но вполне мог оценить крупные достижения этой школы в деле сохранения и дальнейшего развития идей Канта. После того, как я научился видеть из своей собственной перспективы, я могу — и это удается мне на протяжении последних лет — воспринимать содержательные наставления Канта и подлинных кантианцев. Так вышло, что я отношусь к тем немногим, кто может порадоваться Вашей новой книге и тому значительному продвижению вперед, которое Вы совершили, поддержав тем самым становящуюся и развивающуюся жизнь кантианства, уже объявленного было мертвым. Совсем иное у Н. Гартмана. Поначалу я многого ожидал от его усвоения феноменологии; все, что он писал, было очень умно, однако его апоретика привела его к новому скептицизму. То, что он предлагает, — это фундаментально искаженная догматическая метафизика, под которую он стремится подвести фундамент с помощь совершенно неверно понятой феноменологии. Чистая феноменология, которая продолжала развиваться и после выхода «Идей», представляет собой (насколько я могу радикально прояснить ее для себя) не что иное, как радикально проведенную от азов и устремляющуюся в бесконечность науку о трансцендентальном. Эта наука является в первую очередь эйдетической, а затем и эмпирической. Таким образом, она, в конечном счете, есть наука, которая в своей универсальности охватывает все предельно научные и радикально понимающие самих себя науки. — Те краткие строки, которые Вы поместили в своем примечании на S. 16[89], порадовали меня глубиной понимания, редко встречающегося даже у моих «учеников». Едва ли стоит говорить о том, что я буду изучать и новую работу «Язык и миф»[90], которую Вы мне любезно предоставили.

Если отвлечься от того, что это только первая проба, то, как Вы сами понимаете, Ваша книга оставляет нерешенными гигантские проблемы. Прежде всего: идея и форма мифического мировоззрения (равно как и любой другой универсальной интенциональности, которая вплетена в единство какого-то целостного мировоззрения и безотчетно разделяется живущей этим мировоззрением человеческой общностью) в первую очередь характеризует определенное фактическое историческое образование. Но исторический генезис подчинен сущностным законам. Исходя из азов трансцендентальных структур, к числу которых принадле-

жат и структуры генезиса трансцендентальной жизни, требуется понять необходимые этапы конкретной типики развития человеческой общности вообще. Речь идет о типике развития значимого, но при этом неоднозначного мировоззрения, равно как и о типике всех универсальных видимостей и заблуждений, обнаруживающихся на различных этапах развития уже пробудившегося разума. С другой стороны, сюда же относятся, разумеется, и проблемы фактичности как таковой, проблемы «иррациональности», которые, как мне кажется, могут рассматриваться только с использованием расширенного метода кантовских постулатов. Возможно, в этом и состоит величайшее открытие Канта. Правда, как и все, что принадлежит Канту, это только открытие, еще нуждающееся в однозначном научном оформлении, обосновании и ограничении.

С давним и глубоким уважением
Ваш
Э. Гуссерль

Кассирер — Гуссерлю, 10.IV.1925

Гамбург 10.IV.25.
Блюменштрассе 26.

Глубокоуважаемый коллега!

Спешу сердечно поблагодарить Вас за Ваше письмо, которое дошло до меня окольным путем через университет и, к сожалению, с небольшим запозданием. Едва ли стоит говорить, что значит для меня это письмо и Ваше суждение о моей книге, ибо это суждение человека, которого я давно почитаю как одного из инициаторов нового «духа основательности»[91] и который сейчас, после смерти Наторпа[92], является для меня *единственным* представителем научной философии в Германии. Однако даже больше, чем теплому приему своей книги, я рад пониманию и благосклонности, с которой Вы говорите о моей философской работе и моих устремлениях в целом. После выхода в свет первого тома «Логических исследований» я всегда был убежден в том, что между задачами, которые ставит себе феноменология, и основными воззрениями критической философии существует глубокая общность. В обоих случаях речь идет о том, что Вы в своем письме называете «радикально проведенной <от азов> и устремляющейся в бесконечность наукой о трансцендентальном». Тем самым обозначена исходная точка зрения для всей моей прежней философ-

ской работы и для тех проблем, которыми я сейчас интенсивно занимаюсь. Правда, я нередко встречаю среди людей, которых я должен считать знатоками феноменологии, решительное неприятие этого моего понимания внутренней систематической связи между феноменологией и основным учением и целями Канта. Причем между тем и другим устанавливается противоположность, которую я никак не мог уловить как таковую. Мое собственное понимание от этого не изменилось, но все же я подчас сомневался, удалось ли мне действительно проникнуть в Ваше систематическое основное воззрение *в целом* и выявить его главные пункты. Я получил теперь особенно глубокое удовлетворение от того, о чем отныне убедительно свидетельствует Ваше письмо: в том, что было сказано мной о феноменологии, я не упустил Вашего основного замысла. Уверен, что общность задач и убеждений будет подчеркнута еще решительней, когда я приступлю к работе над *третьим* томом «Философии символических форм». Потому что только этот третий том должен дать подлинное систематическое обоснование и, насколько это возможно, придать систематический завершенный вид исследованиям по проблеме символа. Я предвижу уже сейчас, что мне при этом заново придется обратиться к основным вопросам феноменологии. Как раз в те дни, когда пришло Ваше письмо, я вновь занимался «Идеями к чистой феноменологии» и обнаружил в них совершенно новые связи с моей собственной постановкой проблемы (особенно в рассуждениях о «ноэзисе» и «ноэме»). Я буду продолжать эти занятия — отныне с радостным сознанием уверенности в Вашем личном и относящемся к сути дела участии в них. Предоставляя Вам результат этих занятий (надеюсь, достаточно скоро), я смею надеяться на согласие во многих решающих пунктах. При этом вполне очевидно, что я совершенно открыт для критики с Вашей стороны и не мыслю себе научиться ни через что иное, как именно через такую критику. Я сам острейшим образом чувствую, что изложенное мной на сегодняшний день в двух томах этой работы не выходит за пределы первой попытки, скорее обозначая направление, чем открывая надежный путь. Особенно важно в этом отношении для меня то, что Вы пишите о проблеме «типики развития значимого, но при этом неоднозначного мировоззрения». Свой вклад в эту проблему (применительно к миросозерцанию астрологии) я попробовал внести в своей небольшой работе, посвященной «Понятийной форме в мифическом мышлении»[93]. Я смогу направить Вам эту работу в ближайшие дни через издателя, но я не хотел бы, чтобы Вам пришлось прерывать свои занятия для

ее прочтения. Но если Вы *при случае* выберете время, чтобы взглянуть на нее, то я был бы Вам за это сердечно признателен.

С выражением искреннего почтения

Ваш

Эрнст Кассирер

Гуссерль — Кассиреру, 11.III.1937

Фрайбург 11.III.37.

Уважаемый коллега,

к сожалению, я получил специальный выпуск своей первой статьи в «Философии» [94] лишь несколько дней назад. Поэтому только сейчас, спустя некоторое время после выхода журнала, я могу выслать Вам экземпляр, который с самого начала был предназначен именно для Вас. Вы очень порадовали меня своей любезной открыткой. Было бы прекрасно, если бы и 2-я статья, с которой начинается серьезная разработка моего трансцендентализма нового типа, получила Ваше одобрение. Между тем, вчера пришла Ваша прекрасная и замечательная книга, в которой Вы излагаете свои новые достижения в прояснении естественнонаучной причинности с неокантианской точки зрения [95]. Я немедленно приступил к ее чтению (хотя я уже почти не слежу за философской литературой) и нашел в этой работе много стимулирующего и отчасти родственного, но — что касается принципиальных вопросов — также и чуждого. В последние годы я сам неверно понимал свое радикальное отличие от трансцендентальной философии Канта (по постановке вопросов и методу). После своего ухода на пенсию я занят окончательным самоосмыслением, завершением и исправлением трудов своей жизни (лишь частично опубликованных). Порой я чувствую себя совершенно ослабевшим из-за этой ненормальной зимы и утомления, что вынуждает меня делать паузы. Ваши блестящие исторические анализы и критика, а также богатство Вашей учености, ободряют мои уставшие чувства. Во всяком случае, я вам очень обязан.

Поздравляю Вас с Вашим удачным переселением в Гётеборг [96], а также с тем, что в это столь враждебное философской созерцательности время Вы смогли написать такую книгу. Мне известна эта внутренняя сосредоточенность.

С самым дружеским приветом и наилучшими пожеланиями

Ваш

Э. Гуссерль

ЙОНАС КОН

Гуссерль — Кону, 15.X.1908

Геттинген 15.X.1908.

Глубокоуважаемый коллега!

Не хотел спешить с выражением своей благодарности за любезно присланную Вами работу «Предпосылки и цели познания» [97], пока не прочту эту книгу. Следуя Вашему пожеланию высказаться о ней, я не хотел делать этого без достаточного основания. Столь серьезное и трудное произведение требует для углубленного изучения много свободного времени, которым я далеко не всегда располагаю, будучи занят своей собственной, довольно обременительной работой. Однако я все же тщательно и неоднократно прочитал главную часть книги, а также все те места, которые относятся к центральным проблемам. Не сомневаюсь, что этим исследованием Вы оказали неоценимую услугу современной критике познания, а также в том, что работа возымеет действие благодаря многим превосходным рассуждениям. Поэтому я в любом случае очень заинтересован книгой и весьма Вам обязан. Работа пришлась весьма кстати, так как именно в ней я смог проверить и подвести итог многим накопившимся за последние годы соображениям, которые касаются «предпосылок и целей», а также смысла и границ трансцендентально-логического метода, использовавшегося в старом и новом кантианстве и фихтеанстве. Таков теперь мой удел — находить неясным и проблематичным то, что все — если судить по распространенной литературе — считают ясным и бесспорным. Таким образом, Ваша новая попытка более определенно сформулировать трансцендентально-логическую проблематику и действительно разъяснить способ разрешение проблем при помощи трансцендентального метода вызвала у меня особенный интерес. Я внимательно и с величайшей благожелательностью следил за ходом Ваших мыслей. Однако — и об этом сразу следует сказать — я не чувствую себя действительно у цели, которой, по Вашему мнению, можно достичь при помощи трансцендентальных дедукций. Во *всех* подобных дедукциях я замечаю отсутствие ясности и точности — как применительно к

предпосылкам, так и по отношению к целям. На протяжении многих лет я работаю (а после выхода своих «Логических исследований» — со все возрастающей энергией) над критикой разума, которая могла бы удовлетворять наиболее строгим требованиям, возводя ее действительно от самого основания. С каким удовольствием я встретил бы работу единомышленников, нацеленных на решение этой задачи, о масштабах которой догадываются лишь немногие! Но как бы высоко я ни ценил, с одной стороны, усилия марбургской школы и, с другой стороны, группы Виндельбанда, Риккерта и Мюнстерберга, как бы высоко я ни ставил их заслуги в сохранении великих и подлинно философских традиций прошлого, — я, тем не менее, не могу продвигаться вместе с ними и по их стопам. Это же относится и к Вашей книге, которая близка указанным школам, — сколь бы много превосходного я ни находил здесь в частностях. Наука разума требует абсолютной ясности при формулировке главных проблем и тех проблемных разветвлений, которые заключены в их сущности, абсолютной ясности в специфически присущих этой науке методах, абсолютной честности в основоположении и рассуждениях. Без этого ее вообще *нет*. Глубокомысленные «интуиции», выраженные энергичным, остроумным и богатым языком, развиваемые в логической форме «дедукций», еще не образуют науку. В лучшем случае они указывают направления настоящей работы, которую еще предстоит провести, сформулировав предварительно сами проблемы. Они не дают нам даже истинных начал, тех пунктов, с которых действительно может начинаться главная работа. Наука — это всегда наука снизу, работа, ведущая от подножья к вершине, а философская наука — это наука, которая ведет от предельного основания к величайшим высотам, и при этом является действительно созидательной работой.

Конечно, никакого письма не хватит, чтобы показать, чего именно я не нахожу во всех названных направлениях, а также почему я не вижу в них той самой *работы* снизу. Для этого потребовалась бы обширная статья. Я был бы необычайно рад возможности как-нибудь лично побеседовать с Вами об этом! Хотел бы сказать только следующее: тема критики разума, проблема корреляции между познанием и предметностью познания может быть разработана, судя по моим исследованиям, только с помощью трансцендентально-феноменологического метода, метода чисто имманентного сущностного учения об интенциональности, причем сообразно двум обнаруживающимся здесь очевидным сторонам — стороне сознания и предметной стороне («феноменологически» [98] — «онтологически»). Этот метод требует полного воз-

держания от экзистенциального содержания любого объективного познания и науки, то есть от вопроса о существовании не только всех «вещей» и остальной «природы», но также и от вопроса о существовании как чужого, так и своего собственного «я». На протяжении уже многих лет я демонстрирую, что феноменология никоим образом не является психологией и что наименование «дескриптивная психология» [99] во втором томе «Логических исследований» является *не*подходящим. Пользуясь случаем, я публично указывал на это в своих рецензиях (ежегодные обзоры работ по логике, «Архив» за 1903 или 1904 г.[100]). Если Вы захотите поближе познакомиться со смыслом этого метода, то Вам было бы полезно изучить второй том «Логических исследований», *особенно шестое исследование*. (Вы увидели бы тогда, что эта книга не соответствует тому представлению, которое Вы имеете о ней в настоящее время.) Не стоит делать предметом особого внимания мои случайные высказывания о смысле и целях феноменологии. В то время я ушел еще не настолько далеко, чтобы дать достаточные сведения о собственной методике. Разумеется, с тех пор я продвинулся вперед и по существу дела, поэтому не могу одобрить многое из того, что было высказано в указанной работе. На своих геттингенских лекциях я излагал весьма обширные исследования по феноменологии вещности, пространства, времени etc., отмечая при этом некоторые глубокие заблуждения «Логических исследований». Я не только занимался главными областями познания и предметностью познания, но и параллельными аксиологическими, чисто практическими, этическими, эстетическими проблемами.

Трансцендентально-*логический* метод, как я его понимаю, несет только дополнительную функцию и предполагает строгое проведение трансцендентально-феноменологического метода. При этом подлинным теоретико-познавательным априори я считаю не трансцендентально-логическое, а трансцендентально-феноменологическое априори, которое, по моему мнению, совершенно радикально. В феноменологической «идеации» абсолютным образом даны эссенции основных формообразований познания, именно здесь (если только мы прослеживаем сущностные связи) возникает корреляция между познанием и предметностью, здесь мы постигаем и окончательный смысл не просто формально-логических, но «чисто» логических законов в самом широком смысле. Мы постигаем их как имманентные сущностные законы, которые в чистом виде принадлежат к «сущности» (априори) познания. Это же относится и ко всем чистым (этическим etc.) законам в том, что касается сущности соответствующих «конституи-

рующих» актов. Вы сможете понемногу начать со всего этого. Возможно, однако, что в ближайшее время появится обширная публикация, которую я готовлю и о завершении которой я надеюсь объявить в обозримом будущем.

Желаю успеха Вашим дальнейшим научным трудам. С уважением

преданный Вам

Э. Гуссерль

Кон — Гуссерлю, 31.III.1911 (набросок)

31.3.11.

Глубокоуважаемый г-н профессор,

в октябре 1908 г. я получил от Вас письмо, касающееся моих «Предпосылок и целей познания», которое меня сильнейшим образом заинтересовало. Я не решился ответить на него, поскольку не мог составить полного представления о феноменологическом методе, который Вы противопоставляли трансцендентально-логическому методу. Теперь я думаю, что из Вашей статьи в «Логосе» [101] понял существо Вашей позиции, и надеюсь, что смогу ясно выразить существующее между нами различие. При этом мы согласны по многим вопросам и, прежде всего, — в непримиримом отношении к натурализму и историцизму, что составляет предварительное условие всякого понимания. Поэтому я с величайшей радостью приветствую Ваше сочинение, хотя оно и не убедило меня в основных пунктах. Если я правильно понял Ваши рассуждения, то для теории познания важны следующие разделы феноменологии (их связь с другими ее разделами, понимание психического как «потока» [102], различие психических классов предметности, таких как цвет и звук [103], нуждается, по-видимому, в отдельном исследовании):

на основе интуитивного постижения разновидностей сознания эти последние должны быть охарактеризованы согласно своему отношению к предметам, различены и связаны друг с другом. При этом их следует рассматривать не как частные, темпорально детерминированные факты, а в их всеобщей сущности. Так как любое сознание есть «сознание чего-то», то эта сущность состоит в связи с предметом. Таким образом, эта всеобщность основана на равенстве этого отношения. Так как, далее, предмет познается только в подобных отношениях к сознанию, то эти отношения и представляют собой подлинное априори (трансцендентально-феноменологическое априори, на которое Вы указывали в своем

письме). Противоположность трансцендентально-логическому методу имеет здесь, по-видимому, двоякий характер:

1) Вы исходите не из познаний, которые должны быть признаны (как то имеет место в трансцендентально-логическом методе), а из разновидностей сознания, которые «даны»;

2) Вы изолируете эти разновидности сознания, интуитивно постигаете и проясняете их, в то время как трансцендентально-логический метод (насколько я его понимаю) не может осуществлять изолированное прояснение, не привлекая связей с другими формами познания, а вместе с тем и с самим собой.

Между тем, я обнаруживаю в Вашем понятии феноменологии одну предпосылку, которая как таковая Вами не эксплицируется. Феномен, как Вы особо подчеркиваете, не поддается анализу, поскольку не обладает неизменным идентичным бытием [104]. Тем не менее, необходимо постичь всеобщую сущность этого феномена. Но это означает, что в потоке феноменов следует постичь нечто такое, что либо сохраняется в нем как равное себе, либо повторяется в нем как равное. И в том, и в другом случае необходимо обнаружить тождественное содержание как момент не-идентичного целого. Для этого, очевидно, требуется анализ. Противоречие оказывается мнимым, если видишь, что эта всеобщая сущность заключается в остающихся равными самим себе, или повторяющихся как равные, отношениях к тому, что не течет, то есть к предметам. Предметы, релевантные для теории познания — это предметы познания. Таким образом, в феноменологии, поскольку она составляет основание теории познания, речь идет о том, чтобы постичь отношения сознания к предметам познания. Но тем самым она становится зависимой от предметов познания и утрачивает свое совершенно исключительное положение. Это верно и в том случае, если бы обратным образом доказывалась зависимость анализа предметов познания от феноменологии. В таком случае мы имели бы только два равноценных способа рассмотрения.

Но из понимания феноменологического «прояснения» как анализа отношений сознания к предмету и анализа взаимоотношений этих отношений следует, что мы имеем дело с системой отношений, которая адекватно может быть постигнута только в своей полноте. При дискурсивном познании этой системы, имеющей, вероятно, много измерений, оказывается, что при достижении определенной степени «прояснения» любого пункта возникает проблема, которая требует прояснения других пунктов. Очевидно, эта трудность хорошо известна Вам из Ваших исследований. В примечании на S. 319 вы указываете на тесное

функциональное переплетение всех феноменологических исследований [105]. Однако вместе с тем обнаруживается предварительный характер любого частного философского исследования (которое, разумеется, тем самым не умаляется, но должно лишь занять свое место). Но из этого, как мне кажется, следует, что научный прогресс в философии должен иметь — по крайней мере отчасти — форму, отличающуюся от прогресса в частных науках. Любое философское положение получает свой полный смысл только из целого, которому оно принадлежит. Если истинное содержание включается в другое целое, то оно должно быть фундаментальным образом переосмыслено. Несмотря на то, что я вместе с Вами считаю необходимым также и в философии придерживаться отдельных достоверных результатов настолько, насколько это возможно, и формулировать их как таковые, я, тем не менее, убежден, что чем больше положений лежит в основании философии, тем труднее каждому из них освободиться от переплетения с другими положениями, отчасти имеющими не вполне ясный характер. Таким образом, научность требует осознания этого факта. Из всего этого, мне кажется, следует, что различие между прошлым и будущим философии не настолько радикально, как Вы полагаете. С одной стороны, думаю, что можно ясно показать научный прогресс, например, от Парменида к Платону или от Лейбница к Канту. У таких мыслителей, как Юм, которые отступают назад в некоторых важных пунктах, также можно обнаружить определенное содействие продвижению понимания. С другой стороны, я убежден, что важнейшие достижения никогда не могут быть изложены в форме, так сказать, осязаемых математических теорем или, тем более, по образцу естественнонаучных фактов. Из этого следует, как я думаю, более тесная, чем то допускаете Вы, взаимосвязь научной части философии с тем, что Вы называете мировоззрением.

ГЕНРИХ КНИТТЕРМЕЙЕР

Гуссерль — Книттермейеру, 18.X.1912

Геттинген, 18.X.1912.

Глубокоуважаемый господин!

С живым интересом я ознакомился с присланным мне воззванием [106] и полностью согласен с его содержанием постольку, поскольку я сам глубоко сожалею о том, что обогащение Марбургского университета такой дисциплиной, как экспериментальная психология, нанесло ущерб систематической философии [107], которая в течение десятилетий составляла мировую славу Марбурга. С другой стороны, совершенно исключено, чтобы я поставил свою подпись под этим воззванием. Не только потому, что у меня есть некоторые возражения в связи с определенными его формулировкам (ибо его тон, мне кажется, не вполне соответствует студенческому заявлению), но также потому (и это обстоятельство является решающим), что для академического преподавателя *одного* университета вообще невозможно подписаться под заявлением, которое обнародовано студенчеством другого университета и касается вопросов последнего.

Мне глубоко симпатичны те умонастроения, которыми продиктовано это воззвание, равно как и горячее участие марбургских студентов в судьбе марбургской философии.

Преданный Вам
проф. Э. Гуссерль

Гуссерль — Книттермейеру, 31.X.1912

Геттинген, 31.10.12.

Глубокоуважаемый господин!

Единственная «поддержка», которую в настоящих условиях я могу оказать стараниям студенческого комитета, представляемого Вами, состоит в том, что я уполномочиваю Вас на запланированном Вашим комитетом студенческом собрании воспользоваться

тем, что Вы обратились ко мне в письме, после чего я в следующих словах уточнил *свои взгляды на преобразование философских кафедр в психологические*:

1) Я глубоко сожалею о том *общем* процессе, который происходит в настоящее время в немецких университетах при новом назначении ординарных профессоров и который шаг за шагом ведет к тому, что штатные кафедры философии *одна за другой* передаются экспериментальной психологии. Ввиду огромного значения, которое философия имеет для немецкой духовной жизни, ясно, что этот процесс наносит весомый ущерб высшим интересам нашей национальной культуры и одновременно ее всемирно-историческому призванию, которое состоит в том, чтобы освещать другим народам путь в философии.

2) Следует только глубоко сожалеть о том, что этот процесс происходит в *Марбурге*, городе всемирно известной «марбургской школы», которая имеет непреходящие заслуги в деле сохранения и дальнейшей научной разработки величайших традиций немецкой философии.

3) Экспериментальная психология обладает, как и всякая наука, собственной ценностью и заслуживает всяческого содействия. Конечно, следует приветствовать то, что сейчас она представлена также и в Марбурге (несомненно, самым достойным образом). Однако новая профессорская кафедра психологии столь же мало может рассматриваться как замена философской кафедры, как и кафедра, представляющая любую другую ветвь естествознания.

Надеюсь, эти строки помогут Вашим начинаниям.

Искренне Вам преданный

Э. Гуссерль

РИХАРД КРОНЕР

Гуссерль — Кронеру, 8.XII.1909

Геттинген, 8.XII.1909.

Дорогой г-н доктор!

Искренне благодарен Вам и остальным членам редакции за любезное и почетное приглашение к сотрудничеству в готовящемся к изданию «Логосе». Когда такие люди как Риккерт и Виндельбанд берут под свое крыло философское предприятие, я, разумеется, не могу сказать «нет». Однако сомнительно ожидать от меня плодотворных результатов до тех пор, пока не подготовлены к печати мои обширные труды. Я не могу сейчас возложить на себя непосредственные *обязанности*, но, тем не менее, по мере сил с удовольствием буду способствовать Вашему прекрасному делу. «Логос» — *журнал по философии культуры*[108]? Не слишком ли это узко? Не следует ли из этого, что в нем нельзя будет говорить о теории опыта и т. д., но только о проблемах культуры?

С дружеским приветом и искренними пожеланиями удачи «Логосу» (благодаря которому мы, наконец, получаем философский журнал, где логос действительно обретает слово и благословение).

Преданный Вам

Э. Гуссерль

ЭМИЛЬ ЛАСК

Ласк— Гуссерлю, 25.XII.1910 (копия)

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Я позволил себе приложить к этому письму свое небольшое сочинение [109]. Первоначально задуманное как статья, оно разрослась в небольшую книгу. По этой причине оно еще лишено строгого и организованного характера. В частности, довольно поверхностно и предварительно в нем обсуждается вопрос, который введен в дискуссии современной логической науки благодаря Вашим «Логическим исследованиям», — вопрос о возможности отделения «смысла» от актов, а также об элиминации всех запутывающих символических актов из сферы чистой значимости. Однако я надеюсь, что в работе все же заметно влияние некоторых основных Ваших идей. На протяжении последних пяти лет в своих лекциях я стараюсь развивать присутствующие у Вас тенденции в том направлении, которое недавно указал Генрих Риккерт (мой учитель) в своей статье «Две пути теории познания» [110]. Это отрадное подтверждение того, что Риккерт и я независимо друг от друга были принуждены совершить этот поворот. По некоторым вопросам мне пришлось полемизировать с Вашими взглядами. В связи с этим я могу особенно указать на S. 41–42. Я *не* отрицаю независимого от предметов царства истины, составляющего смысл и значение предложений и т. д. (несмотря на то, что об этом у меня говорится очень мало — только на S. 41–42 и на S. 120 в полемическом примечании, направленном против Риккерта), однако *также* существует *истина*, которая совпадает с предметами.

В дополнение к кратким рассуждениям на S. 8, где я, в отличие от Виндельбанда и Риккерта, ставлю понятие ценности на более низкий уровень, предшествующий понятию значимости, я позволил себе приложить небольшой доклад [111], в котором речь идет о соотношении нормы и ценности, но где, тем не менее, сама ценность и значимость все еще не разведены достаточно четко.

Что касается содержания основной части своей работы, которое относится к учению о категориях, то здесь я втайне надеюсь

именно на Ваше одобрение. Оно, собственно, уже заметно в цитате, приведенной на S. 109 [112].

Наконец, еще одна просьба. Если Вы однажды заглянете в эту статью, то, пожалуйста, не забывайте, что речь идет о предварительной и несистематической работе.

С наилучшими пожеланиями
искренне преданный Вам
Эмиль Ласк

Ласк — Гуссерлю, 24.XII.1911

Фалькенберг 24.12.11.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

С неспокойной совестью передаю Вам свое новое небольшое сочинение [113]. Я пообещал Вам письмо о Вашей статье в «Логосе», но не сдержал своего слова. Только сейчас, осенью, а не во время пасхальных каникул, как я тогда думал, мне удалось завершить свою работу о суждении. Но это не единственная причина. Главное, скорее, состоит в том, что я, откровенно говоря, устрашился письменного разбора Ваших взглядов на место и роль феноменологии. Это потребовало бы изложения всей общей части теоретической философии, логики и теории познания. Я думаю, что десятилетнее изучение Вашей основной книги (которое для меня еще далеко не закончено) оказало решающее воздействие на мое понимание субъект-объектного отношения как направленности субъекта на объективный смысл. Об этом пока еще нельзя в достаточной мере заключить из двух моих *случайных* работ, предметом которых являются частные темы и все еще не определенные до конца вопросы. И все же в примечании на S. 36 своей «Логики философии» [114] я указываю на то, что опираюсь именно на *Ваши* основные идеи. Об этом же говорится и в этом моем сочинении (S. 9) [115]. Правда, развернутые рассуждения могут появиться только позже. О вводных и основополагающих разделах логики я до сих пор высказывался лишь мимоходом и только постольку, поскольку это было необходимо для общего понимания проблемы. В силу этого, к сожалению, возрастает серьезность упреков в конструктивизме и выстраивании логики «сверху», которые Вы, пожалуй, будете мне высказывать и в дальнейшем. Но я очень надеюсь, что указанные соображения должны по меньшей мере смягчить Ваше первоначальное впечатление о неосновательности, неточности, перегруженности эквивокациями и т. д. (как видите, я не строю себе иллюзий). Когда я говорю о влиянии на ме-

ня Вашего понимания субъект-объектного отношения, то могу, пожалуй, предварительно сформулировать это таким образом: все понятия «сознания вообще» я заменяю на отстаиваемый Вами тип интенционального отношения. В силу этого мой учитель Риккерт обвиняет меня в отречении от Канта и в реакционном возврате к античности.

Ранее я уже указывал на расхождения с Вашей точкой зрения. Не думаю, что я легкомысленно недооцениваю значение феноменологии. Но я должен откровенно сказать, что я не считаю ее *единственным* ориентиром для научной философии. Или, скорее, это можно выразить так: если считать ее единственным исходным пунктом, то лишь *исходным* пунктом ее и следует считать. Тогда как если судить по Вашему изложению, то складывается впечатление, что вся научная философия *заключена* в пределах феноменологии. Равным образом я придаю лишь окказиональную ценность и Вашему «пути снизу». Однако на этот счет я мало что могу сказать, так как мои взгляды на этот вопрос еще не окончательно прояснились.

Итак, пока я должен ограничиться только указанием на позднейшие публикации. Но только от хода самой работы будет зависеть, попытаюсь ли я сперва представить последовательное изложение основных проблем логики, как они представляются мне в общих контурах, или же буду продвигаться вперед, занимаясь, как и прежде, отдельными вопросами.

Было очень любезно с Вашей стороны ответить на мое письмо, которое я сопроводил своей предыдущей работой. Если Вы при случае заглянете также в прилагаемую к настоящему письму статью и она Вас заинтересует, то я, разумеется, буду благодарен за любое, даже самое краткое замечание.

В завершение своего письма прошу снисходительно отнестись к беспомощным словам того, кто только приступает к работе. С наилучшими пожеланиями

искренне преданный Вам

Эмиль Ласк

Генрих Риккерт

Гуссерль — Риккерту, 25.I.1910

Геттинген, 25.1.1910.

Глубокоуважаемый коллега!

Спешу выразить Вам свою сердечную благодарность за любезную и столь для меня лестную просьбу о возможности публично заявить о моем «содействии» изданию «Логоса» [116]. Не уверен, правда, что я, одинокий мыслитель и сочинитель [Minierer], поступаю правильно (в своей нынешней ситуации), принимая участие в общественных акциях и, что неизбежно, возлагая на себя обязанность по написанию статей для журнала. Однако я ничего не могу противопоставить вескости Ваших аргументов, и я не хотел бы говорить «нет», когда столь прекрасные люди пребывают в убеждении, что мое имя и мое сотрудничество может быть полезно в хорошем деле.

Вообще я испытываю настоящий ужас перед всем тем, что называется философским журналом, то есть в отношении журнальной литературы (особенно немецкой). Когда я перелистываю новый вышедший в свет номер, я постоянно *испытываю стыд* за то, что выдается здесь за «научную работу». И я с горечью должен признать определенную правоту плохо скрытого пренебрежения, с которым представители «точных» наук обходятся с философией, поскольку та стремится отличаться от экспериментальной психологии. «И пес бы с такой жизни взвыл!» [117] — особенно если бы он был сотрудником «философского» факультета.

Надеюсь, «Логосу» удастся задать более высокий уровень, что сделает честь его непререкаемому имени. Это нелегко, ибо в наше время только опыт может ответить на вопрос о том, найдутся ли достаточно серьезные сотрудники, которые действительно смогут предложить то, что продумано самостоятельно и именно поэтому является поучительным.

У меня же не будет недостатка в желании содействовать этому начинанию, когда я смогу привести в целостный вид и завершить свои многолетние труды.

С товарищеским приветом и выражением величайшего уважения

Ваш

Э. Гуссерль

Гуссерль — Риккерту, 25.IV.1910

Геттинген, Хоэр Вег 7.
25.4.1910.

Глубокоуважаемый коллега!

Вернувшись из продолжительной поездки, я обнаружил любезный и чрезвычайно для меня ценный— подарок — специальный выпуск Вашей глубокой работы о понятии философии, которая примечательным образом открывает первую книгу «Логоса» [118]. Пока я лишь бегло успел проследить ход Ваших мыслей. Мне и моим продвинутым ученикам еще предстоит заняться этой работой, которая в ближайшее время станет темой одного из моих философских вечеров. Впрочем, уже сейчас я нахожу достаточный повод порадоваться тому, что наши научные пути все больше сближаются друг с другом, так что можно надеяться на дальнейшее взаимопонимание и совместную работу в будущем.

С искренним уважением и ответным дружеским приветом

преданный Вам

Э. Гуссерль

Риккерт — Гуссерлю, 28.VI.1911

Фрайбург, 28 июня 1911.
Турнзеештрассе 66.

Глубокоуважаемый коллега!

Вместе с прилагающейся работой [119] примите мою, с сожалению несколько запоздавшую, искреннюю благодарность за присланную статью для «Логоса» [120]. Для меня чрезвычайно отрадно приветствовать Вас среди сотрудников этого журнала. Мои соображения по содержанию Вашей статьи вышли бы далеко за пределы того, что можно изложить в письме. Я не могу полностью согласиться с Вами в том, что философия должна отказаться от всякого «глубокомыслия» [121]. Конечно, разговоры о мировоззрении так, как они иногда ведутся, часто просто невыносимы с научной точки зрения, но это еще не доказывает, что мы должны совер-

шенно отказаться от того, чтобы с помощью науки вникать в эти предельные вопросы в той мере, в какой это возможно. По многим другим вопросам я, разумеется, с радостью с Вами соглашаюсь, и я думаю, что наши пути в общем и целом будут все более сближаться.

Я бы с удовольствием узнал Ваше мнение о прилагающейся статье. Вы, конечно, много работали в этой области, и я прочел Вашу «Философию арифметики» с живейшим интересом и с большой пользой. Форма этой статьи исключает привлечение существующей литературы по данному вопросу, иначе бы она превысила тот объем, который предоставлен в мое распоряжение «Логосом». Надеюсь, однако, что знакомство с соответствующими книгами можно заметить, даже если я их и не цитирую.

Не хотите ли Вы еще что-нибудь написать для «Логоса»? Во Фрайбурге мы все были бы этому очень рады.

С наилучшими пожеланиями
преданный Вам
Генрих Риккерт

Гуссерль — Риккерту, 21.XI.1912

Геттинген, Хоэр Вег 7.
21.XI.12.

Глубокоуважаемый коллега!

Меня также глубоко возмущает, каким образом марбургский «философский» факультет повел себя при назначении преемника на профессорскую кафедру Когена, погрешив тем самым перед славными традициями марбургской философии и перед философией вообще. Но в этом беда нынешнего положения философии в немецких университетах. В *немецких* — словно это не миссия немецкого народа — освещать всем другим народам путь в философии. Половина кафедр, по-видимому, безвозвратно отойдет экспериментальной психологии. Однако это еще не все. Ибо это вовсе не означает, что другая часть кафедр останется за самой философией. Между естественнонаучными и филологически-историческими группами на факультетах возникает противоречие: коль скоро ученые-естественники добились признания своих «естественнонаучных философов», то теперь и историки хотят иметь своих «исторических» философов. Но это открывает путь эклектическому историцизму, и тогда живая, работающая над живыми проблемами философия будет иметь значение только когда она станет исторической окаменелостью для собирателя

историцистских окаменелостей. То, что я думаю по этому поводу, я отчетливо выразил в своей статье в «Логосе», причем я вполне осознавал ту враждебность, которую я мог возбудить против себя и в которой теперь нет недостатка.

Само собой разумеется, я остаюсь верен своим взглядам и с удовольствием приму участие в запланированной Вами акции [122].

Вы, уважаемый коллега, очень порадовали меня своей последней статьей в «Логосе» [123]. Особенно приятно мне было обнаружить существенное сходство проводимых Вами понятийных различий с теми, о которые я в течение ряда лет говорю в своих лекциях.

В январе я надеюсь преподнести Вам обширную работу, которая должна выйти в первом томе издаваемого мной «Ежегодника по философии» (он сейчас находится в печати) [124].

С товарищеским приветом
искренне преданный
Э. Гуссерль

Гуссерль — Риккерту, 20.XII.1912

Геттинген, 20.12.12.

Глубокоуважаемый коллега!

Спешу сообщить в нескольких словах, что *совершенно* согласен с Вашим проектом «Заявления». Принимая во внимание его цель, я не мог бы добавить к нему ни единого слова. Я придерживаюсь Вашей позиции, что ниже этого минимума мы не можем опускаться. — Для меня не было неожиданностью, что Майнонг откажется в этом участвовать. Вообще сомнительно, что мы найдем отклик в Австрии. В Германии в этом не будет недостатка, но возможны также и энергичные выступления противоположного характера. Будущее покажет.

Несколько недель тому назад на моем семинаре Ваш сын Генрих представил реферат, который меня очень порадовал тщательностью подготовки, ясным и точным пониманием существенных вопросов.

С самыми дружескими рождественскими пожеланиями
искренне преданный Вам
Э. Гуссерль

Гуссерль — Риккерту, 5.XI.1915

Геттинген 5.XI.1915.

Глубокоуважаемый коллега!

С искренним сочувствием я прочел Ваш некролог Эмилю Ласку [125]. Смерть этого необыкновенного и, как показывает любая его работа, устремленного к высочайшим философским целям человека глубоко меня потрясла. Вместе с ним умерла одна из величайших надежд немецкой философии. Мне очень жаль, что я никогда не был знаком с ним лично. — Неслыханное разорение духовных сил, которое несет с собой эта злосчастная война, наполняет меня тяжелой тревогой.

С глубокой благодарностью подтверждаю также получение третьего, заново переработанного издания Вашего «Предмета познания» [126]. Из небольшого, но уже оказавшего значительное воздействие сочинения выросла теперь обширная работа, которая вызывает мой глубокий интерес, тем более что она представляет Вашу теорию познания в ее последнем и наиболее зрелом оформлении. Я не буду медлить с ее изучением, и я чувствую себя еще не настолько старым, чтобы не почерпнуть из нее что-то поучительное для себя. Те философские мотивы, которые мной движут, я бы даже сказал, меня преследуют, которые, поскольку они не потеряли своей силы, настигают меня подобно болезни, часто принуждая, правда, продвигаться собственными, уединенными путями. Но я стремлюсь к согласию со всеми, кто серьезно ищет и энергично действует, и я еще надеюсь найти возможность подискутировать и объясниться с Вами в печати.

Наконец, позвольте мне сопроводить свое письмо наилучшими пожеланиями Вашей замечательной семье, особенно Вашему сыну Генриху, которого я вспоминаю с искренней симпатией. Оба моих сына, один из которых стойко переносит свое тяжелое ранение, сражаются на западном фронте, и поэтому у меня есть все основания благодарить судьбу.

С товарищеским приветом и очередной благодарностью за любезный и чрезвычайно ценный для меня книжный подарок

преданный Вам

Э. Гуссерль

Гуссерль — Риккерту, 20.XII.1915

Геттинген 20.XII.1915.

Глубокоуважаемый коллега!

Из газеты я узнал, что Вы получили и приняли ожидаемое назначение в Гейдельберг, поэтому спешу высказать Вам свои искренние поздравления. Едва ли кто-то другой мог быть назначен на это место — настолько очевидно, что именно Вы являетесь преемником Виндельбанда. Тем не менее, можно порадоваться, что это назначение все же действительно состоялось. После того, как на многие философские кафедры были произведены столь неудачные назначения, по крайней мере кафедра в Гейдельберге будет сохранена, причем во всем своем прежнем блеске.

Впрочем, среда, в которой Вы окажетесь, не будет для Вас новой. Уже долгое время философская жизнь Гейдельберга находится под преобладающим влиянием «фрайбургской школы». Виндельбанду очень не хватало изначальной организаторской силы для того, чтобы стать мощным источником философского воздействия. Собственно творческим мыслителем он не был, и Вы по праву в своем теплом и замечательном некрологе [127] (пожалуй, он и сам бы не мог пожелать чего-то большего) указали на центральное значение его исторических работ. Они оказали на меня сильное воздействие в молодые годы, я прямо-таки восхищался этими работами. Я благодарен им за то, что они наполнили мою душу затаенной тоской по древней романтической земле немецкого идеализма в то время, когда я еще находился у своих натуралистических истоков. Однако полную реальность эта земля обрела для меня не благодаря Виндельбанду. Только продвигаясь своими собственными, столь трудными для меня путями, продвигаясь снизу, я незаметно для самого себя оказался в идеалистическом краю, где я, отбросив всякую понятийную романтику, смог, наконец, постичь величие и вечную значимость немецкого идеализма. (Понятно, что меня все более привлекает Фихте.) Таким образом, последнее десятилетие я чувствую себя тесно связанным с вождями немецкой идеалистической школы. Как соратники мы сражаемся против нашего общего врага — современного натурализма. Мы служим, каждый по-своему, одним и тем же богам. И поскольку для всех нас эта служба — серьезное и священное дело, которому мы посвятили всю свою жизнь, то любое такое служение самоценно и является неотъемлемым для прогресса философии.

Я искренне рад тому, что у Ваших сыновей все по-прежнему благополучно и они продолжают поддерживать Вас в той борьбе, которая тяжким бременем легла на нас. Пусть же они выстоят до победного конца, которого мы все желаем и в который твердо верим. У моих детей — обеих сыновей, которые пошли на фронт добровольцами и находятся на западном фронте, и дочери, которая работает помощницей в Красном кресте, — все благополучно, они бодро несут службу на своих постах и, надеюсь, будут продолжать нести ее и дальше.

С товаищеским приветом и пожеланием успехов в Вашем новом жизненном и творческом периоде в Гейдельберге

искренне преданный Вам

Э. Гуссерль

Гуссерль — Риккерту, 9.VIII.1920

Сант-Мерген 9.VIII.1920.

Глубокоуважаемый коллега!

Извините мою запоздавшую благодарность за Ваш долгожданный подарок — «Философию жизни» [128]. При том особенно глубоком уважении, которое я питаю к Вам, мне не хотелось ограничиваться несколькими поверхностными словами благодарности без предварительного изучения этой работы. Однако во время семестра, стесненный разработкой нового четырехчасового курса по этике, я не нашел необходимого для этого времени. Только здесь, в Сант-Мергене [129], я смог углубленно заняться ею. При чтении первых глав у меня, откровенно говоря, сложилось впечатление, что нет ничего хорошего в том, что творческий мыслитель пускается в спор с философско-литературной модой, единственное действенное преодоление которой может состоять только в бесспорно научной силе мыслей, формулировке которых посвящена его жизнь. Но когда я читал центральную часть книги, содержащую изложение и критику современного биологизма, то увидел, что биологизм может с большой притягательной силой воздействовать на нашу философскую молодежь. Что касается меня, то прошли уже десятилетия с тех пор, как я оставил далеко позади биологизмы любого рода, так что мне в какой-то степени трудно стать на точку зрения тех философов, для которых они представляют искушение или выглядят как совершенно серьезные теоретические убеждения. Однако Ваша критика скоро обратила на себя мое внимание, и в первую очередь тем, что в ней проступают основные линии Вашей «системы» философии. Я

полностью согласен с Вашей оценкой плодовитого Ясперса, которого обычно столь высоко ценят [130]. Разумеется, я совершенно не согласен с оценкой трансцендентальной феноменологии [131], в которой распутывание двусмысленностей играет, очевидно, не большую роль, чем в Вашей философии ценностей. Самостоятельный мыслитель — это не лучший читатель, и это известно по собственному опыту всякому, кто мыслит самостоятельно. Но и в этом я не вижу большой беды, если только каждый в чистом виде разовьет то, что вверено ему как особой философской индивидуальности и к чему он призван изнури и свыше. Поэтому я рад слышать, что Вы вступили в период энергичного творческого подъема и что Вам уже удалось полностью развить и окончательно оформить Ваше мировоззрение, которое было целью работы всей Вашей жизни. Таким образом, я могу Вас только поздравить с тем, что теперь Вы можете отдохнуть от напряжения чисто мыслительной, критической работы.

С неизменным глубоким уважением

Ваш

Э. Гуссерль

Гуссерль — Риккерту, 26.XII.1928

Фрайбург, 26.XII.1928.

Глубокоуважаемый коллега!

Накануне я уже собирался писать Вам, чтобы выразить, наконец, свою радость по поводу Вашего дружеского письма, и тут приходит еще и этот значительный и очень ценный для меня рождественский подарок [132], который весьма меня пристыдил, так как на протяжении стольких лет и ничем не могу Вас отблагодарить. Мне также стыдно за то, что я еще ничего не написал Вам в ответ. Последнее время я чувствовал себя подавленным: завершая сложную работу для «Ежегодника» [133], которую я твердо пообещал издателю к концу года, я подхватил заурядную и, тем не менее, обременительную простуду, так что мне пришлось выкраивать благоприятные часы для работы и постоянно заботиться о том, чтобы не потерять связность мыслей. Теперь я снова в форме и в ближайшие три недели надеюсь завершить это философское введение в наукоучение, основные мысли которого вызревали на протяжении трех десятилетий. Возможно, эта работа будет отвечать Вашим интересам в большей мере, чем недавно подготовленные к печати Хайдеггером и почти безнадежные в литературном отношении записи моих лекций 1905 года [134]. Тем не менее, я

не уверен, что Вы действительно сможете выбрать время, чтобы продумать мое довольно сложное исследование. В нашем возрасте (впрочем, Вы, ceteris paribus [135], имеете в запасе несколько *верных* лет полноценной продуктивной работы, так как Вы моложе) самостоятельный мыслитель должен руководствоваться необходимым эгоизмом, чтобы продумать до конца вверенные ему мысли, воздерживаясь от вещей посторонних, в том числе — от чтения чужих сочинений, которые могут ему помешать. Впрочем, летом прошлого года *я* все же выбрал время, чтобы еще раз продумать основные линии Ваших «Границ естественнонаучного образования понятий». В своих четырехчасовых лекциях о природе и духе я на протяжении нескольких недель сопоставлял тот трансцендентальный метод, который Вы развиваете в этой работе, с кантовским и со своим собственным методом. Это позволило мне самому достичь внутренней ясности относительно раскрывающихся здесь научно-теоретических проблем и оправдать свой собственный подход. О стиле этой критики можно будет заключить из той работы, которую я сейчас готовлю. Жаль, что в это время у меня не было на руках новой, расширенной переработки Ваших взглядов. Сейчас, к сожалению, я не могу углубляться в этот вопрос.

Содержащиеся в Вашем письме отзывы о Хайдеггере меня очень порадовали. Тем самым я смог заключить, в какой мере Вы одобряете мой выбор преемника на Вашу прежнюю кафедру [136]. Да и есть ли из чего выбирать? В силу его философской оригинальности, его совершенно исключительной способности к преподаванию, он был самым подходящим человеком. В Германии нет никого, кто так сильно привлекает к себе сердца молодежи. И при этом является чистой, совершенно самоотверженной личностью, полностью посвятившей себя великому делу. Мне не терпится узнать, как он будет развиваться дальше. Однако я надеюсь, что при этом сохранится тот высокий стиль восхождения, на который мне хотелось бы рассчитывать.

Примите, наконец, мои сердечные пожелания Вам и Вашей уважаемой супруге к новому году, и в первую очередь — пожелание успехов в Вашей замечательной работе, приносящей столь прекрасные идеи.

С большим уважением

Ваш

Э. Гуссерль

Ганс Файхингер

Файхингер — Гуссерлю, 14.IV.1904

Галле, 14.IV.1904.
Райхардштрассе 15.

Глубокоуважаемый коллега!

Примите мою искреннюю благодарность за присланную заметку о Марти[137]. Всяческого уважения заслуживает то, что Вы продолжаете следить за публикациями по логике и держите нас в курсе происходящего. Вместе с тем Вы имеете прекрасную возможность обсуждать Ваши собственные идеи с авторами, придавая значимость своим собственным взглядам.

Одновременно позволю себе передать Вам обращение по поводу кантовской философии[138], которое, возможно, будет для Вас особенно интересно как для бывшего преподавателя университета в Галлле, тем более, что Вы сами постоянно сближаетесь с кантовским направлением. Даже если Вы сами *не* воспользуетесь приглашением вступить в «Кантовское общество», то мы (*профессор Риль также является членом общества*[139]) *были бы* Вам чрезвычайно признательны за возможную пропаганду этого мероприятия в Ваших кругах (в частности, в Геттингене). Для нас это особенно важно еще и потому, что *фонд* требует больших взносов в пользу университета.

Возможно, Вы могли бы также сообщить нам австрийские адреса, по которым я (разумеется, не ссылаясь на Вас) мог бы обратиться с надеждой на успех. Как видно из проспекта, существуют люди, которые склонны чем-то пожертвовать в пользу этого дела. Я позволю себе приложить к письму некоторое количество проспектов и попросить передать их при удобном случае коллегам-специалистам в Геттингене.

С товарищеским приветом
преданный Вам
Г. Файхингер

Из проспекта Вы можете видеть, какое значение этому делу придает *министерство*, которое пожертвовало 2500 марок фонду

Канта. В особенности *Альтхоф*[140] живо следит за развитием дел, а если наладится взаимодействие многих сил, то можно ожидать еще большего. Особенно важны для меня подходящие *адреса*!

Заранее благодарю
Ваш
ГФ

Файхингер — Гуссерлю, 15.V.1904

Галле, 15.V.1904.
Райхардштрассе 15.

Уважаемый коллега!

Вы доставили мне большую радость своими теплыми словами о моей деятельности на поприще кантовских исследований, а также своим вступлением в «Кантовское общество». Благодарю Вас за любезное участие в моих начинаниях. С благодарностью подтверждаю получение взноса, любезно сделанного Вами в фонд Канта, и с радостью вношу Ваше имя в список членов общества[141], тем более, что оно в последнее время очень часто произносится с почетом, как это прозвучало у Липпса в его возражении Витазеку в «Münchener Allgemeine Zeitung»[142].

О Вашей успешной деятельности в Геттингене мне уже известно из других источников, и я рад получить от Вас подтверждение этому. Мы все здесь довольны тем, что в Геттингене Вы нашли для себя благодатную почву. Как и я здесь, в Галле, в Геттингене Вы являетесь единственным представителем *философии в строгом смысле*. Поздравляю Вас с выдающимися успехами и желаю скорейшего назначения на должность ординарного профессора, что в Вашем случае есть лишь вопрос времени.

Я еще раз могу написать Наторпу с просьбой обсудить также и второй том Ваших «Логических исследований»[143]. Правда, редакционными делами ведает сейчас д-р Баух[144], однако у меня всегда есть возможность вмешиваться в эти дела. Впрочем, коллега Баух замечательно знает свое дело, так что в данном случае журнал находится в хороших руках.

Примите мою благодарность за сообщенные адреса.

С благодарностью и приветом
всемерно преданный Вам
Г. Файхингер

Файхингер — Гуссерлю, 15.V.1911

Галле, 15 мая 1911.
Райхардштрассе. 15.

Глубокоуважаемый коллега!

Я все еще Ваш должник, так как несколько лет тому назад Вы благосклонно преподнесли мне в подарок свои «Логические исследования». И поэтому я рад тому, что в состоянии, наконец, отблагодарить Вас, прилагая к этому письму изданную мной работу [145].

Пожалуй, и без моего упоминания Вы уже догадались, что я не только издатель, но и автор этой книги. Это моя габилитационная работа, которую я написал 35 лет назад; но именно потому, что в то время мне было 25 лет, а сейчас — почти 60, я, в сущности, уже больше не автор, а свой собственный издатель. Однако в существенных моментах я все еще придерживаюсь той точки зрения, которую я отстаивал в то время, хотя для печати я и сформулировал кое-что иначе, особенно в первой части.

Вам эта работа во многих отношениях едва ли покажется симпатичной. Я принадлежу, в известной мере, к левому крылу кантианства, так что по праву мог назвать себя в заглавии позитивистом (правда, идеалистическим позитивистом). Однако я все же надеюсь, что здесь могли бы обнаружиться некоторые точки соприкосновения и с Вашими собственными воззрениями. Скорее всего, это возможно в тех разделах, которые связаны с математикой, а также в исторических разделах работы. Вообще говоря, исторические исследования, которые содержатся в третьей книге, могли бы в наибольшей степени пригодиться тем, кто разделяет Вашу позицию. Особое значение могло бы иметь то исследование (содержащее свыше 100 страниц), которое я посвятил Канту; потому что здесь обнаруживаются новые перспективы, до сих пор не привлекавшие к себе внимание.

Между тем, я не оставляю надежду, что мои систематические взгляды также могут отчасти соприкоснуться с Вашими убеждениями, и поэтому я могу допустить, что как Вы, так и Ваши ученики и друзья, уделите внимание этой работе. Само собой разумеется, если Вы где-нибудь выберете подходящий случай отозваться об этой работе, то я предоставляю Вам полную свободу критики. Подвергнуться атаке (тем более с Вашей стороны) не беда, беда — быть проигнорированным.

Одновременно прилагаю к письму несколько экземпляров премиальных тем. Как Вы, возможно, видели или слышали, но-

вый список тем был опубликован во многих газетах. Д-р Либерт [146] разослал соответствующее сообщение более чем в 200 печатных органов. Уже очень активно стали поступать вопросы об условиях, так что можно ожидать, что в этот раз выйдет что-то дельное. Надеюсь, Вы выберете подходящий момент, чтобы передать эти экземпляры Вашим ученикам. Именно с этой целью я прилагаю несколько экземпляров. Если Вам нужно больше, Вы всегда можете получить их от д-ра Либмана.

С товарищеским приветом
преданный Вам
Г. Файхингер

Гуссерль — Файхингеру, 24.V.1911

Геттинген, 24.V.1911.

Глубокоуважаемый коллега!

Ваше чрезвычайно любезное письмо и вскоре после него прибывшая посылка с Вашей «Философией Als Ob» стали для меня настоящим сюрпризом. Да и кто бы мог подумать, что Вы вместо продолжения Вашего комментария к Канту [147] одарите нас еще и крупной работой по теории познания? И что это будет смелое творение Ваших юных лет, последовательно выстроенная система «идеалистического позитивизма», которая прошла проверку в течение всей Вашей жизни.

Несмотря на то, что в своих теоретических убеждениях я далек от Вас, чтение этой работы, написанной по-юношески свежо и при этом очень ясно, доставило мне необычайное удовольствие и произвело на меня чрезвычайное воздействие. На мое развитие также сильно повлиял Э. Лаас [148], а вместе с ним и Дж. Ст. Милль, да и вообще старый и новый позитивизм (в том виде, в котором он существовал до конца 80-х годов). И хотя я был настроен против него, с самого начала расценив его как философский негативизм, все же, опираясь на глубокое понимание и сопереживание, я уловил те *очень* ценные мотивы, которыми он руководствовался. Но больше всего я научился у тех авторов, которые имели мужество быть последовательными. Так получилось, что в этом семестре я, спустя много лет, вновь веду занятия по позитивизму для продвинутых студентов [149], и очень кстати именно теперь выходит Ваша работа, которую я надеюсь привлечь к обсуждению. Не только Ваши ценные исторические исследования (на которые Вы мне любезно указали), но и Ваши формулировки проблем, равно как и фаланга аргументов должны пойти нам на пользу.

Итак, примите мою искреннюю благодарность за ценный подарок!

С товарищеским приветом и выражением глубочайшего уважения

всецело преданный Вам

Э. Гуссерль

ГЕТТИНГЕНСКАЯ ШКОЛА

Часть I

Уинтроп Пикард Белл

Гуссерль — Беллу, 8.XI.1918

Фрайбург, 8.XI.1918

Дорогой друг!

С сердечным участием я воспринял известие о горе, постигшем Вас со смертью Вашего отца. Видимо, надежда не в силах поддержать человека, тяжело страдающего на протяжении многих лет: когда ее исполнение было уже совсем близко, ему было суждено умереть [1]. Но теперь он в мире блаженных, противившихся с этим земным адом эгоизма, сумасшедшей ненависти, смешения всех этических понятий, помутнения чистых идеалов человечества. Мир ему. Мы же обречены влачить свое существование здесь, и почти в отчаянии, парализованные тяжестью ужаснейших образов, молить о благодати божественной *силы*, чтобы своими поступками справиться с возложенным на нас неумолимым требованием: построить новый, лучший, лишенный эгоизма человеческий мир, в котором можно жить, в чистом деянии возвышаться и *любить*, а не застывать в отравленном дыхании ненависти.

Я часто думаю о Вас и имею заветное желание повидать Вас до Вашего возвращения домой [2]. Но это вряд ли получится. Я сейчас несколько подавлен, прихожу в себя после тяжелого гриппа. Вы, наверное, уже слышали, что мой сын [3] второй раз ранен, лежит на излечении в госпитале в Йене.

С сердечными приветами

Ваш Э. Гуссерль

Фрайбург в Бадене, ул. Лоретто 40

Гуссерль — Беллу, 19. IV. 1919

Хинтерцартен, 19.IV.19

Дорогой друг, только сейчас у меня появилась возможность поблагодарить Вас за поздравительную телеграмму [4]. Я был очень, очень рад, что и Вы были со мной в тот день, когда многочисленные знаки любви — для меня довольно неожиданные —

сделали его праздником. Хотя при нынешних обстоятельствах я не смог приехать, духовно я был с Вами, а Вы — со мной. Особенно рад был бы я увидеться с Вами, уже годы я этого горячо желаю. Как бы я обогрел Вас и ухаживал за Вами — что, разумеется, следует понимать в философском смысле, ведь Вы и сами прекрасно знаете, как обстоят дела с продовольствием здесь на юге.

Но у Вас есть сейчас более важные дела, нежели заниматься здесь, у меня и со мной, феноменологией и помогать в деле философского очищения человечества. Вам доверено более благородное дело: собирать горящие уголья на головы «врагов» [5] и душевно помогать друзьям. Уже по Вашему первому незабываемому письму из Фюрстенгофа я понял, что Вам дана великая миссия свыше, Вам, достойнейшему, причем не просто призванному, а — избранному [6], как тотчас же с ясной очевидностью сказал мне мой внутренний голос. Как удивительно подтвердилась эта вера! Когда несколько месяцев тому назад во Франкфуртской газете я прочитал статью с совершенно новой оценкой внутреннего положения Германии с английской стороны некоего корреспондента Рейтер в Берлине, я тут же понял, что этот голос истины принадлежал Вам. И еще недавно я с глубоким участием слышал новости о Вас и Вашей работе от моего фрайбургского коллеги проф. Бринкмана [7] из Министерства иностранных дел.

Речь сейчас идет о спасении политического будущего Германии, не о спасении его в качестве, хотя бы и в скромной мере, политической силы — все это в прошлом, и никто уже ни на что не надеется. Дело в спасении немецкой нации от полного физического, а вместе с тем — и морального обнищания. И в этом Вы — большой, внушающий надежду помощник и, возможно, спаситель. Быть может, здесь еще можно хоть на что-то надеяться. Не на много. Ежедневные новости, ужасно разрастающаяся болезнь немецкой души и физическая болезнь уже едва выносимого голода вызывают все новые приступы отчаяния. Мы настолько далеко зашли, что даже большевизм нас уже не сильно пугает. У нас едва ли осталось что терять. И, в конце концов, говоришь себе: хорошо, что столь прославленная культура погибает. А если у нас, то пусть и у врагов.

«Но где тогда», — встает *следующий* вопрос, — «та противоположная волна, которая только и может принести спасение?» Это подобно голоду: голоду по дающей силы, а не только лишь наполняющей желудок пище, а еще — голод по годами отсутствующим средствам возбуждения, голод по естественной беззаботной жизни с ее ежедневно вновь рождающимися надеждами, ее сулящими радость целями. Словно многоликий голод со слепой

животной жадностью заполнил души, стерев в них все высшечеловеческое. Масса, «управляемая» мутным водоворотом сумасшедшей жадности. Но, скорее, никакого правительства нет, нет более приказаний и повиновения. Ведь в конечном счете весь государственный порядок покоится на том, что люди в своих душах сами повинуются идее долга, то есть по своей воле берут на себя обязательства, намереваясь действовать в соответствии с ними. Однако в душах людей произошла эта ужаснейшая из всех революций: идея долга сброшена со своего трона, исчезло всякое приятие долга.

Не знаю, был ли хоть раз в истории какой-либо народ столь тяжело поражен болезнью, встречалась ли когда нищета такой степени на земле. Конечно, «блокад» было достаточно, разрушили довольно городов и государств, отдав людей во власть голодного сумасшествия, а оставшихся — превратив в рабов. Но разве это происходило с народами, находящимися на высоком уровне духовности, народов, поднявшихся до наивысшего самосознания национальной идентичности и осознавших себя в качестве носителей высокого культурного, научного, художественного и морального призвания? [8] Ведь Лютер, Лессинг, Лейбниц, Кант, Гердер, Гете, Шиллер и другие — это, в конечном счете, не реклама наглых берлинских купцов от культуры. Есть душа немецкого народа, в которую эти имена впечатаны, которой они придают силу и являются вечными ориентирами. И эту душу — убить? Не есть ли это самое жестокое убийство во всей мировой истории? Хотя нет, это не называется ведь «убийством», для того есть столько красивых слов из словаря высшей морали и религии... И как тут не усомниться в человечестве, без страха изрекающем слова о небесных ценностях и «оправдывающее» этими ценностями страшные злодейства?

Кто спасет немецкий народ в его подлинном бытии, его духовном эросе, кто спасет непрерывность немецкого духовного развития? К нему, подобно ядовитым змеям и удавам, подкрадываются силы то горячей, то холодной ненависти, той ненависти, которой во время войны (за исключением мимолетных, быстро проходящих вспышек) никогда не было, она появилась лишь в эти последние месяцы ставшего повсеместно известным слова «примирение народов» и теперь подобно всепожирающему огню охватывает все вокруг. «Франция» — насколько иначе мы произносим это слово сейчас! Без проклятий и страстных жестов, безо всяких украшающих эпитетов. И все-таки, насколько иначе оно звучит. Все эти годы это слово выражало участие, печаль: достаточно было бы послушать любого простого человека. А теперь! Я

чувствую, насколько мне самому приходится внутренне сопротивляться, и что у меня теперь есть действенное спасение лишь в имени Ромена Роллана [9]. Среди этих горящих потоков ненависти — зеленеющий остров, сад благороднейшей человечности. Таков Роллан, без сомнения, для тысяч людей. «Иоганна Кристоффа» [10] издали огромным тиражом и, несмотря на крайне высокую стоимость немецкого перевода, его покупали и читали.

Несколько лучше обстоит дело с Англией, поскольку оттуда слышно больше голосов человечности. Если говорить о конкретных именах, то я часто с уважением думаю о Бертране Расселе [11], Макдональде [12] и лорде Картврайте [13]. Когда Вы вернетесь в Англию, я хотел бы, чтобы Вы разыскали Б. Рассела и сказали ему, что в Германии еще есть честные люди, а также те, кто вспоминает о нем с величайшим уважением. Что же до остального, то у м е н я есть мой Белл, наделенный причем силой большого влияния. Итак, мы еще можем надеяться. Но я не хотел бы быть слишком односторонним.

Основания надеяться у меня есть, ведь во время последнего лекционного курса военного семестра (с февраля по середину марта) я видел, что у прошедшей суровые испытания молодежи — отрытые сердца и острая тоска по царству чистых идей [14], а немалое количество писем, пришедших из далеких краев к 8-му апреля [15] говорят о том, что есть еще и голод по философии, и даже по «философии как строгой науке», утолению которого не сможет помешать никакая блокада.

Я сам, по возможности, избегаю василискового взгляда времени и по мере сил окружаю свою душу философией, как броней, предельно сосредотачиваясь на старых и новых философских проблемах. Работаю настолько успешно, насколько позволяет недостаточное питание. Время от времени спасаюсь в Шварцвальде, где есть деревенское хозяйство с относительно сытной едой, да и горный воздух делает свое дело, вновь возвращая меня в норму.

Когда Вы сможете все-таки снова приехать ко мне, Вы полюбите Шварцвальд и научитесь ценить философствование на зеленых лугах и живящем высокогорном воздухе. Кроме того, Вы увидите и ценные стороны южно-немецкой натуры, хотя она и намного менее близка Вам, нежели северо-немецкая. Мне надо Вам еще многое рассказать, да еще больше Вам — мне, ведь в нас почти воплотился этот прекрасный символ: любовь к врагам, духовный союз «врагов», поддерживаемый любовью к Эросу.

Беспокоюсь о Вашем здоровье, которое грозит истощиться из-за пожертвования Вами себя великому и благому делу. Единственным моим утешением является то, что Вы не можете не созна-

вать знака благословения над Вашей работой, и что это сознание, в свою очередь, должно быть целительным источником.

Моя жена, выполнявшая в отношении этого письма роль секретарши, сердечно Вас приветствует. Уже завтра я должен возвращаться во Фрайбург, чтобы принять деканство философского факультета. К сожалению, эта нефилософская деятельность будет меня очень сковывать в моей собственной работе. В летнем семестре я читаю 4 часа о природе и духе, буду вести занятия об основополагающих этических проблемах и, может быть, еще занятия в более тесном кругу [16].

От всего сердца приветствую Вас,
дружески преданный Вам,
Э. Гуссерль

Гуссерль — Беллу, 11.VIII.1920

Ст. Мерген, у Фрайбурга в Бр. 11 августа 1920.

Мой дорогой друг!

Два незабываемые дня, проведенные нами прошлым летом вместе, оказали на меня влияние столь глубокое и привели мою душу в столь сильное движение, что вскоре после Вашего отъезда мне пришлось вздохнуть пространным письмом. Я не смог его отослать, поскольку Вы не оставили мне адреса, и тщетно я в последующие месяцы ждал от Вас знака того, что Вы живы. Я был уже всерьез обеспокоен. Ничего не узнал о Вашей зимней поездке в Англию и октябрьской в Германию, известий не было никаких. Нет нужды потому и говорить, сколь велика была моя радость, когда я наконец получил от Вас письмо из «Ройал Георга» [17]. Написать Вам сразу, подробно, и от всего сердца выговориться — у меня была такая потребность по отношению к Вам — я не смог: заканчивался год моей работы деканом, и силы были на исходе [18]. Сейчас спасаюсь в высокогорной деревушке Шварцвальде, занимаясь исключительно поисками пропитания по всему широкому району Ст. Мергена, переходя от одного крестьянина к другому, чтобы — разумеется, за большие деньги и много добрых слов — выпросить пару яиц для нашего обнищавшего дома. Но затем я столкнулся с еще одной заботой — подготовкой к 4-часовой лекции «Введение в этику» [19]. Затем попробовал написать Вам, дорогой друг, пользуясь короткой передышкой на Троицу, и действительно это сделал, но, к сожалению, только в стенографическом наброске: когда мне надо по-настоящему выразиться, не только философски, но и в личном плане, я должен стенографировать.

Возможно, Вы телепатически почувствовали это, однако для расшифровки опять-таки не хватило времени. И вот позади меня — тяжелое, хотя и не бесплодное рабочее лето, я уже несколько дней снова в горах, душа вновь успокоилась, и теперь ничто не воспрепятствует тому, чтобы я закончил это третье письмо к Вам. Нас могут разделять временные и пространственные дали, но Вы остаетесь мне близки, и я надеюсь, что Вы испытываете те же чувства.

Причудливая судьба бросила Вас из геттингенской феноменологической идиллии в лагерь военнопленных, а оттуда, после тяжелых лет, — в водоворот мировой политики. И я задаю себе вопрос: «Удержит ли она Вас там навсегда? Или же, быть может, вы все-таки вернетесь к философии, найдя в ней истинный телос Вашей жизни? Как будет то угодно Богу! Он говорит в Вашем честном сердце, проявляется в чистоте Ваших помыслов, во всей Вашей деятельности. Возможно, Вам предназначено стать практиком, политиком и, может быть, философия должна была стать для Вас только горнилом души, чтобы всякий раз очищать Вас от наслоений политической грязи, быть может ей суждено наделить Вас в Вашей практической деятельности частицей вечной силы, которая в конце концов все-таки обязательно победит слишком человеческое. Вы уже наверняка приняли решение, Ваш даймоний указал Вам правильный путь — я не сомневаюсь: чтобы бы Вы ни выбрали, Вы превратите это в прекрасное и благое. По Вашему письму я понял, что Вы не пали духом из-за внешних неудач. В великих помыслах и деяниях во имя столь высокой и благородной цели, Ваша душа, без сомнения, пребывала в глубоком процессе внутреннего становления и роста, который теперь никогда не остановится. Это великое внутреннее становление не останется без соответствующего воздействия вовне. Уже одно только общение со столь большим количеством необычных людей, долгая упорная борьба с выдающимися духовными силами — но при этом в союзе с родственными Вам силами — означало мощное обогащение Вашей личности. Вы пережили и осмыслили политическую жизнь и действующие в ней силы, определяющие ее мотивы столь глубоко, что даже если Вы в итоге посвятите себя философии, польза этого опыта будет для Вас неизмеримой. «Страдание человечества теперь прекратится...» [20] — эта насущная потребность платоновской политики, руководимой этическими идеями, а кроме того еще и философское учение о принципах такой политики, уже более не сможет исчезнуть. Небывалая нищета нашего времени приведет в движение мощные силы для воплощения этого принципа. А для Вас долгие и, очевидно, необходи-

мые и в дальнейшем занятия радикальными проблемами философии и ее методом возможно станут переходом к строго фундированной, но при том обращенной к идеальному праксису философии социального духа и к социальной этике. Ведь эта война, это универсальнейшее и глубочайшее грехопадение человечества, во всей обозримой истории обнажила все традиционные идеи в их непроясненности и неподлинности. Приспособленные к прежним формам развития общественной жизни человека и лишь при допущении этих форм, они, при соответствующем ограничении, могли иметь этическое оправдание. Например, идея «справедливой войны». Война нынешнего времени, ставшая войной народов в наиболее буквальном и ужаснейшем смысле, свой этический смысл потеряла. Проблема войны в комплексе с проблемой нации (чистая идея науки в ее отношении к идее чистого человечества) должна быть рассмотрена вновь, быть прояснена и разрешена из своего источника. Сюда же относится проблема Нортклифа[21]. Дьявольское искусство определения политических настроений человечества, его политических суждений, практических целей, охватывающее весь земной шар, в первый раз показывает нам, на что *можно* осмелиться, к чему практически стремиться — при смещенных акцентах, в сравнении с повседневным и мелким искусством воздействия на людей, а также социально-этический литературой, в том числе благонамеренной, — а значит, к чему стремиться необходимо ради этически-политического обновления человечества. Чего нам на самом деле остро не хватает, так это искусства универсального воспитания человечества, основанного на ясно очерченных высших этических идеалах, искусства воспитания человечества, имеющего форму мощной литературной организации, искусства воспитывать его, ведя от истинности к истинности. Стоит ли эта задача перед *Вами*? Дано ли Вам в качестве «доброго европейца» действовать ради идеальной Европы посредством практической философии, а также влиять на широчайшие круги через группу образованных людей, в глубине души высокоэтичных, которые ведь есть в любой нации?

Кстати, я с понятным внутренним волнением прочитал то, что Вы сообщали о Ваших трагических усилиях зимних месяцев 1919–22 гг., о неудаче Вашей Памятной речи[22]. Сколько надежд вы на нее возлагали. Ведь нищета возросла за это время в небывалых пропорциях. Радуйтесь, что в Канаде это никак не заметно. Дела настолько плохи, что положение, на которое мы вместе жаловались прошлым летом, представляется теперь едва ли не в розовом свете. От года к году, даже каждые три месяца думаешь, что вот *теперь* дошел до предела того, что можно вынести, — но вскоре

приходит такое, что приходится *страстно желать* возвращения в прежнюю ситуацию. Блокада продолжается, и она стала тяжела как никогда, она только сменила свое имя — на «Валюту». К физическому голоду добавился духовный: вместе со всеми ценами фантастически взлетели и цены на книги — в том числе и на немецкую литературу, не говоря уже об иностранной, которой для нас теперь уже просто не существует. Как при всеобщем обнищании среднего класса сохранится наша духовная культура, наши университеты — большой вопрос. А какая деградация душ! Всеобщая неуверенность, нечестность, лень, отвратительная жажда наслаждений, о которых никто знавший Германию до войны даже и не считал возможным! Я умолчу об ухудшении здоровья народа, о страшном положении детей и женщин! Все это сносится без слов, а кроме того — несказанно мерзкие оскорбления, которым (в мирное время!) неделями подвергается немецкий народ! Но — достаточно, более чем достаточно!

Несмотря на все это, как будто есть еще свет и надежды, если только улетучится чумное дыхание вражеской ненависти и вновь станет возможным нормальное пропитание. Есть еще душевный капитал, которым мы можем жить, есть еще молодежь, желающая благородного и руководимая наиболее чистой волей, чем когда-либо прежде. Новое студенчество с 1918–19 гг. было для меня большой неожиданностью. (У нас во Фрайбурге теперь 4000 студентов, в последний год войны было около 300.) Эти, как можно было бы полагать, огрубевшие солдаты («гунны») исполнены такого усердия, такой самоотдачи, такой тоски по чистой религии и философии, которые прямо-таки трогательны. Философские лекции и семинары переполнены, никогда еще над столь непрактичными вещами не работали столь интенсивно. Несмотря на трудности с дорогой и жильем (многим сотням студентов пришлось отказать), нашлось около 80–100 студентов, приехавших во Фрайбург единственно ради феноменологии. (Феноменологические кружки и лекции были, кстати, не только в Рулебене [23], но и во французских и русских лагерях военнопленных, в Сибири и т. д. Таким образом, на протяжении этих лет имелась бóльшая тяга к феноменологической философии, чем я думал). В двух последних семестрах у нас проходили великолепные семинары (около 30–40 продвинутых и тщательно отобранных участников. Обсуждались принципиальные этические вопросы, а также проблема естественных и гуманитарных наук). Я жил целиком преподавательской деятельностью, и 3 семестра подряд я вел 4-часовые лекции, которые были крайне плодотворны и для меня самого. Я был в хорошей форме, я бы сказал даже, что уже 3 года нахожусь на

этапе нового, мощно движущегося вперед становления; кажется, будто стремление моей жизни к философии, укрепленной принципиальными открытиями, предварительно очерченными по всем основным систематическим направлениям, должно исполниться. Собственно, я никогда не надеялся продвинуться настолько далеко, насколько я зашел сейчас, — если только я не подвержен самообману. Как раз потому я не могу сейчас думать о публикациях. На следующий семестр у меня опять новая учебная программа: «логика» должна быть разработана целиком заново, а кроме того феноменология абстракции и семинар для совсем хорошо подготовленных студентов — изначальное сознание времени и учение об индивидуации. А еще с Хайдеггером, ведущим семинар для начинающих по «Медитациям» Декарта, я руковожу несколькими «учебными группами» — форма, которая себя очень оправдала. Под руководством одного из старших феноменологов каждая группа из примерно шести студентов работает над одной из фундаментальных частей феноменологии и на основе избранного фрагмента феноменологической литературы (например, II. Исследование об абстракции, или VI. Исследование, или работы Пфендера о психологии воли [24], Райнаха — о философии [25]). На семинарах со студентами теперь необходимы протоколы, просматривание которых, конечно же, требует больших усилий. Из более объемных работ учеников сейчас готовятся следующие: религиозно-философская, о Кьеркегоре [26] (в Германии сейчас заметно большое «кьеркегоровское движение», соответствующее великому религиозному устремлению, охватившему наилучших представителей всех слоев населения), работа о феноменологии пространства и новой теории относительности [27], работа о Канте [28], о «феноменологии революции» [29], о феноменологии Я [30] и т. д. Со следующего лета я намерен слегка ограничить свою лекционную деятельность и всецело заняться завершением публикаций. Сейчас в печати том IV Ежегодника: 1) фрагмент Гайгера о понятии бессознательного и психической реальности — 135 страниц; 2) «Логика» Пфендера, около 15–20 листов; 3) Геринг о проблеме эйдоса и морфе [31]. (Геринг — содиректор протестантско-теологического учебного заведения в Париже, он должен скоро меня навестить.) Барышня Штайн предоставила для V-го тома Ежегодника обширный труд, около 20 печатных листов: «Очерки философского обоснования психологии и наук о духе» [32]. К сожалению, работу отклонил геттингенский факультет, безуспешными были ее усилия также в Киле, Гамбурге, Бреслау. Прошлым летом у себя на квартире в Бреслау она частным образом читала лекции «Введение в феноменологию», познако-

мившись таким образом с ценными людьми. Ингарден, как и Розенблюм [33], сейчас в Варшаве, его работа о Бергсоне проходит редакционную подготовку для V-го тома Ежегодника, который отдадут в печать сразу вслед за IV-м томом. В нем, среди прочих материалов, будет опубликована также мюнхенская габилитационная работа Гильдебранда.

Теперь, дорогой друг, вы находитесь в курсе дела. Я бы еще охотно поговорил с Вами о времени и вечности, о философии и обновлении человечества, о религиозных течениях в Германии, о становлении нового человека и прочем. О многом я передумал, и никакая теория не значит для меня ничего, если не предназначена для нового мира. Как понравился Вам господин Хокинг? После Вашего визита он написал мне очаровательное письмо, кажется, он — все тот же великолепный человек, с которым я познакомился в 1903 году. Из Англии Босан прислал мне небольшую книжечку по логике, на мою сердечную благодарность и теплые слова о Расселе оба ответили дружескими посланиями. Как радостно, что есть еще живые *люди* на этой мрачной Земле [34], не будь их, я не потерял бы духа, и построил бы их эйдетически, будучи твердо убежден, что чисто сформированные идеи обязательно произведут соответствующих им живых людей. А теперь напишите мне о хорошем Вы! У нас все хорошо. Элли учится в Мюнхене [35], а Герхард занят большим научным трудом по юриспруденции [36]. В общем, пробиваемся кое-как.

От всего сердца посылаю наилучшие пожелания Вам и Вашему будущему.

Э. Гуссерль

Пожалуйста, напишите о Вашей жизни и планах подробно. Дружеские приветы от всех нас. Я останусь в Ст. Мергене по крайней мере до начала октября, где и получу Ваши письма.

Гуссерль — Беллу, 18.IX.1921

Ст. Мерген, под Фрайбургом в. Бр.
18 сентября 21 г.

Дорогой друг!

Что подумаете Вы обо мне, если на ваше большое, услаждающее душу письмо от 13.VII я отвечаю только сейчас, даже не подтвердив получение Вашего неожиданного пожертвования. Положить в карман 7000 Марок, не сказав даже «спасибо»! Хотя, говоря откровенно, я не волновался, что Вы можете на меня за что-то

обидеться, как никогда не обиделся бы на Вас и я. Между нами — нерушимое доверие. Однако позвольте несколько слов в объяснение. Ваше письмо пришло, уже когда мы поехали в Ст. Мерген (если только двухчасовой путь на машине можно называть «поездкой») [37]. Это была огромная и, к сожалению, редкая радость — после целого года. И я радовался всем Вашим новостям, и весь первый день в Ст. Мергене был всецело с Вами, и уже писал Вам — в мыслях — обстоятельный ответ. К сожалению, в поначалу необжитом помещении я не нашел местечка, где можно было бы присесть за письмо. Когда же помещения были приведены в желаемый порядок и я распаковал свой огромный чемодан с рукописями — я сразу же был потерян. Мною тотчас же овладели старые проблемы и планы, и вот прошло уже 7 недель. С горячим усердием я ежедневно, с 7-ми утра сидел за рабочим столом и — в окружении столь великолепных горных ландшафтов — не предпринял ни одной длительной прогулки. В горячей работе недели пролетели словно сон, и если я сегодня с трудом делаю паузу, то лишь потому, что неотложное заявление на факультет и без того вывело меня из ритма. — В Ваших глазах это, без сомнения, comprendre et paronner [38]. — Теперь, соблюдая приличие, я должен начать с благодарности за дар, который я принял с той же сердечностью, с какой он был предложен. В эти потерянные от мира рабочие недели я так и не смог толком решить, как поступить с этими деньгами. Так сказать stande pede я выдал из этой суммы 1000 марок нашему великолепному Хайдеггеру, который беден как церковная мышь и теперь безмерно рад, что сможет приобрести некоторые важные религиозно-философские труды. Я также дал 250 марок господину Клаусу [39]. — Для нас, работников духовной сферы, да и вообще всего народа нужда усугубилась предельно, и становится все более неясно, как же университеты намереваются обеспечивать себя приват-доцентами, и как сами ученые могут теперь работать. Прежнее скромное благосостояние этих слоев (к которым принадлежат все преподаватели высших школ, вся армия служащих) под угрозой гибели. Согласно статистике, средняя покупная цена марки в стране на август сего года равняется 8,8 старого феннинга. Этим сказано все. Отсюда Вы можете вычислить нынешние цены и потерю стоимости «сохраняемых законом об опеке государственных бумаг», в которые все мы вложили свои сбережения. И *при этом* еще — упавший курс самих этих бумаг. Меня это затронуло особенно сильно: мой прекрасный геттингенский дом, проданный во время войны, стал теперь — пожертвованиями на войну от патриота! А унаследованное от родителей — что было моим главным достоянием — все в

кронах (1 австрийская крона, равнявшаяся ранее примерно 106-ти золотым маркам, стоит теперь лишь 0,6 в швейцарской валюте). Сами по себе такого рода потери состояния, затрагивающие, в конечном счете, всех, переносятся достаточно легко. Сложно только приспособиться к всеобщему удорожанию жизни, за которым не поспевает даже жалование высших служащих, увеличенное примерно в четыре раза. Особенно сложно тем, кто обязан заботиться о нескольких детях и кто не имеет помимо того никаких возможностей заработать. В такой ситуации отказываться от расходов на книги и исследовательские поездки приходится и ученому. Думаю, меня это затронуло меньше, чем многих других коллег. Элли обручилась с милым хорошим человеком (канд. истории искусства), будущее которого материально обеспечено, так что за нее я спокоен. Герхард, наделенный блистательными талантами, серьезно устремленный, свой путь отыщет. Скорее всего, он габилитируется в Геттингене по специальности юриспруденция, к нему там благоволят. Так что нам не так уж плохо, временами докучает лишь книжный вопрос, да некоторые другие, разрешение которых облегчило бы мою работу. Вы будете согласны, если я *возможно* использую часть переданной вами суммы на подобные цели: на книги, перепечатку манускриптов и т. п.? Очень рад Вашему предложению относительно английских книг, которых во Фрайбурге почти нет. О них я напишу позже, когда составлю список. Весьма ощутимая для меня потеря: вот уже несколько лет я не видел журнала «Mind», который здесь, разумеется, невозможно держать. Итак, сердечно благодарю за любовь к «врагам». Да, в такой любви врагов мы, немцы, очень нуждаемся. Пусть мы были и остаемся закоренелыми грешниками, пусть мы «гунны», но период наших страданий был долог и тяжел, и нам кажется, что за тысячекратные грехи, за страшнейшие злодеяния и мерзости, которые только может вообразить самая богатая фантазия, мы достаточно и сполна расплатились. К сожалению, эмпедоклово время ненависти [40] еще не окончено, ненависть еще управляет миром, и мы являемся ее объектами. К сожалению, ненависть порождает ненависть. Печально, но за последний год стало хуже, и жгучая ненависть вгрызается в душу немецкого народа — у коей как раз нет к ненависти абсолютно никакой склонности — ненависть к Франции, которая своими почти ежедневными унижениями, руганью, срывами договоренностей подвергает нас, бессильных, мучительнейшим истязаниям. Вам, издалека, не понять этих истязаний (само выражение недостаточно сильно). Не только до войны, но даже и *во время* войны не было никакой ненависти к французам, никогда я ничего подобного не

замечал. Унижение от нашего поражения ничего бы в том не изменило, да поначалу и *не* изменило. Ответная реакция была направлена против старого режима и старого духа. Но все началось с удерживания военнопленных [41], что осталось занозой до сих пор. Затем — репатриационные условия Версальского договора [42], — но в конечном счете смирились бы и со всем этим, даже с материальными претензиями. Но потом — *такой* мир, его соблюдение, поведение французов в занятых ими областях, санкции и — гнусная комедия в Верхней Силезии, повседневные убийства и проч. на глазах у французов, насквозь лживые ноты протеста и т. д. и т. п. Только поляки отчасти ответственны за возникновение ответной реакции ненависти. Все это очень печально, это — почва для укрепления националистических партий и сильного поворота молодежи к национализму. Это — не победа довоенного материализма (и не имеет ничего общего с новым отвратительным материализмом валютных спекулянтов). Здесь заключен идеалистический момент, пробуждение гордости за себя самого и за старое величие немецкой нации, пробуждение воли отстоять ее право, возвысить ее не только духовно, но и физически. Острое стремление к миру, независимости, к свободной жизни скованных сил, к возможностям плодотворно работать — неодолимо; необходимость ежедневно мириться с оскорблениями, прикрывающимися вывеской мира, стала невыносимой; надежда на справедливость враждебного внешнего мира по отношению к Германии упала окончательно. Консолидация под знаменем национализма есть продукт подобного отчаяния. Потеряв веру в мир, уже не интересуются его мнением — предпочитают надеяться лишь на собственную силу и собственный дух. И тут, в этом нахлынувшем потоке, чего только не обнаружишь! Новое возвеличивание Германии братается со свирепым и с каждым днем все более свирепеющим антисемитизмом. (Даже в философии; даже философские кафедры занимают под таким девизом. У нас есть «Фихтевское общество» — вообще, благородный Фихте, которого, конечно же, слишком немногие знают и понимают, слывет пророком этих самых антисемитов и националистов — со своим философским журналом [43], направленным против оевреивания немецкой философии.) Особенно уверенно чувствует себя антисемитизм в Баварии, остается лишь удивляться, что дело не дошло пока до погромов.

Таким образом, дела с нашим народом обстоят прескверно — и это в основных социальных слоях, которым бы следовало быть ведущими! Причем все это — реакция на бессмысленную ненависть и ее несправедливость. Однако позитивные живительные

силы *любви* продолжают действовать. Движения философии, искусства, религии, с разных сторон возросшие и укрепившиеся за десятилетие до начала войны, нацеленные на радикальную правдивость, подлинность своих основ в мышлении, творчестве и вере, находятся на мощном подъеме и привлекают к себе широкие круги. Любовь преумножает любовь, подкрепляясь взаимностью: любящие идеи, искренне любящие истину, а также прекрасное, Бога и детей Божьих, обнаруживаются везде. Не думайте, будто то, что делается «оттуда» из любви и благородных любовных чувств, остается безответным. Будь квакеры пропагандистами, у нас было бы сейчас мощное немецкое движение квакеров. Ведь они достаточно сильно влияют на некоторые молодежные движения, например, на «Новое дело» [44].

О, там с преизбытком доброй воли, много самопожертвования. Если бы только имелось сильное руководство и меньше рассыпающегося в речах воодушевления.

При этом, конечно, порядком хватает также и неподлинного или наполовину подлинного идеализма, неподлинного или наполовину подлинного упоения Богом, мечтаний о «духовном» обновлении, возвышении посредством «духовных сил», наук о «духе» и т. п. Вспоминаются средневековые движения (Бэгхинен [Begghinen], Бэгхарден [Beggharden] и многоликие мистические течения). Здесь и небывало расширившееся *штейнерианство* [45] (благодаря его мощной организации и обильному притоку денежных средств его можно назвать аналогом Армий спасения); далее, *неокатолическое* движение со своим войском обращенных, первой звездой которых является Макс Шелер — тоже, к сожалению, гений позерства и внутренне неподлинный пророк. К сожалению, он намерен реформировать католическую церковную философию, основав ее на феноменологии. Его влияние на поколение молодых литераторов и католическую молодежь необычайно велико. Почитайте его последнюю работу, «О вечном в человеке» (особенно обратите внимание на главу «Основные проблемы религии») [46].

Что касается моего фрайбургского круга, то я пока что весьма доволен. Вероятно из-за удаленного положения Фрайбурга и необычайно возросших цен на железнодорожные билеты он уменьшился. Но это дельные, хорошие люди, если только я их не идеализирую. Мы по старинке воспринимаем дело серьезно и жизни себе не облегчаем, но ведь великие вопросы — вопросы серьезные, на них все-таки приходится положить свою жизнь, полностью в них погрузиться. Приятно, что мои общие лекции посещает *неизменно* большое количество слушателей. Я стал мод-

ным, но только настоящие могут выдержать там, где так мало ценится мечтательность и предъявляются столь жесткие требования к мышлению. По сравнению с Геттингеном лекции стали намного содержательнее, систематичнее и глубже, я работал над ними еще больше и, если не ошибаюсь, сделал значительные успехи и достиг вершин, с которых открываются новые горизонты. Я целиком отгородился от внешней суеты мира, ведь для своего бедного Отечества и народа я не могу сделать более, чем если я выражу данное мне изнутри. А наилучшее для моего народа есть действительно Благо, а также наилучшее, что я могу сделать для человечества. Надеюсь, мне будет дарована судьба сделать что-либо для нового, подлинного человечества. Я все думаю, что три десятилетия напряженных и зачастую отчаянных усилий должны все-таки принести плодотворные результаты.

Так что теперь работаю с напряжением всех своих сил над «инвентаризацией» собственного мышления, над последним сведением воедино всех моих широко разбросанных и далеко идущих размышлений. Мне 62! И я весь в становлении, каждый день приносит новые открытия, но каждый день приносит и боль от оставшихся неясностей. Уже целое лето я работаю над своей безнадежно большой горой манускриптов, это рукописи последних 20-ти лет, разных годов и на разных стадиях проработанности; в осеннем семестре я хочу ограничиться только одной 2-часовой лекцией («Природа и дух»), чтобы целиком посвятить себя синтезу, собственному росту и новым работам. Все — от самых основ — заново и в качестве моего «последнего слова». Потом я могу спокойно умереть. Ибо я абсолютно уверен в одном: лишь единственно научной философии, или *такой* научной философии, откроются и цели, и верные пути, и надежные средства. Вы знаете, что это я говорю не от нескромности. Я публиковал бы свои работы анонимно, если бы знал, как это сделать.

Но вот я проговорил о многом, не обмолвившись ни словом о Вас и Вашем письме. Оно слегка запоздало, но я уже догадывался, как обстоят дела. Очень порадовали меня ваши подробные и наглядные описания Ваших забот, борьбы, усилий, а также того, как Вы, настоящий канадский силач, победоносно с ними справились. Колонии — молодые источники первозданных сил человечества. Меня позабавила одна английская статья (из иностранной почты), в которой (наряду с уроками войны), противопоставляется размягчение и загнивание старой Англии с ее рафинированной, но при том бессильной цивилизацией, и первозданные силы колонистов.

Теперь эти первозданные силы должны послужить на благо феноменологии и философии в Торонто. Вы умеете работать не только киркой и лопатой, валить деревья и строить дома, но и обращаться с тонкими духовными скальпелями, у Вас прекрасная рука, а главное — неподкупная свобода от предубеждений и незамутненная воля к истине вплоть до последнего. Однако новый старт все же будет тяжел, я мысленно шлю ему самые теплые пожелания. С удовольствием помог бы Вам. Наилучшей помощью было бы то самое — новое — введение в феноменологическую философию, контуры которого у меня вырисовываются и начала которого я уже набросал. Оно станет введением к моим систематическим публикациям. Этим летом я часто думал о нем — и о *Вас*, во время работы я намереваюсь думать о Вас, будто пишу Вам письмо. Ни для кого другого я с бóльшим личным участием не изложил бы наиболее зрелые, а потому — наиболее простые результаты своей мысли. Но прежде чем мне это удастся, — подобное ведь нельзя бойко написать с чистого листа, — следует расчистить Авгиевы конюшни моих рукописей — Вы сами уже наберете полный ход, и у Вас появятся собственные ученики. Желаю, чтобы они оказались стоящими, и друзьями на радость Вам.

Бóльшая часть V-го тома (IV-й, с «Логикой» Пфендера, у Вас очевидно уже есть) напечатана: двухчастная работа барышни Штайн [47], отчасти пересекающаяся с моими набросками к «Идеям II» (она дополняла и перерабатывала мои рукописи различных лет: 1916–1917 гг.), но в самостоятельной разработке. Далее, большая работа Ингардена о Бергсоне и габилитационная работа Гильдебранда по этике. В печати, кроме того, находится небольшая работа Койре о парадоксах Зенона [48]. Возможно, последует еще социально-философский труд [49] Герды Вальтер (это моя и Пфендера ученица). Том появится зимой. Господин Койре габилитировался в Париже, в Сорбонне, два его обстоятельных труда об Ансельме и связи Декарта со схоластикой скоро выйдут в Париже [50]. Он, как и прежде, феноменолог, в июле он порадовал меня своим визитом. Габилитироваться (с работой о Клименте Александрийском) [51] будет в Париже также и господин Геринг. Он навещал меня здесь, в Ст. Мергене прошлым летом. Штайн перебралась к Конрадам, в Бергцауберн во Пфальце, госп. др-р Ганс Липпс габилитировался в Геттингене (чему помог наш друг Куре), так что феноменология там вновь представлена (тема габилитации: философско-математическая) [52]. «Собрание сочинений» А. Райнаха вышло в издательстве Нимейера в Галле. Обращаю Ваше внимание на то, что в магазине Нимейера представлен превосходно подобранный ассортимент. Не будет ли удобнее по-

лучать все новые публикации через него? Я могу дать ему соответствующие указания, мы находимся в очень дружеских отношениях.

О Рунге, старом уважаемом друге, и его круге я не пишу (к сожалению, этим летом мы старика во Фрайбурге не видели), ведь Вы находитесь с ним в непосредственном контакте.

В заключение. Не возводите мое письмо в ранг «срочной корреспонденции», это потянет за собой неуютное «я должен». Пишите, когда в хорошие часы, когда Вас внутренне тянет со мной поговорить. Буду рад и открыткам, еще больше — фотографиям. Прилагаю свое моментальное фото августа этого года.

Моя супруга и Элли сердечно Вас приветствуют.

От всего сердца,

Искренне Ваш

Э. Гуссерль

Ст. Мерген, до середины октября.

Получил ли проф. Хокинг копию моих «Логических исследований» (Т. 2)[53]?

* * *

* Вообще-то, я должен обращаться к Вам не так, а: «Глубокоуважаемый господин Белл»! — именно Вы навязываете мне такой тон, неизменно называя «Господином Тайным советником». С подобным я мирюсь *только* в отношениях с несносными людьми!

** Пленных удерживают во Франции до сих пор, остается более сотни.

Жан Геринг

Геринг — Гуссерлю, 27.IV.1929

Дорогой г-н профессор,

это была отличная мысль — выслать *нам* книги по зибенбюргенскому протестантизму[54]: мы уже давно интересуемся им, но нам не хватало специальной литературы. При этом фрау др. Розенберг[55], которая принесла пакет, не обнаружила ни малейших признаков усталости. Она была даже столь любезна, что взяла на себя роль мамы по отношению ко мне — роль, с которой она справляется прекрасно. Надеюсь, она тоже сохранила приятные воспоминания о нашей прогулке. К сожалению, я уже не смогу передать эту открытку с ней, потому что рано утром она поехала дальше. — Все страсбургцы передают Вам сердечный привет, и хотя у меня еще не было возможности передать книги на наш факультет, я хочу уже сейчас сердечно поблагодарить Вас от имени факультета за прекрасный подарок.

С наилучшими пожеланиями Вашей супруге и молодой семье

Ваш старый

Ж. Геринг

Страсбург, 27/4 29.

P.S. Лучше всего будет поместить книги в нашей факультетской библиотеке, которая организована как библиотека семинара. Здесь они послужат студентам наилучшим образом, поскольку у нас, в отличие от университетской библиотеки и библиотеки св. Фомы, открыт свободный доступ к полкам. — Еще одна новость: проф. Гобло (который с шишкой) хочет взяться за организацию страсбургского философского общества. Без сомненья, его побудил к этому Ваш визит.

Геринг.

Самый сердечный привет передают Вам и мои родители.

Геринг — Гуссерлю, после 1930 г.(?)

<...> После этого длинного и скучного письма — в качестве веселого дополнения — краткое, но достоверное резюме одного сновидения сегодняшней ночи:

Я гулял с одним другом (затем внезапно оказалось несколько друзей) и вскоре по хаотичному чередованию парижских и страсбургских улиц понял, что «мы» спим, и попытался убедить в этом остальных. Ценой невероятных усилий мне это удалось. Но тут мне пришло в голову, что этот разговор не имеет смысла, потому что о подлинной интерсубъективности во сне не может быть и речи. Тогда я взялся доказывать остальным, что они не существуют. Вы можете представить, с каким хохотом мои слова были восприняты. Между тем, мы оказались за городом, в окрестностях Геттингена, дискуссия шла своим чередом. «Мы убеждены, что существуем точно так же, как Вы; почему же именно Вы должны быть правы?» «Но я достоверно знаю, что сплю, тогда как вы не знаете даже о том, что вы снитесь».

Мои доводы не произвели никакого эффекта, и тогда я предложил пари: что назавтра, проснувшись, никто кроме меня не будет помнить об этом сновидении, поскольку тождество между снящимся и бодрствующим субъектом немыслимо. На что один из моих собеседников весьма резонно возразил, что тогда бессмысленно и пари.

Далее последовал разговор о сущности псевдоинтерсубъективности во сне, который не привел к ясности (а учителя с нами, к сожалению, не было: увидеть его во сне не так-то просто!).

Наконец я открыл мой последний козырь: «Я устал и намерен — я чуть было не сказал «пойти спать» — проснуться». Сказал это и — к их немалому удивлению — исчез, чтобы, как и было обещано, проснуться в своей кровати.

Убедились ли теперь эти милые люди в моей правоте? Фатальным обстоятельством является то, что я никогда не услышу их ответа.

Или услышу в следующем сновидении? Ведь существует идентичность, которая конституируется в последовательных сновидениях. Или это тоже «псевдо»? И что означает здесь это «псевдо»? В следующий раз, дорогой учитель, Вы непременно должны быть с нами!

Геринг

Гуссерль — Герингу, после 1930 г.(?) (набросок)

... Конечно, легче увидеть сон, содержащий сложные рассуждения, нежели изложить его. Может быть, всякий рассказ уже сам по себе искажает сновидение. Поэтому не сердитесь, если я попробую рассмотреть Ваше забавное сообщение критическим взглядом. Сначала я выскажу возражения против «сновидения». [Если же Ваш рассказ вызывает некое принципиальное возражение, мы ничего не потеряем, представив сновидение — чтобы заострить аргумент — как последовательный и согласованный (einstimmige) опыт мира и рассмотрев возможность некоего универсального разрыва.] Главное возражение против Вашего анализа состоит, коротко говоря, в том, что Вы не проводите строгого различия между *спящим Я* и Я, *которое является субъектом снящегося мира* и, тоже будучи снящимся, заключено в нем. Конечно, во сне можно заметить, что ты спишь, причем *двояким* образом: 1) Сновидение является «простым». Спящее Я замечает, что спит, и это действительный акт, до некоторой степени уже пробуждение, которое имеет много промежуточных стадий. 2) Снящийся мир видится во сне второй ступени, «пробуждение» тоже снится в другом сновидении. [Оставим пока в стороне вопрос о том, имеет ли вообще смысл интерсубъективное обнаружение «того, что мы спим».] Когда я замечаю, что сплю, этот акт уже не включен во взаимосвязь снящегося мира, он не имеет никакого отношения к Я снящегося мира, но связан только со спящим Я. Совершенно невозможно, чтобы Я снящегося мира попыталось доказать другим людям этого мира, что они не существуют, потому что они всего лишь «снятся»; оно, как и его сотоварищи по сновидению, не может находиться в отношении какого бы то ни было взаимопонимания со спящим Я, которое об этом сновидении уже знает. Я снящегося мира существует точно так же — или столь же мало, — как и другие люди этого мира. Его восприятие других, как и восприятие других другими, является снящимся восприятием только для Я, которое спит и просыпается. Доказательство несуществования своих коллег оно могло бы осуществить только посредством солипсистской аргументации, которую, впрочем, может развернуть и бодрствующее Я, конечно, в превратном понимании смысла трансцендентальной конституции. Я снящегося мира не спит, оно воспринимает. Здесь нельзя возразить, что ментально (bewußtseinsmäßig) пробуждающееся Я является *тем же самым*, которое что-то переживало, делало и т. д. в снящемся мире, т. е. тем же самым, что и снящееся Я; не является оно и «другим». Это подобно тому, как если бы я фантазировал, что живу на

небесах и вкушаю райское блаженство: <здесь тоже> я есмь тот же самый, а не некий второй человек, но и здесь следует строго различать действительное Я с его действительными переживаниями, способностями etc. — и выдуманное Я с его выдуманными переживаниями etc. Далее, можно было бы сказать, что достоверность «если я сплю, то я существую» — это экзистенциальная достоверность действительного Я и представляет собой очевидность, которая в принципе может быть достигнута только в состоянии бодрствования. Между прочим, можно, усложняя задачу, предположить такое сновидение, в котором Я снящегося мира осуществляет картезианское размышление и, следовательно, вправе утверждать о себе, что в снящемся мире, т. е. в его «действительном мире» оно является единственно достоверным. Но очевидность этого ego cogito принадлежала бы снящемуся миру и ни в коей мере не доказывала бы существование спящего Я.

То же самое смешение спящего Я и Я снящегося мира проявляется и в заключении Вашего анализа, где субъекты снящегося мира как будто обнаруживают, что не находятся в «состоянии бодрствования». Всякое Я снящегося мира сущностным образом находится в состоянии бодрствования. *Сон не может сниться.* Ваше Я снящегося мира никогда не смогло бы открыть в качестве аргумента свой «последний козырь» — проснуться, потому что оно ведь вовсе не спит. Рассмотрим вкратце оставленную в начале без внимания проблему интерсубъективности в сновидении: само собой разумеется, интерсубъективность снящегося мира есть псевдо-интерсубъективность, как и снящийся мир есть псевдо-мир, а снящееся Я — псевдо-Я. «Псевдо-» — только в смысле презентизации (Vergegenwärtigung). Совместное сновидение — такая же бессмыслица, как совместное воспоминание, совместный поток переживаний.

Уильям Эрнест Хокинг

Гуссерль — Хокингу, 8.XI.1902

Дорогой г-н Хокинг,
не могли бы Вы зайти за мной завтра, в воскресенье, после обеда для совместной прогулки[56]? Я выхожу из дома примерно в половине третьего.
С сердечным приветом
Проф. Гуссерль
8. XI. 02.

Хокинг — Гуссерлю, 10.I.1903

У фрау Буркхарт.
Краусникштрассе 22/3.
Берлин, № 24, 10/I, 1903.

Глубокоуважаемый г-н профессор!
Вчера мне удалось поговорить с г-ном профессором Штумпфом. Вашу драгоценную открытку я передал ему в прошлое воскресенье, в середине дня. Он принял меня очень тепло, и хотя в те несколько минут, которыми мы располагали (на этой консультации у него было очень много посетителей), наша беседа ограничилась общими местами, он любезно согласился, чтобы я посещал его регулярно; от встреч со столь компетентным и благородным человеком я ожидаю самого вдохновительного действия. Кроме того, он пригласил меня на свои семинары, которые будут для меня еще более полезны, чем общие лекции по психологии.

Вчера я посетил также консультацию г-на профессора Паульзена и был принят с характерной для него благосклонностью. Мы говорили о современных направлениях немецкой философии, но главным образом — о работах профессора Джемса. Я встретил здесь моего друга — г-на Джеркса (Jerkes), — от которого узнал, что профессор Джемс чувствует себя все лучше и что наряду с курсом по натурфилософии, который он читает в Гарварде, он интенсивно работает над вторым томом своей книги по психоло-

гии религии [57]. Профессор Мюнстерберг [58], к сожалению, пока не оправился от болезни, и хотя он еще исполняет все обязанности председателя философского департамента, а также ведет свои курсы и руководит лабораторией, вполне возможно, что во второй половине года (т. е. с 12 февраля) он будет вынужден многое, если не все, передать в другие руки.

В последние дни я перечитал первый том «Логических исследований» [59]. Благодаря просветляющему общению с Вами, которое Вы подарили мне столь любезно и которое я никогда не смогу забыть, он стал для меня заметно яснее, нежели при первом чтении. Конечно, вместе с этой ясностью появилось и много новых вопросов, которые я теперь должен обдумать и которые заставляют меня жалеть о расстоянии между нами.

Позвольте еще раз высказать Вам мою глубочайшую сердечную признательность. Я желаю всего наилучшего Вашей супруге и надеюсь, что она уже чувствует себя хорошо [60].

С искренним уважением
преданный Вам
Уильям Э. Хокинг.

Г-н профессор Паульзен просил подробно осведомиться о Вас и был очень рад получить Ваш привет.

Гуссерль — Хокингу, 25.I.1903

Геттинген, 25. I. 1903.
Вёлерштрассе 11.

Дорогой г-н Хокинг,

сердечное спасибо за Ваши хорошие новости. Я был очень рад услышать, что мои высокочтимые учителя Штумпф и Паульзен [61] приняли Вас так, как я предполагал. Благожелательный и возвышенный характер Паульзена пленил Вас в первый же момент; вскоре Вы узнаете и то своеобразное очарование, которое исходит от его лекций. Контакт со Штумпфом будет для Вас не менее полезен — или уже стал таковым, если в эти дни Вам представилась возможность поговорить с ним на научные темы. Вызовите у него интерес к Вашим научным проблемам и сомнениям — и Вы получите от него самую действенную поддержку. Я буду рад новым хорошим вестям от Вас об этом достойном зависти научном общении: обсуждаемые темы и т. п.

Я думаю, мои «Пролегомены» становятся яснее в свете исследований второй части, прежде всего исследования VI, которое мне самому, как Вы знаете, более всего по душе. Я надеюсь, что

Вы не поддадитесь обычному лжетолкованию, которому дало повод поверхностное прочтение моих «Пролегомен». Если я выступаю против «психологизма», т. е. «психологического» обоснования чистой логики (=Mathesis universalis) и критики познания, то под «психологией» понимается здесь генетическая психология, психология как естественная наука, которая в метафизическом и критико-познавательном плане столь же наивна, как и физическое естествознание. Если же мыслить понятие психологии шире, настолько широко, чтобы можно было говорить о фундировании критики познания в ней, тогда следует принять в качестве априорной психологии всю сферу априорных законов, и эта априорная психология уже не была бы психологией человека или животных, т. е. не была бы эмпирической; она включала бы в себя законы, которые значимы (gelten) для человеческого сознания, потому что (именно как априорные) значимы для сознания вообще. И «сознание» предполагается любым таким законом для соответствующих видов содержания или актов, из которых «происходят» соответствующие «понятия», конституирующие мысль о законе. Последнее прочное основание для меня — это очевидность, в которой мы «усматриваем» «всеобщее», бытие, идеальную возможность видового единства, некой объединенности или несовместимости, некоего закона и т. д. Очевидность индивидуального «бытия» тоже имеет основание в законе и в специфическом; ср. [Исследование] V. Дай Бог, чтобы из начатков развилось что-то верное, и мы наконец продвинулись бы дальше, преодолели бы скептическую муку юмовского эмпиризма. Я хочу еще сказать, что в моих критиках смысл спора с психологизмом отчетливее всего проступает в критике крайнего субъективизма Б. Эрдмана (Пролегомены) [62].

Перечень серьезно искажающих смысл опечаток:

Логические исследования II: S. 540, последняя строка: «Leistung *der* Anschauung» вместо «und»;

574, строка 11 сверху: вместо «irgend einer» — «*in* irgendeiner»;

640, строки 7, 10 сверху: в обоих случаях вместо «fundierenden» следует читать «fundierten» [63].

Регулярно встречающееся утверждение, что в акте «конституируются предметы» всегда означает ту особенность акта, что он *делает предмет предстоящим* (vorstellig), а не «конституирование» [64] в собственном смысле!

Моя жена неделю тому назад наконец-то вернулась домой и значительно окрепла, благодарю Вас. Пишите поскорее, не работайте чересчур много, посещайте хорошие театры и концерты.

Я намерен с 3 по 18 марта быть в отъезде. Остаток пасхальных каникул я проведу здесь и буду рад, если Вы вернетесь.

Конечно, я написал проф. Мюнстербергу, надеюсь, результат будет благоприятным.

С сердечным приветом

Ваш

проф. Гуссерль

Хокинг — Гуссерлю, 14.II.1903

Берлин, №. 24.
Краусникштрассе 22/3.
14 февраля 1903.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Самая горячая моя надежда — что Ваше терпение и любезность, которые Вы являете, разъясняя мне Ваши мысли и помогая в моих затруднениях, принесут хорошие плоды, так что если мне удастся что-то сделать для прогресса теории познания, Вам не придется стыдиться за своего ученика [65].

Берлинская жизнь действительно является источником разнообразных устремлений. Люди выбирают свое окружение исключительно имея в виду наличие в нем чего-либо ценного, будь то искусство, музыка, политика, общество, религия и т. п., и оставляют совершенно без внимания вопрос о том, связано ли оно хоть как-нибудь с их особенными интересами. Они обнаруживают, что отдельные части уже находятся под влиянием целого, и что вся их картина мира обретает лучшие пропорции. Я с неизменным удовольствием слушаю лекции по самым разным предметам: *профессора Паульзена по педагогике, философии права и Канту*, профессора Штумпфа по психологии и (семинар) по Эббингаузу [66], профессора Зиммеля по этике, новой философии и Канту, а также других — введения, психологию общества, философию религии, национальную экономию и всякое прочее. Да, чуть не забыл про курс профессора Дессуара [67] по логике и теории познания, в котором теория познания была завершена уже в январе. Сейчас мы дошли до середины теории умозаключения; суждение и понятие уже рассмотрели. Оказалось, что понятие есть некий вид суждения, и что суждение состоит в анализе понятия. Впрочем, соотношения изящны и просты; возможно, это связано с тем, что профессор Дессуар — эстетик. Я хочу сказать, что именно потому, что мой главный интерес лежит в этом направлении, такого

рода лекции оказываются для меня настоящей пыткой. Все остальное я слушаю охотно, но только не логику и теорию познания. Я ничего не критикую; я думаю, они весьма полезны в качестве введения и как определенная подготовка для тех, кто не призван терзаться такого рода проблемами.

Чтение и штудии продвигаются несколько медленно. Сейчас у меня в программе Зигварт, Брентано, Кант и ряд других авторов; последних я читаю, чтобы быть en courant на некоторых лекциях.

Да, берлинская жизнь интересна и полезна, и было бы жаль, если бы мне не довелось подышать этим воздухом. Однако желание и решение вернуться к моим более узким занятиям у меня не исчезло. Может быть, это чувство было вновь оживлено другим переживанием, а именно смертью в январе моего доброго отца. Я не знаю лучшего способа почтить его память, чем оставаться верным моей работе и, если это будет возможно, достичь того, чего он от меня ожидал. Внешне я не изменил своих планов в их главных направлениях. Только усилился контраст между тем, что мне кажется серьезным и значительным, и второстепенным или излишним.

У меня было несколько интересных бесед с г-ном профессором Штумпфом. Мы обсуждали возможную пользу психо-физики для педагогики и социологии, а также характер самонаблюдения (локковской рефлексии). По теории профессора Штумпфа, существует два источника самопознания: сопровождающее наблюдение, которое всегда неполно, и фиксация непосредственно прошедшего в памяти. Я спросил, как мы приходим к самому понятию памяти, если нам приходится извлекать ее из какого-либо фрагмента уже вспоминаемого опыта: либо этих источников не два, либо же два понятия — вспоминаемое и теперь-присутствующее (das Gegenwärtige) — никогда не вступят в верное соотношение. К сожалению, профессор Штумпф настолько занят, что мы ни разу не смогли развернуть обсуждение. Но наблюдать все спокойствие, всю ясность и серьезность его характера, когда он рассматривает такие проблемы, — это уже немало. Я вижу не только всю его благожелательность, но и пределы возможностей, и не пытаюсь получить больше того, что он в состоянии дать, не затрудняя себя.

Я был на небольшой вечеринке у профессора Паульзена и имел хорошую возможность, сидя за столом рядом с ним, узнать особое очарование его свободной беседы. Там были и другие преподаватели, с которыми я охотно разговаривал.

Время летит быстро. Мое пребывание здесь скоро закончится, и затем, проведя несколько дней в Лейпциге, Дрездене и т. д., я

вернусь в Геттинген, скорее всего, в последний день марта, но более точную дату я сообщу Вам позже.

Профессор Мюнстерберг был рад Вашему письму: об этом говорит как дух, так и содержание его письма, которое я недавно получил. Нам обоим отрадно видеть, что недоразумение устранено, и этим мы обязаны Вашей доброте и проницательности, но сколь многим я Вам обязан, это знаю и чувствую я один.

С наилучшими пожеланиями Вашей уважаемой супруге,
с глубоким почтением и преданностью
Уильям Э. Хокинг

Гуссерль — Хокингу, 7. II.1903

Геттинген, 7.3.1903.

Дорогой друг,

с той большой радостью, которую доставило мне Ваше подробное письмо от 14-го числа прошлого месяца, плохо сочетается то обстоятельство, что я отвечаю Вам так поздно и, в виду Вашего скорого возвращения в Геттинген, так кратко. В конце семестра я был так занят моими лекциями по логике и теории познания, что не мог выкроить ни секунды свободного времени. Прежде всего я должен сообщить Вам, что принимаю план путешествия на каникулах. Стало быть, приезжайте, когда Вам будет удобно, пусть даже раньше, чем Вы запланировали. Я всегда рад Вам, а недостатка в проблемах у нас не будет, как и в продуктивных дискуссиях. В кругу идей моих старых работ я вновь чувствую себя довольно уверенно и надеюсь, так будет и дальше.

С сердечным участием воспринял я известие о кончине Вашего отца. Значит, Ваши опасения имели основание. Теперь и на Вашу долю выпал — возможно, не в первый раз, и наверняка не в последний — тот тяжелый, глубоко скорбный опыт, который не минует ни одна человеческая жизнь. Таков наш общий удел. Но Ваши прекрасные слова показывают, в каком серьезном и верном расположении духа Вы принимаете этот опыт и позволяете ему стать действенным.

Итак, до скорой встречи.

С сердечным приветом от моей жены
Ваш
профессор Гуссерль

Хокинг — Гуссерлю, 1.IV.1903

Марбург, 1 апреля 1903.

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Мое пребывание в Марбурге было очень приятным и полезным. Дважды я посетил профессора Наторпа и обсуждал с ним разные предметы. Сегодня после обеда мы совершили замечательную прогулку по Шлоссбергу, и паузы, когда мы вместе любовались чудесными видами, не столько прерывали, сколько *украшали* ход наших философских размышлений. Мы посетили и сам дворец и еще несколько живописных уголков этого интересного старого города.

Разумеется, неоднократно речь заходила о Ваших книгах. Профессор Наторп оценивает их очень высоко и в существенных пунктах — в той мере, в какой он их изучил, — согласен с Вами. Я не видел его рецензию на первый том[68] и забыл спросить его, где ее можно найти. Я хотел бы ее прочесть. Вскоре он напишет также рецензию на второй том. Но я думаю, он еще не приступил к его изучению. Еще мы обсуждали понятие истины. Профессор Наторп находит ложными все попытки вывести его телеологически, поскольку всякое выведение уже предполагает истину. Стало быть, истина должна быть абсолютно самостоятельной категорией. Я не знаю, является ли этот аргумент вполне надежным. *Логическое выведение* понятия истины могло бы подпадать под условия истины, не противореча тому, что *в действительности* истина имеет подчиненное положение. Но я придумал и другой аргумент, который, наверное, изложу Вам, если смогу привести его в порядок. Затем мы обсудили возможность систематического обоснования и надежного прогресса философии. Он верит в эту возможность и полагает, что она базируется на точном различении многозначных терминов и на феноменологических исследованиях со строгой логической дедукцией из их результатов.

Эти беседы побудили меня прочесть его маленькую работу «Введение в психологию на основе критического метода»[69]. Таким образом, у меня есть интересное занятие для завтрашней поездки в Гейдельберг. С сердечным приветом Вам и Вашей супруге

почитающий Вас
и верный Вам
Уильям Э. Хокинг

Хокинг — Гуссерлю, 4.VI.1903

Гейдельберг, 4 июня 1903.

Уважаемый друг!

Вам, конечно, не захочется читать подробное описание постоянно меняющихся обстоятельств моей жизни в Германии, но дерзну предположить, что краткий отчет о моих нынешних интересах не будет Вам в тягость.

Эти два месяца были отмечены трудными решениями, затрагивающими мои нынешние и будущие планы, и в равной мере наполнены размышлениями. Если воля имеет физиологическую сторону, то сейчас она должна была бы быть отчасти парализована, поскольку в последнее время ей выпала чрезвычайно интенсивная работа. Видимо, так оно и есть, потому что в дни Троицы меня охватила столь сильная тяга к путешествиям, что я посетил даже музыкальный фестиваль в Мангейме. Между прочим, он показался мне очень интересным, и я могу лишь восхищаться тем воодушевлением и тем успехом, с которыми культивируется немецкая народная песня.

Я продлил на несколько недель мое пребывание во Фрайбурге. Профессор Риккерт любезно предоставил мне возможность более или менее детально обсудить с ним основные пункты его последней книги [70], а также несколько моих идей, связанных с этой книгой, как и со многим другим, что в эти годы стимулировало мои мысли, — а именно идеи о собственных задачах и пределах психологии. Вы, как и профессор Риккерт, определяете место психологии, так сказать, негативно. Вы отграничиваете психологию от логики; он стремится отграничить ее от истории и физики. Профессор Мюнстерберг отграничивает ее от всего, рассматривая эту проблему позитивно, т. е. с целью понять саму психологию. Как мне кажется, такого рода позитивное рассмотрение по существу неизбежно также и для самой логики. Ведь логика должна построить теорию понятий, а это невозможно, пока она принимает во внимание только некую ограниченную понятийную область. Если вся наша теория понятий зависит от исследования сущности таких понятий, как дерево, животное, атом, то мы с самого начала рискуем связать себе руки, рассматривая такие понятия, как воспоминание, вера, любовь, Я, в качестве образованных по той же схеме, что отнюдь не является само собой разумеющимся. Эти «рефлексивные» понятия должны рассматриваться в логике — коль скоро примеры становятся основой для индуктивного иссле-

дования — в качестве столь же изначальных, как и понятия о вещи и отношении в телесном мире.

А как еще можно построить исчерпывающую теорию понятий, если не посредством такого рода индуктивного исследования? Как мы можем быть уверены в том, что вообще увидели сущность понятия? Можем ли мы, или *должны* ли мы допустить, что a priori имеем некое понятие понятия, т. е. что имеем в себе закон образования понятий, причем так, что чистое размышление о том, что происходит в некотором понятийном схватывании (Begreifen), обеспечивает нам столь же широкое видение [вещей], как в математике, когда единичного примера достаточно, чтобы сделать очевидным общий случай? Мне кажется, это допущение приближается к истинному положению вещей; но в методе такого рода рациональной феноменологии заключен, наряду с этим априорным характером, также значительный момент чистого эмпиризма. Ибо все это исследование носит черты чистого наблюдения (Observation of a given Situation [71]), а потому *сфера значимости* (Tragweite) полученной очевидности всегда остается неопределенной: достигнутое понимание является общезначимым для случаев *данного* типа, но отнюдь не для возможных случаев других типов. Поэтому в этой области всякое исследование должно опираться на пробы и перечисление, прежде чем на них будет выстроена теория.

Я, конечно, не ставлю под сомнение тот факт, что все понятия, поскольку они вступают в отношения друг с другом в рамках логических конструкций, должны иметь одинаковую теоретико-познавательную структуру. Но это относится только к их ясности, достоверности и т. д., словом, к их индивидуальности. В их отношениях к созерцанию, т. е. в том, каким образом они могут получать эмпирическое наполнение, можно констатировать значительные различия, которые особенно отчетливо проявляются в упомянутой психической области.

Соотносится ли, например, понятие Я с каким-либо созерцанием, как понятие океана? Если обратить внимание на то, что вся философия Фихте была задумана как разворачивание понятия Я, и не более, — понятия, которое должно быть изначальным и потому должно быть также встроено в логический фундамент, — то можно усомниться в том, что мы когда-либо справимся с этим вопросом. Или рассмотрим одно более понятное воззрение. В разделе о психических и физических феноменах [72] Вы в качестве признака психического упомянули связь с Я (S. 704, 714). Стало быть, всякое понятие психического предмета должно содержать в себе этот момент Я. Если эта связь с Я может служить признаком и

фундаментальным определением психического, то само понятие Я должно быть относительно изначальным. Психические формации (Gestalten) в общем невозможно постичь без этого момента Я; с другой же стороны, и Я невозможно постичь вне содержания. Но это содержание есть не что иное, как то, что с помощью понятия Я познается в качестве психического. Из этого я заключаю, что отношение понятия Я к этому общему (gemeinschaftlichen) созерцательному содержанию должно быть совершенно иным, нежели в случае понятий других психических формаций.

Для теории умозаключения различия такого рода не имеют никакого значения; для учения же о методе они должны быть весьма существенны. Своеобразие психического в общем все еще остается для меня проблемой. Но мне кажется, что в этой понятийной сфере я нашел след некоторых логических особенностей и намерен довести их до полной ясности. Возможно, из этого можно будет извлечь тезис, который я мог бы представить в следующем году в Гарварде в качестве докторской работы.

Лекции профессора Виндельбанда по логике и по истории философии 19-го в. доставляют мне большое удовольствие, как в литературном, так и в философском плане. Некоторые его рассуждения касательно логики представляются мне очень ценными. Я еще не смог разобраться с его основным положением, согласно которому истина представляет собой ценность, которая должна быть соотнесена с эстетическими и этическими ценностями. Мне представился случай устранить одно заблуждение со стороны профессора Виндельбанда относительно второго тома Вашей работы, чему я очень рад. Дело в том, что он разделял мнение, будто в этом томе проявляется некоторый возврат к психологической точке зрения. Я же представил ему ситуацию так: хотя эти исследования обозначены как психологические, под «психологией» здесь нельзя понимать естественнонаучное объяснение временной взаимосвязи протекающих в сознании процессов; здесь имеется в виду описание структуры сознания вообще как системы законов, общезначимость которых гарантирует очевидность.

Я пытаюсь дополнить лекции по истории довольно интенсивным чтением; идеал здесь, конечно же, недостижим. Но моя энергия вновь бьет ключом: пребывание во Фрайбурге полностью восстановило мои силы, так что я очень рад обстоятельствам и испытаниям гейдельбергского времени. Профессор Мюнстерберг сейчас в Германии; лелею радостную надежду вскоре его увидеть. Он не останется здесь на весь год, как мы предполагали, но вернется в Америку осенью.

С сердечным приветом Вам и Вашей супруге, а также малюткам

преданный Вам
Уильям Хокинг
Плёк 81, Пансион Райске

Гуссерль — Хокингу, 7.IX.1903

Геттинген, 7.9.1903.

Дорогой друг!

С большим опозданием собрался я поблагодарить Вас за два милых и содержательных письма. Первое, из Марбурга, осталось без ответа, потому что Вы не указали [обратного] адреса; второе, из Гейдельберга, затрагивало научные вопросы и потому требовало обстоятельного обсуждения, для которого я из-за большого объема работы и не в последнюю очередь из-за плохого самочувствия, к сожалению, не мог найти времени. Между тем я провел несколько недель в Штеберхай (Гарц), где более или менее отдохнул.

Я был очень рад узнать, что в Марбурге и Фрайбурге Вы имели возможность поговорить с двумя столь разными по духовному складу философами, как Наторп и Риккерт. Ваше пребывание в Гейдельберге тоже дало Вам много побудительных импульсов, так что теперь Вы, наверное, расстанетесь (или, вернее, расстались) с Германией с чувством удовлетворения. Замечательная поездка по Швейцарии и Италии — достойное завершение. Пусть пойдет Вам на благо во всех отношениях этот год странствий и учений на старом континенте!

Я с искренним интересом воспринял сообщенные Вами известия. Замечу также, что Ваша интерпретация тенденций моей феноменологии (как Вы представили их профессору Виндельбанду) корректна и даже превосходна.

Но обратимся к научной теме Вашего (гейдельбергского) письма.

Я разделяю Ваше убеждение в том, что «теория понятий» представляет собой важную задачу, за которую еще не взялись достаточно основательно. Мне хорошо знакома мука неясности в этой области. То, что мне удалось представить в моих «Логических исследованиях», это не более, чем импульсы и начатки.

Но я должен спросить, что Вы понимаете под «теорией понятий». В этой теории можно рассматривать проблемы, группирующиеся вокруг идеи значения. Стало быть, первым является

вопрос о значении вообще, об отношении между значением и предметными коррелятами, о сущностно различных видах значения и о соответствующих им различных смыслах, которые принимает отношение к предметному. Тогда, если мы под понятиями понимаем не все значения (тем более, не все предложения), то следует выделить отдельную группу значений, скажем, «представления» в смысле Больцано или, в более узком смысле, номинальные значения: как возможные субъектные значения, или вместе с тем как возможные предикатные значения, или, что более соответствует обычному смыслу, как идентичные моменты значения, общие для обоих этих видов значения (напр.: *«Дом есть а, X есть дом»* и т. п.). В зависимости от того, попадает ли это общее на место субъекта (или эквивалентное место) или предиката (атрибута), оно принимает разные категориальные формы и вне этих форм оно выступать не может. Столь же обычный смысл слова «понятие» (который, как кажется, Вы имеете в виду) предполагает еще более узкое понимание значений *общих* слов, независимо от возможных категориальных форм (Formungen), которые они *могут* и — в зависимости от конкретного случая — должны принимать как номинальные и, в частности, как всеобщие значения. С этим связана важная задача: прояснить феноменологически различие между всеобщим и индивидуальным подразумеванием и выявить различные функциональные переходы, благодаря которым общее (allgemeine) имя в общей (generellen) функции (A in specie) отличается от «того же самого» имени в универсальной, частной, сингулярной функции (все А, некоторые А, некое А, человек Сократ и т. п.), показать, как здесь отделяются друг от друга и перекрещиваются сущностные противоположности общего и индивидуального, неопределенного и определенного, множественного и единичного, каково их интуитивное происхождение и т. д.

Отдавая должное таким понятиям, как «воспоминание», «вера», «любовь», Вы не допускаете, чтобы «вся наша теория понятий» зависела от понятий вроде «дерево», «животное», «атом». Но, как уже следует из сказанного, для общей теории понятия, для всего того, что касается общей сущности значений и понятий, такого рода различия нерелевантны, не говоря уже о том, что «общая теория понятий» не может от них зависеть. Однако Ваш упрек затрагивает, по-видимому, господствующие [ныне] учения о понятии, которые не замечают существенных проблем и производят туманные манипуляции с узко ограниченными понятийными сферами. Но исправить положение можно не посредством расширения сферы понятий, а в смысле моих «Логических иссле-

дований», посредством разработки существенных общих проблем. Как могла бы существовать полезная теория понятий, если не проведено различие между общей сущностью представления вообще и значения вообще, если, следовательно, не прояснены фундаментальные различия между материалом и формой, между символическим и интуитивным, между простой и категориальной интуицией и т. п., если поэтому смысл проблемы «происхождения понятий» совершенно темен? Я назову еще различие между чистой грамматикой (априорным учением о формах значений) и чистой логикой как соответствующим априорным учением о значимости, а также важную задачу их прояснения.

Теория понятий — поскольку она, как теория, затрагивает все, что относится к идее понятия вообще, — совершенно не зависит от особенностей материала понятий. Такие различия, как различие между человеком, животным, атомом с одной стороны и воспоминанием, верой, любовью с другой, не являются общими логическими различиями.

Разумеется, не все понятия «построены по одной и той же схеме». Схема строения определяется категориальной формой, тем способом, каким материал, чувственное, принимает форму мысли. A priori исследовать возможные схемы строения и выявить происхождение понятий, от которых ведь невозможно отделить категориальное, — в этом состоит общая логическая и теоретико-познавательная задача.

Особенно важно здесь соотношение между относительным материалом и относительной формой и, в связи с этим, строение понятий, имеющих ступенчатую композицию. Это обусловливает сущностные различия в происхождении. Из «созерцания» «происходят» все понятия, всякое мышление отсылает к нему. Но в сфере допускающих реализацию понятий непосредственное происхождение имеют только простые понятия, понятия низшей ступени. Лишь в случае таких понятий «собственное (т. е. адекватно наполняющее) мышление» базируется на чувственном созерцании, которое «выделяет» тот или иной момент чувственного, но при этом не подразумевает его как вот этот момент, переживаемый hic et nunc. Чаще всего это отношение является опосредованным, в соответствии с систематически еще не исследованным и в высшей степени важным различием между опосредованным и непосредственным представлением. [Вот замечательная задача, за которую Вы могли бы взяться; Вы непременно получили бы здесь важные результаты!] Опосредованная абстракция требует ступенчатой связи с созерцанием, поскольку генерализация базируется отчасти прямо на чувственности, отчасти же на

надстроенных над нею актах мышления. Данность единичного состоит здесь не в простом обладании чувственным созерцанием, но во взаимосвязи, которая отсылает к чувственному созерцанию через ряд мыслительных шагов, сопровождается прогрессирующей генерализацией (при этом мыслительные шаги имеют характер относительной интуиции) и вместе с тем является категориально единой.

Во всех этих областях общей теории понятия различие между рефлексивными (в смысле Ваших примеров) и иными понятиями, как и прочие подобные различия, не играет никакой роли. Мы обнаружим сущностные различия в происхождении (которые я попытался проследить в моих «Логических исследованиях») только в том случае, если, как это иногда делается, назовем рефлексивными чисто категориальные понятия, такие как бытие, истина, число и т. п. Но к таким понятиям Ваши примеры, в том числе и понятие Я, не относятся. За этим последним я не могу признать особого положения в каком бы то ни было аспекте. Вас не должны сбивать с толку неясности Фихте и неофихтеанцев. Фихте тоже прошел мимо существенных проблем критики познания и потому погряз в мифической, а в конечном счете и мистической метафизике Я. На него оказала губительное влияние незрелая и недостаточно проясненная кантовская идея Я трансцендентальной апперцепции, которая, наряду с глубокой истиной, содержит в себе также достаточно запутанного и ложного. Подлинное понятие «чистого Я» и, далее, теоретического чистого Я, представляет собой совокупное теоретическое априори, целокупную систему форм и законов, принадлежащих возможному «собственному» мышлению как таковому, как ее должна была бы описывать чистая логика. Я, которое, говоря в идеальном смысле, не *могло* бы мыслить (причем во всех формах), не было бы Я; если же оно мыслит, — а прежде всего мы допускаем не «символическое», а «собственное» мышление, — то соответствующим актам и формам актов принадлежат такие-то и такие-то идеи, выражающие его общую сущность, т. е. чисто логические идеи. На этих идеях базируются (а именно a priori) идеи более высокой ступени, идеи возможных форм отношений и комплексов, а также соответствующие им идеальные законы, описывающие всякое a priori возможное мышление (не только мышление человека и прочих обезьян, попугаев и т. д.). Мнимое мышление, которое им не соответствовало бы, противоречило бы сущности, или смыслу, мышления, это было бы мышление, которое не есть мышление. (Нечто подобное можно сказать и о практическом, оценивающем Я как чистом практическом Я, имея в виду относящиеся к ценно-

стям идеи и идеальные законы.) *Не*собственное мышление, которое мы тоже допускаем, в силу законов, принадлежащих идеальной сущности отношения между собственным и несобственным мышлением, оказывается нормативно зависимым от чистой логики, идеальной законосообразности собственного мышления (как это изложено в Исследовании VI). Теперь мы можем присовокупить к чистому Я также идеи и нормативные законы несобственного мышления: идеальная *возможность* мыслить символически, а значит, подчиняться логическим *нормам*, тоже принадлежит *возможности* Я вообще.

Всякое (собственное или несобственное) мышление предполагает необходимую связь с чистым Я (дурное выражение, склоняющее к превратному пониманию!), но это идеальная связь акта с идеей определенных сущностных и нормативных законов — ни в коей мере не реальная связь с повсюду неизбежно наличествующим моментом Я, с мифическим центром, точкой единства и т. п. Я отнюдь не считаю понятие Я «изначальным» (как Вы полагаете на основе неверно понятых высказываний из «Логических исследований») и связь с Я ни в коей мере не считаю фактором всего психического. После того как апперцепции — психическое, физическое, Я, Другие, переживание Я, чужое переживание и т. п. — эмпирически осуществлены и зафиксированы, все (говоря объективно) психическое постигается как достояние Я, связывается с Я как представляющим, судящим и т. п. Все это суть эмпирические апперцепции, и Я здесь — это обычное эмпирическое Я. Чистое же Я не есть что-то реальное, ни в каком смысле; чистое Я как узловой пункт связей, как центр и т. п. — это, как уже сказано, фикция. Изначальными и реальными я считаю только (внутренне сплетенные друг с другом) интенциональные переживания, которые мы по эмпирико-практическим мотивам задним числом апперцептивно схватываем и обозначаем как «переживания», а значит, связываем с Я, тогда как в себе самих они не обладают ничем таким, что *специфически* характеризовало бы их как «переживания», и «связь с Я» тем паче не есть нечто, что им [имманентно-]реально (reell) принадлежало бы, [имманентно-]реально связывало бы их с чем-то. Я — это объективное единство, как сапог и чулок, только не «физическая вещь», но именно Я, личность, объективное единство совершенно иного апперцептивного содержания.

Меня несколько покоробила также Ваша речь об индуктивном исследовании в теории понятия. Конечно, без индукции, а именно без сравнительного рассмотрения отдельных случаев, очертить объем проясняемого понятия — т. е. первоначально туманного,

символического значения некоторого слова — невозможно. Это верно всегда, при прояснении любого понятия, в том числе и понятия «понятие». Но единичный случай или определенная совокупность таковых, будучи фундаментом действительной и собственной абстракции (идеации), дает очевидное сознание всеобщности, безусловно общезначимое познание для очерченного объема, — это заключено в сущности феноменологического анализа и осуществляемого с его помощью прояснения понятий. Всегда возможно, что мы, прояснив некоторое понятие, тем не менее задаем ему более узкие границы, чем это позволяет расплывчатый объем соответствующего общего имени в обычной осмысленно единой речи, от этого застраховаться невозможно. Это еще не вносит никакого «эмпирического элемента», ничего индуктивного в обычном логическом смысле в рациональные результаты, которые ведь рационально принадлежат *тому понятию*, которое мы сделали очевидным. Отсюда возможность ошибок в применении, осуществляющемся в символической сфере. Поскольку в некоторой символической взаимосвязи речи слово представляет смысл, который трансцендирует удостоверенное посредством очевидности понятие и переносит то, что значимо для последнего, на расширенное понятие, постольку ошибки здесь, конечно же, возможны. И этот источник ошибок замутняет *всю* сферу рационального, но символического мышления, т. е. всю логико-математическую сферу. В *этом* смысле *всякое* символическое мышление и исчисление значимы лишь эмпирически, или содержат «эмпирический элемент». Конечно, это замечали уже неоднократно, однако не следует делать отсюда ложные эмпирико-скептические выводы. Ясно также, что перенесение эмпирически удостоверенного знания (например, знания природной закономерности) на единичные случаи или общности низшей ступени и применение его к таковым, — поскольку обычно оно осуществляется символически, — обременено тем же эмпирическим элементом, стало быть, является эмпирическим вдвойне, а зачастую и многократно.

Но довольно об этих неисчерпаемых вопросах.

В моих «Логических исследованиях» я взорвал древнюю неуклюжую глыбу теории познания динамитом. Теперь здесь осыпи и обломки, однако кое-что из того, что было скрыто, вышло на свет — некоторые проблемы и результаты. Я сам, конечно, увидел лишь *малую часть*, и то, что я увидел, отнюдь еще не получило подобающего описания, рассмотрения и решения. Я думаю, здесь стоит приложить усилия. Это грубая, но благодарная работа!

Так это мне видится до сих пор, сколь бы скептично я ни был настроен, особенно в моей собственной работе, где неподатливость материала известна мне не понаслышке...

Это письмо я посылаю Вам в Геную, откуда Вы, как я понял по Вашей любезной открытке из Адельбодена, собираетесь отправиться на родину. Итак, последний привет из Европы и вместе с тем некоторый материал для meditationes de prima philosophia [73] в долгом плаванье.

Мои симпатии и сердечные пожелания будут сопровождать Вас в Вашем дальнем пути. Пусть Ваше развитие оправдает надежды, которые я на Вас возлагаю! Я буду с удовольствием вспоминать те прекрасные, наполненные философией часы, что мы провели вместе.

Надеюсь, благосклонный жребий еще приведет Вас сюда, и мы встретимся вновь.

С сердечным приветом от моей жены

Ваш

проф. Гуссерль

Хокинг — Гуссерлю, 17.III.1904

37 Дивинити-Холл, Кембридж.
17 марта 1904.

Уважаемый друг,

не с недостатком желания, но скорее с его избытком связано то, что я не ответил Вам раньше. Я хотел подробно написать о научных вопросах, которые меня сейчас занимают, и ожидал момента, когда смог бы это сделать. Но в последние месяцы я вновь утратил, фактически, половину моей работоспособности, и задачи, за которые я взялся, были мне совершенно не под силу. Я все более сомневаюсь в том, что смогу представить мою работу [74] к первому мая. Вы знаете, что у нас дело обстоит не так, как в Германии, где кандидат завершает свою работу тогда, когда это позволяет сама работа, и лишь затем выходит на экзамены. У нас время, когда работу необходимо представить, определено заранее, и в Гарварде это можно сделать только один раз в год. Организация этого процесса связана с учебной программой, поэтому здесь все планируется в пределах года. В начале года г-н кандидат обязуется представить в конце его свою работу и сдать экзамены, чтобы философский факультет заранее знал, чего можно ожидать в этом направлении, и чтобы можно было в приватной переписке заблаговременно распределить имеющиеся вакансии среди тех, кто, по

теории вероятностей, должен пройти через эту процедуру успешно.

Моя работа представляет собой исследование понятия не-Я как Другого, в его отношении к понятиям Я и физического предмета. Я ставлю вопрос о его основании, о возможном его прояснении в том смысле, в каком употребляете термин «прояснение» Вы: базируется ли оно при многократном опосредовании на чувственном созерцании, т. е. имеет ли оно ступенчатую композицию? или же это относительно простое понятие, опирающееся на некое своеобразное созерцание, или, быть может, на созерцание Я при простом опосредовании (а именно при опосредовании негацией в своеобразном смысле)? или это не реализуемое понятие, а скорее формальное значение, гипотеза, или абстрактное интенциональное переживание? Я думаю, мы должны иметь непосредственный опыт Другого (как действительный вообще, не как реализуемый тем или иным образом), без которого я совершенно не могу помыслить возможность такого рода гипотезы. Тогда моя задача состоит в том, чтобы определить и показать этот опыт. Моим руководителем является проф. Джемс.

В это время года часто появляется повод вспомнить прекрасно расположенный Геттинген и милую семью, в которой я всегда находил как сердечный прием, так и побудительные импульсы и помощь в философском мышлении. Дай Бог Вам всем благополучия!

С наилучшими пожеланиями

Ваш

Уильям Хокинг

Большое спасибо за любезную открытку.

Хокинг — Гуссерлю, 29.X.1904

24 Барлетт-Холл,
Эндовер, Массачусетс, 29 октября 1904.

Уважаемый друг,

на этот раз я буду писать не только по-английски, как Вы советовали, но и на пишущей машинке, чтобы Вам не пришлось воевать с моим почерком.

Вы, конечно, поймете и простите мое долгое молчание, как только узнаете, что я обручился с одной юной девушкой из Бостона: речь идет, стало быть, о помолвке. И хотя в последние шесть месяцев я написал много писем, по большей части они были адресованы одной персоне. Мы не планируем вступить в брак не-

медленно, потому что нам обоим нужно делать свою работу: она изучает принципы перевоспитания в наших исправительных заведениях, а я приступил к работе в качестве преподавателя истории философии за скромную оплату в тысячу долларов в год.

Мне удалось получить хороший результат в моей диссертации и получить степень доктора. Теперь я работаю преподавателем философии в эндоверской семинарии (факультет теологии, хотя сам я не имею к теологическим занятиям никого отношения: я так же независим, как преподаватель философии в геттингенском университете). В первом полугодии, с сентября по февраль, я веду курс по истории современной философии (3 лекции в неделю) с особым акцентом — чтобы чувствовать себя уверенно — на истории эпистемологических проблем в связи с историей религии.

В моей диссертации, озаглавленной «Философия коммуникации, часть I: морфология опыта», я рассматривал отношение между тремя изначальными экзистенциальными суждениями, а именно:

(a) Этот предмет есть физический предмет.

(b) Этот предмет есть рефлексивный предмет (т. е. нечто психическое).

(c) Этот предмет есть социальный предмет (т. е. психическое в душе, которая не является моей — если такое суждение вообще возможно).

Как таковые, эти три суждения имеют одну и ту же внутреннюю структуру, и фигурирующие в них понятия соотносятся между собой в совершенно идентичном формальном контексте. Стало быть, исследование посвящено вопросу о том, по каким признакам мы в общем случае относим предмет к одному из этих трех миров (или универсумов) речи — физическому, психическому или социальному, — и каково специфическое логическое устройство этих трех областей.

Я надеюсь, что вскоре смогу подготовить книгу, где обрисую теоретико-познавательную позицию, к которой склоняют меня эти исследования. Вполне возможно, что к тому времени я напишу ряд журнальных статей по различным аспектам субъективности, например, «Идеи к философии сообщения», «Проблема объективности представления физического и социального мира» и т. п.

Мне совсем нелегко взяться за писание, поскольку все мое время занимает подготовка лекций. Я не очень хорошо знаком с литературой по предмету, поэтому мне нужно много читать; к тому же, история не является моей сильной стороной: у меня не настолько хорошая память. Но я должен найти время, чтобы писать. Моя совесть взывает ко мне словами Амьеля: «Покажи, что в тебе

есть! Довольно обещаний: ты должен действовать. Готов ли ты? Дай отчет. Отчитайся о прожитых тобой годах, о праздности твоей, твоей силе, твоих занятиях, твоем таланте и твоих трудах» [75].

Никто не мог бы сказать это лучше, чем Амьель, и никто не мог бы сказать это хуже. Беда была в том, что он ждал, когда в нем сформируется совершенная и полная система. Он хотел высказать всю истину, а это совершенно невозможно. Он осознавал, осознавал чересчур ясно несовершенство каждого отдельного замысла, осуществить который он мог бы попытаться, и потому не делал ничего. Он не заметил, что действие совершенствует нашу мысль. Ибо если действие (как говорит моя невеста) есть материализовавшаяся мысль, то не менее верно, что мысль в значительной мере представляет собой облагороженное действие.

Я вспоминаю, как Вы рассказывали мне о первых годах Вашей преподавательской работы, когда Вы преподавали теорию познания «со всей страстью», но без окончательной убежденности. Мне кажется, это неизбежно для нашего роста и мы не должны упрекать себя за это. Мы не можем высказать окончательную истину, но можем быть уверены, что то, что мы говорим с чистым сердцем и серьезной целью, имеет свою меру для истины, свои критерии и оценки; мы смело можем положиться на действующую в истории мысль.

* * *

Написав предыдущую часть письма, я взялся за статью, которая может перерасти в книгу о морфологии опыта, представляющую собой, коротко говоря, набросок учения о категориях. В ней я предлагаю исследовать возможность трактовки определенных значительных областей опыта — физического, психического и социального миров — в качестве математических множеств, а также возможность определения их соотношений.

Я намерен также предложить тезис, который я развивал в своей прошлогодней работе: что пространство представляет собой область слияния различных личностных групп и что его следует понимать прежде всего на пути философии интерментальной коммуникации. Ибо здесь метафизические и морфологические (теоретико-познавательные) проблемы не являются обособленными, но все, что есть, оставляет свой след в отношениях между нашими понятиями и группами понятий.

Я сердечно благодарю Вас за оттиски Ваших рецензий [76], которые Вы мне время от времени присылаете. Я всегда очень рад им. Надеюсь, что мне — или в нашу библиотеку — будет приходить «Archiv für Philosophie», причем довольно быстро.

Я некоторое время думал о том, следует ли мне поместить первые публикации в журналах или лучше начать с книг. Я заметил, что в Германии имеет место отчетливая тенденция облекать свои мысли в форму книги, и тоже склоняюсь к этому.

Желаю Вам успеха в Ваших лекциях наступающего семестра и передаю сердечный привет Вашей уважаемой семье!

Признательный Вам и почитающий Вас,

Ваш навеки

Уильям Эрнест Хокинг

Гуссерль — Хокингу, 10.VIII.1905.

Геттинген, 10. 8. 05.

Дорогой коллега,

могу ли я еще оправдаться за то, что многие месяцы не отвечал на Ваше письмо и даже не отреагировал на извещение о Вашей свадьбе[77]? Я надеюсь, Вы не сделали из моего молчания далеко идущих выводов и не подумали, что его причина — в недостаточном участии к Вашей личной судьбе и к Вашим научным работам. Прошедший год оказался для меня чрезвычайно тяжелым[78]. Он потребовал от меня высшего напряжения всех сил, как в действии, так и в преодолении и терпении. Я несколько раз принимался за ответ на Ваше содержательное и очень радостное для меня письмо. Я обдумывал Ваши научные наброски, чтобы присовокупить к ним некоторые соображения. Но изложение уже намеченных мыслей всякий раз прерывалось. Текущие обязательства и заботы держали меня в плену. А теперь, по-видимому, уже нет смысла развивать идеи, от которых Вы, возможно, давно отошли. Присуждению Вам докторской степени, Вашему назначению на место академического преподавателя, Вашей помолвке и счастливому бракосочетанию — всему этому я радовался от всего сердца! По каждой строчке Вашего письма видно, с какой надеждой Вы смотрите в будущее, как ясно Вы чувствуете верный выбор в жизни и трудах. Пусть будет так и дальше. Я желаю Вам счастья, подлинного и истинного счастья, которое не является подарком фортуны, но заключено в нас и только в нас: в характере, умонастроении, воле. Есть только одно истинное несчастье: не сохранить верность себе самому, идее своей личности. Да будет Вам дано — Вам и Вашей супруге как одному целому, в общих усилиях, в постоянной взаимной поддержке — прожить благородную, истинно плодоносную жизнь: *Вашу* жизнь, к которой Вы призваны; ведь «бесконечная задача» состоит в том, чтобы среди

напастей и тревог нашего существования желать, сознательно формировать и отстаивать свою жизнь. Конечно, эти слова отражают и мои собственные обстоятельства, ведь именно в этот последний год на меня обрушилось много тяжелых испытаний, которые постоянно наталкивали меня на такие размышления. Между прочим, я много работал и напрягал все силы, чтобы продвинуться [в исследованиях] и помочь в этом моим ученикам. Сознание, восприятие, фантазийное и образное представление, воспоминание, сознание времени [79], суждение [80] — все с прицелом на теорию опыта и прояснение логики: таковы были главные темы моих зимних и летних лекций (для подготовленных) и моих постоянных исследований. А также семинары: «treatise» [81] Юма, философия истории, философия математики [82]. Мои «Логические исследования» вызвали сильный резонанс, особенно в серьезно настроенной части молодого поколения. Теперь ко мне в Геттинген приезжает все больше замечательных, даже высокоодаренных молодых философов [83]. Мне потребовались все мои силы, чтобы быть на уровне их требований. Старое поколение тоже интересуется сейчас моими работами. Меня поразило и очень ободрило несколько чрезмерное одобрение со стороны Дильтея (в *Sitzungsberichte der Berliner Akademie* за март с.г.) [84]. Ваш земляк г-н Питкин (Pitkin) хочет подготовить английское издание [85]. В пасхальные каникулы я с ним познакомился, и у меня сложилось о нем очень хорошее впечатление. После «Логических исследований» я значительно продвинулся вперед, но трудно работать над старым и новым одновременно.

Опубликован ли Ваш труд? Я хотел бы, чтобы Вы его мне прислали и надеюсь, что Ваши результаты помогут мне сделать шаг вперед. Мне очень жаль, что Джемс выступает как апостол «гуманизма». На афоризмах теорию познания не построишь.

Пишите мне, и пусть Ваши известия будут радостными! Не планируете ли Вы показать старую Европу — и Геттинген — Вашей супруге? В заключение — имеющее силу до сих пор, древнее приветствие: *εὖ ζῆν - εὖ πράττειν* [86].

Ваш старый
Э. Гуссерль

Письмо должно весить не более 15 г.!! Кто такой (простите мое невежество) этот замечательный «Амьель»?

Гуссерль — Хокингу, 7.VII.1912

Геттинген, Хоэр-Вег 7. 7 июля 1912.

Дорогой коллега!

Ваш бесценный подарок [87] и не в последнюю очередь Ваши столь любезные и теплые сопроводительные слова доставили мне большую радость! Я тоже с удовольствием вспоминаю Ваше пребывание в Геттингене, увы, чересчур короткое. Я надеюсь многое узнать из Вашего солидного труда. "The meaning of God in human Experience" — это замечательная и очень интересная мне тема! Моя жизненная цель — обосновать философию «снизу», по крайней мере для меня самого, для моего (*очень* труднодостижимого) удовлетворения; и тем не менее я постоянно стремлюсь «снизу» вверх, к вершинам. В последние годы метафизические размышления, и прежде всего идея Бога, занимают все более значительное место в сфере моих исследований. Так что из Вашего труда я надеюсь почерпнуть многое: уже благодаря обилию ценного и философски проработанного материала. Правда, в ближайшее время я не смогу приступить к основательному чтению: поскольку в последнее пятилетие феноменологическая философия обрела — у нас в Германии — много друзей и особенно живой отклик нашла у молодого поколения, я планирую учредить собственный орган (Ежегодник по философии и феноменологическим исследованиям, издательство Нимейера в Галле) и последовательно опубликовать в нем, начиная с осени с.г., результаты моих исследований последнего десятилетия. Сейчас я интенсивно работаю над первым выпуском [88]. После моих «Логических исследований» (которые уже давно раскуплены) я почти ничего не опубликовал. Быть может, Вы видели мою статью «Философия как строгая наука» в первом выпуске «Логоса» [89]? Она могла бы быть Вам интересна, поскольку в ней дана общая характеристика моих интенций. За второе издание «Логических исследований» я хочу взяться зимой; боюсь, это будет совершенно новое произведение.

Примите сердечное пожелание всех благ в Вашей дальнейшей жизни и философской деятельности, пусть Вам во всем сопутствует удача, внутренний и внешний успех!

С дружественным приветом

Ваш

Э. Гуссерль

Этим летом здесь учится один очень серьезный, трудолюбивый и симпатичный американец, г-н Чэндлер [90].

Хокинг — Гуссерлю, 4.V.1920

16 Квинси-Стрит.
Кембридж, Массачусетс.
4 мая 1920.

Дорогой профессор Гуссерль,

несколько дней тому назад мы имели удовольствие услышать по телефону м-ра Белла (Bell), который передал мне Ваше любезное сообщение. Я был очень рад вновь услышать о Вас и освежить счастливые воспоминания о моем студенческом времени, о часах, проведенных в Вашем гостеприимном доме, о наших замечательных прогулках и о бесконечном терпении, с которым Вы отнеслись к моим первым потугам говорить по-немецки. (Вы, конечно, заметили, что мои нынешние попытки немногим лучше!)

В последние годы очень трудно было всецело предаться чистой философии: мы все должны стать гражданами мира и стремиться прочитать в грандиозных и ужасающих событиях войны некую философию истории. Но теперь я более, чем когда-либо убежден, что спасение, если таковое возможно, должно прийти путем философии (а именно теории познания и метафизики).

Я надеюсь, что Вашу веру в мышление как средство обретения здорового и лучшего мира не пошатнула беспомощность мыслителей и идеалистов, которая именно в последние месяцы бросается в глаза. Нам нужна Лига Наций, и в ней нам нужна Германия[91]; мы должны приковать наших дипломатов к колеснице общего блага человечества!

С глубоким уважением и сердечным приветом
искренне Ваш
Уильям Эрнест Хокинг

Дитрих Манке

Гуссерль — Манке, 25.II.1917

Фрайбург, 25.II.17.
Ул. Лоретто, 40.

Дорогой друг!

Полевой почтой только что получил сообщение от Нимейера (из Зибенбюргена — чем и вызвана большая задержка). Он без колебаний принимает Ваш труд [92] в свое издательство и напечатает 800 экземпляров, но, разумеется, при нынешних обстоятельствах не обещает выплату гонорара. Спешу сообщить Вам эту новость и постараюсь сегодня же быстро просмотреть Вашу рукопись еще раз, чтобы отметить то, что мне в ней особенно бросится в глаза в стилистическом плане, а Вас, если сможете, попросить несколько улучшить эти места с точки зрения подготовки к печати. В первую очередь имею в виду выражения или цитаты, часто используемые, а потому затертые. Они могут оттолкнуть внимательного читателя и создать впечатление, будто и Ваши собственные замечательные идеи всего лишь повторяют давно привычное. Манускрипт я пошлю Вашему другу, господину Пастору, чтобы его не пересылали полевой почтой, если Вас призовут снова. Разумеется, я дам ему необходимые указания. Чтобы все прошло максимально быстро, я предложу издательству указания к печати, оформление и шрифты. Что касается посвящения — забыл написать этом в прошлый раз — выражение «мастер усмотрения идей» кажется мне несколько претенциозным. Я, разумеется, не могу вмешиваться, а то Вы в конце концов вообще снимете посвящение. Но этого мне не хочется: слишком я ему рад. И все же первую страницу с посвящением следует непременно изменить ввиду постоянных и совершенно невероятных недоразумений, возникающих относительно моих философских усилий у поверхностных и предвзятых читателей. Мою философию поносили как логицизм и схоластику [93] и приписывали мне намерение извлечь метафизику из голого созерцания идей [94]. В действительности же я говорю о необходимости всестороннего изучения мира идей, всех систем «идеальных возможностей» в качестве *фундамента* для иссле-

дования *действительности* и для ее полной смысловой интерпретации. Иными словами: всеохватывающего построения всех эйдетических онтологий (не только чистого исчисления, но и всех онтологий природы, духа и т. д.) и далее (в отношении фундаментальных понятий, положений и методических принципов этих онтологий) — всех феноменологий, в которых всякий фундаментальный тип предметности изучается в отношении к дающему его сознанию, причем чтобы *сознание* этой и вообще всякого рода предметности (в трансцендентальной редукции) изучалось эйдетически в его квази-реальных (reelen) и интенциональных составах. Все это образует полную систему всех эйдетических *возможностей* для *возможных* предметных *действительностей*, а также для сущностных связей с созерцающим и познающим сознанием *самих этих действительностей*. Все это — условие для того, чтобы мы смогли [однозначно и] абсолютно оценить *актуально данный мир* опыта, духовной жизни, — мир, который действительно наличен (da ist) и исследуется науками наивно-естественным образом; чтобы определить смысл этого мира, а также найти путеводные нити к таким метафизическим идеям, как «Бог», «свобода», «бессмертие» и т. д. Иными словами — к абсолютной интерпретации данного мира, который хотя и дан, однако не понят философски.

В Вашем посвящении сказано: «Без прочного фундамента феноменологических исследований... невозможно сделать ни шагу в построении метафизики, критически проверенной всеобщей науки. Поэтому в этой работе я хочу обозначить основные линии всеохватывающего мировоззрения на основе чисто эмпирико-психологических описаний. Подлинный теоретик должен в высотах своего созерцания идей подняться над временным миром и, поскольку он работает ради вечности, без поспешности вводить, где это необходимо, только проясненные и проверенные понятия. Таким образом, я остаюсь на почве трезвого опыта и торопливо воздвигаю один грубо отесанный камень на другой, чтобы завершить постройку до конца своей жизни, а после меня — хоть потоп».

Я предложил бы здесь следующие изменения. Противники психологизма тут же прицепятся к «эмпирически-психологическому»: ага! Для «мировоззрения» *можно* быть психологистом, а идея «строго научной» философии, являющаяся идеей, лежащей в бесконечности, есть несбыточная мечта — и это, мол, признает сам Гуссерль, написавший предисловие к труду! Будет искажено и другое: отношение между чистым созерцанием сущности трансцендентальной феноменологии и эмпирическим миром и

эмпирической наукой. Поэтому предлагаю (это всего лишь предложение, я оставляю за Вами право сформулировать это самому): «Без прочного фундамента феноменологических исследований... И вот теперь, пока этот фундамент еще не заложен во всей его необходимой широте и глубине, дать очерк всеохватывающего мировоззрения. В парении своего созерцания сущности *чистый* теоретик должен возвыситься над временным миром и, поскольку он работает для вечности, не торопясь, в полностью проясненных и проверенных понятиях освоить мир идей, в котором a priori заключен подлинный смысл всякой возможной реальности — лишь после этого он может приступить к тому, чтобы метафизически истолковывать данный мир опыта и опытных наук. И вот теперь, вместо того чтобы посвятить мои скромные силы расширению познания идей, я осмеливаюсь уже сейчас, имея столь недостаточные феноменологические познания, спуститься на почву опыта, торопливо водружая один грубо отесанный камень на другой, чтобы построить мировоззрение для своей жизни[95]». Сегодня ограничусь только этими второпях написанными строками. Теперь надо садиться за чтение Вашего труда. Вы *не против*, если я напишу несколько вступительных строк в качестве введения? Я так и не ответил на Ваше милое письмо! Вплоть до вчерашнего дня у меня было много дел, да и вообще в настоящее время я очень занят. К счастью, лекции скоро заканчиваются.

Сердечные приветы
Ваш верный учитель
Э. Гуссерль

Гуссерль — Манке, 5.IX.1917

Бернау у Св.Блазиен, Шварцвальд.
5.9.17.

Дорогой друг!

Получил Ваше письмо, когда готовился к завершению всех факультетских дел в этом семестре и собирался для поездки в Шварцвальд, чтобы отдохнуть там и набраться сил для новой работы. Последнее удалось, и вот уже несколько недель сижу над труднейшими феноменологическими проблемами феноменологического времени — речь идет о феноменологическом анализе внутреннего сознания, в котором в конечном счете конституируются все объективности. Признаться, в Вашем письме Вы прочитали мне целое нравоучение, в целом сводившееся к тому, чтобы не браться за эти проблемы, да и вообще не заниматься феноме-

нологией в том смысле и духе, как я понимал ее всю свою жизнь. Хотелось бы только знать, вспоминали ли Вы об эпохе Возрождения, временах Галилея и Бруно, когда точное естествознание и натурфилософия еще не были разделены, и основателям строго математического естествознания было столь трудно отстоять свою область перед лицом значительно более блистательной и значительно легче завоевывающей сердца натурфилософией? Разве в философии не было строго научных решений? Более того. Разве я зря прожил всю свою жизнь, и разве каждый фрагмент моих «Логических исследований» и тем более «Идей», не является доказательством того, что здесь открыта строго научная философия, столь же строгая, как и любая другая точная наука? Разве в математике XVII и XVIII столетий было мало сырых решений, понятий и методов, хотя каждый, имевший научное чутье, понимал: по своей идее это и есть строгая наука, и что теперь необходимо напрячь *все свои силы*, чтобы избавиться от остатков неясности и возвести метод на более высокую ступень, очистив его с наивысшим тщанием — вплоть до *предельной* строгости? И разве Гильберт [96] был не *прав*, устраивая систематические эксперименты, создавая малые, но вместе с тем необходимые для любого последующего движения основы учения об электричестве, вместо того чтобы восхитительно метафизически рассуждать о тайных силах вещей, *тереть стеклянные палочки и собирать тому подобные примитивные* факты электричества? Посмотрите, как возмущается излишне педантичными естествоиспытателями еще Беркли, греша тем самым против их скромной и столь важной для будущего работы. Всякая разумная проблема должна быть сформулирована точно, разделена на рабочие проблемы, которые можно определить, а затем и *разрешить* строго научным образом. Путь от донаучных проблем к научным может быть долог, он может занимать тысячелетия. Однако тот, кто прошел часть этого пути, поработал на благо строгой науки. В феноменологии же сделано больше. Она сама, предшествующая метафизическим проблемам сверхнатурального уровня, есть фундамент всякой серьезной метафизики, абсолютно строгая и, я полагаю, уже надежно обоснованная наука; хотя она и находится пока еще у своих истоков, она, вне всякого сомнения, продвинулась значительно далее, чем физика того же Декарта. Как раз потому что я это отчетливо понимаю, как раз потому что я вижу, что очевидность феноменологической сферы не уступает степени очевидности математической и, опять-таки, поскольку я вижу, что все философские проблемы сходятся на материнской почве феноменологии, я на протяжении десятилетий сосредоточен на чистой феноменологии и разработ-

ке ее метода, на решении ее подлинных фундаментальных проблем — вместо того чтобы в большей степени обратиться к религиозно-философским и другим проблемам трансценденции, значительно более близким моему сердцу.

Девиз не «все или ничего», но: ясные и чистые проблемы в их взаимосвязи предначертанной самими вещами, чистый и ясный метод, исключение всей искаженной смешанности понятий, произрастающей из смешения установок, возможных и почти неизбежных в силу природы сознания (феноменологической и натуралистической, или психологической). Я очень хорошо осознаю, что один человек не может сделать всего, а при моей скромной одаренности — способен на *очень* немногое, и что мои последователи многое излагают проще, избегают многих окольных путей, исправляют многие серьезные ошибки и т. д. Но только за счет *серьезнейшей* воли к строгости, к тщательному разделению интуитивных структур и корректному образованию понятий и было возможно прийти к какому бы то ни было годному началу. Химик не может завершить работу, пока из мутной смеси не выделит кристаллы в чистом виде. Кто погрузился в работу, кто самостоятельно проник в феноменологию, как и химик, совершенно точно знает, приближается ли он к каким-либо результатам или нет, знает, когда он «закончил» — пусть даже закончил только предварительно, предоставив дальнейшие улучшения делу будущего. Я всегда выбирал только те проблемы, которые необходимы и подлинно фундаментальны, без которых невозможно продвинуться вперед и с которыми надо разобраться так, чтобы решение оказалось в согласованной ясности со всем уже установленным. А это зачастую чертовски трудно! То, что Вы мне писали помимо этого, я читал с большим интересом, при этом радуясь, что Ваши нервы прекрасно отдохнули и теперь Вы полностью восстановили силы.

Ваши религиозно-философские идеи в некоторых аспектах совсем недалеки от моих, однако то, что Вы приводите, слишком кратко: по одному только оглавлению нельзя реконструировать все сочинение. В «Немецкую теологию» [97] я и раньше неоднократно заглядывал, она у меня здесь, и я очень ее люблю. Я вообще весьма тяготею к немецкой мистике, внутренняя религиозность которой меня очень привлекает. Пока не могу судить, подходит ли Ваше сочинение для Ежегодника. Там публикуются работы, находящиеся в области *строгой философии*. Такой труд, как Ваша «Монадология», связывающая Лейбница и новую терминологию и предлагающая некоторые по-настоящему научные разъяснения, как мне казалось, для Ежегодника подходила. Будет ли

это относиться также и к Вашей новой работе, я смогу сказать, только когда ее увижу. Что касается остального, то в этом году дела застопорились: я сам ничего нового не написал, а других рукописей пока не поступало. Неясно также, сможет ли и захочет ли печатать издательство. Однако я надеюсь, что в следующем году смогу опубликовать один том, а в нем — свою работу. С нетерпением ожидаю развития Вашей темы о docta ignorantia. Мне кажется, я понимаю мистику. Однако я не жил в этом материале достаточно долго, и чем старше я становлюсь, тем больше меня тянет углубиться в вопросы веры и научно размышлять о них в чистом созерцании.

Сердечно приветствую Вас. Мои добрые пожелания Вас сопровождают.

Ваш

Э. Гуссерль

Я так и не получил экземпляра «Воли к вечности». Хотя может быть она лежит во Фрайбурге и мне ее перешлют.

Гуссерль — Манке, 23.IV.1921

Фрайбург, ул. Лоретто, 40.
23.4.21

Уважаемый и дорогой друг!

С большой радостью перечитывал Ваше письмо — первое подробное сообщение за последние годы. Так много хороших вестей о Вашем семейном счастье, и Вашей успешной деятельности в городе. Вы не только учитель, но и народный воспитатель, гражданин, церковный деятель [98], да к тому же еще — исследователь и философ мировоззрений. С участием слежу за всеми Вашими усилиями и полагаю, что на всем, за что Вы беретесь и столь хорошо осуществляете, лежит благодать свыше. Спешу ответить на Ваше послание, поскольку Вы спрашиваете меня совета о делах житейских, после чего продолжу начатую мысль. Сколь ни беспокойна Ваша жизнь, сколь ни разделена она между различными практическими видами деятельностей — это все-таки полная и прекрасная жизнь, заключающая в себе собственное обоснование и собственное удовлетворение, как раз благодаря множественности достигнутых благодатных результатов. Я очень хорошо понимаю, что научный ум подобный Вашему, особо заинтересованный в теоретическом познании, временами, а порой и довольно

часто должен чувствовать себя неудовлетворенным, поскольку практическая жизнь не позволяет выкроить достаточно времени для Ваших теоретических и философских интересов, — времени, когда Вас никто бы не побеспокоил и вы смогли бы достичь более высоких теоретических целей. Подумайте: вполне ли удовлетворило бы Вас ограничение тихой жизнью исследователя, лишенной обширной практической деятельности? Судить не могу, но прошу это обдумать. Для университетской карьеры важны, разумеется, солидные научные достижения, требующие многолетней уединенной и совершенно самоотверженной работы. В этом отношении у Вас уже сделано очень много, к тому же у Вас — редкое по универсальности и основательности научное образование. Однако, чтобы осуществить более значительную и чисто научную работу, Вам, повторяю, все равно понадобятся годы сосредоточенной работы. Вы знаете, что я очень высоко ценю Ваши труды по проблемам мировоззрения — это творения мысли, обозревающие материал с высот. Несомненно, в такого рода вещах нужно время. Однако если и есть что по-настоящему жизненно важное для нынешнего положения философии как науки, как науки в высшем смысле (абсолютной науки и науки об абсолютном), так это радикальная, идущая от самых истоков сознания, работа. Работа, *разрешающая* и на *окончательное* разрешение проблем нацеленная, ставящая и решающая философские «рабочие проблемы» в их систематической иерархии. Я всегда считал Вас очень одаренным в этом отношении. Полагаю, что у Вас есть дар *не только систематической, но также и совершенно необходимой исторической* работы. Поэтому если Вы внутренне решились посвятить всего себя чисто научным целям (иначе просто невозможно), у меня нет никакого повода отговаривать Вас — по крайней мере, от того, чтобы Вы посвятили себя практическому воздействию на нашу несчастную современность в мировоззренческом аспекте, столь важному, прекрасному и в высшей степени значимому. Это есть вопрос совести, вопрос, который должен открыть присущий ему daimonion изнутри. Вы так любите Фихте, а значит, знаете, какие прекрасные и глубокие слова он говорит в "Наставлении" о внутреннем призвании и профессии [99]. Теперь встает вопрос, связанный с жизненными условиями, в которые Вы вплетены в этическом плане. Покидая прочное и уважаемое место работы или, точнее, служебную позицию, которую Вы достойно и, несомненно, образцовым образом исполняли, Вы станете теперь «приват-доцентом», т. е. человеком, имеющим лишь venia legendi. В определенном смысле — это наивысшее и наиболее прекрасное для философа: когда он может свободно заниматься лишь исследова-

ниями и преподавать, не имея служебных обязанностей. Однако тот, кто привык быть хранителем вверенных ему обязанностей, вскоре почувствует себя неудовлетворенным, и сможет переносить такое состояние, лишь если остается в подобном положении не очень долго. Однако не обязательно со всяким должно быть так, как со мной (14 лет я был приват-доцентом, 2 года — титулярным экстраординариусом, и вплоть до моих 56 лет, т. е. до приглашения во Фрайбург, — «личным» ординариусом, иными словами, экстраординарным профессором, но при этом — членом факультета). Случается и довольно быстрое повышение в карьере. Но здесь не работает никакое вероятностное исчисление. Молодежь теперь влюблена в феноменологию и вновь с симпатией относится к немецкому идеализму. Старики, сидящие на факультетах, а также психологи последнего поколения как раз не жалуют эти направления. Не сомневаюсь, это изменится, когда новое поколение философской молодежи займет факультеты. Правда, предсказания всегда не точны. Во всяком случае, Вы должны считаться с тем, что в Вашем возрасте [100], если Вы не станете ординариусом достаточно быстро (в течение 6–8 лет), то возможно застрянете на должности экстраординарного профессора — что, конечно же, будет достаточным для материального благополучия.

Как бы то ни было, считаю, что Вам нужно *быстро* защитить докторскую диссертацию. Для Вас это мелочь. Если Вы направите Ваши взоры, пусть и не делая окончательного выбора, на академическую стезю, лучше всего подошли бы *исторически*-систематические темы. Участие в издании Лейбница упрочит Ваши позиции в университете, и если Вы добьетесь в этой области успехов (в чем я не сомневаюсь), то в результате Вы вне всякого сомнения увеличите свои шансы на экстраординатуру. Разумеется, для этого Вам придется работать на высоком уровне, но это и зачтется Вам по достоинству. (Так произошло в свое время с Менцером: лишь благодаря своему трудолюбию по академическому изданию Канта он стал ординариусом в Галле [101].) Поэтому какая-нибудь работа по Лейбницу (с систематическими заходами) *подошла бы лучше*, чем та тема, что близка Вашему сердцу: поскольку она связана с мировоззрениями, она и без того не очень близка ученым парикам. За несколько месяцев Вы можете подготовить и переслать нам сюда умеренный по объему труд, предназначенный для *докторской диссертации*; поскольку он не будет предназначен для печати, а должен быть лишь тщательно подготовлен как трактат, полную и окончательную доработку для печати Вы сможете осуществить *после* защиты докторской. Насколько я знаю,

здесь два экзамена по математике (2 предмета), но Вам, может быть, стоит взять математику и физику. По дополнительной специальности с Вас потребуют не очень много — не больше чем то, что вы можете получить за 2 месяца занятий с репетитором. По философии Вам не надо учить *ничего*, Вам не надо готовиться. Когда приедете, обсудим экзаменационные темы в течении часа. Как только *подготовите* небольшую работу, дайте знать, можете еще успетьсдать экзамены в последних числах июля. Хотя, скорее всего, не успеете. Но Вы ведь можете сдать экзамены и в начале зимы. Относительно габилитации надо подумать о *Геттингене*, причем о математически-естественнонаучном отделении факультета (на этом отделении есть свой собственный философ); там живет Кляйн, который интересуется именно изданием Лейбница [102]. Итак, стремитесь по возможности перейти в Геттинген. *Там* Вам может пригодиться моя рекомендация. А теперь — не вносите излишнее беспокойство в Вашу жизнь и не теряйте тесной связи с местом, где находитесь: события могут развернуться повсякому. Большое спасибо за трактат, который я пролистал с живым интересом. Сейчас читаю Ваши авторефераты [103]. Все, что Вы пишете в этих заметках (а также в Вашей статье в «Логосе» [104]), я *очень хорошо* знаю: эти и мои пути! О синтезе Фихте и учения об эросе Платона я говорил на своих докладах о Фихте (т. н. «Военные доклады») [105], эти идеи занимают меня уже около 15-ти лет. Но в тех докладах не сказано о моих последних размышлениях. Моя философия религии пока еще мало разработана, и я еще нахожусь в «преддверии истины». С нетерпением жду Вашего «Приложения» [106]. К сожалению, мне не удалось вступить в Фихтевское общество [107] (как Вы знаете, я хотя и лютеранин, но еврейского происхождения), и я очень сожалею о проникновении в философию (!) антисемитизма. Однако никто не может мне помешать действовать, по мере своих скромных сил, в христианском духе, ради Фихте и на благо немецкого идеализма.

Сердечно
Верный Вам
Э. Гуссерль

Передавайте сердечные приветы Вашей супруге, с которой был бы рад познакомиться лично. Наилучшие пожелания!Знаете ли Вы В. Штапеля из гамбургского Общества Фихте? — Достойный Геттингенский ученик [108].

Гуссерль — Манке, 17.X.1921

Св. Мерген у Фрайбурга в Бр. (до 24.X).
17.X.1921.

Глубокоуважаемый и дорогой господин Манке!

Отвечаю на Ваше письмо stante pede [109], от всего сердца желаю облегчить Вашу душевную печаль, дать добрый совет. Но на этот раз мне самому трудно утешать. Все было бы значительно проще, если бы речь шла не о проф. Пихлере, которого, к сожалению, должен охарактеризовать как лидера философского антисемитизма [110]. Конечно, мне это словосочетание всегда казалось абсурдным. Но именно абсурдное завоевало сегодня авторитет времени, влияние его простирается достаточно далеко, а для меня приобретает неожиданное значение. Позволю себе несколько слов на эту тему, ведь из круга моих учеников Вы были мне более до́роги, чем это обычно бывает, да и сами очевидно испытывали ко мне теплые чувства. Я — чисто еврейского происхождения, однако никогда не воспитывался в конфессиональном или вообще еврейском, «народном» стиле. Я никогда не чувствовал и не мог чувствовать себя никем иным как немцем, с детских лет я рос в беспредельной влюбленности в духовность немецкого народа и ее бесконечно богатые горизонты. Я перешел в протестантство в студенчестве, под необыкновенно мощным, определившим всю мою жизнь влиянием Нового завета, с которым я тогда познакомился впервые, впрочем, все попытки приобщиться к церковной жизни оказались напрасными. Таким образом, вся моя жизнь (уже, собственно, с 18-ти лет) прошла вне связи с иудаизмом. На десятилетия и вплоть до недавнего времени я забыл, что с расовой точки зрения я — еврей. По крайней мере, у меня бывали лишь случайные возможности об этом вспомнить. Во всех своих трудах и деятельности, во всех своих жизненных устремлениях у меня сохранялось единственное сознание ответственности в этом мире: по отношению к «моему» немецкому народу. Потому что с тех пор как во мне проросли зерна феноменологии, я чувствовал себя призванным свыше и до сих пор осознанно воспринимал свою профессию *в* немецком народе, *для* него, и *через* немецкий народ — к человечеству. Я полагал, что все великое наднационально, но при этом с необходимостью облечено в национальную форму, и она не есть безразличное и случайное обстоятельство, а несет в себе великие и в идеальном аспекте крайне важные функции для построения человечества, а значит и для конкретно-истинного

духовного мира. Таким образом, я осознанно жил и действовал *в* этой духовной взаимосвязи, я обращался как немец — к немцам, как немец — ко всему честному человечеству во всем мире. Но вот я состарился, и в моей преданной духовным целям работе подхожу к тому, чтобы собрать окончательный урожай, из горы черновиков конденсировать результаты своего труда, принести «моему» немецкому народу свой последний дар, дело своей жизни — и вдруг вижу, что из общности немецкого народа исключен. К народу человек принадлежат не сам по себе, а благодаря своей духовности, образованию, любви. Общность народа, как и семьи, основывается на взаимности. И если я для других перестал быть немцем, значит я — не немец. А если теперь движение молодых, уже охватившее основную часть философов, исключает мою философию как «еврейскую», то это отнюдь не значит, что она такова на самом деле. Ясно только, что ее нельзя назвать народной немецкой философией в духе современных ценностей. Видно, я философ без «своей» публики. Я всегда шел своими путями, столь явно прочерченными в глубинах моей души, что не мог не воспринимать их как предначертанные свыше. Я знаю, куда они ведут. Знаю и то, что они знаменуют собой Новое время философии. Поэтому если мою философию не желают признавать немецкой — тогда как сам я считаю ее настоящей энтелехией немецкой философии и немецкого идеализма», их завершением в чисто научном облике, —пусть они останутся *сами по себе*, а я буду *сам по себе* и, *одинокий*, продолжу идти своим путем.

Все границы обошла новость, будто проф. Пихлер написал статью, где высказывается против народной и еврейской философии, к которым причисляет и феноменологию [111]. Ладно. Ничуть не чувствую себя потерянным, лишенным корней или бесприютным. В земной жизни — да, я лишен не только Отчизны, но и народа. Но тем сильнее я чувствую, что моя жизнь и моя работа, над которой я продолжаю трудиться всеми силами, связана с Богом, как раз и обрекшим меня на одиночество. Поэтому я никому не жалуюсь и вполне доволен. «Немецко-национальный» поворот охватил теперь почти весь народ Германии. Придется смириться с тем, что во время ужаснейшей беды немецкой истории я как «чужак» стою в стороне. Но быть может я, непрошенный и незваный (не имеющий права осознанно желать участия), все-таки *участвую*, причем неплохо. Я всерьез относился к ответственности. Возможно, придет время, и меня будут искать. Возможно, Бог и не спросит, что́ «исконные» германцы называют «немецкостью»; быть может, существует подлинная в своих корнях Немецкость, имеющая духовную природу.

* * *

Но Вы в беде, а я пускаюсь в пространные рассуждения и столь много говорю о себе самом только для того, чтобы объяснить, что мешает мне дать Вам совет.

Вы не упоминали о моей стенографической карточке, в которой я выражал свое дружеское участие. Кажется, я писал тогда, что не согласен с Вашей позицией. Я всегда считал, что докторская диссертация для *Вас* не должна быть сложным делом. По-моему, я и раньше говорил, что для диссертации (ее ведь не нужно публиковать немедленно) достаточно предварительного варианта и сопроводительных материалов, а завершение может быть предоставлено будущему, когда и нервы будут покрепче, и времени побольше. Кроме того, мой канадский ученик Белл (очень хороший друг) направил денежное пожертвование мне и моим *феноменологическим* ученикам на покупку книг, печать и т. п., и я рад теперь предложить поддержку для Вашей докторантуры [112]. Думаю, смогу покрыть все расходы, которые оцениваю в 1000–1200 Марок. *Напишите* же, насколько велики они могут быть (расценки, машинопись и т. д.). Эта неожиданно доставшаяся нам поддержка может пригодиться и Вам. Про Вашу историко-философскую статью я, разумеется, не могу сказать ничего, пока ее не прочитаю. Но если работа об *универсальной математике Лейбница* (тема, которая горячо интересовала меня уже в начале 90-х гг. и для которой я проделал солидную подготовительную работу) представляет собой связный текст и отражает общие выводы исследований, да еще и содержит иллюстрирующий эти выводы материал, она подошла бы больше, готов взять ее без колебаний. Могу предложить место в Ежегоднике, однако здесь потребую основательной и целиком соответствующей Вашему собственному замыслу «строго научной проработки». В этом случае Вы получите также и гонорар. V-й том Ежегодника напечатан, VI-й появится в конце осени 1922 г.

Для экзаменов по философии у меня готовиться больше *не нужно*. Я Вам даже это запрещаю (!). Для математики—физики нужен репетитор, но к неосведомленности в последних открытиях и исследованиях будут снисходительны. Я еще поговорю об этом со своими коллегами.

Взять отпуск и целиком посвятить себя изданию Лейбница — решение правильное. Если необходимо рекомендательное письмо, с удовольствием его напишу. Вопрос только в том, кто решает вопросы и будет ли моя рекомендация для него что-либо значить.

Подводя итог: будьте все-таки менее меланхоличны. Поверьте, уж если я проповедую «легкомыслие», то наверняка знаю, *кто* передо мной. Докторская для Вас — пустяки. Другое дело — академическая карьера. Думаю, прочным фундаментом для Вас может стать исторически-систематическое исследование, целиком согласующееся с развитием Ваших собственных *работ* и в первую очередь *логически-математического* направления: теория вероятности, универсальная математика и проч. Ваши наброски по проблематике мировоззрений я ценю, но в их нынешнем стиле они не есть «строгая наука»; хотя, конечно, при Вашей основательной подготовке они произведут хорошее впечатление, также и в академическом смысле. Математически-естественнонаучные отделения факультетов с одной стороны и историки с другой могут Вами заинтересоваться. В целом, академическая карьера всегда непредсказуема, нужно пытаться.

Но позаботьтесь, дорогой друг, о преодолении своей депрессии. Держитесь бодро. Ведь у Вас много друзей и тех, кто Вас ценит. И Вы знаете, что к ним всегда принадлежит

Ваш старый верный учитель

Э. Гуссерль

Гуссерль — Манке, 25.XI.1925

Фрайбург, 25.XI.1925.
Ул. Лоретто, 40.

Дорогой друг!

Ваше доброе и прекрасное письмо от 12.6. с.г. лежит передо мной. — 12-го июня! — и отвечаю я на него лишь 5 месяцев спустя. И даже сегодня я это делаю потому, что, слегка устав, хочу себя пощадить. Не обижайтесь. Судьба возложила на меня наитруднейшие проблемы, которые когда-либо ставило перед собой человечество — не то чтобы в преизбытке безграничной самоуверенности я осознавал превосходящие меня силы (напротив, наибольшим препятствием для меня издавна был недостаток такого доверия к себе), а потому, что у меня, движимого от одной проблемы к другой, не выходило иначе: я тяжело заболевал своими проблемами (болен ими до сих пор), а значит должен осмеливаться браться за них, чтобы жить. Этим объясняется бестактность по отношению к самым обычным требованиям общественной жизни и даже к моим самым близким друзьям. Мне всегда кажется, что за 2–3 недели я справлюсь тем или иным затруднением — и тогда,

забыв о мире, борюсь, начиная всякий раз сначала. И вдруг замечаю, что прошел целый год.

Летом читал о принципиальных вопросах феноменологической психологии [113] — феноменология во всех ее аспектах, предложенных в «Идеях». Различие только в том, что естественная почва мира, установка генерального тезиса *не* покидалась (как требует того психология в историческом смысле). В этом случае феноменологическая редукция, осуществленная на основе генерального тезиса, оказывается лишь методом изучения внутренней жизни человека (например моей), но притом в ее чистоте и, разумеется, вместе с тем, с обращением внимания на главную тему — интенциональную деятельность объективаций. Я имею в виду не только конституцию мира, но также ценностей, благ и т. д. Таким образом, речь шла о *подлинной* психологии, изучающей действительно психическую жизнь в ее сущностной чистоте, но не философски, а так, как это делает догматическая наука, отталкиваясь от естественной основы. Я достиг предела своих сил (летом всегда удается работать менее продуктивно, не хватает свежести — особенно в здешней вялой и влажной атмосфере). Поэтому с ответом мне пришлось ждать до каникул. С августа и до середины сентября был на Гельстатском озере в Зальцкаммергуте, в прекрасном обществе супруги и замужней дочери, приехавшей из Берлина, однако в мягком воздухе тех мест чувствовал себя отнюдь не лучшим образом. Вернувшись во Фрайбург, с новой энергией погрузился в работу и 2 месяца с необыкновенной свежестью и продуктивностью создавал обширные синтетические концепции, входящие в замысел дела моей жизни. Я часто думал о Вас, но писать не мог. Отложена была и пачка других важных писем.

Однако в промежутках (в конце летнего семестра) я занимался Вашим делом и написал несколько писем в Марбург — ведь именно это важно. Поначалу — с большим успехом. Мне удалось добиться того, чтобы факультет обратился ко мне с официальным запросом. Что Вы войдете в список, казалось уже решенным делом. Йенш стоял за Вас горой (хотя не он, а Хайдеггер впервые обратил на Вас внимание). К сожалению, энергия Йенша объяснялась крайне эгоистическими и притом внутрифакультетскими мотивами, что и вызвало противодействие. Речь идет о полной ставке экстраординарного профессора, получаемой Хайдеггером. После ухода Гартмана в Кельн факультет предложил его primo loco на место ординарного. Однако правительство странным образом медлит с решением, а потому и вопрос о месте в экстраординатуре преждевременен. Когда вопрос с Гартманом решится, от факультета потребуется список на вакантное место экстраор-

динарного профессора. Предварительное обсуждение уже было, предлагали даже внести Вас третьим номером на вакансию ординарного профессора. Не вышло. Первым кандидатом на экстраординатуру Вы не будете, но я надеюсь, что Хайдеггер добьется включения Вас в список. Он замечательный человек и в высшей степени оригинален как философ, хотя и не следует моему направлению проблем, а исходит из конкретности универсальной исторической жизни (жизни человечества в обществе), правда в строго феноменологическом подходе. Очень хотел бы, чтобы Вы встали на его сторону, раз уж мне не удалось заполучить Вас на свою. Это было бы совершенно особым счастьем для нас обоих: мы могли бы непосредственно работать вместе и, быть может, в этой работе осуществились бы великие планы. К сожалению, Вы далеко, и даже не подозреваете, сколько масштабных и широко разработанных исследований уже имеется, что феноменология уже достигла нового уровня, на котором все философские проблемы — не только Лейбница, но и Канта, а может быть и более поздних мыслителей — обрели, в отношении истоков свой четкий облик и свое методическое разрешение.

Что касается Ваших планов. Все свои лучшие творческие силы необходимо бросить на книгу о Лейбнице. Она должна стать классической, и написать ее можете только Вы. Будьте же безоглядны; если она нарушит рамки серии, я все равно добьюсь, чтобы Нимейер ее взял. Кроме того, хотелось бы продолжения Вашей прекрасной работы для Ежегодника, в строго научном стиле. Пожелал бы лишь чуть более сжатого изложения. Насчет № 3 журнала «Диалектика» я сомневаюсь. Подождите. В следующем году надеюсь завершить первую более крупную публикацию, и тогда многое (в первую очередь, наиболее глубинные проблемы) предстанет перед Вами в новом свете. Феноменология — не область для планов и предварительных смет (лишь внешне являющихся теориями). В работу позволительно включать лишь то, что удается обосновать во всех деталях, опираясь на соответствующие источники. Очень интересной была бы работа о Комениусе [114]. Против этого я ничего не имею. Однако в первую очередь — работа о Лейбнице. Очень сожалею о разочаровании, связанном с Пихлером. Прошу Вас, дорогой друг, оставайтесь верны своей природе, не позволяйте себе ожесточиться. У него есть свои достоинства, однако преодолеть философствования «сверху» он не может, он не доходит до той работы, которая только и составляет строгую науку. Но *этому* мы научились у нашей издавна любимой математики и точного естествознания! Эти же философы все еще остаются в пределах своей «натурфилософии» (эпохи Ренес-

санса), в своей философской алхимии и астрономии, в которых, как мы сегодня знаем, есть много мудрых догадок, «интуиций», но — никакой строгой науки! Но Пихлер на иное не способен, ему не оценить нашей манеры исследований. Зачем упрекать его за отсутствие желания поддерживать нас и благоволить доцентам, близким ему по духу? Останемся же на позициях философского оптимизма: всегда и во всех людях надо видеть хорошее. Нам ведь и с самими собой много работы. Постараемся же сами сделать что-нибудь достойное, если это нам удастся!

Сердечно

Верный Вам

Э. Гуссерль

Дружеские приветы от моей жены. Сведения о делах марбургского факультета — *строго секретны!*

Гуссерль — Манке, 8.I.1931

Фрайбург в Бр., 8. I.1931.
Лоретттоштр. 40.

Дорогой друг!

Признаться, я вами очень недоволен. Вы относитесь к своему старому другу и учителю не так, как он мог бы того ожидать, не как верный друг. Вы на дозволяете мне поучаствовать в Вашей жизни, долгие периоды на даете о себе знать, а в Вашем последнем письме я даже читаю, что Вы вновь порвали уже начатое пространное письмо, не желая обременять меня своими личными заботами! Обременять — как если бы друг не был нужен как раз для того, чтобы его таким образом «обременили», а если он не сможет помочь, то чтобы и он не знал об этом! На все это накладывается ситуация моей старости, о которой Вы ничего не знаете: одиночество, приносимое возрастом и эмеритацией, одиночество научное, а также невероятное разочарование в Хайдеггере, которого я с десяток лет считал своим ближайшим другом. Каков я есть, на дружбу я решаюсь на всю жизнь, и разрыв с моим (мнимым) другом задевает меня до самых глубин моего бытия. Никакого разрыва в обычном смысле не произошло, но буквально сразу после переселения сюда (за исключением первых месяцев) он перестал меня навещать, появляясь раз в несколько месяцев, — очевидно, чтобы сделать невозможным любое философское общение. Он знает, что я совершенно не одобряю всего его развития, начиная с его книги, и при внимательном повторном изучении «Бытия и времени» я пришел к выводу, что его «феномено-

логия» не имеет ничего общего с моей, и в ее псевдонаучности я усматриваю преграду на пути философского развития. Отдалились от меня и другие, более ранние мои ученики. Они не видят принципиально нового, радикального поворота, который в моих «Логических исследованиях» лишь только подготавливался, а в «Идеях» был реализован и в противовес философии открыл возможность философии строго научной (если угодно, «метафизики» как строжайшей науке). Поэтому в нынешнее время, когда «экзистенциальная философия» угрожает стать господствующей модой, я чувствую себя довольно одиноким. Тем более радуете меня *Вы*, дорогой друг, тепло принимая мои новые научные результаты. Я прямо-таки рад, что Вы с Вашим светлым, столь восприимчивым к точному мышлению умом видите успехи, которых я достиг за бесконечно наполненные работой годы, прошедшие со времени появления «Идей». С сравнении с этим столь бестолковые рецензии, как рецензия Менцера в Ежегоднике Шмоллера на мою «Формальную и трансцендентальную логику», не значат для меня ничего. Сколь благодарен я судьбе, что в эти годы я, работая над фундаментальным трудом, могу рассчитывать на *Вас*, могу надеяться, что своими пространными разъяснениями он, с одной стороны, даст Вам основы в Вашей феноменологической педагогической деятельности и, с другой, сможет побудить к собственной работе в этой области. Ведь он остается пока «картой местности», предварительным наброском, рамками для бесконечных будущих открытий. Буду работать теперь с удвоенным энтузиазмом. Занимаюсь подготовкой этого труда уже с осени 29-го года (хотя на самом деле работаю над ним уже 10 лет), однако не пришел пока к окончательному завершению. Необходимо синтезировать бесконечное многообразие идей, старых, все более совершенных набросков: так сказать, соединить в систематическое единство бесконечные географические «снимки». *Отрадно*, что работа при этом спорилась, в работе над синтезом я достиг еще бóльшей ясности и несомненности. Не думаю, что заблуждаюсь. В рамках педагогической деятельности и научного признания меня заменил мой высокоодаренный ассистент д-р Финк. Обязательно почитайте его призовую работу в последнем Ежегоднике [115], Вы увидите, что этим учеником я могу гордиться. Вот уже почти 2 года я ежедневно с ним работаю, я воспитал в нем глубочайшее и всестороннее понимание моей философии, а потому с бóльшей уверенностью смотрю в будущее и, кроме того, я свеж и нахожусь в хорошей рабочей форме, как никогда за последние годы. Живу по часам и могу ежедневно сосредоточенно работать по 8–9 часов. Ваше *прусское* (не баденское) правительство

осчастливило меня тем, что оплачивает мне этого ассистента [116]. *Кстати, Гримме — их моих старых геттингенских учеников и трогательно мне предан.*

Сильно беспокоят меня последние фрайбургские ученики — перед уходом мне посчастливилось воспитать пару подающих надежды учеников. Среди них — д-р Ландгребе, некогда мой ассистент, он основателен и как человек, и как молодой философ(см. его прекрасную диссертацию об основных категориях Дильтея в IX-м томе ежегодника) [117]. Куда же мне теперь его пристроить, когда после долгих лет работы ассистентом он, наконец, желает габилитироваться! Вплоть до прошлого года на основании старых рукописей по трансцендентальной теории суждения он совершенно самостоятельно готовил для меня набросок для книги [118], получая стипендию *Общества взаимопомощи*. Мое недавнее прошение о стипендии для защиты габилитационной работы *было отклонено* (Г. Майер [119] — *злейший враг моей феноменологии*). К тому же, как я уже говорил, не знаю, куда его порекомендовать. Дело ведь здесь обстоит так, что у Хайдеггера есть *свои* люди, и он, очевидно, отдалился от меня потому, что не желает, чтобы ему мешали мои ученики. Здесь, в Бадене, я, как отошедший от дел, уже более не член факультета, а потому не могу представлять это дело. *Как обстоят дела в Марбурге?* Можете ли Вы представить его факультету там? Там ведь найдется место для доцента, притом симпатичного, скромного и усердного (у нас здесь до недавнего времени было 4 доцента, теперь 3, поскольку Эббингауз перешел в Росток) [120]. Буду очень рад, если Вам это удастся, вы могли бы прекрасно работать с ним. Мне было бы также очень приятно, если бы он получил первоклассное образование в области психологии у Йенша (он проучился лишь несколько месяцев у Бюлера в Вене), он мог бы опереться и на Вашу историческую работу. Если посчитаете возможным, я и сам напишу Йеншу, если только он не затаил на меня злобы из-за Хайдеггера. В остальном настоятельно прошу: пусть то, что я написал Вам, другу, о Хайдеггере, останется *между нами*, иначе об этом будут много болтать. Разумеется, сейчас я говорю это искренне: свою феноменологию я полностью отмежевываю от так называемой феноменологии Хайдеггера (к сожалению, я слишком долго заблуждался: отчасти переоценивая его лично, отчасти из-за временами колеблющегося доверия к себе самому, я долгое время полагал, что не вполне его понимаю и что его пути являются продолжением моих!). Однако не хочу, чтобы болтали о личном отчуждении на основании моих собственных высказываний. Пожалуйста, дорогой друг, напишите поскорее, как Вы видите ситуацию, да и вообще

поскорее напишите мне подробное письмо. Вы ведь совсем ничего не рассказываете о своей собственной работе. Очень рад слышать, что Вы вновь восстановили силы, чему способствует прекрасно расположенное новое жилье.

Моя жена, испытывая к Вам давнюю любовь, сердечно Вас приветствует. Не забывайте также, что всегда будем рады Вам как постояльцу!

Еще раз благодарю за Ваше прекрасное письмо и искренне отвечаю на Ваши новогодние поздравления.

Верный Вам

Э. Гуссерль

Разумеется, если Вы изыщите возможности в Марбурге, д-р Ландгребе отрекомендуется Вам, да и вообще сможет на некоторое время приехать в Марбург, чтобы Вы и другие коллеги смогли составить о нем представление.

Э. и М. Гуссерль — Манке, 4.V.1933 [121]

в настоящее время: Локарно-Орселина,
отель Аль-Сассо, 4 мая 1933.

Мой дорогой старый друг!

Вы поймете, почему я так поздно отвечаю на Ваше столь милое письмо, которое Вы послали вслед за поздравительной телеграммой к пятидесятилетию моего доктората. Уже с осени прошлого года на меня надвигалось одно из моих старых депрессивных состояний, и политические события действовали на меня все более угнетающе. И вот мне, в моем преклонном возрасте, пришлось пережить то, что я никогда прежде не счел бы возможным: появилось духовное гетто, в которое я был водворен вместе с моими поистине достойными, духовно благородными детьми (и со всеми их потомками). Государственный закон, действующий отныне и навсегда, запрещает нам называть себя *немцами*, и результаты нашей духовной деятельности уже не могут причисляться к немецкой духовной истории. Теперь они должны нести на себе *клеймо «еврейский»*, — а судя по всем проявлениям новой государственной воли, это должно быть клеймо презренности, — некая отрава, которой немецкие умы остерегаются и которая должна быть истреблена.

За мою долгую, быть может, слишком долгую жизнь мне пришлось перенести многое! Уже в молодые годы. Но тогда дело было в моем философском развитии, которое для меня — при моей

неуверенности, при неясности [моего пути] — вылилось в борьбу за духовную жизнь, против духовной смерти; это была совершенно личная борьба, хотя и связанная с бытием в сфере философского духа. Отсюда выросло осознание возложенной на меня, но бесконечно превосходящей мои слабые способности философской миссии, а значит и уходящий в глубь веков трагизм той надменности, что неразрывно связана с такого рода миссией, вместе с постоянным грузом чрезвычайной ответственности, которая если и становилась по мере продвижения вперед легче, то лишь для того, чтобы тотчас усугубиться. Плюс гнетущее напряжение между абсолютной уверенностью в том, что я открыл и пустил в ход истинный метод, истинную и неисчерпаемую систему рабочей методики и проблематики, — и действиями моих учеников, любимых мною молодых друзей и сотрудников, которые не понимали именно самое существенное: новый дух метода, смысл трансцендентальной редукции в ее ноэтико-ноэматической всесторонности и интуитивной неисчерпаемости интенциональных экспликаций — и, абсолютизируя относительную очевидность, возводя новый онтологизм, совершали самые разнообразные прегрешения против подлинного революционного духа новой философии и тем самым сводили всю его ценность на нет. Отсюда — бесконечные попытки мнимого совершенствования, дополнения, углубления, начинавшиеся на том *уровне*, который моя истинная феноменология раз и навсегда превзошла. Однако личная дружба с рядом учеников сохранялась, хоть я и не мог одобрить их философствования, как и они моего, до сути которого, впрочем, они в своем понимании так и не дошли (в значительной мере по моей вине, из-за несовершенного выражения становящейся философии). Но в личных отношениях *с другими* меня ждало жестокое разочарование; последний и самый тяжелый для меня случай — Хайдеггер: самый тяжелый, потому что я доверял не только его дарованию, но (теперь уже и сам не понимаю почему) и его характеру.

[Великолепным завершением этой мнимой философской дружбы стало его (совершенно театральное) публичное вступление 1-го мая в национал-социалистическую партию. Перед этим он разорвал наши отношения (вскоре после его назначения), кроме того, в последние годы все более явно проявлялся его антисемитизм, в том числе и по отношению к группе его восторженных учеников-евреев на факультете.] Перенести это было нелегко. При этом нужно было снести и ту манеру, в какой хайдеггеровская, и не только его, «экзистенциальная» философия, по большей части представляющая собой карикатуру на мысли, из-

ложенные в моих сочинениях, лекциях и личных беседах, выворачивает наизнанку основной смысл труда моей жизни — его радикальный *научный* смысл, — а сам мой труд с почестями обесценивает как что-то полностью преодоленное, как то, что уже не стоит и изучать. Это тоже далось мне нелегко. Но я все это выдержал, и после эмеритирования чувствовал себя в своей splendid isolation [122], собственно, вполне комфортно, — пока вновь не дали о себе знать неурядицы, связанные прежде всего с возрастом, и сопутствующая им депрессия — быть может, просто тяжелое следствие чрезмерной работы, с которым я бы, конечно, через некоторое время тоже справился...

Но то, что обрушилось на меня в последние месяцы и недели, задело глубочайшие корни моего существования. Однажды политика уже ввергла меня в тяжелый личный кризис. Война, показавшая, что идеализм и религия могут гнуснейшим образом использоваться как оружие, как прикрытие для сознательной и отвратительнейшей клеветы, потрясла мой чересчур гуманистический оптимизм и отбросила меня, как в смысле здоровья, так и в философском плане, на годы назад. Мне и в самом деле потребовались годы, чтобы суметь вновь понять полный смысл, универсальный горизонт моего метода и сделать следующие продуктивные шаги. Но *сейчас* я не располагаю таким временем, не за годы, а за недели, максимум за месяцы должен я освоиться с этой новой изоляцией от моего немецкого народа, который своим подавляющим большинством исключил меня, отшвырнул прочь. Правда, среди духовных людей старшего поколения еще достаточно таких, к кому это не относится, — но молодежь?! Молодежь, которая должна будет предать меня земле! Теперь я одинок, одинок в моей твердой вере в божественный смысл мира и человечества, в котором немецкая нация является лишь ветвью, а значит, может сохранять свое здоровье, обладать своей национальной истиной подлинностью лишь в качестве ветви среди других ветвей, обладающих *своей* истиной и подлинностью для себя, *своей* свободой, в которой всегда господствует Бог. Одинок я и в моей твердой вере в то, что и моя философская работа тоже принадлежит позитивному развитию универсальной телеологии, а в особенности исполняет то, что немецкой нации было через меня поручено образовать из своей национальной традиции. Только будущее решит, что в 1933 г. было подлинной немецкой современностью, и кто был подлинным немцем: те, что поддались более или менее материалистически-мистическим расовым предрассудкам, или немцы чистого умонастроения, унаследованного от великих немцев и сбереженного в благоговейном следовании их примеру. Я

одиночка, конечно, не как единственный: как один среди других, которых не так уж мало, — но здесь множество еще не создает ту общность, что образует естественную, необходимую для человека совместную жизнь в интимной и любимой общности нации. И возникающая здесь общность нового типа — общность в одиночестве — прежде всего является именно великим испытанием, которое необходимо выдержать посредством личностного возвышения над собой и, далее, приняв на себя более высокие функции и свершения ради человечества, — если поможет Бог. Я не ослабею; ведь мне уже дарована внутренняя уверенность, глубочайшая уверенность в том, что я выявил абсолютные истоки самопонимания человечества и познания мира и благодаря этому проложил и расчистил системные пути, которые в эти десятилетия разрушенной веры и всеобщей беспочвенности необходимы историческому человечеству более всего, пусть даже их значимость проявится во всей полноте лишь через годы. Это дает мне теперь, говорю я себе, совершенно иную силу, нежели тогда, по отношению к душевным тяготам времен войны. Поэтому я уверен, что вскоре сумею вновь преодолеть угрозу для личности, исходящую от времени, на вечных нивах духа. Пока же я, так сказать, бежал из Германии, примерно на две недели приняв приглашение [123] в эту великолепную местность, где я (в доме живут только швейцарские гости) снова могу быть немцем, а не «еврейским интеллектуалом». В ближайшее время я отыщу в Тироле летний домик, в котором и мои берлинские дети смогут найти прибежище и душевное отдохновение. Мой зять еще служит, но поскольку *музей* «приобщается» [к идеологии] [124], его, по всей видимости, уволят — хотя по закону [125] его должны оставить, потому что он фронтовик и имеет ранение. (Я пока не замечаю, чтобы правительство придерживалось своего закона [126].)

Я не стал бы говорить так подробно (вероятно, в моей нынешней внутренней взволнованности и забывчивости я повторил многое из того, что писал Вам в одном из прежних писем), если бы не понял по второй части Вашего последнего письма, что наши взгляды целиком и полностью едины. Для меня это тем более ценно, что я знаю Ваши внутренние и чистые, столь надежно испытанные в Вашей жизни национальные убеждения, которые меня, как Вашего совершенного единомышленника, всегда радовали.

Теперь мне надо ответить и на научную часть Вашего письма, связанную с Вашей академической деятельностью. Прежде всего в общем: я счастлив, что Вы после многолетней паузы (прежде всего после десятилетий школьной деятельности, когда Вы не могли

участвовать в совместной феноменологической работе над развернутыми позже конститутивными проблемами) *в конечном счете все-таки* смогли *быть на уровне*, и что Вы достигли настолько более ясного и глубокого проникновения в глубины подлинной феноменологии, чем другие, которым кажется, что они вознеслись на такую высоту и стали вождями философской моды. От маловеров я этого уже и не ждал. Вы первый, кто понял грандиозное значение моих исследований по трансцендентальной интерсубъективности, истинную, трансцендентальную теорию «вчувствования» и увидел всю серьезность маленьких французских «Méditations» — нового Discours la méthode, как их тоже можно было бы назвать. Все Ваши вопросы попадают в цель. Вопрос о значении взаимной «импликации» монад, т. е. всех монад во *мне*, философски рефлектирующем ego. То малое, на что я в связи с этим указал, отсылает к многолетним исследованиям, как и вообще проблематика интенциональной конституции мира, представленная в этом произведении лишь методически, но не получившая действительного, т. е. эксплицитного применения, — это и в самом деле всего лишь «медитации», всего лишь открытие пути для радикального осмысления метода. Импликацию следует понимать совершенно серьезно, совершенно буквально: это интенциональная импликация, с которой не соседствует, скажем, некая «реальная» импликация. Вся дизъюнктивная противоположность «друг-в-друге» и «друг-вне-друга» исчезает, когда достигнута трансцендентальная установка, т. е. когда осуществлена абсолютно *универсальная* интенционализация (соответственно, когда мир целиком и полностью рассматривается как то, что он есть: подразумеваемый интенциональный мир на основе [aus] интенциональной значимостной согласованности). В мире «вне» и «в» исключают друг друга: так в естественной установке. В феноменологической установке они совместимы, более того, взаимно требуют друг друга как необходимые корреляты. Фундаментальной, решающим образом проясняющей является конфронтация и, в определенном смысле, параллель между *воспоминанием* и *вчувствованием*, соответственно, между моей «общностью» со мною самим, общностью моего текущего теперешнего Я со всеми моими прошлыми Я, интенционально имплицированными в теперешнем Я и друг в друге, — и, с другой стороны, общностью моего примордиального Я (конкретно в его всевременности, которая соответствует упомянутой общности с самим собой) с другими примордиальными Я как непосредственно или опосредованно имплицированными (на этот раз не по типу воспоминания, но в модусе презентизации через вчувствование) во мне. При этом

в каждой примордиальности с ее текущей интенциональной жизнью (Erleben) конституирован определенный примордиальный редуцированный мир, а именно как коррелят самокоммунизации (Selbstvergemeinschaftung) принадлежащего ему Я в его воспоминаниях (действительных и возможных [möglichen], или, лучше, могущих быть осуществленными [vermöglichen], вместе с принимаемыми здесь во внимание модификациями воспоминаний, которые называются «возможными опытами»). Затем, на более высокой ступени, конституируется конкретный действительный мир, а именно посредством коммунизации всех Я, и конкретно: всех монад друг с другом; а к конкретности всякой монады принадлежит примордиальный для нее «мир», конституированный в ней в качестве значимостного коррелята (Geltungskorrelat), который, однако, в коммунизации получает смысл некой субъективной формы явления единого объективного мира, мира открытой, бесконечной интерсубъективности. Все это было бы пустой «теорией», если бы не был действительно показан методический путь, если бы ступени конститутивных результатов (Leistungen) не были действительно пройдены в интенциональной экспликации, т. е. если бы конститутивный идеализм не был доказан на деле*. Конститутивная феноменология — это процесс действительной работы, в которой конституция и ее конститутивные формообразования получают действительное проявление, т. е. получают раскрывающую экспликацию ступени бытийно-смысловых формообразований, которые все имплицированы в ней, в текущей жизни сознания мира, одного и того же, всегда бытийно-достоверного мира. Мир — это бесконечное историческое формообразование, и он есть то, что он есть, в постоянной историчности, как ставший и всегда становящийся, принимающий новый смысл. «Бытийный смысл»: смысловое содержание в значимостном модусе достоверности бытия, постоянной достоверности, которая устанавливается непрерывно и интерсубъективно, а именно в постоянной «модализации», т. е. через все новые коррекции, через «отбраковку» несообразностей («вычеркивание»), через разрешение сомнений, выбор дизъюнктивных возможностей etc. Сущностный анализ — анализ разворачивания интенциональных импликаций — раскрывает сущностную структуру этой универсальной истории и то, что составляет ее универсальную необходимость как необходимость некой универсальной телеологии. Историчность существования, в конечном счете как историчность трансцендентальной субъективности (всеобъемлющей субъективности, монадного универсума), не обсуждается метафизически, как в прежней философии: она рас-

крывается шаг за шагом, исходя из факта, и из факта как примера. Конечно, это некая бесконечность, как ведь и феноменология является бесконечной наукой, наукой о бесконечности бытия во всеединстве, каковое бытие мыслимо лишь как бесконечность интенций, разумно постигаемых через бесконечную интенциональную импликацию и вместе с ней. При этом не сказано, что структурная система мира является конечно-замкнутой, и сам мир, таким образом, имеет бесконечный смысл в рамках некоторой конечной онтологии, т. е. некоторой конечно-замкнутой системы аксиом по типу традиционной онтологии, что он может быть постигнут в конечном облачении. Структура конститутивной бесконечности сама является бесконечностью в движении, с горизонтом возможностей развития и действительностей развития, который, правда, имеет всеохватный абрис, но не имеет онтологической структуры, которую можно было бы замкнуть в конечной аксиоматике, и не допускает такой теории. Бесконечность мира, бесконечность телеологии, которая, царствуя в бесконечности монад, позволяла и позволяет миру постоянно становиться и быть всегда новым и иным, оставаясь, тем не менее, идентичным миром, — это не однолинейная или многолинейная бесконечность: это бесконечная лучевая система бесконечностей, я думаю, с некоторой бесконечностью ступеней, каждая из которых имеет свою аксиоматику. Но это — именно здесь — всего лишь общие слова; только благодаря феноменологии, восходящей снизу вверх, от структуры к новым структурам, от относительно замкнутой конституции ко все новым, в качестве горизонта уже предначертанным конституциям, мы получаем наполненную смыслом предметную речь, или теорию. Всему предшествует радикальное самоосмысление à la Méditationes Cartesiennes, делающее возможной фундаментальную и последующую работу — универсальное осмысление метода, ставящее вопрос о начале, о первом самом по себе, о том, чему ничто не может в полном смысле предшествовать. Но когда феноменология подходит к серьезному делу, к систематически упорядоченной работе, тогда вырастают содержательно определенные проблемные горизонты и научные антиципации (научно предвосхищающие антиципации) горизонтов.

Чрезвычайную трудность с самого начала представляет двойственность бытийного смысла Я, Мы, субъективности как субъективности для мира, в функционировании которой мир обретает смысл (ибо мир имеет смысл только как бытийный смысл для субъектов, которые его подразумевают), и как субъективности, которая сама принадлежит миру. Но оба [модуса субъективности] сущностным образом принадлежат друг другу, будучи друг вне

друга в пространство-временности и в интенциональной конституированности в Я-субъектах. Как, почему, в каких формах, в рамках каких возможностей и необходимостей субъективность, хоть она и создает мир, тем не менее должна объективировать себя самое в качестве человеческой или животной субъективности: эксплицитное прояснение этого вопроса представляет собой великую и бесконечную тему, но определенный путь найден и первые шаги сделаны. — Однако это письмо все никак не закончится. Старость болтлива, а с Вами я говорю очень охотно. Большое спасибо за все, что Вы обо мне пишете. Марбург может себя поздравить с тем, что в эти времена имеет такого самоотверженного, такого разумного и серьезного декана. Я надеюсь, что Вы сумеете посредством Ваших педагогических лекций *действовать* даже в это время и с этим студенчеством. Сердечный привет и наилучшие пожелания! Быть может, мои философские рассуждения чересчур поспешны, *несовершенны*, но я сейчас не в лучшем состоянии. Прочли ли Вы очень хорошую рецензию (А. Гурвича) на мое «Послесловие» в *Deutsche Literaturzeitung* за прошлый или позапрошлый год [127]? То же самое — рецензия А. Шютца на мои «Медитации» (там же [128]), а в последнем выпуске *Kantstudien* — рецензия Ингардена на мою «Формальную и трансцендентальную логику» и другие [рецензии] [129].

Ваш старый и верный

Э. Гуссерль

*

* тогда как исторические идеализмы доказываются посредством голых конструкций, аргументаций

*

К Вашему вопросу о моем докторате [130]:

В летний семестр 1878 г. (после трех семестров в Лейпциге) я приехал в Берлин и в течение пяти или шести семестров слушал все лекции Вейерштрасса (а также Кронекера, Кирхгофа и др.), был также членом семинара. Я был слишком заносчивым, чтобы взяться за докторскую работу, и так мучил себя довольно долго, пока однажды не увидел, что доверяю себе. Сегодня я не смог бы определить это точнее. Работа, озаглавленная «К теории вариационного исчисления», принадлежала кругу идей, очерченному в курсе Вейерштрасса по вариационному исчислению, и содержала также критический анализ знаменитого тогда изложения теории двухмерного вариационного исчисления А. Майера. К сожалению, в Вене не было нужды печатать работу, и она потерялась [131].

То, что я не стал проходить докторантуру в Берлине, было связано с тем, что мой друг Альбрехт уже консультировался с Вейерштрассом и тот сказал, что в Австрии у него, как австрийца, будет больше шансов пройти [хорошую] школу и сделать академическую карьеру. Для меня как еврея (я перешел в христианство в один из последних семестров [132]) это было тем более важно, потому что это было время первой волны антисемитизма. Так я вернулся на родину, в Вену, где один из прежних учеников Вейерштрасса — Кенигсбергер — был ординарным профессором; он принял меня очень тепло и был удовлетворен моей работой [133]. Но сам я был не очень доволен.

После защиты я вновь на один семестр приехал в Берлин [134], где работал исключительно для Вейерштрасса, а именно разработал по его поручению 26 лекций по функциям Абеля, за что он был мне чрезвычайно признателен. Эта разработка должна была использоваться при издании трудов Вейерштрасса [135]. Только через год я отказался от замысла габилитироваться в Вене с работой, которая была бы продолжением моей диссертации. Я присоединился к Брентано etc.

*

Локарно-Орселина [136], 5 мая 1933 г.

Дорогой г-н Манке,

Ваше второе письмо, столь милое и участливое, доставило искреннюю радость не только моему мужу, но и мне, и я хотела бы уточнить Ваше предположение относительно участия моего сына в войне, поскольку я, по всей видимости, помню даты лучше, чем мой муж. Мне очень важно, чтобы Вы — человек безупречных убеждений — знали все обстоятельства вплоть до мельчайших деталей.

В самом начале войны оба моих сына (им было 18 и 20 лет) записались вдобровольцы и в составе знаменитого студенческого батальона участвовали в боях под Лангемарком. 15 марта Вольфганг был тяжело ранен в легкое. 15 июля он вновь добровольно отправился на фронт, вскоре стал офицером и 8 марта 1916 г. погиб при штурме Во. Что мы потеряли в лице этого прекрасного человека, знал весь Геттинген и весь его полк...

Герхарт (старший сын) 17 марта был доставлен с ранением в голову (осколком гранаты) из Шампани в Седан, где перенес трепанацию черепа. Проведя почти три четверти года в лазарете (к тому времени он уже давно был лейтенантом и имел Железный Крест первой степени), он, будучи годен к гарнизонной службе (из-за перенесенной трепанации черепа он не мог носить стальной шлем, поэтому не был годен к военной службе), присоеди-

нился к своему запасному батальону «Кассель» в качестве военного юриста (поскольку он четыре семестра изучал право). Но там его ничего не удерживало, и несмотря на то, что его единственный брат погиб, он второй раз добровольно пошел на фронт — с шапкой (!) в качестве защиты для головы. Был сначала полковым адъютантом, затем командиром роты, временами принимал командование батальоном. В последних тяжелых боях на Марне он 30 сентября 1918 г. получил ранение в висок, которое сделало его слепым на левый глаз и на несколько месяцев приковало к постели. И еще много лет ему пришлось бороться с тяжелыми нарушениями здоровья.

Таков, стало быть, портрет одного ненемецкого неарийца, которого ради очищения университета нужно было «уволить в отпуск», — того, кто был одним из популярнейших преподавателей в Киле и чья необычайная одаренность не вызывала никаких сомнений.

Мой дорогой г-н Манке, Вы понимаете, сколь глубоко ранены наши души. Между прочим, во Фрайбурге руководство не отказало себе в злобном удовольствии «уволить в отпуск» также моего мужа и восьмидесятипятилетнего Ленеля [137] (всемирно известного специалиста по римскому праву, который участвовал в войне 1870 г. и потерял сына).

Приезжайте к нам поскорее, теперь мы нуждаемся в верных друзьях больше, чем когда-либо.

С сердечным приветом

Ваша

Мальвина Гуссерль

Передайте, пожалуйста, горячий привет Вашей супруге.

М. Гуссерль — Манке, 18.V.1933

Фрайбург, 18 мая 1933 г.

Дорогой г-н Манке,

Ваше милое письмо от 13 мая попало в мои руки только сегодня, потому что мы уехали из Локарно уже 12-го. Позвольте мне прежде всего сказать, что мы оба очень тронуты Вашим сердечным участием в нашей ситуации. Сегодня ободрить человека может только одно: верность бесценных людей, которые искренне поддерживают тех, кто чувствует себя глубоко задетым.

Но я не хочу тратить много слов на то, что в наших отношениях само собой разумеется, я лишь отвечу без эмоций на Ваши вопросы о фактах.

1. Увольнение моего мужа.

Увольнение происходило весьма по-разному, не только в Рейхе [в целом], но и в отдельных землях, например, во Фрайбурге совершенно иначе, чем в Гедельберге! Здесь по телефонному (!) распоряжению от 11 апреля были уволены *все* работающие в университете евреи, в том числе оба эмеритуса Ленель и Гуссерль. 28 апреля из Карлсруэ сообщили: «Объявленное с целью обеспечения безопасности и порядка увольнение университетских сотрудников еврейской расы настоящим распоряжением приостанавливается для следующих персон...» — в том числе и для Э. Гуссерля. Увольнение осталось в силе только для тех, на кого не распространяются исключения.

2. Увольнение Герхарта Гуссерля.

Здесь дело обстояло совершенно иначе и не может быть объяснено, как в первом случае, поспешной глупостью.

В Киле имели место особенно дикие студенческие бесчинства, доносительство и травля. Студенты требовали отставки почти что для половины преподавателей, в том числе и многих арийцев. Их требования были выполнены лишь отчасти; по-видимому, это исходило из Берлина. Я не знаю имен всех уволенных, вот лишь те, которые помню сейчас: Шюкинг, Штенцель, Раух, Хармс [138] (этот был восстановлен) и другие. Почему был «уволен в отпуск» мой сын, непонятно. Он *никогда не состоял в какой бы то ни было политической партии, никогда не занимался политикой* [139]. На факультете он был выдающейся фигурой. После того, как он несколько лет был деканом и исполнял эти обязанности, как и обязанности в сенате, с замечательной оперативностью и искусностью, чем снискал общее признание, он стал своего рода доверенным лицом факультета, который посылал его в Берлин всякий раз, когда были необходимы личные переговоры; точно так же он работал над реформой юридического образования. Кроме того, он был председателем Административной академии, в которой тоже выполнял важные обязанности. Весной он ушел с этого поста, потому что увидел угрозу существу задач со стороны одного чересчур ревностного сотрудника. Но мотивировал он свой уход из Административной академии перегруженностью (да он мог это сказать и не погрешив против истины).

Для полноты картины я еще добавлю, что Г. Гуссерля *очень* любили как студенты, так и коллеги. Когда Ведемейер [140] — весьма уважаемый коллега, который намного старше Герхарта, — узнал на заседании факультета о его увольнении, он расплакался.

Свидетельства о военной службе находятся в Берлине, об этом сообщил наш сын в ответ на наш вопрос. К сожалению, я не знаю

точно, было ли его увольнение осуществлено непосредственно берлинским министерством, но думаю, что решать такие вещи может только эта центральная инстанция.

Я надеюсь, мой муж мало-помалу вернется к своей работе; сейчас же все мы чересчур поглощены тем, что появляется на свет из глубин. Когда человек в семьдесят четыре года хочет решить тяжелейшую задачу своей наполненной трудом жизни, такого рода глубоко волнующие события просто катастрофичны. К общим событиям добавляются еще и тяжелые личные испытания. Одно из самых безотрадных — наш общий друг (или, точнее, враг) Хайдеггер. Об этом можно было бы сказать много, но только устно.

Когда мы увидимся?

Сердечный привет от нас обоих Вам и Вашей милой супруге.

Ваша

М.Г.

Манке — Гуссерлю, 4. IX.1933 (машинописная копия)

Марбург, 4 сентября 1933 г.

Глубокоуважаемый мэтр! Дорогой учитель и друг!

В начале мая, когда я получил большое и содержательное письмо от Вас и Вашей супруги, я, будучи обременен текущей работой, прежде всего деканскими обязанностями, которые сегодня чрезвычайно тяжелы, в своем ответном письме смог, к сожалению, лишь коротко затронуть некоторые пункты, важные для тогдашней ситуации, отложив все остальное на каникулы. Каникулы начались для меня только во вторую неделю августа, и после того как я, собрав последние силы, управился со всеми служебными делами, которые не успел завершить в семестре, я был так истощен, что мне пришлось прежде всего дать себе несколько недель полного духовного покоя, которые я провел в походах и других телесных занятиях, во внеакадемической атмосфере. Теперь, более или менее отдохнув, я вернулся в Марбург и, пока меня не поглотили другие задачи, хочу наконец ответить несколько обстоятельнее на основное содержание Вашего письма.

Я должен сердечно поблагодарить Вас за три вещи: 1) за детальное сообщение о Ваших математических штудиях и трудах, предшествовавших философским; 2) за глубокое и глубоко меня потрясшее описание Вашей многотрудной и затрудненной многочисленными помехами работы для философского развития не-

мецкого духа, которую антисемитизм национального правительства и молодого поколения обрекает сегодня, как Вы и опасаетесь, на тщетность; 3) за ценные разъяснения и дополнения к Вашим «Картезианским медитациям» в ответ на мои вопросы о Вашем обосновании монадологии. Первое сообщение я с благодарностью использую, когда представится случай детально описать Ваше духовное развитие, будь то в лекции или в биографической статье или в историко-философской книге. Но и оба других сообщения будут для этой цели чрезвычайно полезны, по меньшей мере для правильности моей собственной установки, даже если местами — там, где Вы удостаиваете меня чести быть посвященным в Ваши самые тяжелые и болезненные личные переживания, — они в своей доверительности не могут быть открыты публике.

Об этом втором пункте очень трудно говорить сугубо предметно и объективно, потому что он очень глубоко связан с личностно-субъективным. К тому же, все попытки, так сказать, перечеркнуть интимнейшее личное восприятие [вещей] посредством относительно внешнего, предметного рассмотрения кажутся мне некоторой профанацией. Но поскольку в конце [этого фрагмента письма] Вы сами высказываете надежду, что вскоре сумеете вновь преодолеть угрозу для личности, исходящую от временного существования, «на вечных нивах духа» (стало быть, в объективной сфере), я все-таки хотел бы рассказать Вам кое-что о моем предметном видении [ситуации], что, быть может, даст Вам хоть какое-то личное утешение, конечно, если Вы сможете перейти с Вашей систематической точки зрения на мою историко-философскую.

Вы глубоко озабочены тем, что почти никто из Ваших бесчисленных учеников не понял того, что Вам кажется самым существенным в Вашей мысли, не попытался развить «новый дух метода, смысл трансцендентальной редукции в ее ноэтико-ноэматической всесторонности», — но тот абсолютизировал одну «относительную очевидность», другой другую, и тем самым каждый стремился к новой системе, например, к онтологии. И Вы опасаетесь, что некоторые в высшей степени вероломные, переметнувшиеся к национал-социализму ученики попытаются избавиться даже от последней связи с Вами и что для следующего поколения Ваша трансцендентальная феноменология из-за господствующего антисемитизма будет абсолютно исключена из немецкой духовной жизни. Я совершенно не разделяю этого опасения, более того, как историк я считаю его абсолютно невозможным по объективным основаниям. Ваша феноменология оказала слишком глубокое и обширное влияние на философию и многие другие стороны духовной жизни в Германии, чтобы ее воздействие могло

сойти на нет, пусть даже в силу сознательного противодействия. И то, что сегодня правящая партия стремится совершенно оттеснить еврейский дух, я считаю временной чрезмерностью, которая объясняется тем, надо признать, неоправданно сильным в последние годы общественным влиянием, которое получили в нашем отечестве чересчур предприимчивые еврейские сограждане. Но в долговременной перспективе немецкая объективность не допустит, чтобы духовные ценности, созданные еврейской гениальностью, не были востребованы, и точно так же немецкая разносторонность не позволит отказаться от освоения этих ценностей. То, что сейчас провозглашается ораторами от пропаганды и что, в еще более грубом виде, повторяет за ними масса, имеет тенденциозную окраску. Но Гитлер сам — я прочитал это в его книге «Mein Kampf» — совершенно ясно понимает, что немецкий народ представляет собой *смешение* рас и именно этому обстоятельству обязан своей *разносторонней* одаренностью [141]. Стало быть, если даже он ради политического единства стремится воспрепятствовать дальнейшему смешению рас, тем не менее ради [сохранения] духовного богатства он *должен* допустить, чтобы разнообразие крови и духовных задатков проявляло себя и в дальнейшем. А что он этого также и *хочет*, показывает, например, его отношение к христианской церкви, его неприятие движения «deutschvölkische Wanderscholare» [142] с их древнегерманской религией и признание им исторических влияний, которые немецкий народ испытал в сфере религии со стороны еврейского духа, так же как в сфере науки и искусства — со стороны духа греков. Из этого следует, в частности, что национал-социализм должен признать, например, влияние Спинозы на Лессинга, Гердера и Гете, и точно так же неизбежно, что и Вашей феноменологии он должен позволить оказать свое воздействие на немецкую духовную жизнь, — даже если в данный момент он не желает об этом *говорить*.

Во всяком случае, Вам придется смириться с тем, что почти никто из Ваших учеников не развивает феноменологию *в точности* так, как ее понимаете Вы, и многим кажется особенно важным и заслуживающим дальнейшей разработки не то, что Вы считаете важным, а нечто для Вас второстепенное. Если Вы *только* сетуете на это, то здесь проявляется, на мой взгляд, характерная односторонность систематика, для которого объективная система с очевидностью раскрытой им и универсально значимой истины — это все. Историк же, для которого субъективно-индивидуальное многообразие становящегося знания тоже является ценным, видит в этом *еще одно* доказательство внутреннего богатства мира

Вашей мысли, которое делает возможным ее дальнейшее развитие в разных направлениях. Я вспоминаю дильтеевский принцип «многосторонности содержащихся в некоторой системе следствий» (Gesammelte Schriften II, 357, 458[143]), которая делает возможным ее многоаспектное историческое развитие, — конечно, если это действительно содержательная система мысли. Поэтому я, как историк, вижу в том, на что Вы сетуете, как раз-таки доказательство всесторонней значимости и продуктивности Вашей феноменологии. На мой взгляд, Вы должны гордиться тем, что оказали чрезвычайно многообразное воздействие и породили не только идеи, но и новый дух, творческую духовную жизнь. В этом отношении Вы значительно превосходите не только стерильную школу «фундаментальной науки», «общество Ремке»[144], которое свято верит в слово мэтра, но даже школу Когена; до некоторой степени Вы можете сравнивать себя с *Кантом* (если не по интенсивности влияния, то, во всяком случае, по его типу), который ведь тоже вдохновил на творчество самые разнообразные умы, хотя — точно так же, как и Вы — совершенно не был согласен с творениями большинства своих «учеников». *Так* вижу Ваше значение я как историк, и я желаю лишь одного: чтобы Вы смогли признать этот мой взгляд, хотя бы частично, как по-своему обоснованный, чтобы, отказавшись от ложного мнения о безуспешности Вашей деятельности, Вы уверились в том, что осуществление Вашей миссии уже стало действительностью.

Теперь кое-что касательно *третьего* пункта. Я очень признателен Вам за то, что Вы так благосклонно пошли навстречу моему желанию разработать одну сторону мира Вашей мысли (опять же только *одну* из многих) в моей монадологической метафизике и дали в Вашем письме дальнейшие разъяснения и дополнения к Вашим «Méditationes Cartésiennes», которые имеют важное значение для этой цели. Конечно, эти выкладки, которые [в письме] могут быть только краткими, вызывают лишь еще более сильное желание узнать об этом больше и точнее в детальной немецкой переработке этой книги. Поэтому я уже в третий или четвертый раз повторяю мою настоятельную просьбу: чтобы Вы подготовили окончательную немецкую редакцию в ближайшее время. Я хочу также отметить для Вас то место Вашего письма, разработка которого мне кажется особенно важной. (Сначала я процитирую Вас дословно, потому что я хотел бы выяснить, правильно ли я — чисто внешне — прочитал это место. Дело в том, что расшифровка Вашей стенограммы дается мне сейчас очень трудно, поскольку как все слова вообще, так и многие из Ваших нынешних терминов, с которыми я прежде не был знаком, Вы пишете очень

сглаженным почерком.) «Импликацию следует понимать совершенно серьезно, совершенно буквально: это интенциональная импликация, с которой не соседствует, скажем, некая «реальная» импликация. Вся дизъюнктивная противоположность «друг-в-друге» и «друг-вне-друга» исчезает, когда достигнута трансцендентальная установка, т. е. когда осуществлена абсолютно *универсальная* интенционализация (соответственно, когда мир целиком и полностью рассматривается как то, что он есть: подразумеваемый интенциональный мир на основе интенциональной значимостной согласованности). В мире «вне» и «в» исключают друг друга: так в естественной установке. В феноменологической установке они совместимы, более того, взаимно требуют друг друга как необходимые корреляты». Очень важной кажется мне также «параллель между *воспоминанием* и *вчувствованием*, соответственно, между моей «общностью» со мною самим, общностью моего текущего теперешнего Я со всеми моими прошлыми Я, интенционально имплицированными в теперешнем Я и друг в друге, — и, с другой стороны, общностью моего примордиального Я (конкретно в его всевременности, которая соответствует упомянутой общности с самим собой) с другими примордиальными Я как непосредственно или опосредованно имплицированными ... во мне. При этом в каждой примордиальности с ее текущей интенциональной жизнью конституирован определенный примордиально редуцированный мир, а именно как коррелят самокоммунизации принадлежащего ему Я в его воспоминаниях (действительных и возможных, или, лучше, могущих быть осуществленными ...). Затем, на более высокой ступени, конституируется конкретный действительный мир, а именно посредством коммунизации всех Я, и конкретно: всех монад друг с другом; а к конкретности всякой монады принадлежит примордиальный для нее «мир», конституированный в ней в качестве значимостного коррелята, который, однако, в коммунизации получает смысл некой *субъективной формы обоснования* единого объективного мира, мира открытой, бесконечной интерсубъективности».

Действительно, мне кажется, что эта параллель между: a) конституцией примордиального мира, микрокосма индивидуальной монады, как объективного коррелята и *надвременного* единства темпорально дифференцированных мгновенных переживаний отдельного Я и b) конституцией действительного мира, макрокосма универсального монадного сообщества, как объективного коррелята и надвременного и *надпространственного* единства *позиционально* дифференцированных во всех измерениях времени и пространства перспектив мира, присущих всем индивидуальным

монадам, — проясняет чрезвычайно многое. Особенно ясной становится благодаря этому избыточность и недопустимость теории двух миров, дуалистического разведения трансцендентного мира [самого] по себе и имманентного мира переживания, каковые миры уже «не могут сойтись», потому что «вода слишком глубока» [145]. Ибо: а) в случае конституции примордиального мира на основе прошлых, настоящих и будущих переживаний Я легко видеть, что обе стороны существуют вместе и одна посредством другой: микро*косм* индивидуальной монады существует только *в* возвышающемся над временем космизирующем единении темпорально разделенных хаотических моментов индивидуального переживания, которые с надвременной позиции задним числом постигаются как всего лишь временные обособления единой универсальности *этого* Я, как всего лишь «состояния» Я; но и наоборот, всякий отдельный момент переживания Я уже оказывается интенционально прикрепленным к возвышающейся над временем универсальности: поток переживаний всегда трансцендирует переживание момента и осознанно чувствует себя членом некой взаимосвязи со всеми прошлыми и будущими, иными моментами переживания, которые все вместе находятся в гармоничном согласии с неким единым целым и потому все они «имплицируют» целое, а тем самым и друг друга, хотя каждый отдельный момент содержит другие только в своем «горизонте», т. е. еще не видит их вполне действительным образом, но *предвидит* позднейшую возможность видения, интендирует и ожидает ее. Совершенно аналогично дело обстоит b) с корреляцией микрокосма индивидуальной монады и макрокосма универсального мирового целого: объективно-универсальный внешний мир не трансцендентен субъективно-индивидуальным внутренним мирам, но интенционально имманентен им, он существует не [сам] по себе, но только «для» последних, и конституируется в своей объективности только на основе всех субъективных репрезентаций в отдельных мирах переживания; но равным образом и наоборот: это конституирование возможно лишь потому, что отдельные микрокосмы (будучи «отражениями единого универсума» [146]) находятся во всеохватной гармонии друг с другом и интенционально содержат в себе этот самый макрокосм, т. е. потому что каждая монада обладает способностью к универсальному *варьированию* не только ее временной, но и *пространственной*, и даже не только квантитативной, но и *квалитативной «позиции»* (способностью поставить себя на «место» бесконечно многих «других»), и тем самым «имплицирует» каждую другую монаду и охватывающую их всех универсальную гармонию, объективно-действительный мир — опять же, ко-

нечно, не во всей его полноте, не вполне действительным образом, но в собственном открытом «горизонте», который еще не получил определенного наполнения, но именно ожидает такового в определенном направлении и тем самым интенционально уже содержит его. (Индивидуальная монада — не актуально, но потенциально, в тенденции — бесконечна, репрезентирует универсум актуально-бесконечно-многих и разнообразных монад.)

Итак, правильно ли я понимаю Вашу «интенциональную *импликацию*», с которой не соседствует *«реальная»* импликация, но в которой, скорее, заключается реальная мировая гармония? Лично я, как метафизик действительности, хотел бы — чтобы показать *равноценность обеих сторон* — проинтерпретировать корреляцию между объективным и субъективным миром *также* в другом направлении: я хотел бы акцентировать то обстоятельство, что познание объективного универсума субъектом-индивидом возможно лишь потому, что *индивидуальный мир переживания есть* (не каузальное действие, но) *непосредственная составная часть реальной универсальной гармонии всех монад*, так что сам субъект, так сказать, *уже унаследовал* прямую — пусть даже отчасти лишь интенциональную, требующую наполнения — *причастность к объективности.*

В заключение я еще раз выскажу пожелание, чтобы Вам вскоре удалось завершить Ваше «Основоположение новой монадологии». Отчасти это мое эгоистическое желание, ибо я ожидаю от этого труда чрезвычайно важной помощи в построении моей собственной метафизики. Но я думаю, что тем самым желаю большой радости и Вам самим. Ведь благодаря этому Вы сможете обрести новую уверенность в том, что Ваша мыслительная работа еще раз открывает для философского развития будущего в высшей степени важный путь. В этим желанием остаюсь

Ваш всегда благодарный ученик

Д. М.

Гуссерль — Манке, 31.XII.1933

Фрайбург, 31. XII. 1933.
Лоретттоштрассе 40.

Дорогой друг,

я не мог проводить старый год, не написав Вам еще раз и не поблагодарив Вас за большое письмо, которое Вы прислали летом и которое доставило мне искреннюю радость как в личном, так и в научном плане. После того [как я его получил] оно постоянно

лежит передо мной на письменном столе. Я хотел ответить столь же обстоятельно — и не ответил именно поэтому. Ибо в этом году сильные душевные потрясения угрожали разрушить непрерывность моего философского существования и оторвать меня от завершения моей жизненной задачи. В борьбе за повторное обретение моих рабочих горизонтов и способности к свободной ориентации в них, к свободному владению моими — для меня самого трудными — мыслями и теориями, я победил благодаря переселению на Шлухзее [147] (в Шварцвальде, 950 м над уровнем моря). В течение десяти недель интенсивной работы я не допускал какого бы то ни было рассеяния и волнения, поэтому не писал и писем. Осень здесь, во Фрайбурге, была уже не так хороша, но я оставался в работе; это оказалось возможным прежде всего благодаря тому, что я каждый день должен был два часа беседовать с моим чрезвычайно перспективным ассистентом д-ром Финком: рассказывать ему о том, над чем я работаю, и выслушивать его отчеты. Я допускаю, что к Пасхе и в самом деле будет сдан в печать первый том фундаментального философского труда о «*Времени* и *временении* (Zeitigung)» [148]. Надеюсь, что смогу также вновь подумать о новой проработке Картезианских медитаций, — именно для этого мне необходимо иметь свежие силы и власть над всеми моими мыслями и конкретными исследованиями. На Рождество мы были в Берлине [149]; с семейными заботами мы все еще не управились. Вы, наверное, слышали о том, что меня пригласили в крупный калифорнийский университет на место умершего лондонского профессора Карра (Carr) в качестве временного (или — по моему усмотрению — постоянного) профессора (приглашение не имеет никакого отношения к вопросу о неарийцах) [150]. Несмотря на мой возраст я всерьез обдумываю эти возможности. В конце концов, в калифорнийском раю я буду свободен от того, что меня гнетет. Я надеюсь, что еще смогу написать Вам более обстоятельно и поблагодарить Вас за Ваше дружеское сочувствие и чистоту Ваших убеждений. Я мог бы кое-что сказать и в научном плане, чтобы Вы смогли сделать следующий шаг в Вашем чрезвычайно верном понимании моих интенций.

Искренне Ваш старый учитель и друг
Э. Гуссерль

Привет и самые сердечные пожелания к Новому году! Желаю Вам также успешного завершения Ваших важных трудов; к этим пожеланиям от всего сердца присоединяется и моя жена!

Манке — Гуссерлю, 7.I.1934 (машинописная копия)

Марбург, 7.I.1934.

Глубокоуважаемый учитель и дорогой друг!

Я очень рад, что Вы все-таки ответили на мое письмо от 4.9.33. Я уже опасался, что Вы недовольны моими высказываниями об исторической ценности Вашей философии. Но по Вашей открытке я вижу, что это, к счастью, не так, и хотел бы надеяться, что мое письмо — даже если Вы не можете согласиться со мной во всем — хотя бы доставило Вам некоторое утешение и радость и, быть может, в какой-то мере способствовало поднятию Вашего рабочего настроения.

Пока не закончились рождественские каникулы, я хочу хотя бы коротко поблагодарить Вас за Вашу открытку и пожелать Вам свежих сил и новой бодрости для жизни и работы. К сожалению, на большое письмо времени не хватит, но я вижу, что в ближайшие месяцы вообще не смогу писать. Дело в том, что я все еще, или, вернее, вновь являюсь деканом; теперь уже я не выбран, но назначен (ректором, который, в соответствии с новым уставом университета, назначает одного из трех предложенных факультетом кандидатов), а теперь с этой должностью связано больше работы и ответственности, чем когда-либо. Я охотно отказался бы от нее, потому что она отнимает *все* силы, совершенно не оставляя времени для научной работы, тем более — для личных интересов и отдыха. К тому же, [декану] постоянно приходится принимать столь тяжелые решения, вызывающие зачастую жесточайшие конфликты с совестью, что в редкие часы покоя, даже сейчас, на каникулах, я чаще всего совершенно измотан и разбит, и порой пребываю в полном отчаянии. Я охотно избавился бы от всего этого, ибо нес это бремя два особенно тяжелых семестра, каждый из которых, как в военное время, можно было бы засчитать за два. Но поскольку факультет пожелал, чтобы я остался в должности, я изъявил готовность пойти на этот риск — фигурировать в списке трех кандидатов. Теперь, после того как наш новый, национал-социалистический, назначенный министром ректор выбрал меня, моя песенка спета. Хотя, быть может, это все-таки хорошо, что такое место занимает кто-то, кто встречает доверие с *обеих* сторон [и может способствовать тому], чтобы в новые времена доброе старое не было полностью подавлено и вступило в высший синтез с добрым новым.

Я с удовлетворением прочитал, что Вы получили приглашения в Калифорнию и в Лондон (меня особенно заинтересовало то обстоятельство, что Вы были предложены на место лейбницианца Карра, о котором я Вам писал в одном из прежних писем). Но я радуюсь только тому, что это признание, как я надеюсь, возбудит в Вас воодушевление к работе, — не тому, что Вы могли бы одно из этих приглашений принять. Ибо Ваша теперешняя задача — совершенно определенно — состоит не в том, чтобы преподавать в университетах, но в том, чтобы как можно дальше продвинуться в Ваших исследованиях. Поэтому еще больше я рад Вашему сообщению о том, что к Пасхе будет завершен Ваш новый труд «о времени и временении». Из этого я заключаю, что Вы сдвинулись с мертвой точки. Теперь вновь обретенная радость труда даст Вам и новые жизненные силы. И если так, я могу надеяться, что Вы исполните для меня и мое неизменное пожелание: подготовить немецкую переработку Ваших «Méditations Cartésiennes» и особенно намеченного там основоположения новой монадологии. Пусть вновь обретенное вдохновение воспарит в наступающем году так высоко, чтобы Вы почувствовали в себе «свежие силы и власть над всеми Вашими мыслями», которые, как Вы говорите в Вашей открытке, необходимы Вам именно для этой цели. Я предполагаю, что с этой переработкой Вы уже продвинулись настолько, что теперь остается лишь последняя проверка и окончательное оформление. И именно того счастливого момента, того импульса, что здесь необходим, желаю я Вам в 1934-м году; а если Вы возьметесь за дело, результат не заставит себя ждать.

С наилучшими пожеланиями Вашей глубокоуважаемой супруге и с сердечным приветом

Ваш всегда благодарный ученик,

Дитрих Манке

Гуссерль — Манке, 8.I.1934

Фрайбург, 8. I. 1934.
Лоретттоштрассе 40.

Дорогой и уважаемый друг,

я хочу сразу сказать, что Ваше письмо, как и все Ваши письма, доставило мне искреннюю радость. Я не могу вполне смириться с тем, что из-за повторного принятия деканата Ваша собственная научная работа будет совершенно остановлена, ибо сегодня (ко-

гда философии так недостает серьезной научности) именно Ваши работы я нахожу очень нужными. С другой стороны, я понимаю, что Вы изъявили готовность принести жертву. Этого сегодня тоже не хватает, и, к сожалению, именно на факультетах: не хватает настоящих личностей, людей с совестью, которые встречали бы действительное доверие со всех сторон. Да будут благословенны Ваши усилия! — Я надеюсь, что мой труд о времени будет завершен успешно. Мне еще предстоит много работы: сначала я должен сам переработать набросок моего ассистента, сделанный на основе Msc. и бесед. К сожалению, мне приходится вести постоянную борьбу с моим возрастом. Еще я должен устранить одно недоразумение: видимо, я не вполне ясно выразился. Я *не получал приглашения в Лондон*, я могу принять временную профессуру в Лос-Анджелесе, которую до сих пор в течение шести лет занимал эмеритированный лондонский профессор Карр: сначала как приглашенный, а затем как постоянный профессор. Мне тоже предложено принять профессуру, возможно, сразу постоянную. Но я не смогу расстаться с Германией, и хотя я еще не принял окончательного решения, можно предположить, что я останусь на своем месте и умру в упряжке [151]: хотелось бы надеяться, продвинувшись настолько, чтобы в будущем меня все-таки еще захотели и должны были всерьез причислить к немецкому народу и его философии.

Искренне Ваш,
Э. Гуссерль

Сердечный привет от моей жены. Если Вам потребуется перерыв для отдыха, приезжайте в гости к нам во Фрайбург!!

Гуссерль — Манке, 4.VI.1934 [152]

Ленцкирх-Каппель.
4.VI.1934.

Дорогой друг,

большое спасибо за Ваше *милое* письмо. Испытывая *сильную* потребность в благотворной сельской тишине, я уже 1.VI. приехал сюда и нахожу, что мое здешнее жилище и ландшафт идеально отвечают моим запросам. Я тотчас обрел власть над моими философскими горизонтами и теперь погружен в блаженно-интенсивную работу; зима же, увы, принесла с собой много помех, т. е. гнетущих тревог. Но в конце концов я все преодолел «методом феноменологического заключения в скобки», разве что по нынеш-

ним временам это дается тяжело и требует больших затрат энергии. Надеюсь, у Вас и Ваших близких все хорошо.

Привет и сердечные пожелания от моей жены
и от Вашего старого друга и учителя
Э. Гуссерля

Приложение
Отзыв Гуссерля на диссертацию Манке, 26.VI.1922

Г-н штудиенрат Д. Манке уже пользуется известностью среди философов, прежде всего специалистов по Лейбницу, благодаря ряду ценных исследований и крупных работ. Сегодня его можно причислить к лучшим знатокам Лейбница в Германии.

В качестве докторской диссертации он представил нашему факультету первый раздел историко-систематического труда, в котором он на основе трех подходов — критического, биографического и систематического — пытается доказать, что доминирующая во всей деятельности Лейбница тенденция была направлена на универсальное постижение мира, которое следует охарактеризовать как синтез математико-логического идеализма и индивидуалистически-метафизического реализма. Именно в этом Манке видит актуальное значение философии Лейбница для философских движений нашего времени. Я изучил представленную часть — завершенный в себе критический раздел — с большой пользой для себя. Возросшее с начала века понимание грандиозного величия Лейбница породило множество новых и значительных изложений его мысли, которые, в силу односторонности философских позиций авторов или их специально-научного образования, не могли адекватно отразить универсальность Лейбница. Г-н Манке подвергает эти изложения продуктивной критике, всегда направленной на выделение нового и обладающего непреходящей исторической ценностью. Он последовательно рассматривает интерпретации Лейбница в качестве панлогиста (Б. Рассел, Кутюра), панметодиста (Кассирер), метафизического реалиста (Кабиц, Янсен), мистика (Барузи, Гаймсет) и в духе универсального соединения всех этих мотивов (Трельч, Дильтей, Виндельбанд, Вундт и др.).

Я рекомендую факультету принять эту замечательную работу.

Фрайбург, 26.VI.1922.

Э. Гуссерль

Манке — Гуссерлю, 20.XI.1929 (набросок) [153]

Марбург, 20.11.1929.

Глубокоуважаемый, дорогой г-н тайный советник!

Примите мою самую искреннюю благодарность за Ваше чрезвычайно любезное письмо от 4 ноября, за Ваш сердечный интерес к моему самочувствию и вселяющие бодрость слова утешения. Было бы лучше всего, если бы я ответил Вам сразу, но в моем тогдашнем настроении я не знал, порадует ли Вас моя писанина. Начатое было письмо я уничтожил и спросил себя, должен ли я вообще писать Вам о моем действительном душевном состоянии. Но теперь я все-таки думаю, что самое лучшее — быть совершенно открытым, и что тогда пусть не содержание моего письма, но хотя бы доверие Вашего «неверного» ученика доставит Вам радость.

Вы считаете, что я «призван» к определенной научной работе, прежде всего к исследованию Лейбница. Прежде я думал так же и полагал, что найду высший смысл моей жизни, которому все остальное должно быть подчинено, в том, чтобы участвовать в строительстве вечного здания научной истины, пусть даже на скромном месте. Пожертвовать своим личным существованием ради предметных (sachliche) задач, ради объективных ценностей — в этом я видел главное требование единственно истинной этики долга. Но страшные переживания прошлого года полностью разрушили это убеждение. В предшествующие годы я действительно положил *все* свои силы на служение этому идеалу, и тем самым — поскольку моя предметная работа и в самом деле совершенно *истощила* мою индивидуальную жизненную энергию — превратился в нервозного, брюзгливого, вечно недовольного субъекта, который по возможности избегал общения с другими людьми и с которым в конце концов уже никто не хотел иметь дела. Тот, кто ради предметных ценностей жертвует всеми личными, не должен удивляться, если однажды окажется совершенно одинок и всеми покинут. А если в довершение всего иссякнет энергия, необходимая для предметной работы, то жизнь вообще теряет всякий смысл. Тогда существование действительно совершенно истощается, и человек оказывается с пустыми руками,

пригодный разве что к последнему путешествию на чумной повозке [154].

Это случилось со мной в прошлом году. И в моем ужасающем одиночестве и бессилии я напрасно искал утешения в том, что я ведь все-таки сделал что-то полезное в предметном плане. Разве могло иметь для меня хоть какую-то подлинную ценность то, что предстало передо мной в час бедствия таким холодным и безразличным, таким поистине предметным, отмершим, что утратило всякое отношение к моей действительной жизни? В чем жизненный смысл «объективных» ценностей, истин «самих по себе», если они не представляют никакого интереса для субъективно чувствующей личности и не доставляют ей никакой радости? И кому интересны второстепенные результаты, которые я, допустим, получил, и которые теперь в своей незначительности совершенно ничего не «говорят» даже мне самому? Но даже если бы я получил более «важные» результаты, мне не помогло бы и это: предмет может лишь убить личность, но никогда — вернуть ее к жизни.

В этом году я вновь стал несколько более жизнерадостным, но в общем это пока незначительное улучшение. Я даже вновь взялся за работу, и когда я погружен в нее, я нередко испытываю радость, но затем, когда я спрашиваю себя, в чем же состоит более глубокий смысл моего труда, я не нахожу ответа. Получать результаты и погребать их в книгах — это все-таки не есть действительная жизненная ценность. Прежде я называл это извлечением предметных ценностей из жизни, которая сама по себе никакой ценности не имеет; сегодня мне кажется, что это самообман: так человек закрывает глаза на то, что ведет бессмысленную жизнь, бежит от внутренних<...>

Набросок, сделанный для Гуссерля Э. Финком, 30.XI.1933 [155]

Ошибочная интерпретация «трансцендентальной импликации монад» у Манке обусловлена тем, что он не распознал принципиального проблемного горизонта, в котором этот тезис только и может иметь силу: он неверно понимает смысл «феноменологической редукции».

Это проявляется: 1) в понятии монады, которое у него является не трансцендентальным, но *онтологическим*. Монада приравнивается к «микрокосмически» замкнутому, индивидуально-субъективному внутреннему миру (имманентности); 2) в том, что проблему конституции он понимает как вопрос о взаимосвязи «внут-

реннего» и «внешнего» миров; 3) в том, что «феноменологическую редукцию» он интерпретирует как возвращение в монадный внутренний мир и в единую взаимосвязь внутренних миров, данную посредством вчувствования, а также в том, что феноменологическая установка, в которой корреляция внутреннего и внешнего миров интерпретируется якобы «односторонне», с позиции «внутреннего мира», должна быть дополнена, по его мнению, интерпретацией с противоположной позиции, в чем он видит задачу для метафизика реальности.

Принципиально неверное толкование «редукции» в смысле обретения установки, соответствующей некой онтологии «интериорности», некой *мунданной монадологии*, приводит к тому, что импликацию монад Манке видит в онтологически понятом совместном бытии субъектов и их бытии-друг-с-другом, а во взаимной импликации усматривает «предустановленную гармонию».

На это следует принципиально возразить:

1) феноменологическая редукция представляет собой не метод обретения душевной интериорности, мунданной монады, но раскрытие «субъективности», которая может быть обретена только в трансцендировании мира, — монады в трансцендентальном смысле.

Если мы возвращаемся только к внутримировой интериорности индивидуальной и коммунизированной души, то будет невозможно постигнуть объективность в возвращении к субъективному; «субъективное» истолкование всегда будет нуждаться в дополняющем «объективном» истолковании.

Интенциональность на почве мира в принципе имеет смысл всего лишь некоего *подхода*. Здесь мы по праву различаем чисто интенциональные (ментальные) и онтические импликации. Опыт взаимной данности субъектов по праву понимается здесь как простая ментальная соотнесенность, представляющая собой индивидуальную разделенность.

Но благодаря феноменологической редукции, благодаря трансцендентальной универсальности интенционализации обнаруживается скрытый в естественной установке смысл интенциональности: *конституирование бытия*. В этом случае интенциональную общность жизни трансцендентальных монад уже нельзя толковать по путеводной нити мунданно понятого смысла интенциональности, ибо теперь обнаруживается, что интенциональное одно-в-другом, импликация есть нечто большее, нежели простая ментальная соотнесенность, а именно представляет собой определенный модус трансцендентальной общности бытия.

Иными словами, если естественной установке принадлежит различие ordo essendi и ordo cognoscendi [156], то в редукции это различие как раз-таки снимается: интенциональность — это собственный способ бытия трансцендентального, а значит, и трансцендентально проясненного мира.

Примечания

Примечания к разделу «Школа Брентано»

Общее к разделу: Переписка с Францем Брентано и представителями «школы Брентано» (т. е. учениками Брентано, в число которых входил и сам Гуссерль) составляет первый том десятитомного издания переписки Гуссерля. Помимо переписки с самим Брентано, которая велась — если судить по сохранившимся письмам — с 1886 по 1916 г. и включает в себя 34 письма (с учетом неотправленных набросков). Сюда входит переписка с Алоизом Хёфлером (велась в 1893–1901 гг., включает 4 письма), Антоном Марти (велась в 1887–1911 гг., включает 15 писем), Томасом Масариком (велась в 1877–1935 гг., включает 15 писем), Алексиусом Майнонгом (велась в 1891–1904 гг., включает 17 писем), Вальтером Шмид-Коварзиком (одно письмо Гуссерлю в 1931 году), Карлом Штумпфом (велась в 1890–1919 гг., включает 5 писем), Казимиром Твардовским (два письма в 1928 году) и Эмилем Утицем (велась в 1930–1932 гг., включает 3 письма). — *Прим. перев.*

[1] Летом 1886 года Брентано провел вместе с Гуссерлем трехмесячные каникулы на Вольфгангзее, где он вместе со своей супругой рисовал портрет Гуссерля, который затем передал в подарок невесте Гуссерля Мальвине Штейншнайдер. (Портрет сгорел в 1940 году в Антверпене.)

[2] Речь идет об австрийском министре просвещения Пауле Ф. Гауче фон Франкентурне (1851–1918). В 1880 году Брентано по причине женитьбы должен был отказаться от своей профессуры в Вене и вновь габилитироваться там как приват-доцент. После этого философский факультет четыре раза в течение девяти лет (с 1884 по 1893 г.) предлагал его в качестве профессора, но по политическим соображениям министерство отказывалось утверждать прежнего священника.

[3] По рекомендации Брентано, Гуссерль в октябре 1886 года отправился в Галле, чтобы габилитироваться у Карла Штумпфа.

[4] Иоган Вольф (1850–1897) — ученик Брентано вюрцбургского периода, защитил степень доктора у Карла Штумпфа. В 1883–1889 гг. был доцентом в Бонне.

[5] Герман Коген (1842–1918) в 1876 г. занял кафедру Фридриха Альберта Ланге в Марбурге.

[6] Имеется в виду рецензия Курда Лассвитца на книгу Cohen H. Das Princip der Infinitesimalmethode und seine Geschichte // Vierteljarsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1885. №9. S. 494–503.

[7] *Müller F. A.* Das Problem der Continuität in Mathematik und Mechanik. Historische und systematische Beiträge. Marburg, 1886.

[8] *Müller F. A.* Das Axiom der Psychophysik und die psychologische Bedeutung der Weber'schen Versuche. Eine Untersuchung auf Kantischer Grundlage. Marburg, 1882.

[9] Эрнст Бёк защитил в 1881 году в Вене докторскую работу: Eine Prüfung des Beweises für die Apriorität der Raumvorstellung aus der Evidenz der Geometrie.

[10] Элизабет Франциска Карола Гуссерль родилась 2 июня 1892 года. (Второе имя было дано в честь Франца Брентано, а третье — в честь Карла Штумпфа.)

[11] Фридрих Альтхоф (1839–1908) — с 1882 года докладчик Совета по делам университетов в прусском министерстве образования.

[12] Бенно Эрдман (1851–1921) — в 1890–1898 гг. профессор философии в Галле.

[13] Это предложение факультета о предоставлении Гуссерлю должности экстраординарного профессора не было удовлетворено по причине отсутствия свободных мест.

[14] Летом 1892 Гуссерль провел один месяц в местечке Тиссов на Рюгене.

[15] *Brentano F.* Über die Zukunft der Philosophie. Mit apologetisch-kritischer Berücksichtigung der Inaugurationsrede von Adolf Exner „Über politische Bildung" als Recktor der Wiener Universität. Wien, 1893 (экземпляр есть в библиотеке Гуссерля). Предисловие датировано октябрем 1892 года, работа же «посвящается моим молодым друзьям, философам из Вюрцбурга и Вены». Как следует из письма, во время своего посещения Брентано в Вене Гуссерль читал рукопись работы.

[16] Ibid. S. 69–74.

[17] Ср.: *Фреге Г.* Основания арифметики. 1884. § 1: «Многое из того, что считалось прежде самой собой разумеющимся, требует сейчас доказательства». — *Прим. перев.*

[18] Ср.: Пролегомены к чистой логике. 1900: «Те самые исследователи, которые с неподражаемым мастерством применяют замечательные методы математики и изобретают новые методы, часто оказываются совершенно *не в состоянии дать удовлетворительный ответ о логической основательности* этих методов и о пределах их правомерного применения» (*Гуссерль* Э. Логические исследования. Часть первая. Пролегомены к чистой логике / Пер. Э. Берштейн под ред. С. Франка. СПб.: «Образование», 1909. С. 7). — *Прим. перев.*

[19] В 1893 году философский факультет в Вене предложил Брентано в качестве кандидата одной из двух профессур. Министерство, однако, не согласилось на его кандидатуру.

[20] И. Ф. фон Пленэр (1810–1908) — член верхней палаты от конституционной партии и начальник отдела в австрийском министерстве образования.

[21] Аксиома о параллельных прямых.

[22] *Helmholz H. von.* Über den Ursprung und die Bedeutung der geometrischen Axiome. Помещена в его сборнике: Vorträge und Reden. Braunschweig, 1884. Bd. 2. S. 9.

[23] В зимнем семестре 1893/94 гг. Гуссерль читал курс лекций «Теизм и современная наука».

[24] В небольшом письме, написанном в мае 1891 года, Брентано, тем не менее, благодарил Гуссерля за посвящение ему «Философии арифметики». — *Прим. перев.*

[25] В переписке между Брентано и Гуссерлем имеется длительный перерыв (с 1900 до 1904 года). — *Прим. перев.*

[26] Windelband W. Logik в книге: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer. Heidelberg, 1904. S. 170 ff.

[27] Илиада VI, 480 (перевод Н. Гнедича).

[28] В 1903 году Брентано перенес безрезультатную операцию на глазах.

[29] «Посвящение» (пер. Ф. Миллера).

[30] В §§ 39 и 40 «Пролегомен» Гуссерль критикует за психологизм Христофа Зигварта и Бенно Эрдмана, а также, в какой-то мере, Вильгельма Вундта.

[31] «Пролегомены». Часть IX.

[32] Семантика Гуссерля включает три элемента: выражение, смысл (или значение) и предмет («значение» в терминах Г. Фреге). Выражение имеет смысл, даже если ему не соответствует никакого предмета (например, «золотая гора»). На основании только категориально-логического анализа можно показать, что некоторым выражениям (например, «круглый квадрат») в принципе не может соответствовать никакой предмет, поскольку они в себе противоречивы. Для этих выражений Гуссерль использует термин «Widersinn» — «абсурдность», «противоречивость» или, если следовать принятому нами здесь варианту А. В. Михайлова, «противосмысл». Кроме того, выражение может быть построено с нарушением «чистой», категориальной грамматики (например, «король или зеленое»). Только такого рода выражения являются действительно «бессмысленными». За ними у Гуссерля закреплен термин «Unsinn» — «бессмыслица». — *Прим. перев.*

[33] Студент из Мюнхена Рудольф Хирш в 1904 году несколько месяцев был секретарем Брентано, с которым тот обсуждал, в частности, «Логические исследования».

[34] 16 января 1905 г. Брентано исполнилось 67 лет.

[35] Частично это письмо было опубликовано в издании: Антология мировой философии в четырех томах. Т. III. М.: «Мысль», 1971. С. 647–648. (Перевод Р. Ф. Дебельского, под редакцией Б. В. Мееровского. Перевод содержит ряд грубых смысловых неточностей.) — *Прим. перев.*

[36] «Человек есть мера всех вещей» (DK фр. B1).

[37] *Marty A.* Was ist Philosophie? Prag, 1897, S. 8: «С практической точки зрения положения, которые гетерогенны по отношению друг к другу,

могут быть связаны ради некоторой цели», S. 10: «... поэтому из этого нужно заключить, что это объединение больше всего соответствует, пожалуй, практическому интересу исцеления работой при исследовании».

[38] Точнее — 1885/86. В этом семестре Гуссерль прослушал курс лекций «Избранные вопросы психологии и эстетики», в которых Брентано обсуждал различие между представлениями фантазии и восприятия (ощущения). Ср.: *Husserliana* XXIII. S. 7 и S. 92.

[39] Вальтер Питкин — американский философ, планировавший перевод «Логических исследований» и в связи с этим посетивший Гуссерля в марте 1905 года.

[40] Отрывок, по всей видимости, неотправленного наброска в ответ на письмо Гуссерля от 27.III.1905. Приводится немецкими издателями в приложении.

[41] Вторая аналитика, I, 10 (76 b 11–13): «В самом деле, всякая доказывающая наука имеет дело с тремя [сторонами]: то, что принимается как существующее (а именно род, свойства которого, присущие ему сами по себе, исследует наука); общие всем [положения], называемые нами аксиомами, из которых как из первого ведется доказательство; третье — это [сами] свойства [вещей], значение каждого из которых принимают». (*Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1978. С. 274–275 (пер. Б. А. Фохта)).

[42] *Лейбниц Г.* Опыт теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла. Nr. 351: «Троякое измерение определено не по причине наилучшего, а вследствие геометрической необходимости ...». (*Лейбниц Г.* Сочинения в четырех томах. Т. IV. М.: «Мысль», 1989. С. 360–361 (пер. К. Истомина)).

[43] Феликс Клейн (1849–1925) — математик, профессор Геттингенского университета с 1886 года. Основал при университете институты прикладной математики, прикладной механики, гидродинамики и аэродинамики, прикладного использования электричества, геофизики и математической статистики.

[44] 28.VI.1906 Гуссерль получил кафедру, которая была выделена специально для него.

[45] Индукция через простое перечисление (лат). Ср., например, у Ф. Бэкона в «Новом Органоне»: «Индукция, которая совершается путем простого перечисления, есть детская вещь...» («Афоризмы об истолковании природы или о царстве человека», афоризм CV // *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. Т. II. М.: «Мысль», 1972. С. 63 (пер. С. Красильщикова)). — *Прим. перев.*

[46] Согласно предположению немецких издателей, здесь подразумевается: «после ухода Германа Лотце в 1881».

[47] Последователь Лотце Людвиг Бюссе (1862–1907). С 1896 года профессор в Ростоке, с 1898 года — в Кенигсберге (и в том, и в другом случае его кандидатура была предпочтена кандидатуре Гуссерля), с 1904 года профессор в Мюнстере.

[48] Эрик Адикес (1866–1928) — исследователь Канта, с 1902 года профессор в Тюбингене.

[49] Франц Эрхард (1865–1930) — с 1898 года профессор в Ростоке.

[50] 11 мая 1905 года факультет отверг предложение министерства образования Пруссии о назначении Гуссерля ординарным профессором, сославшись на его незначительные научные достижения.

[51] В марте 1907 года Гуссерль вместе со своей супругой и математиком Константином Каратеодором посетил Брентано во Флоренции.

[52] Сын Карла Штумпфа, художник.

[53] *Brentano F.* Aristoteles' Lehre vom Ursprung des menschlichen Geistes. Leipzig, 1911; Aristoteles und seine Weltanschauung. Leipzig, 1911 (обе работы имеются в библиотеке Гуссерля); Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Leipzig, 1911. Последняя работа представляет собой переработанную часть работы Брентано: «Психология с эмпирической точки зрения» (1874).

[54] Гуго Бергман — ученик Антона Марти, состоявший в переписке с Брентано.

[55] Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Anhang XI («Vom Psychologismus»). S. 165: «Как Гуссерль при нашей дружеской встрече, так и другие, кто использует этот вновь введенный Гуссерлем термин, разъясняли мне, что под этим понимается учение, оспаривающее общезначимость познания, учение, согласно которому другие существа могут иметь очевидное познание, которое, однако, противоположно нашему человеческому познанию».

[56] *Erdmann J. E.* Die deutsche Philosophie seit Hegels Tode. Berlin, 1896. S. 671. Применительно к Фридриху Эдуарду Бенеке здесь сказано: «В силу этого психологизма (как мы, пожалуй, точнее всего могли бы охарактеризовать его учение)...».

[57] Aristoteles und seine Weltanschauung. S. 3–5.

[58] «Это замечание сделано для отклонения клеветнической болтовни, относительно которой я отказываются верить, что ее когда-нибудь могли слышать из уст кого-то из моих учеников».

[59] 8 марта 1916 года погиб сын Гуссерля Волфганг.

[60] *Marty A.* Über das Verhältnis von Grammatik und Logik // Symbolae Pragenses. Wien, Prag und Leipzig, 1893. S. 99–126.

[61] Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль цитирует третью статью из цикла статей Марти «Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zu Logik und Psychologie» (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1894. № 8. S. 292–340).

[62] *Husserliana* XIX/1. S. 313 Anm. (*Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 286.)

[63] Ср.: четвертое исследование, название § 7: «Постижение несамостоятельных значений как фундированных содержаний».

[64] *Husserliana* XIX/1. S. 315 f: «Вместе с последовательным построением сложной словесной структуры постепенно выстраивается совокупное значение; в ходе последовательного построения слова выстраивается только слово, и затем готовое слово посещает мысль». (Ср.: *Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 288–299.)

[65] Второе логическое исследование («Идеальное единство вида и современные теории абстракции»).

[66] *Cornelius H.* Über 'Gestaltqualitäten' // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1900. № 22. S. 101–121.

[67] Так называется вторая глава второго логического исследования.

[68] В работе «Принципы психологии» (Vol. I. London, 1890. P. 471) Уильям Джеймс отрицает, «что мысль должна быть тем, что она подразумевает, и подразумевать то, что она есть». Это место Марти цитирует в своей рецензии на книгу Джеймса (Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1892. № 3. S. 325).

[69] Ср.: рецензия Марти, S. 322: «Нет никакого акта представления без того, что представляется, и это последнее определенным образом внутренне присуще тому, кто представляет».

[70] Ср.: *Meinong A.* Über Gegenstände höherer Ordnung und deren Verhältniß zur inneren Wahrnehmung // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1889. № 21. S. 188.

[71] Ср.: *Husserliana* XIX/1. S. 399 f. (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 361.)

[72] Имеется в виду картина Арнольда Беклина (1827–1901) «Кентавр в деревенской кузнице».

[73] Ср.: рецензия Марти на книгу Джеймса, S. 327: «Несобственное представление — это суррогатное представление. В том смысле, что в действительности его содержание совершенно отличается от содержания, о котором говорит имя его так называемого объекта, — того содержания, которое всего лишь находится в каком-то отношении к тому, что обозначается этим именем». Данное место подчеркнуто Гуссерлем в его экземпляре рецензии и содержится в списке цитат, использованных при написании этого письма.

[74] Ibid.: «Собственные идеи отношений и собственные понятия объясняют весь процесс несобственных представлений. <...> В содержании наших собственных идей универсалий и отношений содержатся фунаментальные элементы и для всех наших несобственных представлений». Подчеркнуто Гуссерлем в рецензии и вынесено в список цитат.

[75] В Галле Гуссерль жил на Шиллерштрассе 10.

[76] Эпитет «схоластики» довольно часто использовался по отношению к представителям школы Брентано (в первую очередь В. Вундтом, но также и В. Дильтеем).

[77] Австрийское место жительства Ф. Брентано.

[78] Марти учился в Геттингене у Г. Лотце.

[79] Ср. *Husserliana* XIX/1. S. 481: «...высказывания никогда не могут заступить на место субъекта в немодифицированном значении» (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 431).

[80] Лето 1905 г. Гуссерль провел в Зеефельде (Тироль) вместе с несколькими мюнхенскими феноменологами.

[81] Фреска Рафаэля в Станца делла Сеньятура (Ватиканский дворец), иначе называемая «Диспут».

[82] *Husserl E.* Bericht über deutsche Schriften zur Logik in den Jahren 1895–99 // Archiv für systematische Philosophie. 1904. № 10. S. 113 (=*Husserliana* XXII. S. 247). Здесь обсуждаются VI и VII статьи Марти «О бессубъектных предложениях».

[83] Ср.: *Marty A.* Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Bd. I. Halle, 1908. S. 327: «Если я правильно понимаю, Гуссерль допускает различные модификации того психического отношения, которое он, следуя Д. Юму, называет «верованием» (belief)». К этому Марти добавляет в примечании: «Это следует из любезного ответа на мое письмо, в котором я просил его разъяснить некоторые пункты своей теории, затрагивающие, в частности, понятие суждения». Далее в тексте: «Одну из таких модификаций представляет, по его мнению, то, что обычно называют предположениями и по отношению к чему он использует термин «допущения». Но и кроме этого существует еще целый ряд модусов верования, таких как, например, фантазирование или вымысел художника. В таком случае мы имеем, следовательно, не различные модусы признания, ибо признание или отвержение относятся, согласно Гуссерлю, к сфере акта представления. Новый, фундаментально отличающийся от представления модус психического отношения обнаруживается, с его точки зрения, только в случае «верования» (belief), различные модусы или модификации которого суть, как уже было отмечено, предположения или вымыслы. В соответствии с этим он устанавливает также ряд различных уровней истинности».

[84] Рецензия *Schröder E.* Vorlesungen über die Algebra der Logik // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1891. S. 243–278 (=*Husserliana* XXII. S. 3–43).

[85] Статья Der Folgerungscalkul und die Inhaltslogik // Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1891. № 15. S. 168–189 (=*Husserliana* XXII. S. 44–46).

[86] *Stumpf C.* Tonpsychologie. Bd. 2. Leipzig, 1890. Рецензия Майнонга на эту работу помещена в: Vierteljahrschrift für Musikwissenschaft. 1891. № 7. S. 429–440.

[87] *Husserliana* XXII. S. 59 и, соответственно, S. 35.

[88] Сокращенное написание выражения «quod erat demonstrandum» — «что и требовалось доказать» (лат.). — *Прим. перев.*

[89] Ср.: *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkte. Leipzig, 1894. S. 283: «Категорическое суждение "все люди смертны" имеет тот же смысл, что и экзистенциальное предложение "не существует бессмертного человека"».

[90] Ср. *Husserliana* XXII. S. 62 f.

[91] С сохранением истинности (лат.). Ср.: Лейбниц, Не лишенный изящества опыт абстрактных доказательств: «Определение 1. Тождественные [термины] суть те, один из которых может быть подставлен вместо другого с сохранением истинности» (Eadem sunt quorum unum potest substitui alteri salva veritate). (*Лейбниц Г.* Сочинения в четырех томах. Т. IV. М.: «Мысль», 1989. С. 632 (пер. Г. Майорова)).

[92] Ср. *Husserliana* XXII, S. 51f.

[93] Ibid. S. 52f.

[94] Ibid. S. 50f.

[95] Здесь и далее в примерах семантической интерпретации символьной записи (см. также: письмо Майнонгу от 5.IV.1902) прилагательное «gültig» (или, как в данном случае, его устаревшая форма «giltig») передается как «истинный», а соответствующий глагол («gelten») — как «быть истинным». Перевод этого выражения как «значимый» в других случаях является в большей степени данью переводческой традиции, чем объективной переводческой необходимостью. Там, где стилистически перевод «значимый» не является неприемлемым, сохраняется этот устоявшийся вариант и читателю предоставляется возможность из контекста заключить, насколько правомерно заменить его на выражение «истинный». — *Прим. перев.*

[96] *Husserl E.* Der Folgerungscalcul und die Inhaltslogik. Nachträge zur gleichnamigen Abhandlung // Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1891. № 15. S. 351–356 (=*Husserliana* XXII. S. 67–72).

[97] *Husserl E.* Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen. Erster Band. Halle a.d.S., 1891 (=*Husserliana* XII. S. 1–283).

[98] Имеется в виду работа Гуссерля «Философия арифметики».

[99] *Meinong A.* Zur Psychologie der Komplexionen und Relationen // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1891. № 2. S. 245–265 (Рецензия на работу *Эренфельса Х. фон.* Über der «Gestaltqualitäten» // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1890. № 14. S. 249–292).

[100] *Husserl E.* Philosophie der Arithmetik. S. 215 (=*Husserliana* XII. S. 193): «На различие между «собственными» и «несобственными», или «символическими», представлениями Фр. Брентано с давних пор обращал особое внимание в своих университетских лекциях».

[101] Рецензия *Майнонга А.* Johanes von Kries, Die Principien der Wahrscheinlichkeits-Rechnung // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1890. Nr. 2. S. 56–75.

[102] Ср.: «... везде [где употребляются соотносительные имена] существует или происходит (существовало или произошло, или можно ожидать, что будет существовать или произойдет) некоторый факт, некоторое явление, в которое входят как составные части обе вещи, о которых говорится, что они относятся друг к другу. Этот факт, это явление логики школы Аристотеля и называли *основанием отношения* (*fundamentum relationis*)». — *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и дедуктивной / Пер.

под ред. В. Н. Ивановского. М.: «Издание Г. А. Лемана», 1914. 2-е изд. С. 58 (Книга I, гл. 3, §10).

[103] *Ehrenfels Ch. von.* Über der «Gestaltqualitäten» // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1890. S. 249–292.

[104] См. Выше: прим. 86. (*Husserl E.* Der Folgerungscalcul und die Inhaltslogik. Nachträge zur gleichnamigen Abhandlung // Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1891. № 15. S. 351–356 (=*Husserliana* XXII. S. 67–72))

[105] *Meinong A.* Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werth-Theorie. Gratz, 1894.

[106] «Пролегомены к чистой логике» — первый том работы Гуссерля «Логические исследования», вышедший в 1900 г. (=*Husserliana* XVIII).

[107] В «Пролегоменах» (§ 49) Гуссерль критикует работу Алоиза Хёфлера «Философская пропедевтика» (Philosophische Propädeutik, I. Theil: Logik. Wien, Prag und Leipzig, 1890), написанную при участии Майнонга.

[108] Согласно различию римского права между actio in personam и actio in rem.

[109] Второе логическое исследование («Идеальное единство вида и современные теории абстракции»).

[110] Ср.: второе логическое исследование, § 5.

[111] *Mill J. S.* System der deductiven und inductiven Logik. Eine Darlegung der Grundsätze der Beweislehre und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Mit Genehmigung und der Mitwirkung des Verfassers übersetzt und mit Anmerkungen versehen von Theodor Gomperz. Leipzig, 1872. S. 185–187 прим. Ср.: в русском переводе (*Милль Дж. Ст.* Указ. соч. С. 161): «Значение всякого общего имени состоит в том или другом внешнем или внутреннем явлении, сводимом в конце концов на состояния сознания, а эти состояния, если их непрерывность нарушена хоть на одно мгновение, не представляют уже собою «тех же самых» (в смысле индивидуального тожества) состояний. Что же такое то общее, что дает содержание общему имени? М-р Спенсер может сказать только, что это сходство состоит как раз в сходстве данных сознания; я же отвечаю, что это сходство состоит как раз в признаке». Под «признаком» Милль понимает следующее: «Оба мы считаем признаки другим названием наших ощущений или наших ожиданий, нашей уверенности в ощущениях, рассматриваемых в отношении к возбуждающему их внешнему предмету».

[112] *Cornelius H.* Über «Gestaltqualitäten» // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1899. № 22. S. 101–121. Ср.: Logische Untersuchungen, Bd. II. S. 206–213 (=*Husserliana* XIX/1. S. 211–217 (*Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 193–200)).

[113] *Meinong A.* Über Gegenstände höherer Ordnung und deren Verhältniss zu inneren Wahrnehmung // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1899. № 21. S. 182–272. Ср.: Logische Untersuchungen, Bd. II. S.

200; 209 Anm. (=*Husserliana* XIX/1. S. 205; 214 Anm. (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 188; 187 (прим.)).

[114] Лейпцигское издательство Veit & Comp.

[115] *Husserliana* XIX/1. S.189 Anm. (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 174 (прим.)).

[116] *Meinong A.* Über Annahmen. Leipzig, 1902 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[117] Ibid. S. VIII, XII. Цитируемые места подчеркнуты в экземпляре работы, принадлежащем Гуссерлю.

[118] Недобросовестность, нечестность (лат.). — *Прим. перев.*

[119] «Объективную часть того, что подразумевается в суждении, мы называем подвергаемым суждению положением дел» (=*Husserliana* XIX/1. S. 462 (ср.: *Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 416)).

[120] Четвертая глава работы Майнонга «О предположениях» — «Предположительные выводы» — посвящена очевидности и гипотетическим суждениям.

[121] Рукопись K I 57 (согласно принятой индексации архива Гуссерля (далее Ms.)), озаглавленная «Разработка вопроса происхождения понятия необходимости (необходимого следствия) в связи с гипотетическим и причинным суждением».

[122] В рукописи содержится полемика с работой: *Твардовского К.* К учению о содержании и предмете представлений. Психологическое исследование. Wien, 1894 (русский перевод в сборнике: *Твардовский К.* Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997. С. 38–159)). Перевод рукописи см.: *Гуссерль Э.* Интенциональные предметы // Логос. 2001. № 5–6. С. 135–164.

[123] Точнее в 1898 году. Ср.: Ms. K I 166 (Über Wahrnehmung, 1898) и *Husserliana* XXIII. S. 108–137 (Phantasie und bildliche Vorstellung, 1898).

[124] В летнем семестре 1902 г. Гуссерль читал курс лекций «Основные вопросы этики».

[125] «Философия арифметики» (вышла в свет в 1891 г.).

[126] *Stumpf C.* Tonpsychologie. Bd. 2. Leipzig, 1890.

[127] *Husserl E.* Über den Begriff der Zahl. Halle a.d.S., 1887 (*Husserliana* XII. S. 289–338). Гуссерль защищал габилитационную работу у К. Штумпфа.

[128] *Helmholtz H.* Zählen und Messen erkentnisstheoretisch betrachtet // Philosophische Aufsätze, Eduard Zeller zu seinem fünfzigjährigen Doctor-Jubiläum gewidmet. Lepzig, 1887. S. 20: «Арифметику, или теорию чистых чисел, я рассматриваю как метод, основанный на чисто психологических фактах и позволяющий демонстрировать успешное применение знаковой системы (а именно чисел), которое может неограниченно расширяться и совершенствоваться».

[129] В оригинале «Lagengeometrie» («геометрия положения») — «синоним топологии». — *Прим. перев.*

[130] Рудольф Гайм (1821–1901) — историк литературы, с 1860 года был экстраординарным, с 1868 года — ординарным профессором в Галле.

[131] В зимнем семестре 1889/90 г. Гуссерль объявлял трехчасовой курс по этике.

[132] Имеется в виду летний семестр 1890 г.

[133] Госвин Карл Уфус (1841–1916) — профессор в Галле с 1884 г.

[134] Бенно Эрдман (1851–1921) — профессор в Галле с 1890 г.

[135] Ганс Файхингер (экстраординарный профессор в Галле) и Эрдман объявили параллельные курсы «Психология» на 5-6-е учебные часы (по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам).

[136] Рихард Пишель (1849–1908) — с 1885 г. профессор индологии в Галле.

[137] Эдуард Мейер (1855–1930) — с 1889 г. профессор древней истории в Галле.

[138] Классический филолог и близкий друг Гуссерля Ганс фон Арним в 1888 г. стал приват-доцентом в Галле.

[139] Работа Франца Брентано «О происхождении нравственного познания». Вышла в 1889 г. в Лейпциге. Перевод на русский язык: СПб.: «Алетейя», 2000.

[140] «Философия арифметики» Гуссерля посвящена «моему учителю Францу Брентано с искренней благодарностью».

[141] Речь идет о полемике, развернувшейся между К. Штумпфом и Ладиславом фон Борткевичем (в 1895–1897 гг. — приват-доцент в Страсбурге, с 1897 года — сотрудник русского министерства транспорта). В 1892 году Штумпф опубликовал статью: Über den Begriff der mathematischen Wahrscheinlichkeit // Sitzungsberichten der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. bayrischen Akademie der Wissenschaften. 1892. Heft 1. Münschen. S. 37–120), затем в IV выпуске этого же года приложил к своему докладу «Über die Anwendung des mathematischen Wahrscheinlichkeitsbegriffes auf Teile eines Continuums» еще два сообщения (S. 691). Л. Борткевич отреагировал на первую статью Штумпфа заметкой: Erkenntnistheoretische Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1899. № 3. Folge 17. S. 230–244). К. Штумпф ответил заметкой «Bemerkung zur Wahrscheinlichkeitslehre» (Ibid. S. 671). Вслед за этим Борткевич в качестве ответной реплики послал в редакцию «Ежегодника политэкономии и статистики» заметку «Der gesunde Menschenverstand und die Anfangsgründe der Wahrscheinlichkeitsrechnung» (вопросу ее публикации и посвящено начало данного письма). Гуссерль сделал выписку из 2-го варианта этой рукописи (Ms. K I 10/5). После этого Штумпф поместил свою «Поправку» в Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1899. № 3. Folge 18. S. 243.

[142] Иоганн Конрад (1839–1915) — профессор политических наук в Галле, издатель «Ежегодника по политэкономии и статистике», был дружен с Гуссерлем.

[143] Ср.: «Поправку» Штумпфа (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. S. 243): «Здесь действительно имеет место путаница, и я должен признать правоту господина Борткевича в том, что в рассматриваемом случае нельзя допускать сложения вероятностей. Убеждение в неправильно-

сти выражения 1/2, на которое я возлагал ответственность за абсурдное заключение, привело к тому, что я не заметил этот ошибочный вывод».

[144] Рукопись K I 10/9–10 представляет набросок работы, более подробно разбирающей ошибку Штумпфа, которую Гуссерль, по-видимому, и намеревался ему отослать.

[145] К. Штумпф в работе Über den Begriff der mathematischen Wahrscheinlichkeit, S. 71, так обобщил аргумент И. Криза (*Kries J.* Die Prinzipien der Wahrscheinlichkeitsrechnung. Freiburg, 1886. S. 10): «Возможность того, что на Сириусе есть лед, имеет вероятность 1/2 (если нет никаких оснований за или против этого). <...> То же самое относится к любому другому земному веществу. Следовательно, вероятность того, что ни один из 68 земных элементов (если брать именно такое число) не находится на Сириусе, равна $(1/2)^{68}$. Таким образом, вероятность того, что там находится по крайней мере один элемент, равна $1 - (1/2)^{68}$. Столь огромная вероятность, в то время как мы не имеем совершенно никакого основания за или против, уже противоречит здравому человеческому смыслу. Но мы приходим и к внутреннему противоречию: ибо если мы зададим вопрос о вероятности того, содержит ли вообще Сириус земные вещества или нет, то получится 1/2. Итак, один и тот же вопрос, при одних и тех же основаниях приводит в одном случае к огромной, а в другом — только к средней вероятности».

[146] Ср.: Ibid. S. 74: «Наконец, в-третьих, выражение 1/2 для членов последней альтернативы <...> «встречаются ли вообще на Сириусе земные вещества или нет» неверно выведено из правил исчисления вероятности. Вероятность того, что Сириус вообще содержит земные элементы (=какой-нибудь земной элемент), представляет собой сумму вероятностей для всех отдельных элементов; равно как и вероятность того, что при бросании костей выпадет четное число, есть сумма вероятностей для каждого отдельного четного числа».

[147] Второй том «Логических исследований».

[148] Второе исследование. §§ 4–5.

[149] Второе исследование. § 11.

[150] В оригинале «erfüllendes Moment». Выражения «erfüllen», «Erfüllung» и их производные передаются здесь и далее как «наполнять», «наполнение» и т. д., что отличается от варианта, принятого в существующем на сегодняшний день переводе «Логических исследований» (М., 2001) (а именно «осуществлять», «осуществление») по следующему основанию: Гуссерль различает «пустую» интенцию значения и «наполняющее» ее созерцание (см. § 9 первого «Логического исследования»), в данном случае — момент цвета является «наполняющим моментом» того значения, которое подразумевает («meinen») соответствующее выражение. Перевод указанного выражения через «осуществление» представляется вводящим в заблуждение, поскольку «значение» вовсе не «осуществляется» в ходе наглядного созерцания соответствующей предметности (так, словно бы до этого значения (или смысла) вовсе не существовало), но оно уже всегда существует в интенциональном акте придания значения, даже если он

является совершенно «пустым». Именно на этом основывается полное понимание выражений, обозначающих предметы, которые мы не можем представить себе наглядно (например, «тысячеугольник»). Отсюда принципиальная позиция Гуссерля: понимание смысла возможно без всякого наглядного созерцания (защите этого тезиса посвящена вся вторая глава первого «Логического исследования»).

[151] *Husserliana* XIX/1. S. 151: «Не подлежит сомнению, и даже очевидно, что различные выражения — лев, некоторый лев, этот лев, все львы и т. д. — подразумевают один элемент значения. Однако этот элемент нельзя, по всей видимости, изолировать. Мы, правда, можем сказать просто «лев», однако самостоятельный смысл это слово может иметь, лишь соизмеряясь с одной из указанных форм. Но нельзя ли предположить, что одно из этих значений все же содержится в других, не входит ли прямое представление вида, присущего А, во все прочие значения?» Во втором издании «Логических исследований» последнее предложение изменено на следующее: «На вопрос, не содержится ли одно из этих значений во всех остальных, не находится ли непосредственное представление вида А во всех прочих значениях, следует ответить отрицательно: вид А «находится» в этих значениях, но только потенциально, а не как подразумеваемый предмет» (*Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 141).

[152] Публикуется издателями в качестве приложения. — *Прим. перев.*

[153] *Stumpf C.* Spinozastudien // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1919 (имеется в библиотеке Гуссерля с автографом Штумпфа).

[154] *Höffding H.* Geschichte der neuern Philosophie. Bd. I. Leipzig, 1895. S. 348: параллелизм у Спинозы можно «понимать как в качестве теоретико-познавательного, так и психофизического» (работа Геффдинга имеется в библиотеке Гуссерля). В русском переводе сокращенного по сравнению с «Историей новой философии» «Учебника истории новой философии» имеется соответствующее место: «Гипотеза тождества выступает у Спинозы не только как психофизическое понимание. Он приписывает ей также теоретико-познавательное значение и говорит о тождестве мысли и ее предмета» (*Геффдинг Г.* Учебник истории новой философии. 2-е издание. М., 1924).

[155] К. Штумпф (Ibid. S. 19) говорит о «крайнем понятийном реализме» Спинозы.

[156] Мышление (лат.). — *Прим. перев.*

[157] Протяженность (лат.). — *Прим. перев.*

[158] С точки зрения вечности (лат.). — *Прим. перев.*

[159] Идея тела (лат.). — *Прим. перев.*

[160] Ibid. S. 26.

[161] Дмитрий Чижевский в 1922–1924 гг. учился у Гуссерля во Фрайбурге. С 1929 г. — доцент в Праге, в 1932 г. стал лектором в Галле.

[162] 14–18 июня 1931 г. Гуссерль провел в Галле, где в Кантовском обществе читал доклад «Феноменология и антропология».

[163] Адемар Гельб — в 1931 году стал ординарным профессором философии (и психологии) в Галле.

Примечания к разделу «Неокантианцы»

[1] *Husserl E.* Bericht über deutsche Schriften zur Logik aus dem Jahre 1894 // Archiv für systematische Philosophie. 1897. № 3. S. 216–244 (=*Husserliana* XXII. S. 124–151). Журнал «Архив систематической философии» издавался П. Наторпом.

[2] *Natorp P.* Bericht über deutsche Schriften zur Erkenntnistheorie aus den Jahren 1894 und 1895 (Zweites Stück) // Archiv für systematische Philosophie. 1897. № 3. S. 193–215.

[3] В письме от 21.I.1897 Гуссерль сообщал Наторпу: «В настоящее время я работаю над большим сочинением, направленным против субъективистской и психологистской логики нашего времени». — *Прим. перев.*

[4] Имеется в виду работа Наторпа «Введение в психологию согласно критическому методу» (1888). — *Прим. перев.*

[5] *Natorp P.* Zu den Vorfragen der Psychologie // Philosophische Monatshefte. 1893. № 29. S. 581–611; Quantität und Qualität in Begriff, Urtheil und gegenständlicher Erkenntniss. Ein Kapitel der transcendentalen Logik. *Ibid.* 1891. № 27. S. 1–32, 129–160; Über objective und subjective Begründung der Erkenntniss I. *Ibid.* 1887. № 23. S. 257–286.

[6] *Elsenhans Th.* Das Verhältnis der Logik zur Psychologie // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1896. № 109. S. 195–212. «Журнал по философии и философской критике» издавался Рихардом Фалькенбергом.

[7] В своем предшествующем письме Наторпу (от 3.II.1897) Гуссерль пишет: «Как я завидую твердости Вашей позиции, надежности Ваших убеждений, сколь охотно я бы последовал за Вами и Вашим Кантом — если бы я только мог. До определенных рубежей я могу продвигаться вместе с вами, но затем прекращается исчерпывающее понимание, для меня меркнет свет и исчезает ясность». — *Прим. перев.*

[8] Без церемоний (фр.) — *Прим. перев.*

[9] *Mill J. S.* An Examination of Sir William Hamilton's and of the Principal Philosophical Questions Discussed in his Writings. 5th edition. London, 1878 (имеется в библиотеке Гуссерля). Перевод на русский язык: *Милль Дж. Ст.* Обозрение философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсужденных в его творениях / Перевел со второго лондонского издания со всеми дополнениями, сделанными автором в третьем издании, Н. Хмелевский. СПб.: Издание «Русской книжной торговли», 1869. — Статья Эльзенганса «Отношение логики к психологии» представляет собой вторую его публикацию по этому вопросу, последовавшую за работой *Elsenhans T.* Psychologie und Logik zur Einführung in die

Philosophie. Für Oberklassen höherer Schulen und zum Selbststudium dargestellt. Stuttgart, 1890 (имеется в библиотеке Гуссерля). По этой причине Гуссерль обозначил эту статью как «Эльзенганс»[2].

[10] Ср., однако, «Пролегомены к чистой логике», § 57.

[11] Ср.: *Schmitz-Dumont O.* Naturphilosophie als exakte Wissenschaft. Mit besondere Berücksichtigung der mathematischen Physik. Leipzig, 1895. Работа рецензировалась Наторпом в статье Berichts über Deutsche Schriften zur Erkenntnistheorie aus den Jahren 1894 und 1895 // Archiv für systematische Philosophie. 1897, № 3. S. 457–467.

[12] *Grassman H.* Die Ausdehnungslehre. Vollständig und in strenger Form bearbeitet. Berlin, 1862.

[13] *Grassman H.* Die Wissenschaft von der extensiven Grösse oder die Ausdehnungslehre. Erster Theil, die lineale Ausdehnungslehre enthaltend. Leipzig, 1844.

[14] *Евклид.* Начала. Книга I, 47.

[15] Далее следует стенографическая запись.

[16] Одно слово неразборчиво.

[17] *Grassman H.* Die Ausdehnungslehre. 1862. Nr. 413.

[18] Вальдемар Конрад (1878–1914) — сын обществоведа Иоганна Конрада, с которым Гуссерль поддерживал дружеские отношения в Галле. В 1903–1904 гг. изучал философию у Гуссерля в Геттингене, после того как в октябре 1903 года защитил докторскую диссертацию «Электрохимические свойства свинца».

[19] *Conrad W.* Der ästhetische Gegenstand. Eine phänomenologische Studie // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1908. № 3. S. 71–118, 469–511. Третья часть этого исследования вышла в том же журнале в 1909 году (Bd. 4. S. 400–455).

[20] В 1908 году Конрад опубликовал драму «Дьявольская соната».

[21] Речь идет о запросе Министерства образования куратору университета от 15 апреля 1906 года.

[22] 12 мая 1905 года факультет предоставил свои возражения против назначения Гуссерля на вакантную должность только что созданной ординарной профессуры.

[23] 28 июня 1906 года.

[24] Сокращенно от venia legendi — корпоративный университетский экзамен, дающий право на преподавание в университетах. — *Прим. перев.*

[25] Получив в 1906 году «персональную» кафедру ординарного профессора, Гуссерль стал сотрудником факультета. Первая габилитационная попытка Леонарда Нельсона (1882–1927) была отклонена в начале 1906 года.

[26] *Nelson L.* System der Philosophie. 1. Teil: Logik der reinen Erkenntnis. Von Hermann Cohen // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1905. № 167. S. 610–630.

[27] Мать Нельсона Элизабет была дочерью математика Петера Густава Леджеуне-Дирихлет (с 1855 до своей кончины в 1859 году — профессор астрономии и математики в Геттингене).

[28] Фридрих Лео (1851–1914) — с 1889 года профессор классической филологии в Геттингене, был женат на Сесиль (урожденная Хензель) — внучке художника Вильгельма Хензеля, женатого на Фанни Мендельсон-Бартольди (сестре известного композитора).

[29] Речь идет о двух марбургских кандидатах на защиту габилитационной работы: Николае Гартмане и Йоханесе Паульсене.

[30] Юлиусу Бауману в апреле 1907 года исполнилось семьдесят лет. Он не вышел после этого на пенсию (что было общепринятой практикой), но остался на занимаемой им должности. 25 июня 1908 года Министерство образования сообщило университету о создании на средства государственного бюджета еще одной ординарной профессорской кафедры.

[31] До 1922 года философский факультет Геттингенского университета состоял из двух отделений: математико-естественнонаучного и филолого-исторического.

[32] *Maier H.* Psychologie des emotionalen Denkens. Tübingen, 1908.

[33] Людвиг Эльстер — с 1908 года преемник Фридриха Альтхофа в университетском отделе Прусского министерства образования.

[34] Logische Untersuchungen. Bd. II. S. 18 (=*Husserliana* XIX/1. S. 24 (*Гуссерль* Э. Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 29): «Феноменология — это дескриптивная психология».

[35] *Husserliana* XXII. S. 206: «Поэтому феноменологию нельзя без дальнейших оговорок назвать «дескриптивной психологией». В этом обзоре разбираются работы Юлиуса Бергмана и Генриха Гомперца. Обсуждение работы Вильгельма Ерузалема содержится в четвертой статье «Обзора сочинений по логике» (=*Husserliana* XXII. S. 216).

[36] Видимо, описка. Ср. письмо Й. Кону от 15.X.1908, где свой метод Гуссерль называет «трансцендентально-феноменологическим».

[37] Гуссерль использует специфически австрийское написание выражения «младенец Христос».

[38] Венский адвокат доктор Альберт Брунер был женат на сестре Гуссерля Елене.

[39] *Maier H.* Die Syllogistik des Aristoteles. Bd. 2. Tübingen, 1896–1900.

[40] Профессор философии в Базеле.

[41] *Cassirer E.* Zur Frage nach der Methode der Erkenntniskritik. Eine Entgegnung // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. 1907. № 31. S. 441–465.

[42] Речь идет о двухтомной работе Гуссерля «Логические исследования». — *Прим. перев.*

[43] Имеется в виду первый том «Логических исследований» («Пролегомены к чистой логике»).

[44] Ср.: *Natorp P.* Logik (Grundlegung und logischer Aufbau der Mathematik und mathematischen Naturwissenschaft). In Leitsätzen zu akademischen Vorlesungen. 2., umgearbeitete Auflage. Marburg, 1910. А также *Natorp P.* Die logischen Grundlagen der exacten Wissenschaften. Leipzig, 1910.

[45] Генрих Майер (1867–1933) — с 1902 года профессор в Тюбингене. Зимой 1911 года был назначен в Геттинген.

[46] Адольф Райнах габилитировался в Геттенгене в 1909 году.

[47] Письмо является ответом на поздравительную телеграмму Гуссерля в связи с шестидесятилетним юбилеем Наторпа. — *Прим. перев.*

[48] *Natorp P.* Husserls Ideen zu einer reinen Phänomenologie // Die Geisteswissenschaften. 1914. Bd. I. S. 420–426; 448–451.

[49] В 1913 году вышло второе издание «Логических исследований».

[50] В добавлении к § 8 пятого логического исследования (второе издание работы, *Husserliana* XIX/1. S. 379 (*Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 341)) Гуссерль пишет, что не вычеркнул рассуждения этого параграфа (в первом издании направленные против концепции «чистого Я» Наторпа, которое Гуссерль «научился находить» в себе к моменту выхода второго издания), принимая во внимание их обсуждение в «Общей психологии с точки зрения критического метода» П. Наторпа.

[51] Фридрих Кунце (1881–1950). Речь идет о работе: *Kuntze F.* Die Philosophie Salomon Maimons. Heidelberg, 1912.

[52] *Heimsoeth H.* Die Methode der Erkenntnis bei Descartes und Leibniz. 1. Hälfte: Historische Einleitung. Descartes' Methode der klaren und deutlichen Erkenntnis. Gießen, 1912; 2. Hälfte: Leibniz' Methode der formalen Begründung. Erkenntnislehre und Monadologie. Gießen, 1914. Первая часть этого сочинения представляет собой разработку диссертации автора; в основу второй части легла его габилитационная работа.

[53] Герман Лезер (1873–1937) — с 1901 года приват-доцент в Эрлангене, с 1908 года — экстраординарный, с 1921 года — ординарный профессор (там же).

[54] Рихард Хёнигсвальд (1875-1947).

[55] Эрнст фон Астер — с 1912 года экстраординарный профессор в Мюнхене.

[56] Два основных направления немецкого неокантианства, сложившиеся в конце XIX — начале XX вв. В число основных представителей южнонемецкой (или Баденской) школы неокантианства входят В. Виндельбанд и Г. Риккерт, а Марбургской — Г. Коген, П. Наторп и др. — *Прим. перев.*

[57] *Cohn J.* Voraussetzungen und Ziele des Erkennen. Untersuchungen über die Grundfragen der Logik. Leipzig, 1908 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[58] Ср.: *Cohn J.* Geist der Erziehung. Pädagogik auf philosophischer Grundlage. Leipzig, 1919.

[59] *Reinach A.* Kants Auffassung des Humeschen Problems // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1910. № 141. S. 176–209. Перевод на

русский язык: *Райнах А.* Кантово понимание проблемы Юма // Адольф Райнах. Собрание сочинений. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 43–75.

[60] *Reinach A.* Zur Theorie des negativen Urteils // Münchner philosophische Abhandlungen. Theodor Lipps zu seinem sechzigsten Geburtstag gewidmet von früheren Schülern. Hrsg. von A. Pfänder. Leipzig, 1911, S. 196–254. Перевод на русский язык: *Райнах А.* К вопросу о теории негативного суждения // Указ. соч. С. 95–152.

[61] *Reinach A.* Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechten // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung I/2 (1913), S. 685–847. Перевод на русский язык: *Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Указ. соч. С. 153–326.

[62] Генрих Финке (1855–1938) — преподаватель кафедры истории философского факультета Фрайбурского университета.

[63] *Heidegger M.* Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus. Tübingen, 1916.

[64] В письме от 27.VI.1918 Наторп просит Гуссерля «замолвить слово» за Кассирера перед его прежними коллегами в Геттингене, что могло бы способствовать его назначению на освободившееся место ординарного профессора (после перехода Г. Майера в Гейдельберг). При этом Наторп хлопочет о Кассирере в обход кандидатуры Георга Миша, которому отдавали предпочтение геттингенские «историки», но работы которого — несмотря на его примечательное «Введение» к новому изданию «Логики» Германа Лотце (1912) — «несопоставимы с обширной и плодотворной работой Кассирера». Из суждений Наторпа о других кандидатах обращает на себя внимание высказывание о позитивисте Гансе Корнелиусе: «... возможно во Франкфурте он и на месте, но на [прежней] кафедре Лотце я не могу его себе представить». Письмо содержит также ряд общих замечаний, которые заслуживают того, чтобы их привести: «Математики должны, наконец, понять, что та «философия» математики, которую они имеют в виду, должны создавать сами математики. Философ не может заниматься философией *одной-единственной* науки. Благодарность же математиков заслуживает тот, кто понимает *исторические* отношения между математикой и философией в такой же степени, как Кассирер». — *Прим. перев.*

«Речь идет не только о Кассирере. Любое неверное назначение преграждает путь достойным. Наша молодежь изголодалась по действительной философии, поэтому можно только горевать, видя как факультеты то и дело стремятся полностью заполнить философские кафедры нефилософами, или полу-философами, или даже менее чем полу-философами. Юношами овладевает беспочвенная философия настроения, которая потому-то и усваивается, что им не предлагается ничего лучше в тех местах, где ее разыскивают. Скорей бы уж наступил мир, чтобы те немногие, на которых возлагаются надежды немецкой философии в ее следующем поколении, снова получили возможность для нормального развития. В про-

тивном случае надежды на будущее выглядят прискорбно». — *Прим. перев.*

[65] Эрих Адикес — издатель первых трех томов (тт. 14–16) «Академического собрания сочинений» Канта в период между 1911 и 1914 гг., включавших материалы рукописного наследия Канта.

[66] Ганс Корнелиус (1863–1947) — с 1910 года профессор философии во Франкфурте.

[67] Йозеф Петцольд (1862–1929) — позитивист (эмпириокритик) близкий по взглядам Рихарду Авенариусу.

[68] *Natorp P.* Deutscher Weltberuf. Geschichtsphilosophische Richtlinien. Bd. 2 (I. Die Weltalter des Geist, II. Die Seele des Deutschen). Jena, 1918.

[69] Ср.: *Платон.* «Государство» 505a.

[70] Ср.: заглавие работы Фихте «Наставление к блаженной жизни».

[71] С середины апреля 1919 года по середины апреля 1920 года Гуссерль бы деканом философского факультета.

[72] В 1911–1920 гг. Элли Гуссерль изучала историю искусства в Мюнхене у Генриха Вёльфлина.

[73] Университет в Гамбурге был основан в 1919 году.

[74] *Hartmann N.* Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis. Berlin, 1921.

[75] После ухода на пенсию немецкий профессор имел право продолжать объявлять и читать курсы в университете. — *Прим. перев.*

[76] *Geiger M.* Die philosophische Bedeutung der Relativitätstheorie. Halle, 1921 (по всей видимости, Гайгер высылал в Марбург гранки своей работы).

[77] *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. I. Band: Von der Vernunftkritik zur Naturphilosophie. Tübingen, 1921.

[78] Max Фришайзен-Кёлер — редактор журнала «Kant-Studien», с 1915 года экстраординарный профессор в Галле, автор работы «Проблема реальности» (1912).

[79] Мориц Шлик, с 1917 года экстраординарный профессор в Ростоке, в то время известен главным образом своей работой «Всеобщее учение о познании» (1912).

[80] Альфред Брюнсвиг, с 1917 года профессор в Мюнстере, автор работы «Сравнение и познание реальности» (1910).

[81] Ср.: *Natorp P.* Philosophische Systematik. Aus dem Nachlaß hrsg. von Hans Natorp. Hamburg, 1958.

[82] *Cassirer E.* Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Erster Band. Berlin, 1906; Zweiter Band. Berlin, 1907; Dritter Band: Die nachkantischen Systeme. Berlin, 1920.

[83] Ср.: *Платон,* Федон 81a.

[84] *Geiger M.* Die philosophische Bedeutung der Relativitätstheorie. Halle, 1921.

[85] Лекционный курс Хайдеггера в летнем семестре 1921 года назывался «Августин и неоплатонизм».

[86] 6–12 июня 1922 года Гуссерль читал в Лондоне четыре доклада на тему «Феноменологический метод и феноменологическая философия».

[87] С историком искусства Якобом Розенбергом.

[88] *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen, 2. Teil: Das mythische Denken. Berlin, 1925 (имеется в библиотеке Гуссерля). Перевод на русский язык: *Кассирер Э.* Философия символических форм / Пер. С. А. Ромашко // Том 2. М., СПб.: «Университетская книга», 2002. Вторая часть книги посвящена памяти Пауля Наторпа.

[89] Ibid. S. 16 f. Anm. 1 (ср.: *Кассирер Э.* Указ. соч. С. 39): «Одной из фундаментальных заслуг феноменологии Гуссерля является то, что она вернула остроту зрения при восприятии разнообразия духовных «структурных форм» и указала для их анализа новый путь, отличный по постановке вопроса и методике от психологического. В особенности решающий характер имеет четкое размежевание психических «актов» и интендированных в них «предметов». В том пути, что пройден самим Гуссерлем от «Логических исследований» до «Идей чистой феноменологии», все более ясно проявляется тот факт, что задача феноменологии, как он ее понимает, не исчерпывается анализом познания, но в ней должны исследоваться структуры совершенно различных предметных областей, причем исключительно в соответствии с тем, что они «значат», невзирая на «действительность» их предметов».

[90] *Cassirer E.* Sprache und Mythos. Ein Beitrag zum Problem der Götternamen. Leipzig, 1925 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[91] Ср.: *Кант И.* Критика чистого разума. BXLII.

[92] Пауль Наторп скончался 17 августа 1924 года.

[93] *Cassirer E.* Die Begriffsform im mythischen Denken. Leipzig, 1922 (в библиотеке Гуссерля с автографом автора).

[94] *Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie // Philosophia. 1936. № 1. S. 77–176 (=*Husserliana* VI. S. 1–104).

[95] *Cassirer E.* Determinismus und Indeterminismus in der moderne Physik, Historische und systematische Studien zum Kausalproblem. Göteborg, 1937 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[96] В сентябре 1935 г. эмигрировавший в Швецию Кассирер получил профессуру в Гётеборге.

[97] *Cohn J.* Voraussetzungen und Ziele des Erkennen. Untersuchungen über die Grundfragen der Logik. Leipzig, 1908 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[98] В оригинале — «phänologisch». — *Прим. перев.*

[99] *Husserliana* XIX/1. S. 24 (*Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 29): «Феноменология — это дескриптивная психология».

[100] *Husserl E.* Bericht über deutsche Schriften zur Logik in den Jahren 1895–99. Dritter Artikel // Archiv für systematische Philosophie. 1903. № 9. S. 399 (=*Husserliana* XXII. S. 206): «Поэтому феноменологию нельзя без дальней-

ших оговорок назвать «дескриптивной психологией». В строгом и подлинном смысле она ею не является».

[101] *Husserl E.* Philosophie als strenge Wissenschaft // Logos. 1911. № 1. S. 289–341 (=*Husserliana* XXV. S. 3–62). Перевод на русский язык: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Логос 1911. № 1. С. 1–56 (переводчик не указан, предположительно С. Гессен).

[102] Ibid. S. 313 (=*Husserliana* XXV. S. 30 (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 26)): "Психическое есть с двух сторон неограниченный поток феноменов ...".

[103] Ср.: Ibid. S.315 (=*Husserliana* XXV. S. 33 (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 29)).

[104] Ibid. S. 312 (=*Husserliana* XXV. S. 29 (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 26)): «... психическое, «феномен», приходит и уходит, не сохраняя никакого остающегося, тождественного бытия, которое было бы определимо объективно в естественнонаучном смысле, например, как объективно делимое на составные части, как допускающее «анализ» в особенном смысле слова».

[105] Ibid. S. 319 (=*Husserliana* XXV. S. 37 (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 32)): «При глубокой функциональной взаимозависимости всех феноменологических слоев, а благодаря этому и относящихся к ним исследований, равно как и при бесконечных трудностях, которыми полно создание чистой методики, я не счел целесообразным опубликовать еще разрозненные и сложные результаты».

[106] Рукописное воззвание (Ms. D 19 (лист 109 и 117)) имеет следующее содержание: «Воззвание! В Марбурге кафедра систематической и исторической философии, которую до сих пор занимал профессор Герман Коген, занята экспериментальным психологом. Необходимость профессуры для экспериментальной психологии не вызывает сомнения. Однако совершенно несправедливо удовлетворять эту потребность за счет систематической философии. Речь идет не только об университете в Марбурге и не только о философии, а о жизненном интересе университета вообще. Для будущего немецкого университета имеет решающее значение, чтобы систематическая философия сохранила все свои кафедры. Поэтому мы просим, чтобы в Марбурге была создана новая кафедра систематической философии взамен той, что была передана экспериментальной психологии».

[107] Летом 1912 года, несмотря на противодействие П. Наторпа, на кафедру, которую до этого занимал Г. Коген, правительством был назначен психолог-экспериментатор Эрих Йенш. Этот эпизод послужил поводом для коллективного «Заявления» философов Германии, Австрии и Швейцарии и инициировал широкий публичный «спор о кафедрах».

[108] Журнал «Логос» имел подзаголовок «Международный журнал по философии культуры».

[109] *Lask E.* Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. Eine Studie über den Herrschaftsbereich der logischen Form. Tübingen, 1911 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[110] *Rickert H.* Zwei Wege der Erkenntnistheorie. Transscendentalpsychologie und Transscendentallogik // Kant-Studien. 1909. № 14. S. 3–62. Перевод на

русский язык С. Гессена: *Риккерт Г.* Два пути теории познания // Новые идеи в философии. 1913. Вып. VII. С. 1–79.

[111] *Lask E.* Gibt es einen «Primat der praktischen Vernunft» in der Logik? // Verhandlungen des III. Internationalen Kongresses für Philosophie. Heidelberg, 1908. S. 671–677 (специальный выпуск имеется в библиотеке Гуссерля).

[112] В этом месте приведена цитата из «Логических исследований»: «внутри понятийного единства сущего (или, что то же самое, предмета вообще) существует фундаментальное категориальное различие, которое мы как раз и учитываем, различая идеальное и реальное бытие» (=*Husserliana* XIX/1. S. 130 (ср. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 120)).

[113] *Lask E.* Die Lehre vom Urteil. Tübungen, 1912 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[114] «На мой взгляд, исходящий от Гуссерля импульс решающего значения, побуждающий к ревизии основных логических понятий, состоит в том, чтобы основать логику на объективном царстве существенности [Sachlichkeit], на «смысле», который может быть отделен от актов познания и символических знаков, являющихся носителями этого смысла. Об этом более подробно будет говориться в одной из последующих работ, посвященной основным логическим проблемам».

[115] Die Lehre vom Urteil, S. 8 и далее: «Для прояснения основных логических понятий следует понять, что логическая теория суждения в основной своей части имеет дело со структурой смысла, которая может быть отделена от актов. Эта позиция, которая вошла в современные исследования благодаря Гуссерлю, лежит в основании учения о суждении, изложенного в этой работе».

[116] Журнал «Логос» вышел в 1910 году. Немецкое издание вышло под общей редакцией: Г. Мелиса, Р. Кронера и А. Руге, при содействии М. Вебера, В. Виндельбанда, Г. Вёльфлина, О. Гирке, Э. Гуссерля, Г. Зиммеля, Э. Майнеке, Г. Риккерта, Э. Трёльча, К. Фослера, Р. Эйкена.

Одновременно появившееся русское издание «Логоса» вышло под общей редакцией С. И. Гессена (Петербург), Э. К. Метнера и Ф. А. Степуна (Москва) при ближайшем участии В. Вернадского, И. Гревса, Ф. Зелинского, А. Лаппо-Данилевского, Н. Лосского, Э. Радлова, П. Струве, С. Франка.

[117] *Гете.* Фауст. I, V (376) (пер. Б. Пастернака).

[118] *Rickert H.* Von Begriff der Philosophie // Logos. 1910. № 1. S. 1–34. Перевод на русский язык: *Риккерт Г.* О понятии философии // Логос. 1910. № 1. С. 19–61.

[119] *Rickert H.* Das Eine, die Einheit und die Eins, Bemerkungen zur Logik des Zahlbegriffs // Logos. 1911–12. № 2. S. 289–341 (специальный выпуск имеется в библиотеке Гуссерля). Перевод на русский язык: *Риккерт Г.* Одно, единство, единица. (К вопросу о логической сущности числа.) // Логос 1911–12. № 2–3. С. 141–195.

[120] *Husserl E.* Philosophie als strenge Wissenschaft // Logos. 1911. № 1. S. 289–341 (=*Husserliana* XXV. S. 3–62). Перевод на русский язык: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Логос. 1911. № 1. С. 1–56.

[121] Ibid. S. 339 (=*Husserliana* XXV. S. 59 (*Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 54)).

[122] В 1912 году в Марбурге кафедра Германа Когена по настоянию факультета и вопреки протесту П. Наторпа (ординарного профессора в Марбургском университете) была предоставлена не философу, а психологу-экспериментатору Эрнсту Йеншу. Риккерт выступил с инициативой заявления в пользу сохранения философских кафедр. Это «Заявление», подписанное 107 философами, было опубликовано в ряде основных философских журналов Германии: Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1913. № 151. S. 233; Kant-Studien. 1913. № 18. S. 306; Logos. 1913. № 4. S. 115. Приводим его полностью:

Заявление.

Подписавшиеся преподаватели философии высших школ Германии, Австрии и Швейцарии вынуждены сделать заявление, которое обращено против занятия философских кафедр представителями экспериментальной психологии.

По мере чрезвычайно отрадного подъема экспериментальной психологии сфера деятельности этой науки расширилась настолько, что она уже давно признана самостоятельной дисциплиной, занятия которой требуют от ученого приложения всех его сил. Несмотря на это, для нее не создаются новые кафедры, но вместо этого на профессорские кафедры философии постоянно назначаются люди, деятельность которых в основной своей части или даже исключительно посвящена экспериментальному изучению психической жизни. К этой ситуации можно отнестись с пониманием, если вернуться к истокам этой науки, поскольку ранее нельзя было избежать того, чтобы обе дисциплины одновременно были представлены одним ученым. Однако прогрессирующее развитие экспериментальной психологии имело дурные последствия для всех задействованных здесь лиц. И в первую очередь философии, которая вызывает все больший интерес у академической молодежи, был нанесен чувствительный ущерб в силу лишения ее кафедр, предназначенных только для нее. Это вызывает тем большую тревогу, что область работы философии постоянно расширяется и что именно в наше философски оживленное время мы не можем предоставить студентам возможность научно сориентироваться за время их академической учебы в общих вопросах мировоззрения и понимания жизни.

В силу этого подписавшиеся считают своим долгом указать философским факультетам и учебной администрации на причиняемый тем самым ущерб для изучения философии и психологии. В общих интересах обеих этих наук следует обратить особое внимание на то, чтобы философия сохраняла свое положение в жизни высшей школы. Поэтому в будущем экспериментальная психология должна поддерживаться только путем учреждения собственных кафедр, и везде, где прежние философские кафедры уже заняты экспериментальными психологами, следует

позаботиться о создании новых кафедр. (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1913. № 151. S. 233–234.)

Среди подписавших заявление: Э. фон Астер, Б. Баух, А. Брюнсвиг, Н. Бубнов, Г. Коген, Й. Кон, Г. Корнелиус, Р. Эйкен, К. Фишер, М. Фришайзен-Кёлер, М. Гайгер, Б. Гроттейзен, Н. Гартман, Э. Гуссерль, Р. Кронер, Э. Ласк, А. Метцгер, Г. Миш, П. Наторп, А. Пфендер, Г. Риккерт, А. Риль, Г. Зиммель, Э. Шпрангер, Ф. Тённис, Э. Утиц, Г. Файхингер, В. Виндельбанд. — *Прим. перев.*

[123] *Rickert H.* Urteil und Urteilen // Logos. 1912. № 3. S. 230–245.

[124] *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1913. № 1. S. 1–123 (=*Husserliana* III/1). Перевод на русский язык: *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга I. Общее введение в чистую феноменологию. Пер. А. В. Михайлова. М.: «Дом интеллектуальной книги», 1999.

[125] *Rickert H.* Emil Lask // Frankfurter Zeitung. 17.X.1915. Эмиль Ласк погиб 26 мая 1915 года в Галиции.

[126] *Rickert H.* Der Gegenstand der Erkenntnis. Einführung in die Transzendentalphilosophie. 3. völlig umgearbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen, 1915 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[127] *Rickert H.* Wilhelm Windelband // Erweiterte Sonder-Ausgabe aus der Frankfurter Zeitung. Tübungen, 1915. В. Виндельбанд скончался 22 октября 1915 года.

[128] *Rickert H.* Die Philosophie des Lebens. Darstellung und Kritik der philosophischen Modeströmungen unserer Zeit. Tübungen, 1920. Перевод на русский язык вышел в 1922 г. (*Риккерт Г.* Философия жизни / Пер. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. СПб.: «Academia»). Работа переиздана в сборнике: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о духе. М.: «Республика», 1998. С. 206–365. Далее ссылки приводятся по этому изданию.

[129] В августе 1920 года Гуссерль отдыхал в Шварцвальде.

[130] Die Philosophie des Lebens. S. 150 (*Риккерт Г.* Указ. соч. С. 311–312).

[131] Ibid. S. 29; 50 (*Риккерт Г.* Указ. соч. С. 226; 242).

[132] *Rickert H.* Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften, 5. verbesserte um einen Anhang und ein Register vermehrte Auflage. Tübungen, 1929 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[133] Ср.: *Husserl E.* Formale und transzendentale Logik // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1929. Bd. X. S. 1–298 (=*Husserliana* XVII).

[134] *Husserl E.* Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1928. Bd. IX. S. 367–498 (=*Husserliana* X. S. 3–134). Перевод на русский язык: *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. В. И. Молчанова. М.: «Гнозис», 1994.

[135] При прочих равных условиях (лат.) — *Прим. перев.*

[136] 1 октября 1928 г. М. Хайдеггер стал преемником Гуссерля во Фрайбурге.

[137] *Husserl E.* Bericht über deutsche Schriften zur Logik in den Jahren 1895–99 // Archiv für systematische Philosophie. 1904. № 10. S. 113 (=*Husserliana* XXII. S. 247). Здесь обсуждаются VI и VII статьи Марти «О бессубъектных предложениях».

[138] Ср.: *Vaihinger H.* An die Freude der Kantischen Philosophie. Bericht über Begründung einer «Kantgesellschaft» und die Errichtung einer «Kantstiftung» zum hundertjährigen Todestag des Philosophen // Kant-Studien. 1904. № 10. S. 344–347.

[139] Гуссерль был дружен с Алоизом Рилем со времени их совместной деятельности в Галле.

[140] Фридрих Альтхоф (1839–1908) — с 1882 года докладчик совета по делам университетов в прусском министерстве образования.

[141] Уплатив разовый взнос (30 марок), Гуссерль стал постоянным членом «Кантовского общества». Его имя указано в соответствующем списке, опубликованном в десятом номере «Kant-Studien» за 1905 г. (S. 240).

[142] *Lipps Th.* Die Aufgabe der Psychologie. Eine Erwiderung // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 3. Mai 1904. № 101. S. 202. Здесь Гуссерль назван «острым и глубоко основательным мыслителем». Статья Липпса представляет собой ответ рецензенту его собственной работы (Leitfaden der Psychologie. Leipzig, 1903) Стефану Витазеку. Рецензия опубликована в той же газете 8 апреля 1904 г. № 80).

[143] П. Наторп был рецензентом первого тома «Логических исследований» (Kant-Studien. 1901. № 6. S. 270–283).

[144] Бруно Баух — с 1903 г. приват-доцент в Галле (под руководством Файхингера), с 1904 года выполнял обязанности ответственного редактора журнала «Кантовские исследования».

[145] *Vaihinger H.* Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche. Herausgegeben von Hans Vaihinger. Berlin, 1911 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[146] Артур Либерт с 1910 г. был председателем «Кантовского общества».

[147] *Vaihinger H.* Commentar zur Kants Kritik der reinen Vernunft. Zum hundertjährigen Jubiläum derselben herausgegeben. 2 Bände. Berlin, 1881–1892. Комментарий Файхингера к «Критике чистого разума», считающийся одним из наиболее авторитетных и до настоящего времени, относится только к «Введению» и «Трансцендентальной аналитике».

[148] Ср.: *Laas E.* (1837–1885). Idealismus und Positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung. 3 Bände. Berlin, 1879–1884 (имеется в библиотеке Гуссерля).

[149] В летнем семестре 1911 года Гуссерль проводил семинары, где разбирал работу Э. Маха «Анализ ощущений».

Примечания к разделу «Геттингенская школа. Ч. I»

[1] 7 ноября 1918 г. немецкая комиссия по перемирию отправилась к генералиссимусу Фоху, по данным прессы — для установления перемирия и начала мирных переговоров.

[2] В начале 1915 г. Белл был интернирован, находился в лагере военнопленных под Берлином.

[3] Герхард Гуссерль.

[4] К 60-му юбилею Гуссерля, 8 апреля 1919 г.

[5] Ср.: *Послание к Римлянам*, 12:20.

[6] «Ибо много званых, а мало избранных». От Матфея, 22:14.

[7] Карл Бринкман (1885–1954) — экономист и политик, до 1919 г. работал во Фрайбурге, а затем в Берлине.

[8] Блокада Германии сохранялась и после заключения перемирия в Компьене (11 ноября 1918 г.).

[9] Французский романист (1866–1944 гг.).

[10] Биография гениального музыканта (прототипом послужил Л. ван Бетховен), в которой Роллан пытается показать, как взаимодополняют друг друга немецкая и французская культуры.

[11] Был интересен Гуссерлю как пацифист.

[12] Джеймс Рамсей Макдональд (1866–1937), с 1906 г. — член палаты общин от лейбористов, на следующий день после объявления Англией войны (5 августа 1914 г.) сложил с себя полномочия председателя лейбористской партии, поскольку партия не поддержала его отказа от требования правительства о военных кредитах.

[13] Сэр Ферфакс Лейтон Картврайт в 1906–1913 гг., работая на дипломатической миссии Британии, был послом в Германии.

[14] Во время военно-экстренного семестра, организованного для вернувшихся с войны солдат (4 февраля — 16 апреля 1919 г.) Гуссерль читал «Историю новейшей философии от Декарта до Канта».

[15] 60-летний юбилей Гуссерля.

[16] Подразумеваются так называемые «субботние обсуждения» летнего семестра 1919 г.

[17] Вероятно, отель.

[18] Деканство Гуссерля закончилось в середине апреля 1920 г.

[19] Летний семестр 1920 года.

[20] *Платон*. Государство 473 d.

[21] Газетный магнат Альфред Нортклифф (1815–1922 гг.) был назначен британским правительством шефом антинемецкой пропаганды.

[22] Очевидно, адресованной американскому конгрессу, в защиту Германии.

[23] Лагерь, в который был интернирован Белл с начала 1915 г.

[24] *Pfänder A.* Phänomenologie des Wollens. Eine psychologische Analyse. Leipzig, 1900, а также: Motive und Motivation // Münchener Philosophische Abhandlungen. Theodor Lipps zu seinem sechzigsten Geburtstag gewidmet von früheren Schülern. Leipzig, 1911. S. 163–195.

[25] *Reinach A.* Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechtes. Halle a.d.S., 1913.

[26] Ср.: *Thust M.* Sören Kierkegaard, der Dichter des Religiösen. Grundlagen eines Systems der Subjektivität. München, 1931.

[27] 31 января Оскар Беккер представил философскому факультету Фрайбургского университета свою габилитационную работу «Очерки феноменологического обоснования геометрии и ее физикалистских следствий» (Опубликована в: Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1923. Bd. VI. S. 385–560).

[28] Карл Алфей, учившийся у Гуссерля со времени войны, в 1930 г. защитил докторскую диссертацию под руководством Юлиуса Эббингауза, представив работу «Кант и Шелер. Феноменологическое исследование этики с целью разрешения спора между формальной этикой Канта и материальной этикой ценностей Шелера» (Фрайбург, 1936).

[29] См.: *Metzger A.* Phänomenologie der Revolution. Frühe Schriften. Frankfurt a. M., 1979.

[30] Манускрипт Герды Вальтер о проблеме чистого Я, основанный на докладе «К проблематике чистого Я у Гуссерля» (по случаю основания «Фрайбургского феноменологического общества») остался неопубликованным.

[31] В IV-м томе Ежегодника 1921 г. среди прочих были опубликованы работы Морица Гайгера «Фрагмент о понятии бессознательного и психической реальности» (S. 1–137), «Логика» Алексиуса Пфендера (S. 139–494e) и Жан Геринг, «Заметки о сущности, сущностности и идее» (S. 495–543).

[32] См.: *Stein E.* Beiträge zur philosophischen Begründung der Psychologie und der Geisteswissenschaften // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1922. Bd. V. S. 1–283.

[33] Александр Розенблюм приблизительно с 1907 по 1913 гг. учился (с перерывами) у Гуссерля в Геттингене, одновременно с Ингарденом был учителем гимназии в Варшаве.

[34] Косвенная цитата из Гете, «Западно-восточного дивана» (Weimarer Ausgabe. Bd. 6. S. 28).

[35] Начиная с зимнего семестра 1919/20 гг. Элли Гуссерль 3 семестра обучалась истории искусства в Мюнхене.

[36] В начале 1921 г. Герхард Гуссерль защитил во Фрайбурге докторскую диссертацию по неопубликованной работе: «Der Begriff der Geltendmachen des Anspruches und die § 1000–1003 BGB».

[37] Гуссерль был в Ст. Мергене с 31 июля 1921 г.

[38] Из Виктора Гюго. Anneé terreble. Mai, VI: «Expulsé de Belgique». V. 105 («Jet tâche de comprendre afin de pardoner»).

[39] Людвиг Фердинанд Клаус (1882–1976), впоследствии — исследователь рас, с 1917 г. был студентом Гуссерля.

[40] См.: *Эмпедокл.* DK, фрагм. B 17. («И они [=элементы] никогда не прекращают непрерывного чередования: / То действием Любви все они сходятся в одно, / То под действием лютой Ненависти несутся каждый врозь» (Цит по: Фрагменты ранних греческих философов /Изд., подг. А. В. Лебедевым. Ч. I. М., 1989. С. 344.

[41] При заключенном в Компьене перемирии было установлено одностороннее освобождение военнопленных немецкой стороной.

[42] Параграф 231 Версальского договора устанавливал ответственность Германии за все потери и ущерб союзнических сил.

[43] Die Fichte-Hoschschule. Beiträge zur Gestaltung der deutschen Volkshochschule. Für das Arbeitsamt für deutsche Volkshochschulen der Fichte-Gesellschaft (1914) hrsg. von Emil Engelhardt und Wilhelm Stapel. Hamburg, 1919. «Общество Фихте» не было философским объединением.

[44] Возникшее из Движения молодежи и близкое к религиозному социализму евангелическое течение, в районе поселения и народной высшей школы-интерната Хальбертсгоф, юго-западнее г. Фульда.

[45] Антропософия Рудольфа Штейнера.

[46] *Scheler M.* Vom Ewigen im Menschen. Leipzig, 1921 (упомянутая глава: S. 279–723, «Probleme der Religion»).

[47] *Stein E.* Beiträge zur philosophischen Begründung der Psychologie und der Geisteswissenschaften (I. Psychische Kausalität, II. Individuum und Gemeinschaft) // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1922. Bd. V. S. 1–283.

[48] См.: *Koyré A.* Bemerkungen zu den zenonischen Paradoxen // Ibid. S. 603–628.

[49] См.: *Walther G.* Zur Ontologie der sozialen Gemeinschaften // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1923. Bd. VI. S. 1–158.

[50] См.: *Koyré A.* Essay sur l'idée de Dieu et les preuves de son existence chez Descartes. Paris, 1922; L'Idée de Dieu dans la philosophie de St. Anselme. Paris, 1923.

[51] См.: *Hering J.* Étude sur la doctrine de la chute et la pré-existence des âmes ches Clément d'Alexandrie. Paris, 1923.

[52] Летом 1921 г. Г. Липпс габилитировался в Геттингене под руководством математика Рихарда Куре по неопубликованному труду «Исследования к философии математики».

[53] Второе издание VI-го «Логического исследования» (2-й полутом II-го тома «Логических исследований»), 1921.

[54] Посредником в отношениях между Гуссерлем и зибенбюргенцами был его друг Густав Альбрехт (Albrecht); возможно, через него Гуссерль получил и упомянутые книги. С 8 по 12 марта 1929 г. Гуссерль, возвращаясь из

Парижа, гостил в Страсбурге, где Геринг познакомил его с членами евангелического и католического теологического факультета (в частности, с аббатом Эмилем Боденом), а также с эпистемологом Эдмоном Гобло (1858 – 1935).

[55] Дочь Гуссерля Элли, бывшая замужем в Берлине, мать двоих детей. К семидесятилетию Гуссерля — 8 апреля 1929 г. — она приехала во Фрайбург, где провела несколько недель.

[56] Открытка Гуссерля адресована «Г-ну У. Э. Хокингу, студ. фил. здесь (= в Геттингене), Bergstr. 9».

[57] В 1902 г. Уильям Джемс опубликовал в Нью-Йорке работу: The Varieties of Religious Experience. A Study in Human Nature. Второй том не был опубликован. (В русском пер.: *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992. — *Прим. перев.*)

[58] Как и Уильям Джемс, Гуго Мюнстерберг преподавал в Гарварде. Будучи председателем департамента философии, он порекомендовал Хокингу провести один учебный год в Германии, но при этом не оставаться на все время в маленьком университете Геттингена, а поучиться некоторое время и в Берлине.

[59] Prolegomena zur reinen Logik. Halle a.d.S., 1900 (Husserliana XVIII). (В русском пер.: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. I. Пролегомены к чистой логике. СПб., 1909; а также в: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. — *Прим. перев.*)

[60] После операции, перенесенной в середине ноября 1902 г. Мальвина Гуссерль вынуждена была девять недель провести в клинике.

[61] У Фридриха Паульзена Гуссерль учился в Берлине с летнего семестра 1878 г. по зимний семестр 1880/81 гг.; под руководством Карла Штумпфа он 6 июля 1887 г. габилитировался в Галле.

[62] § 40.

[63] В отличие от двух первых ошибок, эта последняя не была исправлена во втором издании Шестого логического исследования (ср.: *Husserliana* XIX/2. S. 600, 632 и 697).

[64] konstituieren — учреждать, основывать. — *Прим. перев.*

[65] В зимнем семестре 1902/03 гг. Хокинг слушал, в частности, курс Гуссерля по «Общей теории познания».

[66] *Ebbinhaus H.* Grundzüge der Psychologie, 2 Halbbände. Leipzig, 1897/1902.

[67] Макс Дессуар, психолог и эстетик, с 1892 приват-доцент, с 1897 экстраординарный профессор в Берлине.

[68] *Natorp P.* Zur Frage nach der logischen Methode. Mit Beziehung auf Edm. Husserls «Prolegomena zur reinen Logik» // Kant-Studien. 1901. Bd. 6. S. 270–283.

[69] *Natorp P.* Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode. Freiburg, 1888.

[70] *Rickert H.* Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Tübingen, 1902. (В

русском пер.: *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Введение в исторические науки. СПб., 1908. — *Прим. перев.*)

[71] Наблюдение данной ситуации (англ.). — *Прим. перев.*

[72] *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Teil: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Halle a.d.S., 1901, Beilage: «Äußere und innere Wahrnehmung. Physische und Psychische Phänomene» (*Husserliana* XIX/2. S. 751–775).

[73] Размышления о первой философии (лат.) — *Прим. перев.*

[74] В 1904 г. Хокинг защитил (неопубликованную) докторскую работу, озаглавленную «Philosophy of Communication I: The Elementary Experience of Other Conscious Being in its Relations to the Elementary Experience of Physical and Reflexive Objects» (Философия коммуникации I: Изначальный опыт другого сознательного существа в его отношении к изначальному опыту физических и рефлексивных объектов).

[75] Henri-Frédéric Amiel (1821–1881). Journal intime. Дневниковая запись от 26 марта 1851 г. в переводе миссис Хамфри Уорд (Humphrey Ward) (первая публикация: Лондон и Нью-Йорк, 1885; затем различные переиздания, в том числе частичная публикация: Thoughts from Amiel's «Journal intime», Лондон, 1903). В черную записную книжку Гуссерль внес выписки «из „Дневников Амьеля" (Фруктовая ваза, стр. 8)» (записи от 21 марта и 15 августа 1851 г., а также от 27 января 1860 г.). Выписки были сделаны по изданию: *Amiel H. F.* Tagebücher. Deutsch von Dr. Rosa Schapire (Die Fruchtschale, Bd., IV). München und Leipzig, 1905.

[76] *Husserl E.* Bericht über deutsche Schriften zur Logik in den Jahren 1895 – 99 (О немецких работах по логике, появившихся в 1895–99 гг.) // Archiv für systematische Philosophie. 1903. Bd. 9. S. 393–408, 523–543; 1904. Bd. 10. S. 101–125 (третья, четвертая и пятая статьи). (=*Husserliana* XXII. S. 201–258.)

[77] Хокинг женился 28 июня 1905 г.

[78] В летний семестр 1905 г. философский факультет геттингенского университета воспротивился назначению Гуссерля ординарным профессором, предложенному прусским министерством университетов.

[79] Четыре главы из гуссерлевского лекционного курса зимнего семестра 1904/05 гг. «Главные элементы феноменологии и теории познания».

[80] В летнем семестре 1905 г. Гуссерль читал «Теорию суждения».

[81] Зимний семестр 1904/05 гг.

[82] Обе темы — летнего семестра 1905 г.

[83] «Нашествие мюнхенцев» в Геттинген: в летний семестр 1905 г. у Гуссерля учились Йоханнес Дауберт (Daubert), Адольф Райнах (Reinach), Альфред Швеннингер (Schwen(n)inger) и Фриц Вайнман (Weinmann).

[84] *Dilthey W.* Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1905. Bd. 14. S. 329 [8]: «Среди близких точек зрения выделяются превосходные исследования Гуссерля, в которых представлено «строго дескриптивное обоснование» теории знания как «феноменология познания», а тем самым создана новая философская дисциплина». А также S. 333

[12], примечание: «Если я пытаюсь развить здесь мое обоснование реалистически, или критически-объективно направленной теории познания, то я должен раз и навсегда указать на то, сколь многим я обязан «Логическим исследованиям» Гуссерля, открывшим новую эпоху в теоретико-познавательном использовании описания».

[85] См. переписку Гуссерля с Уолтером Питкином (*Husserl E.* Briefwechsel. Bd. VI: Philosophenbriefe. Den Haag, 1994.).

[86] Приветственная формула из писем Платона.

[87] *Hocking W.E.* The Meaning of God in Human Experience. A Philosophic Study of Religion. New Haven, 1912. (В библиотеке Гуссерля с рукописным посвящением: «Г-ну проф. д-ру Эдмунду Гуссерлю в знак теплой памяти от Вашего Уильяма Эрнста Хокинга. Нью-Хэвен, 7 июня 1912. Дорогой друг и учитель, эта книга, как Вы видите, написана не для специалистов, и проблемы теории познания, которым были посвящены многие из наших памятных мне бесед в старом добром Геттингене, не занимают в ней главного места. Но я знаю, что, тем не менее, могу рассчитывать на Ваш интерес к этим темам, прояснению которых способствует любая философия».

[88] См.: *Husser E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1913. Bd. I. S. 1–323 (=*Husserliana* III/1). (В русском пер.: *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга I. Общее введение в чистую феноменологию. М., 1999. — *Прим. перев.*)

[89] См.: *Husserliana* XXV. S. 3–62. (В русском пер.: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Логос. СПб., 1910. № 1. — *Прим. перев.*)

[90] Эстетик Альберт Ричард Чэндлер (Chandler) (1884–1957) в 1913 г. защитил в Гарварде докторскую работу на тему: Plato's Theory of Ideas Studied in the Light of Hussel's Theory of Universals (Учение Платона об идеях в свете гуссерлевской теории универсалий.)

[91] На самом деле Германия не была принята в Лигу Наций; не вступили в нее и США.

[92] Der Wille zur Ewigkeit. Gedanken eines deutschen Kriegers über den Sinn des Geisteslebens. Das Werk ist «Dem Meister der Wesensschau Edmund Husserl».

[93] *Wundt W.* Psychologismus und Logizismus // Wundt W. Kleine Schriften. Lpz., 1910. Bd. 1. S. 601: «Чтобы достичь победы, сама логика должна была стать ареной нового логицизма, пошедшего в школу к схоластике... Такова позиция, которую, после некоторых отступлений на психологические пути, занял в конце концов Эдмунд Гуссерль в своей "чистой логике"».

[94] *Elsenhans Th.* Phänomenologie, Psychologie, Erkenntnistheorie // Kant-Studien. 1915. Bd. 20. S. 235: Предпосылки феноменологии «ведут — поскольку ее объекты находятся по ту сторону опыта и при этом не создаются нами — в самые дебри метафизики, которая тем более рискованна, что ее подлинное содержание должно быть взято не из всеобщим обра-

зом контролируемого мышления, а из столь же неэмпирического содержания».

[95] Ср.: *Mahnke D.* Der Wille zur Ewigkeit. S. VII f: «Глубокоуважаемый учитель! ... И вот теперь на основе одного только опыта, не осуществив еще его критической проверки с необходимой широтой и глубиной, я приступаю к задаче создания общей картины мировоззрения, для которой хотя и является необычайно важным признание необходимого мира значащего как прочной основы случайной действительности явлений, но которая в частностях использует лишь весьма приблизительные феноменологические описания сущности. Чистый теоретик, как Вы того требуете, в парении созерцания идей должен возвыситься над временным миром и, поскольку он работает для вечности, не торопясь, в полностью проясненных и проверенных понятиях освоить мир идей, принимая во внимание также и ту опасность, что в течении своей индивидуальной жизни он уже не успеет метафизически истолковать данную ему эмпирическую действительность используя свои метафизические воззрения. Однако уже теперь, вместо того чтобы посвятить свои силы расширению подобного знания идей, я осмеливаюсь, имея столь недостаточные феноменологические познания, спуститься на почву опыта и, чтобы завершить строительство до конца жизни, торопливо водружаю один грубо отесанный камень на другой».

[96] Вильям Гильберт (Hilbert, William 1544–1603) — пионер исследования статического электричества.

[97] Ein deutsch Theologia (Лютеровская Библия) — анонимный аскетически-мистический трактат конца XIV в.

[98] С 1919 г. Манке был настоятелем церкви Св. Косьмы (St. Cosmae) и депутатом церковного законодательного парламента в Ганновере.

[99] Очевидно, относится к 9-ой лекции из «Наставлений к блаженной жизни» (где речь идет о «высшем» и «особом» назначении человека.

[100] 36 лет.

[101] Менцер (Menzer), Поль (1873—1960), — с 1906 — ординарный профессор в Марбурге, с 1908 — в Галле, секретарь Академического издания Канта Берлинской академии наук.

[102] Ср. письмо Феликса Кляйна Гуссерлю от 11. IX.1901 (Том VII этого издания).

[103] О Der Wille zur Ewigkeit и Das unsichtbare Königreich, в Kant-Studien. 1920. Bd. 25.

[104] *Mahnke D.* Die Neubelebung der Leibnizschen Weltanschauung // Logos. 1920. Bd. 9. S. 363–379.

[105] Прочитаны в ноябре 1917 г., а также в январе и ноябре 1918 г. (опубликовано в: Husserliana XXV, 267—293).

[106] *Mahnke D.* Ewigkeit und Gegenwart. Eine Fichtische Zusammenschau (Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealizmus. Folge der Beihefte. 10). Erfurt, 1922 (находится в библиотеке Гуссерля, с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемому тайному советнику Гуссерлю, последователю фихтевского созерцания идей от благодарного автора. Штаде, 11 авг. 1922»).

[107] Основанное в 1914 г. общество Фихте было не философским, а «народным» объединением.

[108] В серии трудов Фихтевского общества консервативный публицист Вильгельм Штапель (Stapel, 1882–1954) опубликовал брюшюру «Народное воспитание» (Volksbürgeliche Erziehung) // Fichte-Hochschule. Jena, 1917. Hf. 4.

[109] Stante pede (лат.) — сразу, тотчас.

[110] Ганс Пихлер (Pichler), род. 1882, в 1922 г. стал ординариусом в Грейфсвальде. Очевидно, Манке просил Гуссерля отрекомендовать его Пихлеру.

[111] Очевидно, доклад Ганса Пихлера «Философия и народный дух», опубликованная в 1920 г. в Ежедневной газете Граца.

[112] В июле 1921 г. Винтроп П. Белл предоставил Гуссерлю 7000 марок на научные цели.

[113] Опубликовано в: *Husserliana.* Bd. IX.

[114] Ср.: *Mahnke D.* Der Barock-Univeraslismus des Comenius // Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. 1931. Bd. 21. S. 97–128, 253–279; Ibid. 1932. Bd. 22. S. 61–90.

[115] *Fink E.* Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit (I. Teil) // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1930. Bd. XI. S. 239–309. За эту работу, позднее ставшую основой для диссертации, Финк в 1928 г. получил приз от фрайбургского философского факультета.

[116] С ноября 1930 г. Финк получал жалованье от Прусского министерства преподавания, руководимого А. Гримме.

[117] *Landgrebe L.* Wilhelms diltheys Theorie der Geisteswissenschaften (Analyse ihrer Grundbegriffe) // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1928. Bd. IX. S. 237–366.

[118] В 1929–1930 гг. Ландгребе подготовил вторую редакцию «Логических штудий», представлявшую собой переработанные рукописи Гуссерля по логике, которая в конечном счете переросла в посмертно изданную работу «Опыт и суждение» (Erfahrung und Urteil. Prag, 1939).

[119] Генрих Майер, с 1922 г. — профессор философии в Берлине.

[120] Юлиус Эббингауз, с 1921 г. — приват-доцент, с 1927 г. — внештатный профессор Фрайбурга, в 1930 г. получил место ординарного профессора в Ростоке.

[121] Пометка на письме, сделанная Манке, гласит: «Ответ на мое письмо (имеющееся здесь) от 15 марта 1933 г. и следующее письмо (без копии), в связи с газетным сообщением об «увольнении» Гуссерля «в отпуск» (конец апреля 1933)».

[122] блестящая изоляция (англ.). — *Прим. перев.*

[123] от Эмилии Мандль (Mandl), двоюродной сестры Мальвины Гуссерль.

[124] *gleichschalten*: национал-социалистический термин, означающий подчинение организационных форм институтов и их деятельности государственной идеологии. — *Прим. перев.*

[125] «Закон о восстановлении чиновничества от 7 апреля 1933 г.» (§ 3, абзац 2) гласил, что неарийские служащие, воевавшие «на фронтах мировой войны за Германский Рейх», не должны увольняться.

[126] Сын Гуссерля Герхарт, профессор права в Киле, в Первую мировую войну воевал на фронте, однако 25 апреля 1933 г. был «временно освобожден от должности».

[127] *Gurwitsch A.* Rezension von E. Husserl, «Nachwort „Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie"» // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1930. Bd. XI. S. 549–570; Deutsche Leteraturzeitung. 1932. Bd. 53. Heft 9. Sp.395–404.

[128] Deutsche Leteraturzeitung. 1932. Bd. 53. Heft 51. Sp.2404–2416 (в собственности Гуссерля).

[129] В Kant-Studien. 1933. № 38 Роман Ингарден рецензировал «Формальную и трансцендентальную логику» (S. 206–209); затем (S. 209–215) следовала рецензия Гельмута Куна (Kuhn) на «Картезианские медитации» и, далее, рецензии на тома X и XI гуссерлевского Ежегодника.

[130] Следующий лист, помеченный Манке как «1-е приложение» к данному письму, был написан, по-видимому, 5 мая 1933 г. и приложен к письму, написанному днем раньше.

[131] На самом деле диссертация Гуссерля хранится в библиотеке Венского университета. Ср.: *Husserl E.* Contributions à la Théorie du Calcul des Variations. Édition critique par J. Vauthier. Kingston, Ontario, 1983.

[132] Гуссерль крестился 26 апреля 1886 г. в Вене.

[133] Защита у Лео Кенигсбергера состоялась 23 января 1883 г.

[134] Летний семестр 1883 г.

[135] Она не использовалась. См.: *Weierstrass K.* Mathematische Werke. Vierter Band: Vorlesungen über die Theorie der Abelschen Transcendenten. Berlin, 1902. „Vorwort", S. Vf.

[136] Следующее письмо, написанное Мальвиной Гуссерль, Манке пометил как «2-е приложение» к письму Гуссерля, написанному днем раньше.

[137] Отто Ленель (Lenel) (1849–1935), профессор римского и немецкого гражданского права, эмеритировался в 1923 г.

[138] Вальтер Шюкинг (Schücking), директор кильского института народного права; Юлиус Штенцель (Stenzel), философ; Карл Раух (Rauch), профессор германского и гражданского права; Бернхард Хармс (Harms), директор кильского института мировой экономики и морской торговли.

[139] § 4 «Закона о восстановлении чиновничества» позволял увольнять «служащих, прежняя политическая деятельность которых не доказывает, что они всегда и безоговорочно выступают за национальное государство».

[140] Вернер Ведемейер (Wedemeyer), профессор римского права, гражданского права и гражданского процессуального права.

[141] Очень благожелательная интерпретация главы 11 («Народ и раса») первой части Mein Kampf Гитлера.

[142] Там же, глава 12

[143] *Dilthey W.* Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation. Leipzig, 1914 (переиздания: 1921 и 1929). S. 356 f.: «В связи с отношением одного великого мыслителя к другому можно выдвинуть принцип, который может быть назван принципом многосторонности содержащихся в некоторой системе следствий»; а также S. 458: «Трудности, заключенные в некоторой точке зрения, побуждают выйти за ее пределы... Они могут разрешаться многими способами, в соответствии с указанным мною принципом многосторонности следствий». (В русском пер.: *Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М. — Иерусалим, 2000. — *Прим. перев.*)

[144] Ученики эмеритированного в 1921 г. грайфсвальдского философа Йоханнеса Ремке (Rehmke) организовали в 1918 г. «Общество фундаментально-научной философии Йоханнеса Ремке» (Johannes-Rehmke-Gesellschaft, Vereinigung für grundwissenschaftliche Philosophie), которое выпускало журнал «Фундаментальная наука» (Grundwissenschaft).

[145] Аллюзия на народную балладу о детях короля («Sie konnten zusammen nicht kommen, / das Wasser war viel zu tief»).

[146] *Leibniz.* Monadologie, § 56: монада является «постоянным живым зеркалом универсума».

[147] 7 июля 1933 г.

[148] Не опубликован.

[149] С 16 по 28 декабря Гуссерль гостил в семьях своих детей, которые жили в Берлине.

[150] 10 ноября 1933 г. Гуссерль был приглашен в Университет Южной Калифорнии (Лос-Анжелес). Ср. письмо Ральфа Флюэллинга (Flewelling) Гуссерлю, написанное в начале ноября 1933 г. (*Husserl E.* Briefwechsel. Bd. VIII: Institutionelle Schreiben. Den Haag, 1994.)

[151] Аллюзия на выражение из речи Бисмарка, произнесенной им в палате депутатов 4 февраля 1881 г.: «Добрый конь умирает в упряжке».

[152] На этой открытке Манке сделал пометку: «Ответ на мое запоздавшее поздравление к 75-летию. Я ответил 6.6.34. *После этого Гуссерль мне не писал.* Во время его последней болезни в марте 1938 г. я еще раз написал фрау Гуссерль, а после его смерти — в конце апреля — письмо с соболезнованиями, но *ответа не получил*».

[153] Пометка Манке гласит: «Не отправлено! Более краткое ответное письмо отправлено 1.12.29».

[154] Образ из одноименного романа Вильгельма Раабе (1870).

[155] В связи с письмом Манке от 4.IX.1933.

[156] Порядок бытия и порядок знания (лат.). — *Прим. перев.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШКОЛА БРЕНТАНО **1**

ФРАНЦ БРЕНТАНО. *Перевод В. А. Куренного* 2
Гуссерль – Брентано, 29.XII.1886 2
Гуссерль – Брентано, 29.XII.1892 4
Брентано – Гуссерлю, 3.I.1893 7
Гуссерль – Брентано, начало 1894 (набросок) 9
Брентано — Гуссерлю, 7.X.1904 10
Гуссерль – Брентано, 11/15.X.1904 11
Брентано – Гуссерлю, 21.X.1904 13
Гуссерль – Брентано, 3.I.1905 15
Брентано – Гуссерлю, 9.I.1905 20
Гуссерль — Брентано, 27.III.1905 25
Брентано — Гуссерлю, 30.IV.1905 29
Брентано — Гуссерлю , 1.VIII.1906 31
Гуссерль — Брентано, 22.VIII.1906 31
Брентано — Гуссерлю, 17.XI.1911 34
Гуссерль — Брентано, 22.XI.1911 35
Брентано — Гуссерлю, 6.IV.1916 37

АНТОН МАРТИ. *Перевод В. А. Куренного* 38
Марти — Гуссерлю, 7/8.VI.1901 38
Гуссерль — Марти, 7.VII.1901 41
Марти — Гуссерлю, 17.VIII.1901 50
Марти — Гуссерлю, 9.X.1905 52
Гуссерль — Марти, 11/13.X.1905 (набросок) 53

АЛЕКСИУС МАЙНОНГ. *Перевод В. А. Куренного* 57
Майнонг— Гуссерлю, 17.V.1891 57
Гуссерль — Майнонгу, 22.V.1891 58
Майнонг — Гуссерлю, 19.VI.1891 62
Гуссерль — Майнонгу, июль 1891 63
Гуссерль — Майнонгу, 22.XI.1894 65
Майнонг — Гуссерлю, 12.VII.1900 65
Гуссерль — Майнонгу, 27.VIII.1900 66
Гуссерль — Майнонгу, 5.IV.1902 67

Майнонг — Гуссерлю, 10.IV.1902 73

Карл Штумпф. *Перевод В. А. Куренного* 75
Гуссерль — Штумпфу, февраль 1890 75
Гуссерль — Штумпфу, 21.VI.1899 (набросок) 82
Гуссерль — Штумпфу, 11.V.1902 (набросок) 85
Гуссерль — Штумпфу, 1919 (неотправленный набросок) 89

Эмиль Утиц. *Перевод В. А. Куренного* 94
Гуссерль — Утицу, 2.XI.1931 94

НЕОКАНТИАНЦЫ 95

Пауль Наторп. *Перевод В. А. Куренного* 96
Наторп — Гуссерлю, 8.III.1897 96
Гуссерль — Наторпу, 14/15.III.1897 98
Наторп — Гуссерлю, 20.III.1897 103
Гуссерль — Наторпу, 29.III.1897 105
Наторп — Гуссерлю, 1.IV.1897 110
Гуссерль — Наторпу, 23.XII.1908 115
Наторп — Гуссерлю, 21.I.1909 120
Гуссерль — Наторпу, 18.III.1909 124
Наторп — Гуссерлю, 26.I.1914 127
Гуссерль — Наторпу, 8.VI.1917 128
Гуссерль — Наторпу, 8.X.1917 131
Гуссерль — Наторпу, 29.VI.1918 132
Гуссерль — Наторпу, 11.II.1920 135
Наторп — Гуссерлю, 29.I.1922 136
Гуссерль — Наторпу, 1.II.1922 141

Эрнст Кассирер. *Перевод В. А. Куренного* 147
Гуссерль — Кассиреру, 3.IV.1925 (машинописная копия) 147
Кассирер — Гуссерлю, 10.IV.1925 149
Гуссерль — Кассиреру, 11.III.1937 151

Йонас Кон. *Перевод В. А. Куренного* 152
Гуссерль — Кону, 15.X.1908 152
Кон — Гуссерлю, 31.III.1911 (набросок) 155

Генрих Книттермейер. *Перевод В. А. Куренного* 158
Гуссерль — Книттермейеру, 18.X.1912 158
Гуссерль — Книттермейеру, 31.X.1912 158

Рихард Кронер. *Перевод В. А. Куренного* 160
Гуссерль — Кронеру, 8.XII.1909 160

Эмиль Ласк. *Перевод В. А. Куренного* 161
Ласк— Гуссерлю, 25.XII.1910 (копия) 161
Ласк — Гуссерлю, 24.XII.1911 162

Генрих Риккерт. *Перевод В. А. Куренного* 164
Гуссерль — Риккерту, 25.I.1910 164
Гуссерль — Риккерту, 25.IV.1910 165
Риккерт — Гуссерлю, 28.VI.1911 165
Гуссерль — Риккерту, 21.XI.1912 166
Гуссерль — Риккерту, 20.XII.1912 167
Гуссерль — Риккерту, 5.XI.1915 168
Гуссерль — Риккерту, 20.XII.1915 169
Гуссерль — Риккерту, 9.VIII.1920 170
Гуссерль — Риккерту, 26.XII.1928 171

Ганс Файхингер. *Перевод В. А. Куренного* 173
Файхингер — Гуссерлю, 14.IV.1904 173
Файхингер — Гуссерлю, 15.V.1904 174
Файхингер — Гуссерлю, 15.V.1911 175
Гуссерль — Файхингеру, 24.V.1911 176

ГЕТТИНГЕНСКАЯ ШКОЛА. ЧАСТЬ I **178**

Уинтроп Пикард Белл. *Перевод И. А. Михайлова* 179
Гуссерль — Беллу, 8.XI.1918 179
Гуссерль — Беллу, 19. IV. 1919 179
Гуссерль — Беллу, 11.VIII.1920 183
Гуссерль — Беллу, 18.IX.1921 188

Жан Геринг. *Перевод Е. В. Борисова* 196
Геринг — Гуссерлю, 27.IV.1929 196
Геринг — Гуссерлю, после 1930 г. 197
Гуссерль — Герингу, после 1930 г. 198

Уильям Эрнест Хокинг. *Перевод Е. В. Борисова* 200
Гуссерль — Хокингу, 8.XI.1902 200
Хокинг — Гуссерлю, 10.I.1903 200
Гуссерль — Хокингу, 25.I.1903 201
Хокинг — Гуссерлю, 14.II.1903 203

Гуссерль — Хокингу, 7. II.1903 205
Хокинг — Гуссерлю, 1.IV.1903 206
Хокинг — Гуссерлю, 4.VI.1903 207
Гуссерль — Хокингу, 7.IX.1903 210
Хокинг — Гуссерлю, 17.III.1904 216
Хокинг — Гуссерлю, 29.X.1904 217
Гуссерль — Хокингу, 10.VIII.1905. 220
Гуссерль — Хокингу, 7.VII.1912 222
Хокинг — Гуссерлю, 4.V.1920 223

Дитрих Манке 224
Гуссерль — Манке, 25.II.1917. *Перевод И. А. Михайлова* 224
Гуссерль — Манке, 5.IX.1917. *Перевод И. А. Михайлова* 226
Гуссерль — Манке, 23.IV.1921. *Перевод И. А. Михайлова* 229
Гуссерль — Манке, 17.X.1921. *Перевод И. А. Михайлова* 233
Гуссерль — Манке, 25.XI.1925. *Перевод И. А. Михайлова* 236
Гуссерль — Манке, 8.I.1931. *Перевод И. А. Михайлова* 239
Э. и М. Гуссерль — Манке, 4.V.1933. *Перевод Е. В. Борисова* 242
М. Гуссерль — Манке, 18.V.1933. *Перевод Е. В. Борисова* 251
Манке — Гуссерлю, 4. IX. 1933. *Перевод Е. В. Борисова* 253
Гуссерль — Манке, 31.XII.1933. *Перевод Е. В. Борисова* 259
Манке — Гуссерлю, 7.I.1934. *Перевод Е. В. Борисова* 261
Гуссерль — Манке, 8.I.1934. *Перевод Е. В. Борисова* 262
Гуссерль — Манке, 4.VI.1934. *Перевод Е. В. Борисова* 263
Приложение Отзыв Гуссерля
на диссертацию Манке, 26.VI.1922. *Перевод Е. В. Борисова* 264
Манке — Гуссерлю, 20.XI.1929 *Перевод Е. В. Борисова* 265
Набросок, сделанный для Гуссерля
Э. Финком, 30.XI.1933. *Перевод Е. В. Борисова* 266

Научное издание

Гуссерль Э.

Избранная философская переписка.
Т. 1

Редакторы: Е. В. Ознобкина, О. А. Шемякина

Технический редактор: В. Г. Никитин

Корректор: М. А. Макарова

Издатель: И. А. Михайлов

ИД № 02065 от 16 июня 2000 г.
Подписано в печать: 15. 05. 2003
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5
Тираж 1000 экз.

Издательство «Феноменология—Герменевтика»
109387, Москва, ул. Люблинская 109-3-35
phaenomen@rambler.ru

По вопросам оптовых закупок
обращаться в магазин «Гнозис»
Зубовский б-р 17,
тел.: (095) 247-17-57